

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Д.М.Милеев

Прекрасное - есть Жизнь!

(Записки художника Д.М.Милеева в 4-х частях)

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

Введение	- 6
Страничка 1918 года	- 7
В Муяне	- 8
«Алтын Казык»	- 12
Тутты	- 12
Прекрасное - есть жизнь	- 14
Комыз Калчи	- 16
Хашар	- 17
Товарищи	- 18
Тамаша в Учкургане	- 19
Большой кетмень Аслана	- 21
Охота на карабауров	- 22
Басмачи	- 24
«Аулие»	- 25
Возвращение в город	- 26
Следователь Ошского уезда	- 28
Председатель ЧК	- 31
Басмачи обнаглели	- 33
Город Ош	- 34
Человек добр по природе	- 36
В старом городе	- 39
В Узгене	- 40
Приезд М.В.Фрунзе	- 42
Поход	- 44
О.К.Д.	- 45
Мадаминбек	- 46
Материалы для композиции	- 48
Кутасы прокладывают путь	- 51
Семь пудов золота	- 53
Ольгин луг	- 56
Кандава	- 57
Патава	- 59
Проспали царствие небесное	- 61

Часть II

Побег	- 64
Телеграмма от М.В.Фрунзе	- 65
Сыпной тиф	- 65
Гибель Мадаминбека	- 66
Конец Халхаджи	- 67
Табунное коневодство	- 68
В поселке	- 70

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

На Таласе	- 71
Табун	- 72
Аксакалы	- 73
Улак	- 75
Пашня	- 77
Сусамыр	- 78
Фининспектор	- 78
Покос	- 80
Скачки	- 81
Жеребец	- 82
Немцы	- 83
Комиссия	- 84
Пастбища	- 85
Новый управляющий	- 86
Старший инструктор	- 88
Баранта	- 88
Случай с Ц-ловым	- 90
Переправы	- 91
Киргизы	- 92
У немцев	- 93
Тамыр	- 95
Перемены	- 96
Охота с беркутом	- 97
Охота с ястребом	- 100
Кабаньи клыки	- 101
Охота на медведя	- 103
Охота на дикого козла	- 104
Тайган	- 105
Совет аксакалов	- 107
Войны кланов	- 110
Той	- 111
Кызылбаш и Карабаш	- 113
Абдурахман — палван	- 114
Усман	- 115
Смерть Ленина	- 116
Базарлык	- 118
Охота на кабана	- 120
«Джезтырмак»	- 121
Студент из Ленинграда	- 123
Искания в живописи	- 125
Киргизские лошади	- 126
Встреча с ворами	- 128

Часть III

В Ферганскую долину	- 130
В тюрьме	- 130
Побег из тюрьмы	- 131

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Дальше в Ферганскую долину	- 133
В Андижане	- 134
По дороге из Андижана	- 136
Ишанхан	- 137
Семья Ишанхана	- 139
Союз охотников	- 141
В Москве	- 143
В Джалалабаде	- 144
В Арсланбобе	- 146
На пасеке	- 148
Охотник-промысловик	- 150
Старик	- 152
«Мазурка»	- 156
Кабаны	- 158
Встреча с охотниками	- 160
В лесничестве	- 161
Лес	- 163
Вспышка басмачества	- 166
Истоки басмачества	- 168
Конец басмачества	- 170
Арест	- 173
Снова в тюрьме	- 174
Перевод во Фрунзе	- 176
За барсами	- 178
Заготовка горных плодов	- 181
Знакомое место	- 182
Свобода	- 183
За медом	- 185
Чоянбаш	- 186
Орехосовхоз	- 189

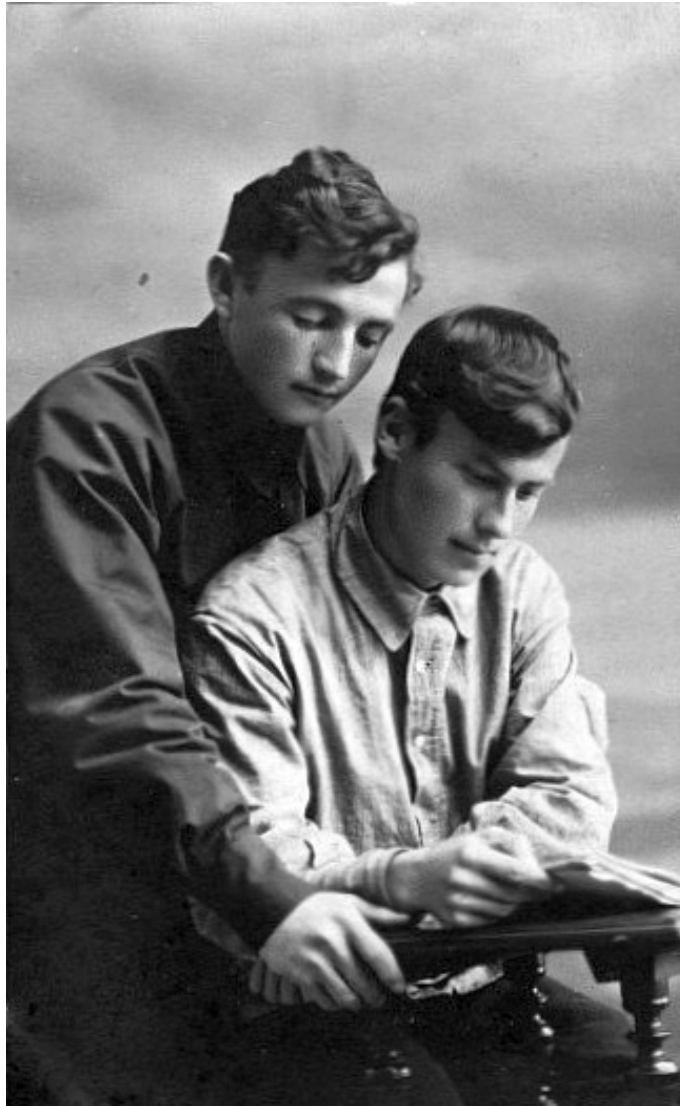
Часть IV

В краеведческом музее Андижана	- 190
Конкурсы в Музее Революции	- 190
Теория искусства	- 191
В поисках теории искусства	- 193
На Ангрене	- 195
Фархадстрой	- 197
Солдат	- 199
Весна 1945 года	- 202
В музее Истории	- 204
В верховьях реки Пскем	- 205
На озере Урунгач	- 207
На озере Ихначкуль	- 209
В ущелье Кия-джол	- 213
В Майдантале	- 215
В Чимгане	- 219

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Александр Илларионович	- 221
В Туюке	- 225
Выставка в Туюке	- 229
В Гаурдак	- 232
Снова в Чимгане	- 234
На Туркменском канале	- 235
В Доме творчества в Хосте	- 238
В музее Природы	- 238

Часть I

Д.М.Милеев (сидит) с братом Сергеем (стоит). Коканд, 1926 год, 25.03

Введение

Внезапная кончина от инфаркта моего старшего брата, Дмитрия Михайловича Милеева, принадлежавшего к старшему поколению художников Узбекистана, не позволила ему до конца довести свои записки и дневники, которые передала мне его жена в надежде, что я смогу их привести к нужному виду и опубликовать.

Вот, что писал в своих записках Дмитрий Михайлович:

УВАЖАЕМАЯ АННА КАЗИМИРОВНА!

Вот, наконец, я приступаю к письмам, в которых хочу Вам рассказать о пути, пройденном мною, к письмам, носящим автобиографический характер, на которых Вы так

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

настаивали, считая, что начинающим художникам интересно знать, как труден иногда может быть путь художника в искусство.

Страничка 1918 года

Примусь за страничку 1918 года, повествование о котором сразу обнажает основные побуждения, страсти, ошибки, которые мне щедро расставила жизнь, такая бурная в человеческой истории для юноши ни идеалистически, ни практически не покончившего со своими волнующими вопросами, который знал только идею — что он должен стать художником.

Марксистом я стал лишь в 1938 году, то есть через 20 лет, когда пройдя «науку жизни», увлекаемый примером М.Горького, я старался в ней найти ответы на свои вопросы — вдруг обратившись к философии марксизма мог воскликнуть: «Я нашел». Мне не всегда было понятно, что я ищу. Раньше в философии я не находил ясного ответа на вопросы своего творческого пути, и лишь больше и больше запутывался в них. Марксизму я тоже не верил и теперь только удивляюсь — как поверхностно я относился к нему и считал, что только сама жизнь ответит на все вопросы, которые, будучи связаны с искусством, к тому времени представляли собой невероятную путаницу. Я верил в Репина, но даже его ученики ездили доучиваться на запад (Грабарь). Превыше всего ставил Пушкина, Толстого — но «материалист» Писарев объявлял их устаревшими, а футуристы (в том числе В.Хлебников, Игорь Северянин и другие) давали новые образцы поэзии, которые вызывали во мне возмущение своей грубостью и субъективизмом. Особенно остро меня задевало ходячее суждение о том, что художник в большинстве случаев быстро выдыхается и становится бесплодным в своем творчестве или меняет свое направление. Примеров тому было много, а футуризм, декадентство и всяческий модернизм — становились преобладающими течениями в искусстве, нахлынув к нам с Запада. В упадочничестве этих течений и вредности их для искусства я был твердо уверен и с таким же сатанинским упрямством готов был стоять против них, с каким боярыня Морозова провозглашала свое двуперстное знамение.

Но это надо было доказать — всем доказать: и своим творчеством, и философией, и историей.

Белинский и Чернышевский стали моей опорой в этом. «Прекрасное — есть жизнь!»

Как это красиво, любо и как хотелось это увидеть в самой жизни, которую я еще совсем не знаю, но которую люблю и хочу знать, и я был твердо уверен, что запасом жизненных композиций постараться надо запастись на всю жизнь.

К тому времени я еще был студентом Петроградского Университета, учился на юридическом факультете, чтобы получить общее образование, а также в художественной школе общества поощрения, которую закончил, получив от своих преподавателей заверения, что в Академию Художеств меня примут без экзаменов, как оказавшего хорошие успехи в школе, где были общие преподаватели с Академией (директором был Рерих). Юридический факультет я решил окончить экстерном, то есть с 3-го курса и уже подготовился к государственным экзаменам (в то время это разрешалось ввиду войны). Но Февральская революция прервала эти занятия.

Из положения, что «прекрасное — есть жизнь» вытекало, что в сравнении с любым произведением искусства, жизнь богаче и еще прекраснее. И вот в том и в другом есть тайна, в которой надо разобраться, изучая то и другое. За основу изучения теперь надо взять жизнь, так как без нее я не понимаю тайны искусства, а то, что я узнавал от преподавателей, нисколько не раскрывало мне этой тайны, и я имел основания считать, что мастерством я овладею в Академии за несколько лет, а вот сюжетов у меня может не доставать, если я не

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

изучу первоосновы, то есть самой жизни.

В будущем я буду вынужден внести поправки к этому положению, но тогда, так как учиться было негде, нужно было обратиться к жизни.

Теперь — в 1918 году, университеты закрыты, в стране голод, разруха, гражданская война, интервенция, тиф, эпидемия малярии были, кажется, самым страшным бичом в те дни.

Военный лазарет, где я тоже лежал, был переполнен. Солдат хоронили с музыкой — с утра до вечера похоронный марш начинался громко у ворот госпиталя, медленно уходил за лафетом и стихал где-то вдали по пути на кладбище.

В Муяне

По выздоровлении врачи советовали мне переменить климат, выехать из города Скобелева, теперешней Ферганы. Отец меня отвез к моей крестной О.К.Д. в Муян, за 25 верст от города, поближе к горам.

Муян мы все очень любили и летом я часто и подолгу живал на даче у крестной, которая вообще считала меня своим воспитанником, а я относился к ней с большим уважением и любовью. Она была высокообразованной женщиной, знала многие иностранные языки, а в 1905-1907 годах была заместителем редактора Ферганской областной газеты; была передовой женщиной, революционеркой, подвергалась преследованиям полиции и обыскам в то время (и я помню как помогал ей перед обыском прятать нелегальную литературу).

Теперь она — вдова-помещица: старуха с больным сердцем, живущая на валерианке. Живет доходами от своего хозяйства — 25 десятин земли, часть которой занята садом, а большая часть — хлопком, клевером, кукурузой, бахчей и другими посевами. Обрабатывают землю издольщики-чарикеры, десятки лет трудившиеся здесь и почитавшие ее за «барыню».

С молодых лет у нее всем хозяйством заправлял Гафур - «управляющий», как мы его в шутку называли, к которому О.К. была привязана как к родному своему. Но Гафура убили — и как выяснилось свои же рабочие (кроме постоянных чарикеров были еще годовые и сезонные рабочие — таджики, узбеки, киргизы). Это событие поразило всех, как громом: выяснилось подноготная отношений Гафура к своим же соплеменникам — рабочим. Он был большой развратник и, пользуясь своим командным положением, принуждал сестру своего рабочего Юнуса к сожителству.

Таджики — гордый народ и за поругание чести своей сестры, Юнус отомстил ему страшной мезьей: ночью Гафур вернулся из города, куда ездил получить на хлопковом заводе аванс на полевые работы (хлопок контраковался). Сойдя на станции Кувасай, по обыкновению зашел в чайхану выпить чаю и похвастаться, что у него полные карманы денег, что «барыня» ему доверяет такие дела.

Напрямик, через речку, от станции всего две версты, тогда как в обход через мост и кишлак Муян — 5-6 верст. Гафур решил перейти в брод. Светила луна, грохот реки Исфайран слышен за километры кругом. Глухая пойма — в зарослях гребенника и дремучей облепихи...

Ночью, когда все спали, вдруг раздались неистовые вопли О.К.: «Убили Гафура». Под утро привезли на арбе его тело. Лицо его перекошилось, с полуоткрытыми глазами и лежало как-то плоско, так как череп потерял свою форму и мягко неестественно расплылся. Он был сокрушен камнями — теми белыми булыгами, которыми была выложена пойма и все русло Исфайрана.

Крестная упала на труп Гафура и долго рыдала. Никакие уговоры, успокоения не могли оказать своего действия. Потом она распалилась гневом, несдерживаемым желанием мести: стражники привели связанного Мама-Юнуса и его отца — старика лет 60-ти, еще

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

крепкого и тоже стройного и гордого. Оба они с нескрываемой ненавистью смотрели на крестную, чего раньше никто из нас, наверное, не замечал. Про Мама-Юнуса, правда, говорили, что он не очень покорный, но он был очень красив собой, атлетически сложен и мог с арбы на большое расстояние носить 8-пудовые мешки с пшеницей, чего не мог сделать ни один рабочий.

Здесь еще не было Советской власти, хотя и шел 1918 год. Все делалось по старинке: стражники, волостные управители. Советская власть была в городах, а за пределами их жизнь ломалась, ходили разные толки, басмачи группировались в отдельных районах, но из города сюда никто не показывался; однако тишина эта была с поверхности; нижние слои уже поддались влиянию времени и — дело Юнуса — первая, но страшная для старого уклада вспышка. Батрак убил своего господина, хотя он был его единоплеменником, таджиком, и тем нанес смертельный удар всему романтическому помещичьему укладу. Моя крестная без Гафура уже была без рук и без ног. Но в этой женщине, на вид хрупкой, больной, передвигавшейся с палочкой и какой-то падающей из стороны в сторону походкой, сидел еще тигр, но уже не от революции, а наоборот.

В Учкургане, в 8-ми верстах, был недавно избранный волостной управитель Насреддин — молодой человек, почитатель нашей «барыни», приезжавший часто к ней за советом — теперь, говорили, собирает шайку «беков» (басмачей) — чтобы противостоять новому, непонятному им революционному порядку, явно враждебному царю, и богу, и шариату.

Однако хозяйственные заботы в конце-концов повернули жизнь в знакомое русло. Надо было сеять хлопок — он был законтрактован как обычно, заводы еще действовали у старых владельцев Потеляховых и др., рабочий аппарат был старый, надежный; рабочих надо было кормить, следить за их работой, заботиться о рабочей скотине, о коровах, о пчелах, садах. Место управляющего занял мой сверстник, тоже крестник Б.М.

Мое здоровье уже наладилось и меня потянуло к кетменю. Один из чарикеров моей крестной, по имени Улуг, предложил моему отцу купить возле него (он жил в 4-х км отсюда на окраине кишлака Актам) участок земли: в степи, на берегу Леганского сая. Улуг так и сказал: «Дурак какой-то продает очень дешево, согласен даже на уплату осенью — всего за 500 рублей: 24 танапа, по 21 рублю за танап (1 десятина — 6 танапов)». Пуд хлопка завод принимает по 5 рублей, следовательно, посеять даже 2 десятины хлопка при среднем урожае 50 пудов с десятины (8-9 центнеров) можно было уплатить за землю, а на остальной площади вырастив то, что теперь для нашей большой семьи так необходимо ввиду надвигающегося голода.

Я с радостью заявил отцу, что готов один жить в степи и работать, мне не нужно ни рабочих, ни чарикеров.

Перед глазами расстилалась полынная степь, за нею — снеговые хребты Алая, каждая зазубрина которых знакома с детства. До гор тут всего 8-10 верст, а рядом холодная, как лед, вода Легана-сая.

Улуг берет меня на харчи — его одинокая курганча стоит в полуверсте от нашего участка, на краю киргизского кишлачка, протянувшегося веревочкой вдоль арычка, берущего свое начало неподалеку из Легана-сая.

Хашаром вспахали участок, все разъехались и я остался один. Кругом столько красоты. От ясности моей задачи — быть полезным семье, в которой я — старший, - вырастить урожай — я испытывал счастье, что хороша, необыкновенна хороша земля и мой большой кетмень уходит по самый черень; что полынь на целине пахнет сладко и дико, но в ней звучит голос истории, чудятся походы Бабура; на водопой летят карабуры — степные рябки, утренний крик которых «чуфрфр-чуфрфр» - далеко и звонко разносится в пустыне.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Здесь все мило сердцу, все полно особого смысла и содержания, все так близко сердцу — даже огромная фаланга, которую я подкармливаю мухами и стрекозами, и ящерица-круглоголовка, которую я спасаю от поливной воды, сажая на большой камень, и она сидит притихшая, как будто понимая меня.

Часть грядок намечена Назаром; у которого глаз, как уровень, грядки надо расположить по горизонтали, чтобы вода в них стояла ровно, заливая арычки по самый гребень, где-то по этой линии и сажается чигит, хлопковые семена. Под хлопок мы отвели две с половиной десятины: полторы решили засеять машем, джугарой и бахчей; в центр участка решили выбрасывать и сносить в середину камни, вывернутые под кетменем, а из них строить забор-курганчу и стены жилья в две комнаты с сенями, так как сразу нужно было думать — куда сложить урожай осенью, спрятать его от дождей.

Целую арбу фруктовых саженцев отец привез, и мы их сразу же рассадили.

Но какова земля — все деревца прижились и пускают листочки, хотя тени еще никакой.

Живу я у Улуга, спим мы на крыше вместе с его сынишкой Муратали — парнем лет 16-ти. Он — единственный сын и поэтому командует над сестрами и даже матерью.

Улуг уговаривает отца, ручаясь, что он примет на себя все заботы о том, чтобы я был сыт, говорил, что и я буду полезен ему тем, что басмачи будут бояться и не отнимут у него лошадь, так как «Мысырвай», как он меня звал, охотник, имеет ружье и все окрестные люди знают это. Поэтому я старался оправдать его доверие и мы с Муратали запаслись еще камнями, на случай осады, а Улуг сделал нам (и себе) хорошие пращи, которыми мы часто упражнялись в стрельбе, научились метать камни шагов на 100 и довольно метко попадать ими в цель. Главным нашим оружием была моя винтовка, привезенная отцом с германской войны и подаренная мне для горной охоты на зверя. Пока я не собирался дешево отдавать жизнь. Каждый день шли слухи, что басмачи кругом собираются в большие шайки; под Кокандом Ергаш во время еще «Кокандской автономии» собрал 4000 аскеров. В Маргелане объявился Мадаминбек, в Гарбуве — Курширмат, в Оше - Халходжа и другие, а мелкие шайки бродят по всем кишлакам.

Страшновато было, но тем романтичнее — ведь басмачи теперь — то, что мне непонятно — это те самые, что изображены на картинах Верещагина. Он их видел, а мне не довелось, и если я хочу быть художником — историческим живописцем, то увидеть все это своими глазами мне очень нужно.

Я ведь буду писать картины о Средней Азии. Мало знать историю — надо все знать об этих людях; о нраве, быте, занятиях...

И вот теперь я живу в семье киргиза — я верю, что он друг мне, но, как говорят, надо пятирик соли съесть прежде чем сделать вывод — ведь кругом нас люди, и самые разные; среди соседей есть и недоброжелатели и басмачи — Улуг их опасается и рассказывает разные истории. Он работает на земле моей крестной чарикером, своей земли кроме одного танапа пол курганчей у него нет, а на работу ездит на своей лошади, которую там держит на траве, пряча от глаз проезжих и с опаской, без дорог, возвращается домой, а чаще остается там ночевать. Лошадь эту Улуг купил всего лишь год назад, а десять лет ходил эти 4 километра пешком. Семья жила на краю этой пустыни одна. Рядом лежала плодородная, мягкая, как песок в пустыне, рассыпчатая, как вареная учкурганская картошка, земля, в которую я с таким наслаждением теперь всаживаю свой большой кетмень, продолговатой «ферганской» формы с клеймом кузнеца из Ашта — этот кетмень мне кажется идеалом земледельца.

Но все эти пустынные земли, с виду не имеющие границ, в сущности давным-давно представляют затейливую, как мозаику, разноцветную карту, где каждый цвет новое васиха с описанием границ участка и наименованием его собственника. Хозяева землю не

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

обрабатывают. И никто не может этого сделать — сейчас же явится хозяин и отберет у него урожай, да еще за самоуправство притянет к ответу. Закон шариата.

Десять лет Улуг работает на земле моей крестной, отдает $\frac{3}{5}$ урожая и все же держится за эту работу, так как он обеспечен: пашет хозяйским тяглом, хозяин дает ему семена, аванс на хозяйство летом, а заработанного ему хватает только на зиму. Улуг исключительно трудолюбив и мой отец называет его лучшим здешним агрономом: такого хлопка, такого картофеля, кукурузы или пшеницы здесь никто не умеет вырастить как Улуг. Все, что он делает — превосходно: если варится плов, то это делает Улуг, хотя каждый здесь мастер на это вкуснейшее и полезнейшее во всех отношениях блюдо.

Мои приятели собрали мне большую коллекцию семян дынь, которые я собираюсь теперь посадить и вырастить: ранние хандаляки, летние кызыл-урук, ак-урук, шакарпалак, бысывалды, амыры, обинават, алача и поздние — хокуз-калла и кыркма (последние готовы будут в октябре и потом на крыше, на мягкой травяной подстилке, на солнышке должны будут месяц лежать, чтобы стать мягкими, сочными и сладкими, как мед; в лежке они превосходят все другие сорта, сохраняя свои вкусовые качества до весны).

Мы пашем на своей земле, я живу в семье этого чародея-труженика, который в эту горячую пору полевых работ редко имеет возможность бывать дома. Пахали омачами, как здесь принято. Отец почему-то отдавал ему предпочтение перед сохой, но на меня эта картина производила удручающее впечатление, если пахали на лошадях: вместо хомута шею лошадей толсто накрывались потниками и всяким тряпьем: старые детские халаты, куски кошмы и рваной одежды, а посередине на эту толстую подстилку накладывали бревно с пропущенными сквозь него кольшками (запорами), которые туго стягивались внизу веревками и ремнями. Это бревно называлось «мугонтырык», в центре под ним на сыромятном жгуте, накинутом на вбитый клин ходило дышло, другой конец которого укреплялся в отверстии омача, имевшего форму деревянной ноги, на острый кончик которой одевался железный наконечник, именуемый зубом, по-узбекски «тыш». На омаче имеется ручка, держась за которую, пахарь управляет омачем, а коновод ведет лошадей по борозде. Лошади задыхаются и храпят на все поле, дышать тяжело и от стесненного дыхания и от усилий, через полчаса уже в мыле, а ноги трясутся от перенапряжения. Я страдал вместе с лошадьми и недоумевал — почему не перенять другой способ. Ведь вон агроном Я-ко пашет маленьким плужком; на лошади обыкновенный русский хомут, она не задыхается и не дрожит так от усилий, не храпит от того, что ей сдавили горло. И один человек легко ходит за плугом, иногда так наладит его, что и держать не надо. Говорят, что пахота не та — но ведь там хлопок еще лучше! Быкам гораздо лучше — у них горло не сдавлено и они работают спокойнее, но зато медленнее.

За несколько дней все было вспахано хашаром — это значит, что наша пара лошадей должна будет свою долю отработать еще соседям, которые своим тяглом помогали вспахивать нам.

Вспаханное поле теперь предоставлено мне. Нужно делать грядки, сажать, сеять, поливать, окучивать. Мне особенно радостно было думать, что работы очень много, столько, что хватит на 3-4 рабочих и все это я должен выполнить один и хотелось испытать свои силы. Любо растить урожай, но хозяйничать постоянно я бы не согласился — не в моем характере. Ни продать, ни купить я не умею; хозяйство связывает, да об этом мне тужить не приходится: я ведь работаю для семьи, и вырастив урожай, я буду вновь свободен, а пока имею возможность быть в непосредственной близости к народу, который мне так нужно знать. И поэтому, когда все разъехались и поле было предоставлено мне, я почувствовал себя свободным и счастливейшим человеком. Я встал до света, когда прокричали петухи и отправился в поле, на котором предрассветный ветерок вел свои рассказы, полные

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

очарования; ветерок этот дует с гор, доносит их свежесть и аромат полынной степи. Чувствуешь эти дали и в груди такая сладкая мечта вырваться туда. Изредка доносится далекий рокот и шум Исфайрана, хотя до него три версты.

«Алтын Казык»

Вспоминается рассказанная легенда: На востоке, убегая от зари, прячутся семь разбойников («Джеты-Карак»), которые всю ночь подкрадывались к магометовой кобыле, что на длинном аркане у золотого кола («Алтын-Казык»), повторяя свою попытку каждую ночь, но как только остается ее схватить — заря поднимется, восток светлеет и ночь, покровительница всех темных дел, рассеивается, а следы свои замечает: перед рассветом всегда веет легкий невинный ветерок.

Лермонтов писал как будто бы для меня в эти минуты. Мечты и чувства слились в нем. Всей грудью можно было дышать и петь.

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом,
Что ищет он в стране далекой,
Что кинул он в краю родном!
Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит.
Увы, он счастья не ищет
И не от счастья бежит.
Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой,
А он, мятежный, прости бури,
Как будто в буре есть покой!

Впервые мне предоставлена возможность самостоятельно вырастить урожай. С самого раннего возраста я жил в сельском хозяйстве, любил становиться в ряд с рабочими и копал с ними землю, приготавливал глину для постройки дувала, окучивал, поливал, жал серпом клевер, траву.

Наметил ок-арыки, откуда вода будет поступать на грядки — примерно на 2,5 десятины, разделив таким образом поле на несколько площадей, более или менее одинаковых. Работа привычная, арыки я у дехкан с детства научился делать, а эта замечательная земля позволяет делать чудеса — я заходил со всех сторон, чтобы проверить как выдержан горизонт, и любовался произведением своих рук. Однако, это искусство надо было проверить еще водой, но я был уверен в непогрешимости своего глаза и не раз проверял его.

Тутты

Солнце уже высоко, брюхо подвело, но я ни на минуту не прерываю работу — готов хоть до вечера работать, когда кетмень, большой ферганский кетмень, с размаху уходил на всю глубину, и затем расчесывает в порошок все комья, оставляя идеально ровную полосу арыка, стенки которого будто смазаны курдючным рассыпчатым топленым салом. Грядки я решил делать небольшие (места хватит), арыки поглубже и сажать пореже,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

чтобы вырастить кусты-великаны, в рост человека.

Давно я об этом мечтал, не знал еще настоящей агротехники, а просто руководствовался больше эстетикой, чем экономикой.

В самый разгар работы я заметил, что от курганчи в мою сторону направляется женская фигура в розовом платье — по всем признакам Тутты — старшая 19-ти летняя дочь Улуга — она несет мне обед в ведерке. Идет босиком по этой колючей степи; время от времени останавливаясь, чтобы либо стоя извлечь колючку из ноги, либо передать ношу в другую руку: видно ноша тяжелая. Подошла, молча поставила передо мной арчевое ведро, почти до краев наполненное аталой (болтушка на муке) и опрокинув деревянную ложку бугорком кверху (таков этикет) ручкой положила на край ведерка в мою сторону; сама отошла на несколько шагов и опустилась на пахотное поле. На ней было длинное до пят в розовых цветах старенькое платье с широкими длинными рукавами, служившими при нужде полотенцем: и для лица, и для посуды. Платье уже пришло в ветхость — на спине и на плечах просвечивала смуглая кожа. Из под кромки платка выпущены были две смоляные косы, связанные на конце какой-то веревочкой с легкой побрякушкой. Красные штаны у щиколотки оторочены узкой тесьмой, потерявшей от времени свой настоящий колорит; все это было очень бедно (а младшая ее сестра Калча со множеством косичек была куда наряднее). Нелюбимая дочь?

Я сказал ей, что работал бы до вечера, но когда в животе ничего нет, то голова кружится. Она ответила, что на солнце нельзя работать с пустым желудком — может быть солнечный удар. Больше она ничего не сказала, но лишь застенчиво наблюдала, как я расправляюсь с аталой, вкус которой казался мне превосходным. Тутты сидела, поджав одну ногу, а на колено другой опиралась рукой и этой рукой, подперев щеку так, что напоминала мне картину Маковского: мать принесла сыну, мальчику, отданному в «люди», калач и подпершись, смотрит с грустью, как он жадно ест, вцепившись двумя руками в калач. В глазах ее была скорее забота, чем стыдливость. Она первый раз разглядывает меня на таком расстоянии один на один в степи, где солнце жжет, а ее розовое в крупных цветах старенькое платье так чудесно гармонирует с сероватым цветом земли, подлинной азиатской целиной, с пепельно-серой полынью, мелким степным шиповником, с оливково-желтыми цветами, невыразимо нежного аромата; с голубым небом и далью, где видна полоска зелени возле курганчи. Тутты была некрасива — грубое лицо, изрытое оспой, тяжелая доля, отпущенная ей судьбой в нищенской бедной семье. И в этой судьбе, как в капле воды, отражалась судьба народа.

Тринадцатилетней девочкой была отдана замуж за восьмидесятилетнего, больного старика, который за нее отдал чарик пшеницы и одну кошму — и получил работника, бесправного как жена.

Через год умерла старшая его жена — старушка лет 60-ти и на плечи Тутты легло все хозяйство: у старика было два танапа земли и несколько фруктовых деревьев. Старик был совсем дряхлый: Тутты кетменем вскапывала землю, сеяла кукурузу, просо, ячмень, сушила урюк, выкармливала до одной коробки шелковичных червей, кормила и одевала старика, и, наконец, похоронила его, а отплакавшись вернулась домой; землю старика захватил соседний бай, а все, что было у Тутты нажитого, она истратила на поминки, задолжав еще порядочную сумму. И все это в девятнадцать лет.

Вся ее горькая судьба стояла у меня перед глазами, и то, что она по-свойски, не стесняясь, как брату, принесла этот обед на поле (так всегда носят братьям, работающим на поле), с такой деловитостью, простотой и заботой, что я почувствовал себя близким к этой семье, пробудилось родственное чувство. Моя мечта — понять, быть ближе к этому народу — становилась действительностью, так неожиданно легко, здесь сбывается так просто,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

непосредственно, что мне казалось, будто какая-то тайна раскрылась человеческая, бедняцкая, загадочное стало простым и повседневным.

Одолов ведро аталы, я передал его Тутты, она деловито все вылизала со стенок его при помощи пальцев и затем начисто прополоскала его в журчащем возле нее арычке.

От большого количества горячей пищи меня прошиб пот, а ведро аталы лишило меня движений. Я отвалился набок. Тутты, от наблюдательного глаза которой ничего не укрылось, одобрила мое поведение, пот — это значит пища пошла на пользу. Она также естественно и просто поднялась и ушла, как появилась. Полежав минут пять, я принялся за кетмень и легко работал до вечера, не уставая, заметив, что ведра аталы мне немножечко не хватило до вечера — вновь почувствовал мучительный голод и слабость.

Уже в сумерках я возвращался к дому, который вдруг стал мне ближе и как-то роднее. Но в то же время меня мучила и оскорбляла судьба Тутты, такой милой, хоть и не красивой, простой, разумной девушки! Как могли родители (ведь они же любят свое чадо) отдать ее на такое поругание, такое унижение, так растоптать ее достоинство. Неужели нищета и бедность могут довести до такого состояния и совесть человека?! И ведь эта нищета и бесправие закреплено тысячелетиями, освящено законом. Где ж тут разница между человеком и животным, если даже родители перестали понимать эту разницу и свою дочь отдали за телянку, чарик пшеницы и одну кошму. И она не могла протестовать, молча подчинилась, считая, что так уж и должно быть. И так продолжают жить люди, хотя декреты Советской власти объявляют совсем иное положение: кто бы ничем, тот станет всем.

Революцию нужно углублять всеми способами — прокладывать мост к народу, к бедноте, воспитывать в них чувство достоинства.

Революция победит, народ будет свободен от своего шариата и от своих насильников.

Я вот строю этот мост, сколько от меня зависит, разьясняю им человеческое право, говорю о вреде шариата, о вреде веры в бога, которая лишь разъединяет людей; земля теперь государственная, бедные должны ею распоряжаться, все должны быть грамотными. Меня слушают и стараются понять.

Прекрасное - есть жизнь

Для меня лично это взаимопонимание очень ценно, так как мне, будущему художнику, который должен свое искусство посвятить народу и должен быть понятен ему — вопреки всяким установкам декадентов, футуристов, модернистов, как бы они не прикрывались самыми совершенными лозунгами. Субъективистическое искусство не нужно народу, но почему передвижничество заглохло? Просто придерживаться «старого» - тоже глупо, нужно что-то новое, великое, но что оно такое? Если одно преподавание (которое тоже стало шатким) не раскрывает этого существенно нового, то где же его искать? - Только в народе! Надо быть ближе к нему — и ответ будет найден. Сегодня я получил новое и яркое подтверждение того, что «прекрасное — есть жизнь».

Когда Тутты сидела против меня на поле, я мысленно перебирал картины Третьяковской галереи — и не нашел ничего прекраснее этой картины! Очевидно, и наши великие мастера еще не смогли так хорошо передавать «прекрасное», как делает это сама жизнь. Значит тут еще многому должны учиться художники, но у кого учиться? У живой природы — это да, но ведь школы художников исторически вырабатывают какие-то приемы, узнают о каких-то законах живописи — вроде линейной перспективы, законов светотени — многому мне предстоит еще поучиться, но сейчас пока университеты закрыты — может быть до осени надо изучать жизнь, так как в ней содержится прекрасное. Пейзаж будет необходимым окружением в моих будущих картинах. Это прекрасное открывается моим

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

взорам с каждым утром. Особенно поражали восходы солнца. Я отмечал, что ни один еще художник не смог написать нашего Туркестанского неба во всем его несравненном великолепии. Ближе других выразил это Верещагин, но и у Верещагина они с натяжкой приблизительно, нет настоящей полноты тона, глубины света, главного света. В России свет мягче, его в сорок раз меньше (если не в сорок сороков). Но у меня оно тоже не получается — надо учиться — а академия закрыта! Я замечал, что перед появлением солнца, небо становится пепельным и ближе к солнцу, горы — розовые, дальше синие. Все становится красочным, даже мутная вода становится розовой в отсветах зари. Даже камни и деревья розовеют. Но встает солнце — краски гасит, все кругом становится однообразно серым, как бы затянутым пеленой, мглой, но тем не менее чувствуется зной, свет. В тени, наоборот, все преобразуется и сильные блики кружками ложатся на землю, причем в такой строгой, требовательной линейной перспективе, что построить их по всем правилам — это сложнейшая задача. У художников же этим построением никто не занимается (в такой же степени, например, как художники Возрождения), даже Верещагин, и строгие яркость и глубина пространства становятся слабыми, невыразительными. - Как многому еще надо учиться, но где? Кто поймет эту великую книгу? Можно ли все это только на практике понять? Нет. Но пока я могу только обнаруживать это и это одно уже подталкивать будет к учению. Я преклоняюсь перед великими художниками, но все яснее и яснее вижу их недостатки и надо этого не забывать, не остаться равнодушным, не прощать этого, так как это одно уже оправдывает смысл моей жизни, заставляя видеть цель моих стремлений. Сейчас художники-декаденты видно с отчаяния, не имея перспективы, пошли другим путем и в этом вопросе такой разницей, что трудно разобраться. Но нужно сопоставить все эти мнения.

Репин писал, что «Искусство по своей сложности развития, большей частью начинается грубыми опытами, уродливыми достижениями своих представлений об идеалах, часто в течение долгого периода коллективного труда и такое неуклонное отношение к заветам своих идей должно заставить нас быть терпеливыми по отношению ко всем проявлениям уродливых начинаний. Так и в формах пресловутого декадентства, если оно искренно, самобытно и талантливо, будем ждать дальнейшего развития этих эмбрионов; будем надеяться на появление гения и в этой несуразной дикости опытов» (Репин И.Е. «Что такое искусство»).

Материалист Добролюбов: «Мы дорожим всяким талантливым произведением именно потому, что в нем можно изучать факты нашей родной жизни».

Материалист Писарев: «У нас были или зародыши поэтов или пародии на поэта. Зародышами можно назвать Лермонтова, Гоголя, Полежаева, Крылова, Грибоедова; а к числу пародий я отношу Пушкина и Жуковского».

«Теперь, - заявил он, - внимание читателей безраздельно направляется на содержание, то есть на мысль. От формы требуют только, чтобы она не мешала содержанию, то есть, чтобы запутанные и тяжелые обороты речи не затрудняли собой развитие мысли... Форма подчинялась содержанию, и с этого времени укладывание мысли в размеренные и рифмованные строчки стало казаться всем здравомыслящим людям ребяческой забавой и напрасной тратой времени».

Толстой считает искусству одним из средств общения людей. «Благодаря искусству, человеку делается доступным в области чувства все то, что пережило до него человечество, делаются доступны чувства, испытываемые современниками, чувства, пережитые другими людьми тысячи лет тому назад и делается возможной передача своих чувств другим людям!

Без языка мы были бы подобны зверям, но без искусства люди едва ли бы не были еще более дикими, и, главное, разрозненными и враждебными!» (Лев Толстой «Что такое

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

искусство»).

Мои внутренние симпатии еще с гимназических лет на стороне материалистов Чернышевского и Добролюбова, но я с возмущением отвергаю материалиста Писарева. Я считаю Репина, Верещагина, Шишкина, Чайковского и Глинку — величайшими художниками, но я не согласен с тем же Репиным в его взглядах на искусство. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Лев Толстой для меня — величайшие поэты и писатели; я согласен с определением Льва Толстого значения искусства, и оно ближе подходит к основному положению Чернышевского «Прекрасное — есть жизнь» и уже этим опровергает дикую декадентскую идею, смыкающуюся странным образом с материализмом Писарева. Более всего я не согласен с Репиным насчет того, что из декадентов может еще выйти толк, так как начинать с отрицания всех великих достижений в истории культуры человечества — это вандализм, который не однажды в истории подвергал уничтожению величайшие ценности: это низвержение античных идолов и памятников древнего искусства на Востоке и Западе; выбросить Пушкина, Гоголя, Достоевского, Льва Толстого, того же Репина и Сурикова, как предлагают теперь футуристы — это та же чингизхановщина в современных ее утонченных формах.

Весь этот формализм — родной брат равнодушия к людям, часто объяснялся из-за низкого духовного уровня, отсутствия интереса к людям и, конечно, любви к ним, был прямым пережитком старого режима, который надо искоренять, так как новое общество должно быть свободно от всех пороков старого, собственнического, неспособного к жизни вырождавшегося дряхлого мира.

Наглядным показателем чего было его искусство, не в иронии, а по существу ими самими названное декадентством, что и означает «вырождение», «упадок».

Для меня это прежде всего ясно было из судьбы искусства, падающего в бездну декадентства. А фигура декадентства — это уходящий из жизни, осквернивший ее своим отрицанием художник, приверженец той философии, которая отрицает любовь к жизни, к обществу, и к добру, и к будущему. Это — ницшеанец, философию которого я может быть еще не могу опровергнуть, но эмоционально я — враг ее и готов всю жизнь бороться за то, чтобы опровергнуть ее и философией и искусством и политической деятельностью.

Неужели будущим поколениям надо забыть что создано вековой культурой, отвергнуть ее, чтобы начать с грубого и кончить идеальным?

Нет, с этим я примириться не могу. Эта логика не для меня, она ведет в тупик. Но настоящую логику я обрету только через двадцать лет, когда изучение диалектического материализма, после всего пережитого, вдруг озарит меня ясной и доброй перспективой; то, что я люблю (чувством) и то, что мне объясняет философия — совпадут.

Комыз Калчи

Вечером в семье Улуга мы ели превосходную «куджу» из джугары, заправленной кислым молоком (вернее распушенным в воде «куртом»). Муратали теперь работал с отцом и там жил все дни. На одной крыше я представлял теперь мужскую половину. На другой крыше помещались женщины. Улуг, рассчитывая теперь на помощь повзрослевшего сына, решил сеять в этом году у своей барыни в полтора раза больше того, что сеял раньше.

Вдруг послышался комыз. Калча играет — это младшая сестра Тутты, девочка лет пятнадцати. Кажется никакая другая музыка, (даже Чайковский!) в этот момент не была бы так мила для души, не обнимала так всю природу и не растворялась в ней как эта легкая мелодия; звуки, напоминающие и журчанье ручейка, и шелест ветерка, и и мечты девушки,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

опоэтизировавшие эти звуки. А ведь комыз — это незамысловатый инструмент — небольшая железка, кончик которой с язычком слегка зажимается в губах, пальцем задевают за язычок, а звук моделирует положение губ — то шире, то уже, как для свиста.

Надо иметь тонкий музыкальный слух, чтобы изобразить на этом инструменте такую богатую оттенками мелодию. Весь прожитый день, все его впечатления были опоэтизированы этой чудесной музыкой, как будто все было воспето и наполнено красотой звуков. Душевно я был обласкан и звуки эти как будто бы продолжались целую ночь: я не заметил как заснул, как пролетела ночь, а проснувшись, как всегда рано, мне казалось, что только что я слышал эти чарующие звуки...

Взяв винтовку, я осторожно слез с крыши и отправился на свое поле. Какая чудесная семья!

Как уже повелось Тутты приносила мне на поле обед. Каждый день что-либо новое: атталу сменял «умач» (затирка из мелких катышков, кашицеобразная жидкая масса из той же муки — то ячменной, то пшеничной, то кукурузной), а потом «куджа» и так далее. Тутты как-то заметила, что цветы на хлопчатнике кое-где опадали. Причину этого она тут же объяснила: поливал в дневную жару. Раньше я считал, что ночной полив — это требование скорее академическое, чем практическое, и, желая сэкономить время, залил одну площадку днем — это и заметила Тутты. Человек, если напьется воды, говорила она, днем в жару — теряет силы и может заболеть — хлопок бросает цветы.

Поливать нужно, когда земля холодная! С тех пор я всю жизнь помню это правило — так поразило меня такое умелое объяснение. И когда это Тутты поняла всю эту науку, если целых шест лет она была оторвана от своего настоящего учителя — отца. День я также работал, опять Тутты приносила мне обед на поле (на сей раз в железном ведре и еще большая порция) и вечером снова вкусный ужин и снова музыка. Калча уже знала, что мне нравится ее «комыз» и играла еще более вдохновенно (как мне казалось). И эти отношения у нас в течение лета только укреплялись.

Калча иногда порывалась принести мне обед на поле, но Тутты не выпускала этой обязанности из своих рук — это стало как бы установившимся порядком. Даже Муратали не смог бы теперь отнести мне обед, хотя мальчугану иногда хотелось бы поговорить, побеседовать со мной на поле, о котором Тутты только могла с полнотой рассказать — как растет хлопок, как дыни, как джугара, маш, молодые деревца — она все замечала и делала даже дельные замечания, так как вполне освоилась со своим положением.

Хашар

Раза два за лето мы с Улугом бывали на базарах: раз в Учкургане и раз в Скобелеве. Он верхом, я пешком с ружьем. Как-то к вечеру, на подходе к кишлаку Гульпион, перед нами промчалось несколько всадников-джигитов. Время было смутное... и вот тут я увидел как Улуг в один момент выхватил стремя из ленчика, размахивая им на ременном путлице, лихо повернулся боком на своем седле, а тугоуздый конь его, привыкший пахать, теперь ходил под ним волчком, послушный узде и не лишенный грации — как ни написать такую картину! Этого впечатления мне хватило не только на всю дорогу, но и на всю жизнь — так я его и запомнил (для будущей картины!).

Тревога оказалась лишней, джигиты ускакали. Но вся эта обстановка была преддверием того басмачества, которое уже к концу того же восемнадцатого года приняло огромные размеры. Пока басмачи были еще очень робки и неуверенны. Но кровавые события развернуться неожиданно для нас, хотя потом всем стало ясно, что обстановка сгущалась для нас невидимо, вне пределов наших наблюдений, и многие попали в эту кашу, не подозревая

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

всей ее жестокости.

Когда показался третий листок, я полил грядки и так как земля быстро «спелая», я начал первую окучку — пятнадцать танапов, по одному танапу в день - пятнадцать дней — это урок: по два танапа в день никто не в состоянии сделать - «Карачапук» - это с прорывкой лишних растений, с оправкой букетов — когда в лунке оставляется по три растения — к каждому кустику нужно нагнуться и очень осторожно присыпать землей, растения еще нежные. Сколько ни старался я, но к концу второго дня сделал два танапа с лишним, не уходя с поля с утра до вечера. На третий день этой бешеной работы ко мне неожиданно-негаданно пришли мои приятели — узбеки (один узбек, два сарта и один таджик). Пришли они на «хашар» - помочь. У каждого за спиной в халатах, полы которых запрокинуты в виде мешка — харчи, сапоги и прочая кладь, на плечах выбеленные работой кетмени; головы от жары перевязаны платками, стянутыми жгутом. Лица черно-красные от жары — скулы резко обтянуты кожей, глаза воспалены; на тонких бедрах, как у голодающих индусов, едва держались лохмотья... голод... и все же они пришли! Пропотели насквозь — прошагали всю ночь и часть дня пешком — двадцать пять верст — от Шахаркишлака до Акташа.

Так как я не имел шалаша, они, отдохнув четверть часа и рассказав в чем дело, тут же соорудили шалаш, покрыв его надерганной полынью, вскипятили в ведре воду, заправили ее мукой — атала готова.

Отдохнув после еды и переждав жару, все дружно принялись за работу. Как закипела эта работа! Кетмени взлетали и сверкали на солнце. Мирза Касым завел свои бесконечные анекдоты (все они были про Апанды), остальные первое время придерживались очереди, затем пропускали, а в конце-концов рассказывал один Мирза Касым. Он был неистощим.

То, что делает один человек при всем напряжении - в дружной компании он делает намного больше. Хочется идти впереди, негласное соревнование удесят�еряло силы и поле преобразалось на глазах. За три неполных дня все было кончено. Мы жили это время все вместе в шалаше, сами готовили себе пищу и рассказали за это время тысячу анекдотов. Покончив с хлопком, мои товарищи сразу же собрались в обратный путь — ушли на ночь глядя — по прохладце, а впереди у них — своя страда. Насколько их хватит? Грустно я смотрел им вслед... скоро поспеет урюк...

Товарищи

Про этих товарищей надо рассказать подробнее. Два года назад они пригласили меня в эту самую степь жать пшеницу; один из них заранее отправился на Алай на переговоры к хозяину пшеницы, который кочевал со своим скотом на летних пастбищах — джайляу и, не желая сам покидать прохладные кумысные места, сказал: «Где моя пшеница, - скажут аксакалы в Учкургане; уберете, обмолотите — поделите при аксакалах и мою долю зароете в ямах (по-узбекски «ура»). Мой рабочий будет помогать и смотреть за быками, потом пригонит их обратно. Всего шестьдесят танапов (десять десятин), вернете семена, из остального — третья доля ваша».

Мирза Касым, Каляндар, Ергаш, Усман-Али взяли с собой кетмени, деревянные лопаты, серпы, решета, мешки, одежду, продукты и, сложив все это на арбу, запряженную моим гнедком — мой отец разрешил нам взять с собой — выехали в Учкурган.

Аксакалы показали нам поле — это была чистая, густая пшеница сорта «кара-кызылтай» (черноустка), байский рабочий с быками поджидал нас — и мы приступили к делу. Построили большой шалаш, покрыв его полынью, у маленького арычка, по которому пустили воду из-под самого Учкургана. Устроили «хырман» (ток) и принялись за жатву.

Ночи были лунные и жатва прерывалась у нас лишь на несколько часов жаркого

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

времени дня. Спали всего по три-четыре часа. Работали на соревнование, когда все остальные смолкали, истощив свой запас анекдотов про апанды, Мирза Касым не останавливался ни днем ни ночью.

Поле быстро оголилось. Связанная в снопы пшеница перевозилась на арбе на хырман, где пять быков, связанные веревкой, конец которой привязан был в середине хырмана за высокий толстый кол — молотили до упаду.

За две недели все было закончено. Призвали аксакалов к огромной куче отвеянной пшеницы, в вершину которой была воткнута лопата, как плакат, в знак того, что хырман поднят. В присутствии трех аксакалов выделили семена — десять чариков, остальное делили мерой — полным решетом: два решета налево, одно — направо, работникам. По мерке получили аксакалы за труды, они сложили свою долю к курджумы и уехали. Зарыть хозяйскую долю в ямы и взять свою — никто уже больше не контролировал, воровство и недобросовестность в таких случаях считалось недопустимым.

На нашу долю пришлось заработанного около ста пудов. Пудов тридцать отправили сразу с арбой, с которой уехали и мои товарищи, которым нужно было работать на своих полях. Я остался окарауливать зерно до следующего их приезда: мне хотелось поохотиться здесь, да и приятно было провести время в степи. Дня через три они приехали на трех арбах и увезли остальное зерно — в тот год они были обеспечены на зиму хлебом (я от своей доли отказался в их пользу). А в этом году они помогли мне на окучке хлопка, бросив в самое горячее время свои поля и пешком с кетменями прошагали степью и пыльными дорогами, измученные голодом и жарой. Мне кажется, я не мог быть столь самоотверженным, как они, мне и стыдно было, что я их как бы сделал тогда должниками — и гордился. А ведь мы, русские, были по отношению к этому народу пока только колонизаторами. Они были мне надежными товарищами, и их человеческие качества раскрывались передо мной, как откровение, которого я искал всем внутренним строем своей природы.

В будущем это определило во многом мою борьбу за достоинство этого близкого, понятного, хорошего народа. Через несколько лет весь этот темный народ станет грамотным, а потом среди них вырастут ученые, врачи, художники. Но будущность эту я не мог ощутить непосредственно. Слишком давило бескультурье, тяжелый быт, вредные обычаи, нищета. Хотелось видеть во главе этих мероприятий людей честных, принципиальных, а подчас это были люди корыстные, не отличающиеся чистотой морали.

Тамаша в Учкургане

В пятницу, в мусульманский нерабочий день, мы отправились в Учкурган на арбе — на тамашу, посидеть в чайхане, сделать плов, посмотреть на народ. Какой-то бай-киргиз устраивал той по случаю обряда обрезания сына; была большая байга, угощение и народная борьба — кураш, киргизские обычаи смешанные с узбекскими и таджикскими — как и все окрестное население в этой части Ферганской долины.

В нашем составе было два заправских борца, не пропустивших случая помериться силами. Мирза Касым и Каляндар. В большом кругу сцепившись на поясах, ходили две-три пары борцов. Настала очередь выходить Шахаркишлаку, от имени которого выступала наша команда. Круг уже подходил к концу, побеждал молодой киргиз — Маскарабаз — острослов, ходивший по арене и занимавший публику своими шутками. Этот палван не просто палван. Его привезли в тороках на кутасе с самого Алая. (К этому времени он положил и Каляндара, и Мирза Касыма).

Ой, джигиты из Шакаркишлака! У вас на губах был сахар (игра слов — у вас были сладкие речи), а теперь на животе выступает соль — алайскому богатырю будет чем

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

посолонцевать на обратном пути (намек на то, что у киргиз постоянная нехватка соли и скотина их убегает из стада, чтобы полизать выходы соли где-либо в глинистых слоях и иногда настолько забивает свои кишки глиной, что часто сдыхает от этого). Шакаркишлак опозорен. Борцов больше нет, алайский палван, красный от усилий и мокрый от пота, скалит в широкой плотоядной улыбке сверкающий белыми зубами рот, продувает голый живот, оттопыривая чапан, а в это время шакаркишлакцы под руки ведут на арену меня, одевают халат и крепким узлом стягивают черный Мирза Касымовский бельвак (поясной платок). Борьба в нашей бригаде была почти ежедневным занятием во время отдыха и Мирза Касыма я каждый раз побеждал. Но одно дело без народа, а тут на публике, да еще в защиту кишлачного авторитета. На ногах у меня киргизские чарыги с загнутыми кверху носками, борцы выступают босиком и мне советуют их сбросить, чтобы «не зацепиться», но я не снимаю, так как под ногами сплошной камень.

Мы сцепились. От палвана пахнет кумысом и бараньим жиром — видно его подкормили. Маскарибор, указывая пальцем на большую плоскую булыжину, говорит, что этот камень был «противовесом» у алайского палвана на другой стороне курджума вместе с десятью чапачами кумыса. Теперь этот камень не нужен — джигит поедет верхом на иноходце, а Шакаркишлак может взять этот камень для своей мельницы — чтобы нават молотить на шакар (на сахарный песок) и посыпать его на лепешку (как кормят детей).

Мой противник, утомленный предыдущей борьбой и захваленный Маскарабатом, начал действовать очень напористо и неосторожно: подставив свою спину под «замок» - «прием, допустимый правилами этой борьбы и доставлявший мне обычно успех» - полетел на лопатки.

Когда я встал, оглушенный криками толпы, заглушивший шум речки, у меня дрожали ноги и все мое старание было направлено к тому, чтобы скрыть это от публики. Между тем Мирза Касым действовал быстро — развязав зубами узел на моем поясном платке, пошел с ним собирать даяние: бросали в платок щедро и от медяков он отяжелел.

На радостях устроили жирный палау и купили продуктов про запас. Все произошло как во сне.

Но некогда было думать о том, как бы я себя чувствовал вместе со всем Шакаркишлаком, если бы мне не удалось свалить этого молодца.

По дороге, возвращаясь в степь, смеялись, считая, что самое главное — это избавились от того камня, который нам советовали взять в Шакаркишлак молотить сахар.

Спустя десять лет, сопоставляя факты, я понял, что новый мир нужно строить средствами и материалом, какой был под рукой, а не выдумывать его. Конечно, те люди, мои сверстники остались как-будто бы теми же, но у них появилось новое сознание (их жены, например, не носят паранджу, а дети стали инженерами, врачами, агрономами — о чем и подумать раньше не могли эти люди, мои сверстники, а вместе с ними и я). Видел это Ильич отчетливо. И когда теперь читаешь его, то поражаешься разнице в уровне ощущения и анализа реальности. Теперь нет уже рябых от оспы людей, и Тутты, родись она в наше время, была бы другой и за калым ее никто не смог бы продать. Судьбу ее не покалечили бы родители, придавленные оскорбительной нищетой и беспощадным шариадом. Обретя самосознание и достоинство, не пошла бы на этот оскорбительный шаг.

Внизу, в городе, в июне поспели черешня, урюк, вишня, а здесь, ближе к горам, сроки отодвинуты на полмесяца. В один прекрасный день я заметил со стороны Муяна на краю степи многочисленные яркие, разноцветные точки, рассыпавшиеся по полю, медленно приближавшиеся в моем направлении. Скоро я различил в них девочек и мальчиков: это были мои два брата, три сестры, две девочки Мелешко и две Спасибуховы и с ними еще несколько человек. Тащили мне из города корзины: урюк, вишни, черешни, огурцов; пирожков с мясом

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

и вареньем, лепешек и другие продукты. Вероятно, я очень соскучился по городу, по родному быту, но больше всего меня поразила красота этой карнавальной весны на фоне однообразной серо-пепельной жаркой степи.

Все, конечно, сейчас же бросились купаться в Лягансай, а потом веселые, шумные все потащили к Улугу. Мне не забыть, как защемило у меня сердце, когда я увидел Калчу, Тутты и всю их убогую бедную курганчу, заполненную теперь гостями, будто из другого мира: беленьких, чистеньких, нарядных, беззаботно веселых, не думающих о том, какая тяжкая борьба за существование идет здесь, у этих людей, имеющих право на такую же жизнь и такие же радости. Калча и Тутты очень ревновали меня к пришельцам, замкнулись и исподлобья рассматривали непонятные им существа, и долго после этого чувствовалась эта отчужденность. Только Муратали оставался прежним. Калча долго не играла на комызе по вечерам, а Тутты, принеся аталу на поле, старалась смотреть в другую сторону.

Какая непреодолимая пропасть была между нами и мостики, которые было так робко перекидывались, так были слабы.

Пирожки, которыми девочки угощали хозяев, вызвали самое враждебное отношение; особенно непримирима была Калча; она их не ела, сказав, что они приготовлены на свином сале. Муратали молча разрушил это подозрение. Потом Калча обиделась вдвойне, когда все пирожки были съедены и Муратали, разделив остатки между матерью и Тутты, не оставил ей ничего. Сам Улуг бывал теперь дома только по пятницам, так как день и ночь занят был работой: поливал ночами, днем окучивал, жал клевер, вязал, сушил, смотрел за своей лошадьёю и оставался там с ночевкой.

Большой кетмень Аслана

Вечерами там обычно устраивали для рабочих плов; эта традиция заведена была еще при Гафуре, который хотя и выматывал из рабочих все возможное и невозможное, но кормил их «от пуза»: часто можно было наблюдать, как при всеобщем хохоте любимому им Аслану, придурковатому, но очень сильному рабочему, скармливались остатки плова, который не могли съесть другие: Гафур велел Аслану открывать рот, делал из ладони комок из плова величиной в кулак и запихивал его в его редкозубую пасть. Однажды после такого угощения Аслана вытащили из арыка, где он решил остудить распираемый от жирного плова живот, Гафур при этом уверял, что от этого может получиться «пес», что значит язва (так же, как от проказы, но не заразно), Аслана называли при этом «Кале», так как у него не было на голове волос от распространенной у бедноты болезни — головной парши. Белые лепешки этой парши у него виднелись из-под старой просаленной тюбетейки, на которой все бывшие когда-то узоры давно затерты грязью, потом и паршей. Однако такого большого кетменя, как у Аслана, специально для него заказанного Гафуром, ни у кого не было. И, в ожидании своей большой порции плова, Аслан всегда был впереди на окучке, и глубже других обрабатывал землю.

Теперь, если и не было этих «гафуровских» вечеров, рабочих продолжали кормить сытно, так как заблаговременно у крестной сделаны были годовые запасы маша, риса, муки, кунджутного масла, и благодаря этому тяжелый голодный год рабочие могли существовать.

С чарикеров стоимость всех этих харчей, конечно, удерживалась при расчете осенью, но никто не был обеспечен своими харчами и если кругом люди давно уж обессилили, то здесь они еще держались и дорожили своим местом. Улуг, отторгнутый от своей семьи помногу дней, считал, однако, что место это для него благословенно. Он здесь гарантирован от голода, от разорительных поборов туземной власти, он защищен авторитетом русской барыни.

Охота на карабауров

По старому русскому охотничьему обычаю, выполнение которого напоминала мне далекая Россия и ее великих художников слова — автора охотничьих записок и повестей (Аксакова, Тургенева, Льва Толстого) я придерживался правила: не стрелять дичь с 25 марта (по старому «Благовещенью», когда в России выпускали птиц на свободу. В Средней Азии существовал подобный этому обычай, но осуществлялся он в свои сроки) по 29 июня («Петра и Павла»).

Поэтому 29 июня я устроил себе выходной день и отправился на охоту на карабауров. К этому времени я уже хорошо изучил степь и перелеты этих рябков к воде, на Ляганский «шур» (солончаки в горах, где они после водооя валяются в солончаковой пыли, освобождаясь от насекомых, и оттуда потом летят обратно в степь).

Вблизи не было хороших водоемов, где можно было надеяться взять большое число трофеев, поэтому я отправился за десять верст на «шуры». Здесь мне удалось застрелить девять штук — это был рекорд. С этой ношей я направился в Айрабадскую степь; в самый жар куропатки не взлетают и тем дают возможность подойти на выстрел. Нужно только иметь выносливость. Куропатки, когда их заметишь и начинаешь подходить, суживая вокруг них круги, начинают уходить, опустив от жары крылья и часто дыша открытым ртом. Затем они идут на хитрость: ложатся камнем на землю и сливаясь с местностью, подпускают на двадцать-тридцать шагов. Считалось даже среди охотников предосудительным стрелять их «сидячих» - от взмаха руки они поднимались с шумом и криками «турррр, турррр, турррр» - и на взлете падали от прицельного дуплета. Звук бездымного пороха в степи почти не слышен, он сух и беззвучен, как раскаленная степь, в которой слышен только стук крови в висках и вездесущее стрекотание цикад.

Двадцать верст по степи принесли мне еще восемь куропатов и когда я с этой ношей подошел к Ляганскому саю, мои глаза, высохшие от жара, запавшие в орбиты, в которых разъедал их солончак, смоченный потом, уже не различали берега от воды. Умывшись и прополоскав рот, с потрескавшимися губами, проглотив один-два глотка, я принялся наслаждаться: охлаждая голову примочками, полежав на жесткой траве у берега, под которым в мелкие брызги разбивалась вода, и освежали ими воздух, я уже мог подолгу погружать голову в воду, а потом и искупаться.

Как ни холодна была вода, но искупавшись раз-другой, третий, все еще чувствовалось, что жар из тела не выходит. При моем приближении к курганче, все бросилось в бегство: воспользовавшись моим отсутствием, вся женская половина устроила большую стирку с мытьем головы: при этом, так как у женщин нет вторых платьев, то они одевают невообразимые лохмотья, сквозь которые, даже слепой увидит все насквозь; выстиранное в это время висит на просушке, а потом без всякого глаженья одевается снова до следующей стирки. Стирают без мыла, так как его нет, а обычный прием стирки — мочат в холодной воде, собирают в комок и сидя на корточках, давя на него всей силой рук и тяжестью тела, ворочают и жмут, иногда побивая скалкой. Если паразиты «одолели», тогда одежду кипятят в поганом казане (в нем уже не полагается готовить пищу). Каждая семья начинает мечтать об утюге, который видели у русских, так как утюг прежде всего «убивает вшей» этого исконного бича бедноты, которая вместе с голодом подвергалась такому нашествию этих паразитов, что посидишь где-либо на завалинке, на кошме — как чувствуешь, что они уже ползут, а зуд от них будто даже предшествует им. Говорили, что конский пот убивает вшей, но все-таки самое лучшее средство — мыло, а еще лучше — общий достаток.

Итак, женщины, на бегу срывая с кустов, с ветвей и просто с травы свои платья,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

бежали одеваться. Они все были чистенькие, с промытыми косами, в чистых рубахах, еще не обтянувших их женские плечи и не помятых от сидения на полу.

Количество дичи поразило их больше, чем если бы они увидели живого пророка Моисея; оглаживая куропаток, любуясь их красотой, сочетанием желтых, как спелая пшеница цветов с голубовато-серыми, черными, красновато-коричневыми и изабеллово белыми тонами спины, надхвостья, крыльев, шейки головы и груди, черного бархата брюха и пепельно-серого тонкого оперения ног с могучими подушками пальцев. Жаль было чистить и трепать эту красоту, но «голод не тетка» - предстояло пиршество, которого мы давно не знали. Была уже молодая картошка, пустили в ход остатки куджунного масла и мир позавидовал бы кавардаку, который распространял такой аромат кругом, будто вернулись те времена, когда воздух насыщался им по вечерам в каждом кишлаке, где был достаток. Часть добычи образовала запасы, хозяйка, осмолив куропаток, и слегка их прикоптив, и натерев солью, развесила на ночь на ветерок. Утром, до появления мух, собрала их и накрыла ватным одеялом. Я полагал, что они протухнут до вечера, но нет, они пролежали в холодке, так как одеяло не пропускало тепла, затем вечером были вывешены вновь, а на третий день оставлены и на день: они настолько обсохли снаружи, что мухи уже не садились, не могли червить в мясе, а вяленые куропатки целый месяц служили приправой и не портились. Для вкуса это было поразительное новшество. Если я приносил новых, их готовили тут же, а вяленые продолжали висеть без всякой заботы уже в куржуме, создавая видимость запасов и всегда наготове. Прежняя атала преобразилась и в ней плавали блески рябкового жира.

Выходы на охоту стали регулярными, но надолго я не выходил, так как нельзя было оставить работу, а наблюдал, когда куропатки откуда-нибудь с водооя сядут в степи; с наступлением дневной жары я отправлялся на розыски их от места посадки. Они уходили иногда за версту, но обычно я находил их, делал дуплет из своей двухстволки и с небольшим трофеем возвращался.

Обычно это бывало одна-две куропатки, иногда до десяти.

Куропатки дело трудное и редкостное, так как степи обширны, летят они за десятки верст к воде и достать их — дело искусства и охотничьей удачи. А охота в жару требует еще и большой привычки и выносливости. В жару даже на полях не работают, все спят в тени у арыков и лишь часов в пять вечера принимаются вновь за кетмень. Я же к этому времени возвращался с охоты и, искупавшись, мог еще продолжать работу, если в животе чувствовался объем.

К этому времени уже поспели ранние дыни, овощи, урюк, яблоки, вишня и наша семья стала заметно поправляться. Даже Муратали, который видимо очень уставал, впервые оторванный от материнского ухода, начал избавляться от шелухи, которая пошла у него на лбу, на носу, на скулах, а из растрескавшейся нижней губы часто сочилась кровь.

К пятнице я старался убить побольше, и Муратали, обладавшему самыми крепкими зубами, доставался самый старый и большой самец, у которого кожа годна была бы на вечный ружейный чехол, если бы была подлиннее. Но Муратали, уперев локти в колени, рвал кожу в клочья, вопреки мусульманскому ритуалу, любил показать, чего стоят его зубы и для всеобщего удовольствия съедал всего карабаура, не оставляя почти костей. В другое время эту миссию выполнял мой спутник в летних походах — Шура Головин. Тут ему нашелся соперник, съедающий старого карабаура с кожей, но конечно Муратали не смог бы съесть насыщенный бульон из казана, где варились тридцать диких голубей, составлявшие наш, четырех охотников, обычный вечерний ужин после охоты в ущелье Арпалык. Шура Головин также мог поспорить с любым киргизом на чапач кумыса, которым нас любили угощать в горах на джайляу кочующие там на летовках животноводы. Считалось, что русские не могут много выпить кумыса и много съесть баранины, поэтому Шура Головин считался

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

нашей гордостью и мы никогда не падали в грязь лицом, если он был среди нас.

Из моих товарищей навещал меня раза два за лето Шура Головин. Мы с ним с приготовительного класса гимназии сидели на одной парте и кончили вместе гимназию в тысяча девятьсот четырнадцатом году. Это был очень талантливый, эрудированный юноша, любивший также, как и я, путешествия, но только он всегда шел без ружья, а я — с ружьем и собакой. Теперь, спустя сорок шесть лет, грустно вспоминать, что он погиб в тысяча девятьсот тридцать седьмом году, став жертвой заговора и несправедливости и жестокости периода «ежовщины» одного из отвратительных явления сталинского культа.

Басмачи

Ко дню моего рождения (двадцать восьмого июля) приехал на арбе отец, брат Петр (павший в бою под Нарвой в тысяча девятьсот сорок четвертом году) и зять Иванов К.А. - агроном, впоследствии известный хлопковик Наркомзема СССР.

День моего рождения я любил проводить в горах и это уже стало традицией в нашей семье. И теперь, желая доставить мне радость, отметить этот день, отец решил поехать в горы — поохотиться на горных козлов, на кекликов, а кроме того была надежда еще подешевле купить там барана, так как в городе мяса не стало.

На этот раз ни Калча, ни Тутты не ревновали меня и не дичились как тогда, настойчиво спрашивали когда я вернусь, а возвращению моему они радовались всей семьей, хлопотали, старались каждый по своему выказать мне свое внимание.

Поездка эта чуть не кончилась для нас трагически. Мы и не знали, какое брожение идет в глухих углах, вдали от города, куда власть не достигала еще своим влиянием. За Учкурганом, верстах в двадцати, в селе Кайрагач жил старый знакомый отца мимбаши, который всегда так внимательно обставлял служебные поездки отца — уездного ветеринарного врача — на Алай, казался столь преданным, что отец решил в это тяжелое время поехать к нему, надеялся на его помощь в этом нашем предприятии.

Встреча была, однако, очень холодной. Даже чувствовалась какая-то заносчивость. Какие-то люди окружали этого «бывшего» теперь мимбашу очень подозрительные. Он нам посоветовал идти в ущелье, говоря, что там есть киики, а сам все делал какие-то распоряжения. Пройдя версты четыре по ущелью, мы услышали в скалах, вверху над нами, каменные обвалы. Едва увернувшись от камней, мы спрятались под скалой. Камни время от времени продолжали скатываться на нас, обсыпая иногда осколками, но периоды их падения навели нас на мысль, что это не естественный обвал, а дело рук человеческих.

Тогда, в один из промежутков между обвалами, я выскочил со своей винтовкой на противоположную сторону ущелья, не защищенную скалой, и, увидев несколько киргизских шапок, послал туда пулю. Эхо раскатилось по окрестным горам и вслед за этим новый обвал. Снова грохот ружья — и все стихло.

Мы побежали вниз, прячась за камнями, но никто больше нас не преследовал. Прибежав во двор мимбаши, мы уже не выпускали заряженных ружей из рук, запрягли арбу и на глазах удивленного хозяина, глаза которого злобно косились по сторонам, выехали.

По дороге нас снова собирались обстрелять — тоже киргизы, но собравшись в кружок, в нерешительности за спорами и обсуждением вопроса пропустили нас. Ночью мы вернулись к себе. Хозяева наши были удивлены быстрому нашему возвращению, но были также радушны и так искренне радовались, что нам, только что пережившим эти события со стороны таких же киргизов, было трудно переселиться в этот привычный, мирный быт.

Уже к осени басмачество охватит все районы и из города нельзя будет показаться. Как оказалось, мы были в стане басмаческой шайки, насчитывающей двадцать-тридцать человек.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Но они еще были нерешительны, а мы не знали опасности. Однако, скоро до нас дошли слухи об истреблении двухсот человек мирных австрийцев, возвращавшихся из города Оша на родину. Шайка Халхаджи, насчитывавшая, как говорили, пятьсот-семьсот человек, захватила бывших пленных австрийцев и всех их перерезали ножами у Аим кишлака. Австрийцам предлагали в Оше охрану, но они отказались, решив, что небольшой отряд красноармейцев только привлечет внимание басмачей, а безоружных — не тронут. Надежда на благородство и гуманность оказалась напрасной — Халхаджа ни одного не оставил в живых: река Карасу, как утверждали очевидцы, три дня текла кровавой водой.

Только раз за все лето мне пришлось взяться за винтовку, когда я заметил в полуверсте от себя двух подозрительных всадников, ехавших напрямик через степь в Учкурган. И однажды ночью на крик соседа нашего Айваша, поспешил к нему на выручку и не напрасно: пять басмачей хотели взять у него корову, но ответный голос мой их напугал и они убралась. Айваши знал меня еще с малых лет: когда мне было еще лет тринадцать, он приходил к моей крестной просить застрелить бешеную корову. Я отправился с ним, зарядив ружье хвостатой пулей. Корова была привязана между талов на развязках, угрожала мне, поводя мутными глазами, виляя хвостом. Хвост у нее при этом как-то нелепо болтался.

Подойдя к ней на шесть-семь шагов, прицелился ей между глаз... Корова упала, казалось еще до выстрела, прокатившегося непривычно глухо — и больше не двинулась. С тех пор в ауле (в Акташе жили киргизы) говорили обо мне как о знаменитом стрелке, что помогло на этот раз прогнать басмачей, которые, конечно, были наслышаны о том, что я здесь живу неподалеку у Улуга. В семье Айваша я теперь был также своим человеком, как и здесь у Улуга.

«Аулие»

В соседнем кишлачке Актаме (да и в Муяне) почти в каждой семье были больные малярией. Хины у меня с собой было всего лишь на несколько приемов, но, по совету врача, я приготавливал себе настойку из полыни и пил ее. Малярия теперь меня не трогала, но тот же Айваш как-то пожаловался мне, что малярия его совсем валит с ног, я ему посоветовал тот же рецепт — полынь, по-киргизски «ак-швак». И приступы у него прекратились — то ли от того, что пациент верил своему врачу, который теперь уже неожиданно прославился: дал старушке аспирина от головной боли — помогло, Айвашу — полынь — тоже помогло. Многих я лечил этой полынью и если кому не помогало, то из вежливости может быть не говорили, но утверждали, что лекарство подействовало, и они советовали другим обращаться ко мне. «Лечил», просто желая им добра, и они выздоравливали. Доброе слово участия тоже ведь кое-чего стоит.

Еще будучи мальчишкой, я при помощи арифметики высчитывал чарикерам долю их дохода, исписывая цифрами целые страницы, подсчитывал авансы, выручку от продажи хлопка, стоимость удобрений (кунджара — измельченный хлопковый жмых, которым удобрялся хлопок в те времена) и другие хозяйственные расходы. Чарикеры доверяли вполне О.К., но опасались Гафура и уж если я проверял эти расчеты, то все бывали удовлетворены, а меня за мою «объективность» называли «аулие», то есть «святой» (справедливость в этих случаях бывала действительно признаком святости).

И теперь, когда мое лекарство помогало, старики напоминали, что меня зовут «аулие», что всегда поддерживал Улуг, относившийся ко мне во всем с большим доверием, таким, какое хотелось бы действительно заслужить и уж всеми силами оправдать. Поэтому мое лекарство было, как острый нож, а вдруг не поможет, какой же я тогда «аулие»? Бывали и курьезы — однажды старик привез на лошади «вторым классом» больную старушку. Ее с

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

трудом сняли с лошади, она охала, закрывала глаза от головной боли и казалась тяжело больной. Старик уехал, а она осталась ночевать в семье Улуга. Вечером я ей дал аспирина, она ела со всеми аталу, пила чай, настоящий на алчевой коре («китайского» не было), а утром поднялась, как ни в чем не бывало, даже разговоров о болезни не было — и пешком, со своим одеялом, ушла к себе в кишлак за четыре версты... Я заподозрил, что и больна-то она не была, а просто затеяла этот свой вояж для развлечения. Тутты, пока я ел свою аталу на поле, рассказала с улыбкой об этой старухе, сказала, что она очень разговорчива и была рада повидать всех, в том числе «аулие».

Что касается моего хлопка, то кусты его разрослись как кусты роз, любимого тогда сорта «La France»; на отдельных кустах можно было насчитать до пятидесяти коробочек бутонов и цветов. Если вырастить весь такой хлопок, то с одного гектара можно собрать по сто центнеров, то есть шестьсот пудов. Что это была за чудесная счастливая земля!

Но вот у соседа Буйлина И.И., где чарикерствовал Маахмады, хлопок уже весь раскрылся, поле побелело, а кусты потемнели. Был октябрь месяц. А у меня — нижние ветви усыпаны ватой, средние — в коробочках, а верхние — цветут.

Вот, в чем я промазал! Когда Маахмады начал сушить свой хлопок, я еще поливал, не думая об осени. Теперь он оказался впереди.

С этой досадной мыслью я и уезжал из Акташа. Отец приехал за мной и сказал, что хватит тебе здесь жить дикарем, а то еще, говорят, что Улуг станет моим тестем. Теперь мы начнем убирать урожай.

Я был несказанно обрадован, но и жалко было бросать семью Улуга, бросать поле, восходы солнца, горы, степь с ее дичью, Леган сай. На поле поспели дыни, стофунтовые тыквы выносили два человека на носилках, их было видно за три версты с горы, как утверждал Шура Головин. Человек, идущий по хлопковому полю, едва мог видеть кругом — хлопок его скрывал почти полностью; деревья и кусты смородины зеленели, джугара вымахала три-четыре аршина, но гроздь на ней были жидковаты — то ли сорт плохой, то ли неправильный был режим.

Моя досада относительно хлопка была в конце концов развеяна: осень стояла сухая и мой хлопок дал в два раза больший урожай, чем у Маахмады, хлопок которого я тогда признал идеальным.

Всего урожая так и не пришлось собрать — опасно было там находиться из-за басмачей, грабивших то там, то здесь, и вообще больше на эту землю не пришлось вернуться во всю жизнь — ни мне, ни кому-либо из нашей семьи.

Улуг все порывался в двадцатых и тридцатых годах приехать ко мне в Джелал-Абад, но не смог этого сделать — и я не сумел выбрать время навестить его. Что случилось с Калчей, Муратали — я и не знаю. Но живая память о них всегда сохранялась в моем сердце.

Возвращение в город

Грустно и радостно было уезжать в город. Грустно потому, что все мы за лето очень привыкли друг к другу. Жена Улуга напекла в дорогу патыр, сам Улуг был очень расстроен; Муратали внешне был спокоен, но смотрел в мою сторону как-то застенчиво; девушки стояли молча, одна возле другой и на глазах у них написано было гораздо больше чувства, чем у городских. Здесь была милая простота и прелесть чувств, а в городе это иногда так замаскировано, что больше сомневаешься, чем чувствуешь и понимаешь.

Однако была и радость — поверх этой грусти: кипящая общественная жизнь, тренировка ума, работа, связанная с политикой, культурой, другим, непохожим городским

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

бытом; снова увидеть город, который возненавидишь за зиму, но когда после долгого отсутствия возвращаешься в него, то первая увиденная девушка в чистом белом платье, утренние аллеи города и выстроившиеся ряды тополей, свесившиеся над дувалами ветви айвы и черешни; розы в садах, люди, обсуждающие важные проблемы, газеты, книги, картины — все это глубоко радостно, кажется невыразимо милым, дорогим, ценнейшим в жизни явлением. Душа разрывается, но стремится скорее, скорее в город. Отец и братья, наоборот, из города, любят поле и степью с горами, наслаждаются и пьют исфайранскую ледниковую воду, теперь уже чистую, как хрусталь, голубовато-серебристую, над которой метнулся и исчез в степи поздний сказочно нарядный махаон.

Я шагал к станции; большой груз впечатлений и переживаний перед ожидаемым, сжимал сердце и в тоже время сокращал путь, отвлекая от окружающего. Иногда останавливался, чтобы еще раз всмотреться на прощанье, запомнить, пережить! И не примешивалось ли тогда в эту грусть предчувствие того, что все это передо мной в последний раз, никогда больше не увижу Тутты, которая через несколько месяцев погибла от сыпного тифа; никогда больше не услышу комыза Калчи, ни добрых слов ее матери, ни Муратали, ни самого Улуга! Мы расстались навсегда, а вся эта местность уже кишит басмачами, но только они еще скрываются, готовятся. Уже зимой из города на много лет никто не отваживался выехать в какой-либо кишлак. Жизнь пойдет по иному руслу.

Тут нужно, однако, прибавить, в преддверии культурного общества, встречу с моей крестной, к которой по пути я зашел проститься.

«Мы решили тебя как можно скорее оттуда взять, ты совершенно «окиргизился» и ходят даже слухи, что Улуг может оказаться новым родственником?». Это был некрасивый намек на то, что Улуг с сыном здесь, а там я один «мужчина» в окружении его жены с двумя дочерьми, где-то на отлете в степи, и что я могу жениться на Тутте.

Грязная сплетня, неизвестно кем состряпанная, в устах моей крестной, которую я так идеализировал и с детства привык считать ее образованнейшей женщиной, революционеркой 1905 года (я сам прятал нелегальную литературу перед обыском у нее и допросами в жандармерии), женщину смелую до безумия (она, одна с револьвером пускалась в поездки из города в Муян и обратно, когда требовали этого обстоятельства), женщина до самозабвения способная встать на защиту обиженного, способная положить жизнь за идею, за человека, даже спасая животное, кинуться в огонь и воду (даже бешеного сенбернара «Мишку» держала у себя в комнате, ухаживая за ним до последнего его вздоха).

И в храбрости, и в принципиальности, и в образованности она была для меня всегда недостижимым примером; и вот эта моя крестная за последнее время стала какой-то раздражительной, озлобленной, скрытной.

Земельная реформа повлияла на нее, как на локомотив, сошедший с рельс. Мне казалось, что это-то как раз и открывает путь для революционера, для его широкой общественной деятельности, как никак она пострадала за свои революционные убеждения в 1905-07 годах, а тут вдруг такая непоследовательность: она против; после смерти Гафура она не верит никому, но Улуг ее хотя и лучший чарикер, но ее крестник, если женится на его дочери — через своего крестника она тоже станет родственницей... Никаких к этому оснований нет. Более того, там простые трудовые будни, а здесь — их истолкование, как шашни и любовная нить. Все это — из пальца, досужая сплетня. Но как могла ей поддаться моя идеальная «крестная мать»? В моих глазах все, что снижало достоинство одной стороны, возвышало другую.

Неужели так меняются люди, носители таких твердых и благородных принципов??

С отравленным чувством я шагал к станции. Горько было разочарование. Но тем дороже и чище были мысли о скромной семье Улуга, о нем самом, доверявшем мне

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

оказывается больше, чем моя идеальная крестная, и тем более о девушках Тутты и Калче, которые обогрели мою душу такой чарующей музыкой своего доброго чувства. Конечно, доля идеализации была и здесь. Это для меня не новость, но идеализация эта шла совсем не в том направлении, как это кем-то истолковано, чтобы перевести на язык самой обыкновенной, всегда отвратительной и действительно сплетни. Но всегда, когда на душе было что-то хорошее, она неизменно брала верх в моем сознании, и, наконец, в моем чувстве.

Стоило перейти вброд реку, взглянуть на горы, линия снегов на которых опустилась уже довольно низко и приближалась к Учкургану, как все неприятное растворилось, и осенние кусты тамариска и облепихи, осыпанной оранжевыми бусинками терпких плодов, стайка пронесшихся над шумной водой чирков превратили все окружающее в поэзию бессмертной нашей природы.

Город снова поразил меня своей дивной красотой, чистотой быта, людьми, массовыми формами деятельности, жизнью, которая стала так непохожа на все прежнее, где, как в пустыне, хочется пить, так здесь теперь с жадностью хватаешься за любую работу, лишь бы она была в гуще организаций, людей, митингов, собраний.

Следователь Ошского уезда

Я поступил в редакцию областной газеты, в которой в семнадцатом году работал в качестве зам.директора, - теперь секретарем. Тут мне предложили подать заявление на судебную работу: шла замена старых николаевских судебных работников новыми. Перспектива реформы и участие в ней мне была по сердцу и я подал заявление, а с 1 января 1919 года был назначен следователем первого участка Ошского уезда и отправился к месту службы. До Андижана — поездом, а дальше под охраной отряда красноармейцев в семьдесят человек, сопровождавших почту раз в неделю, верхом. Зима была в тот год суровая, снежная. Дорога заброшенная, по которой лишь раз в одну-две недели проходил отряд, была вся в кочках, колдобинах, лужах, затянутых льдом, на которых из-под конских копыт фонтанами желтой воды взлетали брызги. Лошади проваливались иногда по брюхо, на котором замерзали грязные ледяные сосульки и даже морды у них были в грязи и в сосульках. Мокрые ремни растирали подруги.

При въезде в город Ош тюрьма, стены которой носили следы осады: Халходжа поднял мятеж среди арестантов и после трехдневных боев прорвался из окружения и теперь наводит ужас своими жестокостями на весь Ошский уезд. Первое его большое злодеяние было — резня на берегах Карасу в Аимкишлаке, когда он трое суток издевался, глумился, пытал около двухсот (о чем я упоминал раньше) австрийцев и человек двадцать русских жен и даже детей, как садист, и залил кровью берега реки, куда сплавлялись потом трупы. Говорят, при этом отличились у него пятнадцать джигитов (палачей), каждый из которых соблюдал издевательскую традицию, чтобы душа зарезанного не являлась во сне палачу — нужно было слизывать кровь жертвы с ножа, а затем его обтереть о труп.

И эти ножи показывали потом как святыню, послужившую мусульманскому зеленому знамени ислама.

Злодейство всегда оправдывалось религией.

Кто заранее догадался и, как у меня, подвязал хвост лошади, сделал хорошо: длинные же хвосты превращались в тяжелый обледеневший груз, который путался между ног, звеня своими грязными сосульками. Ноги у всадников тоже были в грязи, стыли, доступные ветру, и примерзали к железному стремени. По дороге не было ни одной чайханы, где можно было бы обогреться чаем; улицы были пусты, многие сакли разорены и брошены. Вид местности был отчужденный, тяжелый, беда стучалась во все дворы. Наш отряд представлял собой

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

удобный и, надо сказать, беспомощный объект для басмаческой засады, так как можно было еще обороняться в наступлении, если хватит храбрости, но никак нельзя было бежать. И, как узнаем позже, в таких случаях именно и предпочитали бегство, кончавшееся потерями. Таким образом, город Ош был отрезан от других городов и всего внешнего мира, а редкая и небезопасная связь была нерегулярна.

Средняя центральная часть города была обнесена стеной, некоторые улицы для этого были перекрыты — это была «крепость», в которой размещался небольшой гарнизон. Сюда, на площадь, и прибыл наш отряд. Тут у нас взяли лошадей, вернее их надо было самим развести по конюшням и сараям, никакой платы за проезд не взималось, никаких пропусков не выдавалось — приехали и «слава богу», иди «куда хош».

Мы с моим напарником М.Т. - моим будущим секретарем, направились к П., ветврачу, старинному знакомому нашей семьи, где мы сразу получили и комнату, и пансион.

На следующий день, предъявив документы в Ревкоме, я отправился в камеру следователя принимать дела. И что же — следователь Б-ий, окончивший нашу гимназию в составе I выпуска (1907 года), знакомый и даже почти однокашник — теперь он подлежит замене — царский чиновник. Я — представитель новой Советской власти.

Я почувствовал себя неуверенно — может быть это несправедливо, какая, собственно, разница? Неужели он, старый студент, за эти несколько лет сделался врагом нового строя?

Я хорошо знал курс тюремоведения и из всех юридических предметов в университете, более всего изучал его, и практически изучил все московские тюрьмы — более всего меня привлекала загадка человека-арестанта. И теперь я первым делом попросил ознакомить меня с «арестантскими» делами. Что же я увидел!

Я потерял всякое уважение к своему старшему товарищу-юристу; многие дела были не оформлены; иные сидели в тюрьме по три года без суда и следствия, причем, по видимому, это была сплошь беднота: по наговору баев, за кражу скота, за сокрытие конокрада, мелкое воровство ради куска хлеба (в голодное время). Шестьдесят арестантских дел и девяносто с лишним заключенных! Но ведь двери тюрьмы были открыты, когда Халхаджа бежал отсюда — арестанты эти не захотели бежать с ним и оставались ждать своей участи! В тюрьме — и на свободе, что за чертовщина; при каких только противоречивых обстоятельствах мы живем! Но старого «чиновника» это несколько не трогало — он был равнодушен, кажется, ко всему. В тот же день мы подписали акт о приеме-сдаче и больше и духу не было в этой проклятой камере от старого режима.

На следующий день, с утра, я был в тюрьме — как они были похожи все друг на друга! Какой это был жалкий шаблон, и в этом шаблоне закованы такие разные люди, судьбы, одна не похожая на другую.

В первые же дни было прекращено за отсутствием незначительного состава преступления, по незаконности содержания под арестом десятков дел и отпущены на свободу человек двадцать арестантов. Худые, в лохмотьях, бледные, как покойники, завшивевшие до того, что и поверх халатов ползали вши. Многие из этих несчастных в слезах бросались целовать мою одежду и, возводя руки к небу, просили аллаха благословить меня и новую власть за ее справедливый закон. За решетками других камер возбужденные надеждой толпились полуживые покойники, которых не забудешь во всю жизнь. И они еще не ушли с Халхаджой, а потом позволили безропотно снова запереть себя. Я пытался себя ставить на их место и делал вывод в их пользу: «нет, я бы не смог обречь себя на эту беспросветную медленную смерть — я бы ушел, я бы не смог сидеть за решеткой по несправедливому наговору. Какая покорность и вера в торжество справедливости, какое примирение с тюрьмой!»

Их порядочность проверена этим самым фактом, мне помогает это судить их и, самое

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

главное, они должны почувствовать разницу меж старым и новым законом; если они так тверды были в своих ожиданиях, то они также тверды должны быть в борьбе за новую власть. И если они тогда не присоединились к басмачам, то Советская власть сможет на них рассчитывать в дальнейшем.

Через несколько дней все улицы возле тюрьмы были заполнены киргизами, узбеками, уйгурами, таджиками — родственниками арестантов, еще не получивших свободу, но уже уверенных, что они ее также получают у новой власти. Арбы, выпряженные лошади, люди, сидевшие в кружках вокруг огонька, загородили все проезды. Все припасли одеяла, теплую одежду, продукты в мешках и курджумах, надеясь здесь жить неделями, месяцами, пока перед их родными не откроются ворота тюрьмы.

Родственники стали подкармливать своих несчастных, оживились передачи, с воли шли радостные вести, так как многие пытались узнать у следователя — когда будет отпущен на свободу их родственник.

Были и безродные или такие, у которых родные по бедности или другим обстоятельствам не могли приехать за ними. Дела этих я старался рассматривать прежде других.

Но были и вот какие дела.

Однажды, подходя к месту службы, я увидел на крыльце, сделанном в виде беседки, человека в хорошем халате и сторожа при камере следствия — С-баева. Оба сидели на корточках, а между ними была корзинка с курами и лукошко, полное яиц. Что это такое? С-баев объяснил, что этот человек пришел узнать относительно его брата — подследственного, находящегося в тюрьме, а это — подарок.

Сделав выговор С-баеву, я велел посетителю зайти в камеру и, взяв бланк, стал составлять протокол на взятку, предлагаемую народному следователю. Потрясенный таким оборотом дела, посетитель вместе с С-баевым стали умолять меня простить им этот проступок на первый раз, так как они не знали, что это преступление, что раньше это было в порядке вещей, что никогда больше они не будут предлагать взятки. Разъяснив им как следует со всей строгостью их проступок, я, сжалившись над ними и их незнанием новых законов, выпроводил посетителя, сказав, однако, что на первый раз я ограничиваюсь тем, что его дело, по которому он ходатайствует, я буду рассматривать в последнюю очередь, и чтобы я больше не видел его в качестве ходатая — это только повредит делу.

Итак, я открыл еще новое гнусное преступление старого следователя, против которого уже готов был начать уголовное дело, но он уже уехал, и я, что называется, плюнул на это — дел более важных у меня было много. Старая власть и так была осуждена и важно было теперь в народе укреплять понятие о том, что она преступна, что она не защищала народ и была причиной всех его несчастий, бедности и унижений и, главное, что она не вернется, что все должно пойти по новому, что народ сам будет строить свою власть.

Бывая в тюрьме, я изучал людей, стараясь проникнуть в душу каждого арестанта, мысленно рисовал себе картину его поведения во время мятежа, вручал постановление об освобождении и прекращении дела, иногда брал подписку о явке и все запоминал, запоминал лица, имена, проявления чувств, тренируя память, полагая, что все это пригодится мне, как художнику — мало ли какие композиции ждут меня впереди, и какие еще события предстоит мне самому пережить в этом океане человеческих судеб.

Однако пребывание в следственных камерах помимо того, что каждый раз за шиворотом ползли вши — страшная способность у них распространяться — будто летят по воздуху — вся одежда приобретала стойкий специфический запах (в котором отражена была и карболка, и еще что-то свое), от которого заряжался весь воздух в квартире, и избавиться от которого можно было только купаньем и стиркой. Это легко было бы проделать в нормальной

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

обстановке, но когда нет дров, нет керосина для лампы, нет мыла, углей для утюга, а зимний день кончается рано, то трудности возрастали; обладая еще тогда здоровьем молодости, я не заходил в дом, просил вынести мне смену одежды, раздевался на снегу, обтирался ледяной водой, загрязненную одежду вешал на мороз на веревку, и тогда, избавившись от неприятных запахов, заходил в дом. Весной уже легче было проделывать это в саду, а к лету у меня почти и не осталось арестантов в тюрьме.

Выпущено было на свободу девяносто с лишним человек, о которых я теперь твердо знал, что все это первые друзья Советской власти, стойкие, испытанные в своей преданности. Все они принадлежат к низшим слоям населения, о которых даже по-киргизски говорили «яман», то есть, «плохой». «Хорошие» – «якши» – это были богатые. Так, например, спрашивая иногда о человеке, имея в виду его нравственные качества, часто доводилось слышать ответ, что это плохой человек; оказывалось, он был хороший человек, но только бедный.

Новые понятия проникали очень туго, да и как они могли проникнуть в гущу народа, когда и народ-то был в недосыгаемой полосе басмачества, а вся Советская власть была только в городе, да и то, в русской его части. В «старом городе», как тогда говорили, каждую ночь басмачи приезжали, располагались по чайханам, били, насиловали, грабили, развлекались.

Председатель ЧК

Русский город на ночь выставлял по всем дорогам заставы, в которых отбывало свое дежурство все мужское население города — русские и бухарские евреи. Узбеки, киргизы, таджики, уйгуры жили по другую сторону этой границы, предоставленные самим себе. Если там были отдельные активисты и члены Союза Кошчи (бедняков-крестьян), то на ночь они покидали свои дома, так как за ними охотились аскеры Халхаджи. Были и предатели, которые служили тем и другим. Пользуясь их услугами, басмачи всегда знали, когда идет отряд в Андижан, когда везут деньги — и устраивали по дорогам засады, а если отряд выходил на операцию, то басмачи, вовремя предупрежденные кем-то, всегда уходили благополучно. Халхаджа, вообще совершив «геройский подвиг» - подняв мятеж в Ошской тюрьме и перерезав двести безоружных австрийцев, никогда в бой не вступал, если только встречал сопротивление — бежал. Даже своя халхаджинская песня у него призывала бежать: «кочайлик, кочайлик, курбашиляр!» Каждый большой басмаческий отряд имел свою песню, которую они распевали при движении колонной, построеной обычно, как правило, почему-то по два. Впереди каждого отряда ехал курбаши, за ним два-три бачи (нарядные и смазливые мальчишки-танцоры, обвешанные лучшим оружием, в зелено-полосатых халатах, на хороших лошадях, богато украшенных сбруей, подкованных на все четыре ноги, с хурджумами, в которых они возили полученные ими подарки). Чем мельче курбаши, тем у него меньше бачей и беднее сбруя и одежда. Палачи выделялись лучшим нарядом и несколькими кинжалами на расшитых шелком поясных платках или много аршинных, скрученных жгутом и затем несколько раз обернутых вокруг талии цветных бельвагах. Хотя все басмачи были конные, но шашек почти не имели — в атаку с клинками они не ходили, а чтобы отрубить голову пленному, предпочитали нож: вязали человека, как барана, по рукам и ногам и резали, ухватив его за бороду тем же приемом, что режут козла или теленка, повалив его наземь и придавив коленом плечо. При этом жертва обычно почему-то уже не сопротивлялась. Такую резню Халхаджа устраивал в старом городе чуть ли не каждую ночь: ехать по его улицам, это значит везде слышать мольбы и вопли оплакивающих, время от времени утихающие, чтобы утром на разные голоса снова вспыхнуть в каком-либо дворе.

Группа большевиков в Оше была в то время еще малочисленна — всего десять

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

человек: пред. Ревкома Коробицын В., военком Добрынин А.К., зав. питательным пунктом Ибрагимов, пред. ЧК Гайский, его секретарь Гавлинский, врач ..., фельдшер М..., учительница Тимофеева В.П., нач. особого отдела Лебедев В., его секретарь Чернов В., затем прибыл начальник таможни Трегубов.

Приняли в группу и меня с моим секретарем Т.М., а вскоре группа, по докладу пред. Ревкома, рассмотрев жалобу населения на действия пред. ЧК Гайского и Гавлинского, была вынуждена за их преступления снять с должности и начать следствие. Вести следствие поручено было мне — я был избран председателем ЧК и продолжал оставаться в должности народного следователя. Большую часть времени я уже уделял делам ЧК.

Ее возглавляли не старорежимные чиновники, поднаторевшие во взятках и пренебрежении к бедноте и проводившие свои вечера за «пулькой» и «винтом» с мелком в руках — это были «большевики», представители новой, народной власти, бывшие писари и мелкие служащие.

Эх, далеки от центра эти места, «периферия» нашего огромного государства. «До бога высоко, до царя далеко». Какой парадокс! - даже пословица идеализирует бога и царя, от которых, собственно, пошли все беды и несчастья народа, начинающего это понимать лишь теперь в нашу эпоху.

Красноармейцы сообщили, что Гайский и Гавлинский во дворе ЧК, вытащив одного из подследственных, пьяные пытаются его на глазах у всех, рубят ему голову, клянут бога, закон, мать и власть, которой они — де неподвластны.

Следствие по их делу раскрыло преступления, которые трудно охарактеризовать даже по совокупности нынешних статей УК, которого тогда еще не было, когда суд вершился именем революции. Вместо борьбы с контрреволюцией Гайский и Гавлинский систематически грабили баев старого города под видом борьбы с буржуазией, а имущество их, конечно, забирали в свою пользу, отряду красноармейцев, сопровождавшему их в таких операциях, выбрасывали менее ценное, побуждая их таким образом к мародерству и грабежу. Население видело разницу между ними и басмачами лишь в том, что одни грабят днем, а другие ночью. В казармах появились шелковые одеяла, халаты, куржумы, ценности, шла азартная игра, пьянство, драки, целая прослойка людей, не подчинявшихся никакой дисциплине. Иные роптали и указывали на участие пред. Ревкома Коробицына в этих операциях, в которых он добыл себе несколько ценных ковров, украшавших его квартиру, одеялами он не пачкался.

При обыске у них обнаружены были комнаты в квартире, забитые до потолка шелковыми одеялами, подушками, серебром и золотом, мануфактурой. Владельцев сажали под арест, предъявляя обвинения в содействии басмачеству, или просто без всякого постановления, в дальнейшем не вели следствия.

Военком Добрынин «не замечал» этого, хотя падение дисциплины в гарнизоне вынужден был признать после одного эпизода, взволновавшего весь город.

Красноармейский отряд сопровождал почту. Километрах в десяти от города басмачи устроили засаду. Отряд не выдержал и обратился в бегство; скакали сломя голову, у кого были лучшие лошади — впереди, у кого слабее — отстали; много лошадей пало; люди бежали через весь старый город, наводя панику. Объявили тревогу. Пред. Ревкома Коробицын, собрав в крепости гарнизон, выступил с речью о высоком долге Красной Армии, упрекнув гарнизон в трусости, и грозил виновных предать полемому суду, суду военного трибунала.

Послышались выкрики: «Долой его!», «Мы будем кровь проливать, он будет себе ковры возить!», «На штыки его!». Коробицын бежал, красноармейцы за ним гнались от крепости до помещения Ревкома. Имея с собой ключи, он успел отпереть наружную дверь и

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

запереть ее изнутри, а сам выскочил тем временем во двор, оттуда через забор к одним соседям, потом к другим; пока тут ломали окно и двери, проникли во двор — его уже и след простыл.

Басмачи обнаглели

Положение было критическое. Власть в городе уже не опиралась на военный гарнизон, события могли привести к полной дезорганизации всего аппарата власти, от руководителя зависит многое, а ему уже не доверяли.

Наша партийная группа, собравшись срочно, избрала меня и Добрынина, как военкома, депутатами-представителями власти на общегарнизонный митинг. Мы выступали с дощатой трибуны, с которой только что бежал Коробицын, и встреченные сначала возбужденными голосами, обратившись к сознательности красноармейцев, добились все же спокойного разговора и по деловому обсудили наши задачи.

Конечно, пока оставался Коробицын на своем посту, престиж власти стоял невысоко. Это сказалось и на настроениях населения старого города, а басмачи совсем обнаглели. В это время была ураза, и по обычаю мусульманское население, которое воздерживалось днем от еды и питья, ночью предается развлечениям: на базарах готовится обязательная «мишалля» (мешалда), очень любимая и русскими, богато торгуют сладостями, всякими яствами, едят до утра и шумно веселятся. Голод и разруха, конечно, все это отодвинули, но традиции оставались. На эту ночную тамашу в старый город съезжались басмаческие шайки и пировали назло открыто, зная, что ночью их никто не потревожит.

А кишлак был мертв, никто не выходил из дома... Отсутствие дисциплины в гарнизоне делало наше положение совсем не безопасным и шатким и до крайности обидным. Мы решили сделать вылазку — погонять басмачей, показать, что и мы, Ошская Красная Гвардия, красноармейский отряд и милиция кое-что стоим. Ревком мобилизовал в старом городе лошадей: мы запаслись продуктами, вооружились и под командой военкома Добрынина выехали в погоню за басмачами.

Разведка донесла, что Халхаджа там громит киргизские аулы, запасается скотом. Через Мабы к вечеру добрались до Малого Талдыка, то есть форсировали путь в шестьдесят километров — но даже хвоста басмачей не обнаружили — были, говорят, неделю назад. Проночевали под открытым небом и на следующий день вернулись обратно, опасаясь, как бы за это время басмачи не напали на наш город. Чувствовалось отсутствие какой бы то ни было надежной связи с населением и доброжелательности с его стороны.

Население жаловалось, что басмачи грабят ежедневно старый город, беспрепятственно проводят ночи в чайханах, особенно привлекает их ураза. Днем мы с милицией проехали по тем местам, где бывали басмачи. Я осмотрел подходы, удобные места для засады, и, считая, что большой отряд не может быть в засаде незамеченным, и заставлять людей, не находящих отдыха на работе, караулить еще ночами, решил на небольшую вылазку: вдвоем со своим секретарем, темной ночью до восхода луны, мы пробрались к урде — главной площади старого города. Вопреки ожиданиям (нам чудились везде басмачи) мы прошли тесными улицами и переулками два-три километра, не встретив ни одной души — город казался необитаемым. Залегли на крышах с двух сторон площади, рассчитав свой удар против того места, где по рассказам, обычно сидит Халхаджа со своими курбашами. Стог гузапаи на крыше помог хорошо замаскироваться.

Я положил перед собой две гранаты с заложенными в них капсюлями, приготовил винтовку (аштскую, трофейную с закаспийского фронта, взятую у пред. Ревкома) и свой наган и приготовился к бою. Взошла луна, все было видно кругом, как на ладони — пустые

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

суфы, завалинки, ворота, площадь... Прождали до рассвета, так и не дождавшись басмачей. Теперь уже не опасно было показаться людям, так как если басмачи не появились ночью, то днем их не будет.

Горячие молодые головы не умеют еще по настоящему предугадать степень опасности — ведь если бы явился Халхаджа, как говорили, со своим отрядом в пятьсот-семьсот человек, то одиночные стрелки так или иначе выдали бы свою малочисленность, и осада могла бы окончиться печально. Но в городе мы нарочито никому не говорили о своей вылазке (кроме двух-трех товарищей, взяв с них слово никому не сообщать о предстоящей операции), имея в виду, что басмачи имеют везде свои уши и всегда знают о любой готовящейся операции.

Но мы выяснили очень многое: первое, несмотря на уразу, старый город ночами ничем не оживлен, он безлюден, подавленный голодом, болезнями, разорением и беззащитностью; второе, басмачи не так уж храбры, чтобы пировать под боком у власти, многое, что говорят об этом, преувеличено; третье, надо ставить вопрос о защите старого, как и нового, города и больше иметь контактов.

После нашей ночной вылазки прекратились слухи о том, что басмача по ночам пируют в старом городе. В тоже время стали доходить слухи, что банда Халхаджи к лету тысяча девятьсот девятнадцатого года увеличилась числом до тысячи пятисот человек, и что киргизы горного района держат его сторону, что басмачи скупают за большие деньги оружие, патроны, разоружили кое-где русские поселки.

Город Ош

Город Ош — старейший город, описанный еще Закиритдином Бабуром в его «записках», - расположен на большой караванной дороге из Китая в Среднюю Азию (древняя Давания), в восточной части Ферганской долины. По выходе с гор это был первый большой культурный оазис на берегу могучей шумной и прохладной реки Акбуры. Этим культурным прошлым определялся и состав населения, и его занятия: по окраинам жили декхане, бедные, богатые и с/х рабочие, батраки, много было кустарей, славившихся своими изделиями: кузнецы, изготавливающие железные наконечники для омачей, кетмени, тиши, замки, пряжки, стремяна, подковы для лошадей и ишаков, конскую сбрую, над которой работали также шорники, чеканщики, ювелиры, покрывая ее золотом, серебром, чеканом; были погонщики верблюдов, ишаков, лошадей, перевозивших товары горными тропами; жили кустари, выделявавшие шелковые ткани и мату; много торговцев — от таких, у которых товару было на несколько копеек, до богачей, владевших целыми караванами и многими лавками в Оше, Андижане, Узгене, Джалалабаде и других городах; много было людей, живших обслуживанием — чайханщики, караульщики, поливальщики, ташишки, дувалкаши, джудгеры, арбакешы, сучи (перевозчики во время разлива рек) и другие. Революция нарушила этот сложившийся тысячелетиями привычный уклад жизни, его ритм; многие профессии стали ненужными; наступили безработица и голод. Всеобщая разруха доведена басмачеством до крайних пределов.

Куялы (гончары), тандырщики, яманчи ашпасы (повара), сутчи (водоносы с кожаными мешками), кондитеры — мастера местных сладостей, мастера глиняных, деревянных игрушек; многочисленная прослойка мулл и хаджей (святые места — гора Сулеймана с гробницей святого привлекала много страждущих и знахарей отовсюду). Если среди торговых людей старого города были грамотные (писавшие по-арабски), то среди прочего населения процент грамотности не превышал одного процента.

Город Ош в силу исторически сложившихся условий продолжал носить колорит

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

города, связанного с Кашгаром, Памиром и Алаем, так, например, ни в одном другом городе наравне с говядиной не продавалось мясо кутаса (немного дешевле говяжьего) и чуть не в два раза дешевле бараньего; среди верховых и вьючных лошадей много было еще «кашгарских пони» - маленьких лошадок, ростом с самаркандского ишака, очень выносливых, неприхотливых, сильных в горах, но непригодных для арбы и других сельскохозяйственных работ. В составе кожсырья значительное место занимали кожи кутасов, а в пушнине — алайские красные сурки, лисицы, сусар («кашгарский соболь»), красные волки (долгое время считавшиеся «мифическими» - обитатели большей частью верхней части Алайской долины, где не только название реки — Кызылец говорит о преимуществе красно-шафранного цвета в пейзаже реки и ее притоков, но и сами скалы сложены красноцветными породами. Здесь даже улары и горные козлы имеют больше охристо-красного в одежде, чем обычно, даже змеи и насекомые приобретают покровительственную медно-красную, охристую, терракотовую окраску).

Чайханы города Ош всегда были богато украшены кашгарскими и киргизскими коврами; куржумы и паласы щеголяли обилием шерсти и местного орнамента; в выработке которого участвовал и древний культурный город, в иные эпохи соперничавший в этом отношении с Ошем — город Узген, теперь заштатный городок, сохранивший свои архитектурные памятники, но превратившийся просто в кишлак с богатыми до революции базарами.

Что касается русского города, то тут преимущественно жили военные, чиновники, отставные служащие, мастеровые, торговые люди. Никаких промышленных предприятий ни в старом, ни в новом городе не было, и это налагало свой особый отпечаток на жизнь этого уголка — форпоста пограничной с Китаем полосы.

Сам по себе городок имел всего лишь три продольные улицы — параллельно реки Акбуре и пять-шесть поперечных, с населением восемь-десять тысяч, тогда как в старом городе население во много раз превышало эту цифру — шестьдесят-семьдесят тысяч.

Отсюда шел путь на Памир, от которого недалеко, за узкой полоской территории Афганистана, лежала Индия тогда еще английская колония. В Кашгаре, отделенном от Оша Алайским горным хребтом, с перевалом Терекдаван и Талдык — тоже имел резиденцию английский консул, от которого шли нити к только что ликвидированному закаспийскому фронту, а также к событиям «Кокандской автономии» осень-зимы восемнадцатого года, а теперь и к ферганскому басмачеству.

Англия на Востоке действует подкупом — Маркс очень убедительно и красочно это показал еще столетия назад (а теперь уже сто лет назад) — надо думать, что и у нас все ишачники и все басмаческие курбаши работают на консула. Торговые связи с Кашгаром, хотя и нарушены, но весь старый аппарат существует, он только «временно» оказался без работы, и кое-что оттуда продолжает просачиваться. Даже ходят слухи, что торговцы скупают самовары, медные кувшины и везут в Кашгар, туда же бегут богатые торговцы, переправляя имущество, ценности, скот, перевозят туда даже семьи.

Рассказывают, что на «проводников» даже установилась твердая цена. Но будучи отрезаны от внешнего мира, мы мало что знаем наверняка.

В деятельности партгруппы не было настоящего руководящего начала, как проявление классового принципа. В составе ее не было ни одного рабочего, ни одного представителя местной бедноты. ПредРевкома — сын офицера царской армии; за плохие успехи в учении и еще более дурное поведение был исключен еще из младших классов Скобелевской гимназии, долгое время просто ничего не делал, а когда возмужал — поступил на завод приемщиком хлопка, кичась своими деньгами и откровенно хвастаясь товарищам, какие он применял жульнические приемы при обвешивании и как хранит хлопок на обильно политом земляном

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

полу, после чего он прибавляет в весе и разница идет в его пользу («тысячи николаевскими деньгами»). Конечно, В.К. чувствовал, что товарищи не одобряют это, так как в культурном обществе это считается недопустимым; революцию он принял, что называется, всем сердцем, был ревностным проводником слома старого мира, но только не все в ней признавал для себя ценным, например, ее гуманные принципы, мысль о счастье народа он считал для себя не нужным, так как продолжал скрыто руководствоваться все теми же принципами морали: обогащайся всеми средствами, даже незаконными (лишь бы не попасть за это в ответ), действовал дерзко, смело и нахально. Борьбу со старой властью он желал использовать — повернуть ее, обогатиться самому. Руководя деятельностью Ревкома, он прикрывал незаконные действия подчиненных. Знал о делах Гайского и Гавлинского, завладев в тех же операциях ценными коврами, он не возбудил против них дела — это сделали другие члены группы; руководя деятельностью сельсоветов, проводя выборы председателей, (выбора проводились тоже под нажимом), он затем использовал своих ставленников, проводя разного рода конфискации, реквизиции и другие операции, больше как повод для личных приобретений, к которым привлекался весь «актив». ПредРевкома вовсе не задавался целью — а каково представительство местного населения, большинство в органах власти и, в партийной жизни. Маленький русский город продолжал быть административным центром для большого города, расположенного рядом, продолжал, как и в старое время, диктовать свою волю, не спрашивая о нуждах и интересах главной части его населения.

«Диктатура пролетариата» понималась здесь административно: диктуй свою волю — ты представитель пролетариата, хотя подлинный пролетарий обречен по-прежнему на бесправие, а теперь еще и подлинный голод и беззащитность от басмачей, с которыми его объявляют сообщником. Никому не приходит мысль, что и басмачество было бы невозможно, если бы народ знал свои права, достоинство его признавалось бы во всех мероприятиях, его огульно не зачисляли бы в стан басмачей.

Человек добр по природе

Как выглядят мои идеи и жизненная практика. Делать революцию ради величайшей ее цели: построение гуманнейшего на земле нового общества, где человек должен обрести свое достоинство. И пролетарский класс, единственный, кто может довести эту задачу до конца, этим лишь и оправдана его диктатура — все остальное лишь шатание, боязнь и безразличие. Хуже всего собственничество и стяжательство. «Человек человеку волк», «Человек от природы зол» - эти нищенские идеи не для будущего гуманного мира. Человек по природе должен быть признан добрым — и все, что я видел среди этого чудесного народа — чем не подтверждение того, что человек добр по природе, склонен к дружбе, готов на доброе дело, но тогда надо уважать его достоинство, его чудный дар — склонность к добру.

Семья Улуга, Мирзакасым, Каляндар — сколько их, моих друзей, о которых я думаю, когда вижу несправедливость судьбы, многих, таких же как они добрых, но нищих и голодных людей. Попробуй, не имея понятия ни о праве, ни о гуманнейших задачах Революции, защищать себя от презумпции невинности, выражаясь юридическим языком, о которой еще молодой Ленин писал в своей статье, «Бей, но не до смерти!», разоблачая политический смысл царских судов. Нам теперь предстоит в своей практике развивать эти ленинские положения, выяснять со всей доступной нам тщательностью существо дела, разбирать все свидетельства, которые могут пролить свет на обстоятельства дела, но ни в коем случае не считать заранее человека виновным. Нарушением этой основной гуманной

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

идеи были действия бывшего царского старорежимного следователя Б-ского, а теперь выясняются еще более грубые поступки Гайского, Гавлинского. Если тот считал всякого бедняка-киргиза виновным и по заявлению любого богача сажал его за решетку даже за небольшое преступление голодного батрака против имущественной неприкосновенности, то Гайский и Гавлинский заранее считают всякого (даже бедняка) киргиза, узбека, уйгура виновными в сопротивлении власти и содействии басмачеству, не утруждая себя в обосновании доказательств их вины. И часто только один оговор соседа или лица, имеющего свои счета, служит единственным основанием для ареста, а затем и расправы над человеком. Все обвиняемые при этом оказываются неграмотными, то есть лишенными всякой возможности защищаться. Ни сам обвиняемый, ни его родственники не знают в чем его обвиняют, а после пыток прикладывают свой палец к бумаге какую им подносят. Даже не обвиняемый прикладывает к бумаге палец, измазанный чернилами, а сам следователь держит в своих руках этот палец и, поднося к краю стола, прикладывает его, как ему нужно. Свидетельские показания — тоже палец, и уж вовсе не имеет смысла — на каком языке ведется дознание и опрос. Взятничество — это злейшая, отвратительнейшая отрыжка старого судопроизводства при таких обстоятельствах всецело перешло и в новый уклад, в котором ничто не говорило о пролетарском содержании. Я считал, что социалистическая революция — это борьба нового со старым, и каждый деятель должен прежде всего бороться за идею человека, за его благо, сам должен любить народ. Конфискации, реквизиции сейчас необходимы как меры подавления буржуазии и мобилизации средств, так как власть должна обладать материальными средствами, но проводить это надо в интересах народа, при его содействии; даже и это средство должно воспитывать народ в новом духе; все отнятое должно быть с величайшей рачительностью употреблено в дело, без всякой растраты, растраниживания, экономно, бережно. А мы что делаем?

Бей, ломай, уничтожай — и наживайся.

Каждое действие руководителя не остается в тайне: народ нутром чувствует, куда девается имущество, отнятое у богатых баев. Население очень хорошо знает, что если волостному управителю приказано собрать на какие-либо казенные нужды тысячу баранов, то его амлекдары, юзбаши, эликбаши и аксакалы соберут в два-три раза больше, так как в казну пойдет меньшая доля сбора. Так и теперь: пока отобранное у бая имущество превратится в деньги, казна получит не половину стоимости его, а в лучшем случае одну десятую настоящей стоимости. Такое хозяйничанье ни к чему, кроме как к разорению, не приведет. Народ надо учить обращаться с этими ценностями, как с общественным достоянием, как его собственным, но еще более священным, чем частная собственность, так как благо общества теперь возводится в самый высокий закон. Конечно, здесь много выводов не только от романтики революции, но является плодом мечты, воспитанной на книгах, на примерах революционеров, литературных героях, на книгах всяких социологов-мечтателей, у которых мало было науки в основании их идей. Научное мировоззрение марксизма тогда мне было еще неизвестно; я гораздо позже усвоил великое революционное начало в марксистской революционной системе — учение о прибавочной стоимости. Смысл его открылся мне позднее — спустя двадцать лет. Диалектику я знал еще из греческой философии, знал еще по Гегелю. Но стройного научного значения ее и всеобъемлющий характер ее тоже понял позднее, а тогда к диалектике я склонен был просто внутренне, строю своих чувств, но без логики. Поэтому вся старался толковать сам, усвоить из жизни, а потому и прислушивался больше к чувствам, во всем видел прежде всего эмоциональную сторону.

У меня было несокрушимое внутреннее чувство, что этот народ, который я люблю (киргизы, узбеки, таджики), всегда мне ответит симпатией. Это доходило иногда до

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

ощущения своей безопасности даже там, где опасность действительно угрожала. Вероятно, это происходило еще и потому, что я с увлечением отдавался интересу, который во мне вызывали люди — я смотрел на них глазами будущего художника, которому теперь жизненно необходимо все увидеть, понять, изучить, вжиться, запомнить.

Я не любил собственников, стяжателей и этим определялась моя политическая настроенность, но классовую сущность собственников я понял значительно позже — и то лишь на основании собственного опыта. Классовая принадлежность изучаемого человека тогда для меня не играла никакой роли — я мог изучать его человеческие черты и мог иногда оправдать бая и осудить бедняка, если он, с точки зрения общественного блага, заслуживал этого. Позднее, при Сталине, политический формализм (догматизм) доведен был до таких пределов, когда содержание и ценность личности потеряли всякое значение, и человека оценивали по его этикетке, ярлыку, который был навешан либо ранее кем-то, либо казенный человек имел возможность сам навесить на него. Этим ярлыком часто определялась и судьба человека, а ярлыки вешали целыми пачками — по оговору, по доносу, даже по одному намеку со стороны вышестоящего, иногда просто по телефонному звонку.

Все же пороки старого общества: взяточничество, равнодушие, бюрократизм, стремление к обогащению и пренебрежение к нуждам народа — получили свое законченное развитие в период культа личности Сталина, когда самого честного, инициативного, смелого, принципиального человека могли поставить к стенке, послать на каторгу по доносу ничем не обоснованному (опровергать должен был обвиняемый). Обычно этими доносами занималась «мразь» - людишки, знавшие однако силу доноса и оговора.

Такую силу оговор не приобретал даже в самую мрачную пору царизма, какую он приобрел при Сталине, этом арачкееве после ленинского периода светлейших надежд и свершений. Но если за спиной Аракчеева стояла прогнившая монархия, то за спиной Сталина стояла могучая партия, развивающаяся как стихия, в которую Ленин вдохнул бессмертный дух и которая в конце-концов отбросит культ личности, поведет борьбу с равнодушием, с бюрократизмом, взяточничеством, оговором, мещанством. Эта партия объективно, в силу законов природы и общества, открытых Лениным и Марксом, опиралась на народ, двинувшийся к прогрессу, переделывавший себя в своем движении, вырабатывавший новое сознание на условиях новых отношений в производстве, средства которого отныне и навеки ему теперь принадлежали. Форма частной собственности на эти средства производства теперь уже была противоестественной, отталкивающей чувство подавляющего большинства народа — это безошибочно знал Ленин, когда еще в Разливе сообщил смущенному Орджоникидзе, что через два-три месяца народ восстанет против Временного правительства, против власти буржуазии. В то время, когда Орджоникидзе информировал его о тяжких ударах, сковавших и заставивших уйти партию в подполье.

Халхаджа старался поддерживать религиозные предрассудки, еще более разъединявшие кяфиров («поганых») от правоверных и поддерживал у себя проповедь газавата — тотальная борьба против неверных. Население, привыкшее слушаться «аксакалов», находило в их словах многое из того, что привито им было с детства, а отсутствие классового самосознания при неимении в своей среде промышленного пролетариата не давало прямо чутьем определить — где правда; то, что делает чужая власть, не выражает их чаяний и интересов, связанных с положением города, стоящего на караванном пути. Даже батракам, которым нечего терять кроме своих «цепей», теперь делать нечего, все сельскохозяйственные работы заброшены, малаи и тащишки не нужны, у арбакешей лошади, если не отобраны басмачами, стоят голодные без надежды на работу, а хозяева их голодают.

С точки зрения и предРевкома В.К., Гайского и Гавлинского теперь каждого жителя

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Старого города - «мусульманина» - надо считать за басмача, за потенциального басмача.

Тот, кого они казнили во дворе своего учреждения, не был басмачом, как это выяснилось, а лишь оговорен был и назван басмачом самими следователями, как оказавший власти сопротивление. Он был арбакешем у бая, работал на лошади хозяина, платя ему оброк; чистил байскую конюшню, поливал двор, водил на водопой байских лошадей, вывозил на поля навоз. Сакля его, темная с черным от копоти потолком, со свисавшими ветками хвороста, была тут же при конюшне.

Когда стали отбирать лошадей у бая, он встал на защиту «своей» лошади, на которой он работал, и вырвал повод у председателя сельсовета, пытавшегося увести эту лошадь. На поводу у лошади повисли жена арбакеша и его 10-ти летний сынишка — они были тут же избиты нагайками, а сам арбакеш был связан, избит и его постигла участь, которая вызвала возмущение даже выдавших виды милиционеров на дворе ЧК. Сам бай успел скрыться и, возможно, ушел к Халхадже — этого никто не мог проверить, имущество его было конфисковано (а какая часть попала в казну — неизвестно). Такое имущество продавалось с торгов, то есть за гроши и иногда получалось, что все имущество бая стоило одного ишака (а где остальное?). Или какой же это бай? Официальные документы, подшитые к делам, рисовали картину таких действий, которые нельзя было расценить иначе, как контрреволюционные.

В старом городе

В старом городе выявлено новое преступление — обстоятельства эти обсуждала партийная группа. Член партии, Ибрагимов, зав. питательным пунктом, приглядываясь к девушкам, стоящим в очереди голодающих за миской похлебки, отказывал тем из них, которые не соглашались отдать свою честь. Следствие подтвердило жалобы. Ибрагимов был снят с должности и арестован ЧК.

Распухшие от голода девушки, их матери, больные старики, многих из которых приходилось допрашивать на месте, так как они не смогли бы добраться до камеры следователя — были многочисленными свидетелями по этому делу. Раздачу пищи поручили комиссии, избранной самими голодающими, под контролем ее и пища была улучшена.

Конечно, все эти события получали широкие отклики в умах и настроениях жителей старого (да и нового) города, когда каждый должен был по новому как-то приспособиться жить и для него это было гораздо труднее, чем для «рабочего класса» России, который, прогнав хозяина, оставлял в своем распоряжении завод или фабрику, где продолжал работать.

Пока шла работа над делом по поручению партгруппы и выяснялась крайняя необходимость наладить хозяйственную работу среди населения, - голод и разруха распространялись, а на будущее не было никаких ближайших перспектив, разработанных Ревкомом, беднейшая часть населения не имела работы и не знала куда приложить свои руки, чтобы заработать на кусок хлеба: куда должны идти поливальщики, сторожа, арбакеша, ишачники, ойлики и иллики, среди которых было много «кашкарлыков» - выходцев из Кашгара, откуда они ежегодно прибывали тысячами, надеясь на прежний емкий рабочий рынок Ферганы, а теперь не имеющих средств вернуться домой, так как и там работы для них нет. Среди кашгарцев встречались безухие, уши резали по решению суда в Кашгаре за каждую провинность. За воровство там рубили руку. Вся сила закона была в защите собственности; она же и породила это изуверство. Старый город теперь был узлом неразрешимых вопросов, труднейших и в правовом, и в социальном, и в материальном отношении, над которым нужно было со всем революционным пылом, решимостью и самозабвением трудиться всем, кто поставлен был силою вещей у руководства. Однако эти

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

проблемы не трогали того, кто в первую очередь должен был заниматься ими. ПредРевкома К. - он решил пуститься в экспедицию по уезду, на «целину».

В Узгене

Город Узген был вторым после Оша экономическим центром уезда. Путь в него лежал через большой зажиточный русский поселок Куршаб, но он почему-то не привлек внимание предРевкома. Узген был подобен Старому городу Ошу — сплошные торговые ряды, большой базар, обширный город, населенный преимущественно узбеками и частично киргизами и уйгурами. Там проводились выборы предсельсовета, как было доложено на партсобрании. Но на следующем собрании разбирался вопрос о другой стороне этой экспедиции — о взятке 60 тыс. рублей с торговцев Узгена. Меня командируют в Узген. Военной охраны я не взял и поехал один со сторожем Сапарбаевым, который сам вызвался сопровождать меня. Высокого роста старик-татарин очень привязался ко мне за время работы в камере следователя и на старого солдата я вполне полагался. Мы вооружились винтовками и выехали. До Куршаба — тридцать километров.

Выехав за околицу старого города, ехать надо было степью и адырами под названием Отуз-адыр-тридцать адыр. Тут более всего можно было встретить басмачей, но проехали благополучно. Было совершенно безлюдно. В Куршабе заночевали у С.Ю.К. быв.зав.гос.конюшней, проводившего там случайную компанию. Истинное наслаждение для меня было снова увидеть этих замечательных лошадей, из которых моим любимцем был ахалтекинец Джахангир. Жизнь в Куршабе мне показалась иным, давно забытым миром — молоко, овощи, хлеб из крупчатки, мед и традиционный плов, которого мы давно не видели в Оше. Там голод, безработица, разруха; здесь — полная чаша; мужики вооружены, стада тучных коров запружают все улицы, вечерами пляски, гулянки, самогон льется рекой, хозяйки пекут хлеб, готовят борщи, сушат пастилу, кизячный дух идет от базов, кудахчут куры и трижды в ночи поют петухи. В тяжелом раздумье я выехал на рассвете в Узген. Переправляться через разлившуюся Карадарью пришлось без проводников, а просто на глазок. Ширина пенистой мутно-шафранного русла реки здесь была не менее версты, но река разбилась на несколько русел, больших и маленьких, и мы переправились благополучно, если не считать, что Сапарбаев, не имевший в этом достаточного опыта, едва не утонул; его лошадь сбило течением и она пошла вплавь под своим грузным всадником и к счастью, через несколько шагов уже задержалась на отмели, а всаднику было по пояс в воде. На берегу пришлось приводить себя в порядок: разделись, подсушились, закусили тем, что нам дали на дорогу хозяйки, напились мутной горной воды — и въехали в город Узген. Следы разорения и пустоты как и в Оше, но лавки кое-где открыты.

Допрос начал с сельсовета — что происходило? Собирались ли торговцы и собирались ли деньги для казны, для представителей власти? Отвечали, что были выборы сельсовета, но деньги не собирали с торговцев. Чувствуется, что в ответах скрывается какое-то обстоятельство. На что-то они оглядываются (то ли на своих, то ли на чужих?). Очень не хотелось впутывать К., но хотелось выяснить правду: неужели он мог пойти на такое преступление, за которое может быть только расстрел и такой позор! А вред всему советскому делу! Руководитель всего уезда!?...

Первый день не дал следствию никаких данных. Вечером просил Сапарбаева побывать среди лавочников, в чайханах, затереться в их ряды, не называя себя, и исподволь расспрашивать об их делах, а сам наводящими вопросами в разговорах с исконными обитателями базара (караульщиками, поливальщиками) выяснил, что торговцев собирал предсельсовета, на собрание никого не пускали, а после собрания, торговцы все искали

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

деньги, для кого — неизвестно. Один торговец говорил в чайхане, что он закрыл лавку, так как разорился и что лучше уехать ему отсюда. Этого торговца я разыскал и он поведал страшное: собрано было по их подсчетам сто тысяч рублей, часть этой суммы покрыто было коврами, часть золотом. Деньги и ценности тащили в сельсовет, где был предРевкома из Оша. Сдавали без квитанции, так как уверяли, что это сбор с той целью, чтобы купцов не облагали контрибуцией. Следовательно, это была именно взятка. Но никаких расписок, никаких письменных доказательств. Список, на кого сколько было наложено, находился по словам нескольких лиц из торговцев, у председельсовета. По ходу следствия надо было допрашивать председельсовета, но ... он уехал «на той». В какую сторону? Моя оплошность, что я сразу его не арестовал, а не арестовал, так как не хотел верить в преступление и подходил к делу издали, слишком издали. Послать за ним некого: ходят слухи и чувствуется, что басмачи близко. Тут я пожалел, что отряда со мной не было. Дело обещало раскрыть чудовищные преступления против Советской власти; многих надо было бы арестовать, но местная милиция подчиняется председателю сельсовета, а без него — никому. Я не располагал силой, которой могли бы подчиниться, а наглое неуважение со стороны и председельсовета к органам ЧК скрывало за собой обстоятельства, которые им известны, а мне — нет. Это прояснилось для меня через несколько месяцев.

Некоторые торговцы заявили, что такие же сборы были и в пользу Халхаджи, как откуп за то, что он не разорял их. Сопоставление это вызвало тяжелое чувство. Клевета, оговор? Нет, многие действительно выбились из сил от этих поборов и закрыли свои пустые лавки; торговля замерла, в сельском хозяйстве запустение, нет скота, нет лошадей; голод заставляет людей пухнуть, у них отеки под глазами, обвисла кожа, за которой чувствуется водянистая жидкость, ребра, просвечивающие сквозь остатки одежды, глаза, ставшие безразличными ко всему на свете — все говорит о тяжелом состоянии жителей этого также несчастного «туземного» города, как и города Оша. Список потерпевших все пополнялся и мог перевалить за сотню. Привлекать ли торговцев за дачу взятки? Этот вопрос решался отрицательно, так как налицо было вымогательство, политическое преступление, неграмотность и забитость населения, не успевшего еще расстаться со старым режимом и не понявшем еще разницы между новой властью и старой, население, мыслящее еще старыми категориями, когда взятка, откуп были обычным нормальным явлением.

Сапарбаев мне во многом помог и много наслушался о вымогательствах; кроме того, что председельсовета собирал деньги для Халхаджи, он поставлял для него ружья и патроны. За каждый патрон к трехлинейке, к 4 лин.берданке, к «Винзерле» он платил по сто и больше рублей. Открывалась чудовищная картина; требовалось серьезно заняться Узгеном, провести здесь много времени и для безопасности иметь при себе отряд, так как на «самоохрану» надеяться было нечего. Узген фактически был во власти басмачей и Сапарбаев, что-то умалчивая, как мне показалось, стал торопить к отъезду. По его совету, из предосторожности, мы выехали закоулками до рассвета и когда красноватые блики коснулись холодной воды Карадарьи, переправились на левый берег и на рысях добрались до Куршаба, где вздохнули с облегчением, как будто бы за нами шла погоня. Проночевав опять у гостеприимных К., на следующий день были в Оше. Как потом, спустя год, выяснилось, именно в Куршабе готовилось выступление кулаков, которых С.Ю.К. отговорил от этого акта; «крестьянское восстание кулачества» под начальством Монстрова, было уже готово к выступлению, ждали сигнала и этим сигналом готовили сделать убийство пред ЧК. А.К., бывший царский офицер, был, как оказалось, одним из заправил среди вовлеченных Монстровым в это восстание. Я был знаком с самого моего прибытия в Ош с С.Ю., а его жена Х.М. служила в камере следователя делопроизводителем — и, не будучи слепым орудием в руках белогвардейской верхушки, С.Ю., хотя его друг и был «большевиком», да еще занимающим пост пред. ЧК,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

назначение которого — бороться с контрреволюцией — оказался другом и даже в такой момент смог решительно отстоять свою дружбу. Но об этом я узнал много позже. Обстановка в Куршабе, увы, не вызывала у меня никаких подозрений: пред. ЧК был доверчив к людям, «как овечка», не умел еще заглянуть вперед, не имел революционного опыта и не мог иметь «классового чутья», так как сам не принадлежал к классу пролетариев, а марксистской философии и ленинского учения о социалистической революции еще не узнал. О готовящемся выступлении кулачества не знал и предРевкома К.В., который передо мной бывал в этих местах, проводил какую-то работу, этого чутья у него не было, вероятно, по тем же причинам — мы с ним оба бывшие гимназисты — я — сын ветеринарного врача, он — сын офицера. И никто в партгруппе у нас не был осведомлен о делах Куршаба — настолько мы были в Оше изолированы от всего внешнего мира и от всего уезда. Не знал об этом и начальник особого отдела В.Л., который развернул свою работу в Оше одновременно с занятием мною поста пред. ЧК.

В город Ош прибыл с отрядом командующий Ферганским фронтом, Коновалов. Поинтересовался делом предРевкома К.В., просмотрев материалы, не сделал каких-либо выводов, с мерой пресечения — подпиской о невыезде согласился, сделав В.К. внушение на правах старого знакомого (в роте его отца Коновалов служил фельдфебелем).

Коновалов ушел, через некоторое время прибыл пред.областного ЧК (Фоменко?) с отрядом в сто человек и с места в карьер меня арестовывает. За что? По чьему сговору? Действия эти и для меня и для всего города были столь неожиданны и казались столь несправедливыми, что все учреждения города объявили забастовку; меня уже вели в тюрьму, когда улицы запрудили люди, возмущавшиеся действиями пред.обл.ЧК. Жители русского города, красноармейцы с оружием, узбеки из старого города вдруг объединились с громким требованием освободить меня, грозя в противном случае сделать это силой; у самых ворот тюрьмы меня освободили ..., а пред.обл.ЧК со своим отрядом сквозь густые толпы народа, испугавшего его своим единодушием и стойкостью, убрался восвояси. Справедливость восторжествовала. Очевидно было, что если бы меня удалось арестовать и обвинить в неправильных действиях, то Г. с Г., предРевкома К.В., зав.питательным пунктом И. были бы восстановлены и продолжали бы свои беззакония, на что не согласилось само население и старого и нового города во главе с большей части партгруппы и всеми советскими учреждениями города Оша.

К этому времени малярия меня совсем доконала и врачи дали мне отпуск с требованием немедленно переменить климат. С первой же оказией я выехал из Оша в Скобелев. Здесь болезнь продолжала меня часто держать в постели, приступы продолжались, несмотря на несколько принятых хинных уколов.

Приезд М.В.Фрунзе

Однажды ко мне домой явился В.К. и поведал сногшибательную весть: город Ош окружен басмачами под командованием Мадаминбека с присоединившимися к нему Памирским отрядом под командованием П. и отрядом Куршабских крестьян во главе с Монстровым. Кто такой Монстров? Военный? - Нет, какой-то адвокат или бывший чиновник. В.К. как только проведал про это, удрал тайком из Оша, никому не сказав об этом.

Через несколько дней появился начальник особого отдела Л.В. Он рассказал, что город Ош взят: на казармы и «крепость» басмачи пустили воду из верхнего арыка, которая размыла дувалы и затопила все улицы и дома. Сам Л.В. проявил большое геройство: он выскакивал на своем сером коне из ворот крепости и, подскакав к басмачам, кидал в них гранату и тут же удирал обратно. Однако вскоре город был взят, а Л. один прорвался из окружения и

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

благополучно добрался до Андижана, откуда теперь прибыл в Скобелев. Все руководители и большевики были арестованы и заперты в тюрьме в городе Оше, а Мадаминбек и Монстров уже ведут осаду Андижана.

Войска Ферфронта стали стягивать на выручку Андижана и усиливать гарнизон Скобелева. Подкрепления идут из Ташкента и из России, где недавно ликвидирована оренбургская «пробка» восточным фронтом под командованием Фрунзе М.В., нашего земляка семиреченца, сверстника старших наших товарищей-студентов. Фрунзе и раньше был известен своей революционной деятельностью, хотя и давно уже за пределами Туркестана. А так как все «туркестанцы» знали друг друга, то и Фрунзе был у нас известен, революционер старшего поколения, вызывавший у нас преклонение своей подлинностью, кристальной чистотой, негибимой волей и бесстрашием.

Фрунзе — не чета В.К. и другим нашим «большевикам». А что он тоже был большевик, для нас было новостью. Если бы Фрунзе был здесь — не было бы этого безобразия, породившего басмачество, а теперь и многие бывшие офицеры собираются бежать к Мадаминбеку, у которого их собралось уже порядочно. Бегут почему? Есть такие, что готовы драться за свои прежние привилегии и не приемлют власти народа принципиально, с «классовой» точки зрения; другие, сочувствуя народной власти, понимая ее историческую справедливость, не знают к чему себя применить, чем заняться — а хлеб добывать надо; постоянные обыски, угрозы арестом сделали их недоверчивыми в условиях беззакония, когда на руководящих постах стоят такие выскочки как В.К. и другие, которых, если почистить, то можно увидеть самые низменные инстинкты, легко скрываемые натянутой маской большевика, устанавливающего «диктатуру пролетариата».

От пролетариата они как раз очень далеко, а к авантюристам, мародерам очень близки. Но тем не менее их очень трудно разоблачить, так как они действуют организованно друг за друга, а честные большевики, надеясь на то, что за них справедливость, ленинская идея, народ — не собирают вокруг себя ядра, и борются против такого засорения рядов партии не в силах, так как общий культурный уровень населения невысок, к власти стихийно тянутся все элементы, которые отрицают старый мир, и среди них те, которые не хотят что-либо оставить от него, и только культурные люди сознают, что все прогрессивное, накопленное именно старой культурой, надо сохранить и развивать, иначе — гибель. Все превратить в пепел нельзя, а главное, надо беречь людей, особенно, носителей прогрессивной культуры и людей высокого морального облика, так как они-то и должны будут участвовать в строительстве нового общества более высокого и совершенного во всех отношениях против старого общества, погрязшего в своих пороках.

Среди так называемого «басмачества» не все однородно. Там выделялись три группы: Ергаш — наследство «Кокандской автономии» - контрреволюционной группы, разгромленной зимой тысяча девятьсот восемнадцатого года. У Ергаша, как говорили, было до четырех тысяч джигитов — националист, действовавший в Кокандском уезде.

Халхаджа — бандит самого низкого пошиба, садист, убийца безоружных, попавших ему в лапы, грабящий всех подряд.

Мадаминбек — бывший каторжник, талантливый народный вожак, тянувшийся к русской литературе, хотя и безграмотный, человек, достойный внимания, как самородок, стоявший на перепутье и не понимавший значения революции, а тем более большевиков, единственно последовательных революционеров, к которым по складу своего ума и характера его и следовало бы отнести.

И он был бы большевиком, если бы был среди русских рабочих, а здесь, где нет такого пролетариата, где те же русские господствуют, а сельская беднота по-прежнему бесправна и голодает, и с разрушением старой не получившая еще новой экономической базы.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Земледельцы получали семена и авансы под хлопок на заводах, имели инвентарь, там работали неграмотные чарикеры, которые сами бессильны что-либо сделать. А хлопок, как монокультура, теперь, в голодные годы, не может прокормить голодные семьи, рассчитывавшие на привозную пшеницу, покупаемую с базара на деньги, выдаваемые авансом под хлопок.

Поход

Среди людей, уходивших к Мадаминбеку, были многие мне знакомые и удивительно было то, что это были люди серьезные, глубоко порядочные, интеллигентные, народники по образу мыслей, приветствовавшие революцию и даже боровшиеся против старого режима. Уходили потому, что здесь их преследовали недоверием. По преимуществу это были бывшие офицеры, вернувшиеся с фронта. Ходили слухи, что один офицерский отряд под начальством Тимофеева ушел через Памир в Индию. Мадаминбек не уйдет, не бросит родные места, а когда ликвидированы будут лиходейства и бесхозяйственность теперешних руководителей областей и уездов — Мадаминбек легко может быть склонен к примирению с Советской властью и тогда все его воинство — дехкане из Маргелана, Шарихана, Андижана — сразу приступят к мирному труду. А пока это басмачество не рассыпалось (ведь узбеки-дехкане — глубоко мирный народ), крайне интересно посмотреть на него своими глазами: другого такого случая не будет у художника, если он задумал любую историческую картину на тему из прошлого Средней Азии.

Ведь это — современные Чингизханы, Тимуры и Бабуры, Абдулла-ханы и Худаяр-ханы. Военные приемы, тактика, походы, нравы, стойкость или слабость — все это выстроилось в невидимом отсюда лагере, которое пройдет и канет в Лету, унося с собой уже навсегда возможность наблюдать непосредственно своими глазами. Этой возможности упустить было нельзя.

Моя политическая деятельность — временное занятие, основное — художник.

Как чекист, я не обладал прозорливостью: о готовящемся куршабском восстании я ничего не знал (а это я обязан был знать), и чуть сам не попал, как кур в ошип, в эту заваруху (там, вероятно, моя карьера и кончилась бы, так как чекистов-то в первую очередь поставили бы к стенке), кроме того, в среде своих соратников у меня слишком обострились отношения — приезд комфронтом Коновалова, начальника областного ЧК с отрядом для моего ареста, покушение на меня со стороны помощника военкома Лысенко (бывшего эссера) — все эти факты говорят о том, что меня так или иначе здесь сживут со света, если мне теперь же не найти защиту свыше (но для этого надо ехать в центр), а затем уже и политическую работу нельзя будет бросить — слишком серьезно будет положение и постоянно такая обстановка — когда же тогда учиться и брать жизненный опыт для обеспечения художественного поприща?

И так как молодость больше слушает чувства, чем разум, я решил идти к Мадаминбеку.

Делиться своими мыслями я не хотел ни с кем из товарищей, так как явиться туда в своем теперешнем амплуа чекиста по заданию органов и организовать там подполье — боялся: раскроется, так как много предателей в Советских учреждениях; со стороны Коновалова я не встретил сочувствия. Доверился лишь моему закадычному другу П.Д.К-ву, который тогда был председателем облисполкома, старому большевику. «Если Вас потом будут расстреливать за самовольный шаг — я скажу свое слово, но не раньше! Как договорились!» - сказал он шутя. «Как будущего художника — благословляю, надо все видеть своими глазами — всякая картина должна быть прежде всего правдой».

П.Д.К. был очень образованным человеком: принципиально — прямой и в то же время

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

мягкий; убежденный марксист-ленинец — в то же время верующий, подпевающий в церкви своим «козлетоном», с чистой душой, как у ребенка, и не затейливый в одежде, не замечавший на ней ни дыр, ни лохмотьев, ни самых подозрительных пятен, например, масляных кругов на своем форменном, давно заношенном кителе (он был инженером-ирригатором). Зимой и летом ботинки на босу ногу, которые давно превратились в опорки — и регулярная баня с горячим паром на полке с веником, по-русски. На шее у него при этом всегда висел крест, какой-то старинный, серебряно-чеканный в узористой оправе, а вместо цепочки — свалывшийся шнурок, впитавший за свою жизнь немало и пота, и мыла, достаточно черноты.

И П.Д.К. потом сдержал свое слово и во многом оказался пророком — светлая была у него голова, а посмотришь — будто одни противоречия — «форма не соответствует содержанию». В народе его знали и глубоко любили, в старом «интеллигентном» обществе отдавали должное его убежденности и высокой эрудиции, указывали, однако, на его христианский крест, место на клиросе, поповское обличье (волосатость) и мужичью простоту в обращении, органически отсутствие каких бы то ни было «манер».

О.К.Д.

Задуманный поход «за опытом» сулил много опасностей. Самое трудное — обезопасить себя на первое время, чтобы я оказался не пойманным чекистом, а «своим» человеком. Я подумал о своей крестной — О.К.Д. — она живет в двадцати пяти верстах от города в своем поместье, говорила мне о том, что Учкурганский минбаша Насреддин будто бы сколотил шайку и пользуется покровительством Мадаминбека — если это действительно так, то рекомендации О.К.Д. и личное знакомство с Насреддином могли бы дать мне нужную обстановку, а что будет дальше этого сейчас предпринять нельзя, главное — увидеть все своими глазами, войти в соприкосновение с народом, а там будет видно, что делать.

Отправившись к О.К. чтобы прошупать обстановку, я сразу попал в горячий котел. Ворота были заперты (чего раньше никогда не бывало!). На стук явились какие-то люди, опросившие меня и в суতোлке побежавшие докладывать О.К., домик которой находился в глубине двора. О.К. осведомившись, велела открыть половину ворот, и, загородив вход своей хилой фигуркой, гордо подняв голову, поправляя пенсне на узкой переносице, сверкая своими черными большими (монгольской, вернее, даже китайской формы) глазами, холодно ответила на приветствие, явно не подавая руки, и ни одним движением не проявляя обычного расположения, разразилась давно видимо накопившимися чувствами неприязни к Советской власти, большевикам-извергам и заявила: «Ты — большевик, а я — мадаминовец!». Дискуссию у ворот надо было чем-то кончать — либо туда, либо — сюда. Я попытался смягчить ее враждебный пыл, сказав, что именно у Мадаминбека есть кое-что от большевиков, нов лучшим смысле слова: Мадаминбек любит народ, именно бедноту. В Сибирь, на каторгу он попал по приговору царского суда за рабочих, причинявших баям страх и убытки, а бедноте — даже выгоду; Мадаминбек — стихийный бунтарь, если бы ему дать образование, он стал бы большевиком, а не монархистом или кадетом. Вы сами боролись против монархии и я всегда следовал Вашему примеру, считая Вас для себя образцом и примером. Вот и сейчас я приехал к Вам за советом, как попасть к Мадаминбеку. С какой целью? Проникнуть туда по заданию ЧК? Нет, на это я не пойду. Мадаминбек для меня — наш герой, и я буду еще его защищать. Я сказал, что напротив, я хочу участвовать в его народном движении против той части большевиков, которые представляют собой не партию с высокими идеалами гуманизма, а проникший в нее преступный элемент, декларированную публику вроде В.К. и других, которые тоже дискредитируют власть народа

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

и не способствуют хозяйственному строительству государства, без которого государство не может существовать.

О.К. в конце-концов сдалась и пригласила к себе. К воротам примыкала постройка, где обычно жили рабочие. Дойдя до ее угла, О.К. кому-то махнула рукой — жест, из которого можно было понять, что она распорядилась кому-то уйти и скрыться. Это насторожило. Но я не подал виду и последовал за ней. По охотничьей привычке обратил свое внимание на следы во дворе: много кованых лошадей прошло в одном направлении — во двор. Я в западне! Наган у меня был спрятан под пиджаком с расчетом, чтобы его сразу можно было выхватить оттуда; я ощутил его дружескую близость и шел за О.К., не оглядываясь, с небрежным видом — красноречивее следов, мне ничто не сказало бы о присутствии здесь басмачей. Когда я оказался уже за маленьким заборчиком, отделявшим домик от остального двора, курганчи, у меня отлегло от сердца — теперь я защищен этим заборчиком и в случае чего могу отсюда вести бой.

Тут сразу как-то неизвестное стало известным; пусть там сидят басмачи, но это те же здешние люди, которых всех я знаю и которые меня знают; он знали меня, что я «мерген», что я на окучке хлопка любого из них обгоню, что я некоторым из здешних обучал лошадей ходить в арбе, что я люблю киргизские песни и все музыканты меня знают, как своего поклонника...

Но обстановка была совершенна новая: О.К. в роли поборника и сообщника Мадаминбека! Этого я пока никак не мог понять. Какая эволюция от тысяча девятьсот пятого года, когда она была заместителем редактора «Ферганки» и как «политическая» подвергалась преследованиям жандармерии. Я прятал ее подпольную литературу, стремился по ее примеру стать настоящим революционером — и вдруг она против революции! Эта смелая самоотверженная женщина, знавшая все иностранные языки (французский, английский, испанский, шведский), высокообразованная — мне она представлялась и «демократкой» и народницей шестидесятых годов, наследницей Чернышевского, Герцена и Белинского, деятеля «Народной воли», бунтарем против царского режима. Как понять весь путь развития человеческих идеалов, когда человек в бурную молодость готов отдать жизнь за то, против чего он к старости будет с иступлением бороться?

К вечеру входят и здороваются, как старые знакомые, семь офицеров — жителей Скобелева — Ф-Г, Мет., Мяс. и другие. Это были все очень симпатичные люди, демобилизованные из армии, вернувшиеся с фронта, теперь бывшие не у дел, подвергавшиеся частым обыскам, прослышавшие, что Мадаминбек приглашает всех «добрых» офицеров к себе, гарантирует уважение их человеческого достоинства. Брат Меш. — Аполлон окончил скобелевскую гимназию в тысяча девятьсот седьмом году; Мас. — имел земельный участок в Шакаркишлаке, и хотя я с ним не был знаком, но друг друга мы знали, старожилы скобелевцы все знали друг друга.

Ночью мы все были посажены вторым классом на лошадей и через Валинскую степь нас повезли в сторону Шарихана, и на следующий день мы были представлены Мадаминбеку.

Мадаминбек

Мадаминбек знал многих по рассказам и приветливо улыбался каждому. С ним был генерал генерального штаба Муханов, сын которого учился в гимназии, младше меня класса на два.

Раньше Муханов служил на Памире и проявил себя талантливым военным организатором, много сделавшим для укрепления этого пограничного района. Его заслугой

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

считалась блестящая постановка картографических работ и изучения районов, прилегающих к Индии, тогда английской колонии, откуда более всего угрожала экспансия. Рассказывали, что англичане были сильно встревожены прежде всего тем, что русские пушки прошли через перевал Талдык, а теперь — успешной деятельностью генерала Муханова. Рядом с Мухановым был полковник генерального штаба Фирсов, человек, обладающий большим обаянием, высокообразованный, знавший лично Фрунзе и открыто ему симпатизировавший. Большой радостью было увидеть в окружении Мадаминбека С.Ю.К. из Оша. На германском фронте он был тяжело ранен, девятнадцать дней лежал без сознания, но могучий организм вынес: ему сделали операцию — вырезали прямую кишку и он поправился, но постоянно должен был носить «пробку» и тем не менее он легко танцевал лезгинку и скакал на лошадях. Высокий, жилистый, с ногами «колесом», скуластый, обладатель мужественного голоса, с военной выправкой человек, он был любимцем в любой компании, о его подвигах на германском фронте рассказывали легенды. Он был воспитанником Оренбургского корпуса, кончил войну в чине штабс-ротмистра; конечно, эти высокообразованные, талантливые люди не могли прийти по вкусу деятелям типа В.К., недоучкой, поступавшим приемщиком хлопка с целью завоевания общественного положения путем жульничества, обвеса, воровства — а теперь добивавшихся высоких ответственных постов при Советской власти.

Вооружение у басмачей было «партизанское» - кто во что горазд; у кого перезарядная винтовка пехотного образца; у кого кавалерийская или драгунская (укороченная); берданы, четырех линейки, ружья винтерис; патронов — кто сколько добудет. У иных винтовки не действовали, смазочных материалов не было, оружие содержалось так, что ни о каком серьезном бое и думать нельзя, да и не было сколько-нибудь серьезных боев. Пушек ни одной, пулемет один у Памирского отряда, составленного сплошь из молодых офицеров и кадетов.

Под Шариханом нас обстреляли из пушек с бронепоезда, началась паника, и тут я увидел, как истый военный, телом своим прикрывающий своего командира, Фирсов показал Мадаминбеку на дверной проем, где нужно было спрятаться, как в наиболее безопасном месте — и старался загородить его от возможных осколков. Дом был разрушен, но никого не задело. Решено было отступать — потянулись по направлению к Гульче. Меня трясла малярия, и я ехал, не замечая дороги. Очень внимательно меня поддерживал Мас. ..., приносивший мне еду, старавшийся раздобыть горячего чая, так как во время приступов обостряется жажда. Положение ухудшалось тем, что мне попала злая лошадь, не подпуская к себе никого, и досталась она мне после того, как от нее все отказались, еще в Шарихане. Проверять ее было некогда, она оказалась запаленной и теперь на подъемах задыхалась. Приходилось отставать от других — и Мастерков оставался со мной. Так мы и ехали в хвосте, давая обгонять себя одному отряду за другим, и, наконец, отстали километров на пятнадцать. Так прибыли в урочище Кызылкурган, в семнадцати верстах за Гульчей, где задержался отряд С.Ю.К. - с которым оставалось несколько русских, а аскерами были киргизы.

Все отряды ушли: Мадаминбек — в Кашгар, Памирский отряд — на Памир.

В составе каракиргизского конного полка теперь была сотня Куршабских крестьян под командой моего старого знакомого К.-никова, с братом которого мы еще в пятилетнем-шестилетнем возрасте скакали на ишаках, а затем и учились в младших классах гимназии.

Одна сотня киргиз была под командой курбаши Мойдына, а в третьей и четвертой были русские командиры-офицеры, а рядовой состав — киргизы. С.Ю.К. предложил мне остаться при нем, но я был не у дел и кроме малярии меня мучила неопределенность моего положения.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

С Памира поступили сведения, что там расстреляли военкома отряда Рашида ..., моего друга по Ошу, честного большевика, преданного делу революции. Обвинителем, говорили, был Ненсберг, присяжный поверенный из Скобелева, оказавшийся жестоким и мелочным человеком. Как рассказывали, другим таким жестоким человеком был Монстров — люто ненавидевший большевиков и готовый мстить им и убивать только из формальных соображений — большевик — и баста. Он даже считал, что честный, идейный большевик еще страшнее. Хорошо, что все эти люди были теперь далеко — в Кашгаре, но чувствовал я себя не в безопасности. Главное — я еще не уразумел как следует — что такое басмачество, какие мысли у этих дехкан, носящих теперь почему-то прозвище «бегляр», то есть «князья», как они представляют себе будущую жизнь, какую власть, какой труд в мирное время.

Материал для композиций

Для моих будущих композиций еще не хватало материала: психологии, определяющей и позу, и переживания, и ситуации. Походы красногвардейцев, красноармейских, добровольных отрядов ничем пока не отличались от того, что я видел здесь, разве только тем, что здесь было больше узбеков, киргиз, больше неумелости. Боев настоящих не было. Видел панику и бегство — это интересно. Здесь запомнились некоторые характерные моменты, в которых была и дикость, и толпа, и жестокость, животное чувство самосохранения и безрассудство.

Через некоторое время С.Ю.К. призывает меня и говорит: принимайте взвод — 11 киргиз под командой курбаши (Нишанбай), который будет теперь урядником, перешедших на сторону Мадаминбека от Халхаджи. Я с радостью согласился и узнал, что этих «басмачей» отказались принять в свои взводы другие командиры, сторонясь от этих «головорезов» (перерезавших безоружных австрийцев в восемнадцатом году), кроме того некоторые командиры взводов не знали киргизского языка. Я смотрел на своих подопечных зачарованно: ведь это настоящие басмачи, которых я смогу теперь изучать ежедневно и проникнуть в их мир.

Одеты они были плоховато, кроме курбаши, у которого были новые сапоги, бархатные штаны и серый кафтан со стоячим воротником, как у русской рубахи, и рядом разнокалиберных медных пуговиц. На голове у него был войлочный новый киргизский «колпак», одевавшийся сверх зеленой тубетейки. Нишанбай был блондин с редкими усиками и бородкой, которой не хватило бы и на одну среднюю кисточку для художника. Ноги — в ярких узорах — узбекских сапожках, из-за голенищ которых красовались полоски каратегинских чулков. Глаза были лукавые, узенькие, в подушечках, лицо розовое, довольно полное. За плечами у него была бердана четырех линейная, а узеньком ремешке — самодельный патронташ. На седле — мягкое зеленого бархата одеяльце, перетянутое ремешком светло-коричневой подпругой с серебряной большой пряжкой узгенского типа; в том же стиле подхвостник с серебряным набором и нагрудник с большой круглой бляхой на соколке. Уздечка — вязаная, считавшаяся у киргиз шиком, с легким набором на переносье и на оголовке. Нагайка — легонькая, изящная, вся в серебряной и медной обмотке, какие любят узбекские бачи. Лошадка — довольно тряский иноходец-юрга, покрытый красивой полосатой легкой попоной. На вооружении остальных было всего семь ружей — три винтовки и четыре охотничьих дробовых ружья, грязные, поржавевшие, запыленные, на самодельных погонных ремешках; лошади были крепкие, но худые, одежда — обыкновенные, иногда очень бедные киргизские халаты, кое-какая обувь, грязное белье, слабая седловка. На спинах — полосы от давнего ношения ружей — видно, что басмачи старые. Глаза недоверчивые, боязливые, напряженные в ожидании того, что с ними будет.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Когда заговорил с ними по-киргизски — они как-то сразу придвинулись все поближе, кроме Нишанбая, оставшегося равнодушным, в глазах загорелся детский огонек доверчивости, любопытства и удовольствия. Я достал ружейного масла и велел вычистить ружья и за содержание их в таком виде — показал на камчу. Велел расседлать лошадей — у всех спины были сбиты. Пока не заживут спины — будете ходить пешком и носить седла на своем горбе и лошадей водите в поводу. Курбаше велел чистить лошадь самому, а если кто ему это выполнит — и тому и другому нагайка.

Курбаша осторожно пожаловался в этот же вечер «командиру полка» С.Ю.К., но тот ему заявил, что командир действует правильно, из басмачей надо сделать воинов, и что если следующий раз он посмеет придти с такой жалобой — он его отправит для наказания к своему командиру.

Вечером пошел посмотреть как они устроились на ночь. Помещались они в сакле, стоявшей на отшибе, лошадей вязали за колышки, набитые против хибары. Курбаши не было. Где он? Пошел доставать казан (на самом деле он был у С.Ю.К. и пришел, имея вид побитой собаки, но затаившей злобу). Джигиты, наоборот, несмотря на строгие предупреждения, были расположены, как старые знакомые. Ружья уже были вычищены и наперебой предъявлялись для осмотра. Замечания с охотой, но очень неумело, исправляли тут же, работая до поту, высовывая от старания язык, и стараясь разглядеть на свет те ржавые пятна, которые уже ничем не отчистить. Выяснили, что патронов у них всего (с дробовыми) — около десятка!

На следующий день достали патронов и устроили пробную стрельбу. При этом им было заявлено, что кто лучше стреляет, тем и передана будет винтовка, а остальным — дробовики.

Оказалось, что все джигиты — жители окрестных аулов, некоторые из них охотники, что особенно нас сблизало, а один Сулейман, оказался замечательным певцом.

Я сразу запретил петь басмаческие песни (они надоели до тошноты) на мотив русской песни «Женушка», исковерканной на узбекский лад, в них восхвалялись достоинства джигитов, мечта которых «бешатар» (пятизарядная винтовка) и «пулимут» (пулемет). Киргизы были рады петь свои киргизские, проникнутые поэзией горных ручьев, лугов и ароматом воздуха, песни. Пел всегда один Сулейман, остальные слушали и глубоко чувствовали прелесть своих родных мест — горного Алая.

Учения были каждый день — никто нас здесь не тревожил, Красная армия не преследовала. Гульча стояла не занятой.

Снизу привозили дыни, виноград, кормили нас бараниной, освещались коптилками на бараньем сале. Хлеба было достаточно, на покупку баранов выдавали деньги.

Так как мой «урядник» оказался плохим стрелком, его винтовку получил молодой охотник Атахан. Все винтовки оказались в руках охотников и мы уже начали мечтать об охоте на кииков и архаров, во множестве водившихся в этих горах. Было самое лучшее охотничье время — осень — и для ознакомления с местностью мне очень хотелось поездить.

Дней через десять пора было приступать к конным учениям и предупрежденные за несколько дней об этом, мои джигиты оказались на лошадях, хотя двоим из них я предрекал, что будут бегать вприпрыжку, пешие — нагонять. Раны у лошадей не заживали. Накануне вижу на коновязи три новых лошади, а больных нет! Что за притча! Никого не отпускал, ежедневно глаз не сводил, следил за их поведением, построением и успехами (каждый вечер был званым гостем у них на кульчанае и на этом основании получал вареную голову на медном подносе — обзавелись посудой) — и как это случилось — не видано. Заметил, что и седла и уздечки у некоторых другие, хорошие; на баранине и на айране, который им привозили «туганы» (родственники) мои джигиты поправлялись и выглядели теперь очень

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

цепкой и дружной ватагой.

Подозрение на то, что они исподтишка занимаются разбоем, крадут лошадей, быстро развеялось: с гор приехала целая группа «родственников», которая была мне представлена, и они-то все и рассказали, как они помогают своим джигитам. Очень звали к себе и хотели тут же меня увезти с собой и очень разобиделись, когда я вынужден был отказать им в том — меня не пустили: пришли нехорошие вести снизу — ожидали атаки.

Но скоро вести эти оказались дутыми, и когда жители ближнего аула пожаловались, что их ограбила шайка Халхаджи (местные киргизы, подчинявшиеся Халхадже, грабившие в горном районе, когда сам Халхаджа грабил в нижних, узбекских кишлаках) — я спросил разрешения выехать и на практике проверить своих джигитов и одновременно защитить население, с которым нам нужно жить в мире и дружбе.

Разведка у нас оказалась великолепной — мы знали все тропы в окружении шайки, имена разбойников, даже их биографии, знали, где они скрываются, где что награбили, где прячутся, какими путями ходят — на нас теперь работал весь район. Надо было оправдать его надежды. Узнав, что сегодня халхаджинцы ночуют в ауле на пути к Белсули, мы быстро обсудили план атаки и в ночь двинулись в вылазку. Долгое наше бездельничанье позволило разбойникам грабить и жить спокойно.

Перед рассветом мы с ходу атаковали аул, при этом мои джигиты не удержались, несмотря на запрет, подняли дикий вой, когда до ближайших юрт оставалось еще метров пятьсот, как только услышали мою команду в атаку марш-марш. Я и порадовался и любовался проявлением этой воинственной страсти, которая, вероятно, сопровождала со времен половцев и до них эти дикие атаки потомков гуннов, и впереди в полоске светлой зари показались очертания юрт. Слева был саз, о котором предупреждали меня киргизы. Аул стоял на обширном покато лугу в межгорье долины. Стреноженные лошади паслись невдалеке. Собаки залились лаем, но бежали не навстречу, как обычно, а от нас. Разбойники не оказали нам никакого сопротивления, иные выскочив из юрты в «одних портках», стремились укрыться в полумраке, спасаясь бегством, другие — прятались под одеялами. Я догонял одного из бежавших и пока раздумывал — плашмя или по настоящему рубануть его шашкой, беглец вдруг поднял руки и взмолился о пощаде: он оказался горбатым!

Всех собрали, привели в юрту. На моего горбуна сзади у двери набросился Ары — мой джигит, и уперев ему колено в поясницу, сильным рывком за плечи выпрямил его — я не успел запротестовать против его грубого обращения с «пленным». Такой хитрости я не предполагал, а Ары знал его, оказывается, и это оказался «курбаши». В юртах не было ни кошем, ни одеял и почти не было хозяев. Когда рассвело, все они начали стекаться в аул, с плачем и причитаниями. Тюки с добром были приготовлены басмачами к увозу; теперь их население распаковывало и вырывало из рук друг у друга. Некоторые из жителей оказались избитыми; женщины, не стесняясь позора, оголив спину, ногу или грудь, подходили к связанным басмачам и тыкали им пальцами чуть не в глаза и готовы были, кажется, их растерзать, ребята голосили или, забившись в угол, бледные, оробевшие жались друг к другу, сидя на корточках.

Рассказывали, что все соседние аулы разграблены; в аулах не осталось ни ковров, ни кошем, ни одежды, ни хлеба, ни скота — чем будут жить люди, за зиму все умрут с голоду и с холоду. Я понимал, что надо решительно положить конец грабежу населения и подчеркнуть враждебность нам Халхаджи. Объявить ему войну!

Курбаши я велел тут же расстрелять, а остальным велел у населения просить прощения и дать обещание, что никогда грабить больше не будут; оказавшемуся здесь элликбали сдал их на поруки и отстегав нагайками, выгнали за пределы аула.

Оружие, отобранное у басмачей, оказалось в два раза сильнее нашего: семь винтовок,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

семь хороших ножей, двадцать лошадей с седлами и два кутаса. Часть лошадей была под вьючными седлами, без уздечек — они ходили по тропам гуськом за своим вожаком и друг от друга не отставали. Если вожак шел рысью — весь караван двигался за ним рысью; останавливались или бежали — все по команде вожака. Эта выучка и инстинкт вырабатывались веками в этой стране горных караванов.

Кутасы прокладывают путь

Особенно ценимые для этих целей таргаумы — особая порода кашгарских вьючных лошадей, с горбатой крепкой спиной, короткой крепкой шеей и копытами, прочными, как железо. Такой караван мог пробиться через снежные завалы, там, где не пройдет другая лошадь. Впереди каравана в таких случаях шли кутасы, которые прокладывали траншею в снегу, как танки — на поверхности видны при этом громадные рога и могучая спина с седлом, в котором сидел проводник, неистово погонявший его ногами и нагайкой, он настегивал его по бокам или поддерживал за чимбыр, привязанный к деревянному кольцу, продетому в носовой перегородке животного, тяжелого, как скала, и легкого на ходу, как козочка. В снегу он не прыгал, как лошадь, а плыл, ложась в снег животом, обросшим длинными до земли волосами, и выгребал ногами, высвобождая одну ногу за другой, и подаваясь вперед, подминая снег без натуги, без видимых усилий, будто купаясь в нем и хрюкая от удовольствия, как в воде. Если перевал засыпан снегом, без кутасов не обойтись. Ненадежность снежной лавины они угадывают чутьем и не пойдут на риск даже под ударами; а проводив лавину, они без страха идут по осыпи там, где лавина снесла все признаки тропы. В каменистых завалах кутас с вьюком или с всадником на спине может прыгать с обломка на обломок, не боясь зияющих провалов даже там, где собака не пройдет.

В то время, когда мы разделялись с шайкой Абдурахмана, командир другого взвода Р-й покончил с шайкой Раимбека в пять человек и освободил население других аулов от этих хищников.

В Кызылкургане эти операции получили большое одобрение. Теперь из всех прилегающих аулов потянулись аксакалы, принося благодарность С.Ю.К. за избавление от разбойников, грабивших вот уже второй год эти места, ввергших их в нищету и голод. Контакты с населением установились хорошие; можно было иногда поохотиться, послушать рассказы стариков, охотников, познакомиться с бытом и нравами киргизского населения. В некоторых аулах меня поразили своей красотой киргизские девушки, наряды их, сделанные с большим вкусом. Если бы я был художником, уже достигшим мастерства, то здесь можно было бы с наслаждением писать картины, как казалось, всю жизнь. Горы придавали всей этой картине неподражаемую прелесть и красоту. Казалось, в каждом ущелье, в каждой долине был свой воздух, свой аромат, своя палитра, своя музыка, свой узор.

Так и в памяти сохранились это своеобразие и свежесть.

Стоило отправиться в путь, как за первым поворотом долины начиналась повесть: все джигиты, даже хмурый Нишанбай, с увлечением рассказывают о смысле названий скалы, камня, ущелья, перевала, эха, ветра, просверлившего отверстие или колодец, пещеры или гнезда орла. Все привлекало внимание жителей гор, создавших здесь сотни поэтических легенд, в которых было и суеверие, преклонение перед силами природы, а иногда и иронии над злой старухой, спрятавшей казан, на камень, откуда потом сама не могла достать его: так этот казан и стоит до сих пор — «Кампыр-казан» (долина Дюшали). Один старик рассказал мне, повстречавшись в Белеумтском ущелье, где мы остановились, рассматривая скалы, что здесь он видел самого Скобелева. Они, молодые джигиты, поставлены были защищать проходы на Алай от русских, занявших Гульчу. Их предупреждали, что генерал Скобелев

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

может двинуться дальше — и его решили встретить огнем в этих скалах. Мы сидим, говорит старик, и курим «нас» и потихоньку разговариваем, когда вижу в ущелье показалась, как мы думали, русская разведка, что один из этих двух похож на генерала Скобелева. «Айры-сакал турвай ва?» — вдруг закричал мой сосед, схватился за мылтык и стал высекать огонь для фителя. В это время генерал, ехавший с казаком, услышал наш разговор и, повернувшись, быстро ускакал. Он был без отряда — и это действительно был он. С тех пор, говорит, «я состарился (старику было лет под семьдесят), но никогда не видел такого быстрого, светлого генерала, как ртуть». Мы долго смотрели вслед, слушая, как сыплются камни, а подковы аргамаков уже миновали мост.

Теперь все джигиты у меня были вооружены винтовками; отобрал себе лучших лошадей, остальных сдали. Конечно, хорошая одежда тоже перешла в руки джигитов. Ары теперь сменил свой рваный халат чабана на черный шелковый бешмет халхаджинского курбаши и его сапоги пришлись ему в пору. Седла, уздечки, сапоги, благодарность населения, слава подвига — все это выражалось теперь хорошим настроением и верой в успех.

Следующий наш поход был в отдаленный район Алайку, где свирепствовала большая, старая халхаджинская шайка курбаши Ширмата. У него было двадцать семь вооруженных аскеров, хорошие лошади, много награбленного имущества, которое они периодически отправляли Халхадже, а сами иногда уходили и за перевал, то есть в Кашгарию. Говорили, что он очень хитер и жесток, что у него разведка — на сто верст кругом все знает; население его боится и скрывает. Взять его будет трудно. Тогда я придумал такой план.

Взять с собой всего семь человек — такой отряд пройдет скрытно, нигде не вызовет подозрений. Пойти к нему и объявить, будто иду на переговоры по поручению С.Ю.К., с целью заключения мировой. От такого количества людей Ширмат не побежит и не побоится принять, а дальше действовать по усмотрению: в нужный момент броситься на них, опередив только в нападении, все время быть готовыми к моей команде. Все шло, как по маслу. Спустившись с перевала, мы ехали по заснеженной тропе и увидели впереди аул с постройками, а в нем басмачей, которые вдруг зашевелились, задвигались; я велел ничем не выдавать своего смущения и ехать прямо к ним, двоим вперед — предупредить. К нам подскакали с ружьями на изготовку человек десять всадников, а остальные изготовились в крепости — мы винтовок не снимали с плеч. Нас окружили, как пленных, но усыпленные нашим спокойствием, проводили в свою «крепость», где нас встретил Ширмат со свитой, внакидку одевший свою шикарную новую шубу. Рядом с ним, распоряжаясь, стоял богатырского вида не то узбек, не то киргиз, в подстриженной окладистой бороде и рыцарских черных усах, в полном блеске начищенных пулеметных лент крест на крест, полных патронов, в хорошо облежавших его могучие плечи подбитом мехом зипуне, в черной ферганской тубетейке «бадам» и русских хромовых сапогах, промазанных салом после жирного плова. Глядели на нас все, как на попавших в ловушку воробьев, зло и вызывающе. Хозяин холодно пригласил нас в мехмонхану. Мы сели рядком: джигиты мои, несмотря на наказ смотреть спокойно, глядели так, что и не психолог скажет, что-то у них на душе. Нас угощали кокчаем из маленьких китайских пиалушек зеленоватого фарфора с синим сплошным цветочным орнаментом и с синими же ободочками по краям. Переговоры шли вяло. Помощник Ширмата — его правая рука и наиболее деятельный из джигитов, что-то затевали, раза два заходили и шепотом докладывали курбаше, который полулежал на своем роскошном ложе, где под подушкой у него я заметил наган.

За оконцем и за дверью теперь стояли басмачи с ружьями, почти что нацеленными на нас и с горящими как перед схваткой глазами. Я решил, что дальше ждать нельзя — в следующий приход помощника курбаши надо начать действовать: я незаметно расстегнул

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

кобуру своего нагана и тут же должен был уложить этих троих главарей, а затем броситься наружу и открыть стрельбу по остальным. Мне казалось, что я выдержал себя и был внешне спокоен, потягивая маленькими плоточками кокчай, но чувствую, как у моих джигитов руки трясутся — они, конечно, не дипломаты и своих чувств скрыть не могут.

В это время послышался какой-то шум и крики снаружи: сообщают, что какой-то отряд приближается. Новое осложнение: если красноармейцы — надо бежать, если Халхаджа — как это сделать среди такой решающей подмоги у врага — план мой рушился и уйти живым будет мало шансов — продолжать переговоры бессмысленно, а драться — слишком неравны силы, но бой надо начинать немедленно. Я вскочил, выхватил свой наган и, пользуясь сумятицей, послал своего джигита узнать — кто это, чтобы скорее определить обстановку. Мой джигит, отличавшийся дальновзоркостью, быстро слетал на крышу и, прибежав, сообщил, что это «Мазгунуп» — наш командир взвода, мой товарищ по гимназии, родом из куршабских мужиков, знающий эти места как свои пять пальцев. Оказывается и его послали против Ширмата, мне ничего не сказав об этом. Какое счастливое стечение обстоятельств! «Не было и гроша, и вдруг — алтын!». Сила теперь была на нашей стороне. «Яшка, ты приехал вовремя, еще бы одна минута и здесь была бы такая заваруха!».

Ну, я родился в счастливой сорочке! Я уверовал в это давно, а теперь это было совершенно ясно.

У Мозгунова был взвод в тридцать пять человек, хорошо вооруженных джигитов из узгенских жителей — киргиз и узбеков. Урядником у них был Мерген — красавец джигит, лет тридцати, первый улачник, боец и силач.

Пока враги в замешательстве, надо действовать. Я предложил М-ву план действий: как только придет помощник курбаши со своим подручным, пусть Мерген их обезоружит здесь, а я беру на себя курбашу, так как знаю, где у него наган. Действовать по моему сигналу быстро. Затем выйти на двор и вместе всем ширматовцам зайти в юрту, которая стояла во дворе. Так и сделали, разыграли, как по нотам, без неприятностей и осложнений. Свяжав верхушку, надо было обезоружить остальных. Они, подчиняясь, но с явным недовольством, злобой, воле нового начальства, собрались в юрте.

С порога я крикнул им — бросать оружие. Ввиду неподчинения выхватил наган — и под угрозой его ружья полетели на середину юрты, где обычно раскладывается костер. Иные в задних рядах начали было прятать — под новым нажимом и они сдались. Вывели и построили их, приставили караул. Начали обыск по всем постройкам. Выводили лошадей, вытаскивали наружу ковры, кошмы, тюки. Через час-два аул был окружен киргизами соседних аулов. Беспроволочный телеграф «узун-кулак» действовал; по тропам снизу и сверху ущелья скакали всадники и бежали пешие.

Семь пудов золота

В мехмонхане Ширмата обнаружили курджум золота в китайских ямбах, весом пудов на семь, столько же серебра, а бумажных денег — два вьюка, в мешках. К ценностям были приставлены два моих джигита с ружьями со взведенными курками. Оружие все мои джигиты снесли в мехмонхану. Всех остальных попросили выйти. Устроили совещание с М-вым. На допросе Ширмат кричал, что у него есть «Худжаин» — Халхаджа и еще выше. А кто же это выше? — «Коинсыл». Выяснилось, английский консул в Кандагаре. Это золото он везет Халхадже. Семь пудов золота! Однако я продолжал допрос, стараясь не выдать теперь уже и перед М-вым своего волнения, — передо мной, как великая тайна, раскрылись слова Маркса, что англоимпериализм действует подкупом и на Востоке завербовал себе на службу всех вплоть до дервишей. До сих пор это была для меня форма,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

лишенная содержания. Мне все надо было пощупать своими руками и увидеть своими глазами. И тем ошеломляюще было это открытие. Это такое количество золота, из-за которого пойдет война: как я был слеп, когда не договорился с П.Д.К. о связи, когда считал, что народу я могу служить только своим будущим искусством и все положить на эту цель. Таких обстоятельств я не предвидел. Зная колдовскую силу этого золота, столкновение с так называемым временным правительством — Мадаминбек, Монстров, Муханов, которые были в Кашгаре, и, конечно, тоже имеют дело с тем же английским консулом, мы решили сделать процесс необратимым — пусть столкнутся все страсти — Ширамата с его двумя помощниками велели расстрелять; остальным дать по двадцать нагаек, взять обещание больше не грабить и отдать на поруки Элликбаше. Населению раздали все, что было награблено шайкой — это был великолепный базар. Из-за золота не спали две ночи. По пути в Гульчу, Мерген, подъехав, сказал: возьмите, командиры, золото и серебро, а бумажные деньги разделите между джигитами — они этого просят. Уговорил не просить об этом — мы, мол, боремся за народное дело и не будем подражать басмачам, которые только грабят народ.

Ночевка в дороге внушала нам всяческие опасения, но, к счастью, прошла спокойно. На следующий день курджум с золотом, серебром и тюки бумажных денег были сданы под расписку казначею полка Н-ву. На душе стало легко, но мысли о политическом значении всего этого, больше уже не давали мне покоя. Нужно было ждать осложнений.

В Гульче появился отряд халхаджинцев под командой русского человека и этот русский был С-чев В., скобелевский гимназист, окончивший раньше меня гимназию года на два-три (с золотой медалью); сын горного техника предпринимателя, бывший со мной как старый товарищ, в дружбе. Держался он очень замкнуто, и цель своей миссии держал под замком.

В Гульче на должности следователя был О.В.Ф., ошский житель, бывший частный поверенный, знакомый с Халхаджой еще до революции — и, по его словам, бывший с ним в «хороших отношениях».

Из Кашгара вскоре была получена телеграмма: предать меня военно-полевому суду за обострение политических связей с Халхаджой и расстрел его представителей (Ширмата). Командиры дружно встали на мою защиту и С.Ю.К. уладил это дело. А через несколько дней сам предложил мне выступить в район Малого Талдыка, где халхаджинская шайка под началом курбаши По-ка грабит население; жалобы поступают чуть не каждый день, посланные туда два взвода, один за другим не могут обнаружить По-ка. Его шайка в сорок человек и вооружена наполовину трехлинейками. Я тотчас выехал. У меня во взводе уже тридцать пять человек, но трехлинеек нет. Узнаю от населения, что шайка По-ка ночует в двадцати верстах в сторону Науката. Оставив гарнизон в Талдыке, я с одиннадцатью человеками ночью направился, чтобы накрыть шайку с хода, когда она еще не знает о моем приходе и имеет только сведения об уходе моих предшественников здесь. На рассвете мы ее атаковали — опять с воем и гиканьем: удалось поймать только пять человек, а остальные удрали. Оставив двоих с пленными, с остальными девятью джигитами я погнался за басмачами, скачка шла с обоюдной стрельбой на большом расстоянии; басмачи быстро прекратили бесполезную стрельбу, многих, их было видно, скакали на неоседланных лошадях, расстояние между нами все сокращалось, как впереди мы увидели кишлак, в котором зашевелились и подняли стрельбу... большой отряд басмачей. Отступать? — Догонят на своих лошадях. Построиться и продолжать атаку, усилить стрельбу! (надеясь на единственный путь спасения — панику). И вот эта желанная паника — побежали! Бестолково, густой толпой, запружая улочки, пешие и конные. Захватив в кишлаке свежих лошадей и побросав своих, бросились сами на утек, и, только вернувшись в ущелье, вздохнули. Сорок верст быстрой езды и тридцать верст бешеной непрерывной скачки! Без

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

куска хлеба и глотка воды. И бессонная ночь к тому же.

Это был сам Халхаджа. Он удрал в тот день за сто километров и там его потрепал какой-то отряд Красной Армии и потом он очутился у Курширмата, в Гарбуве, где они решили вместе идти на Гульчу (за золотом).

В Талдыке жители аулов с плачем и жалобами на басмачей прибывали и прибывали. Знакомая уже картина — грабежи, насилие, голод. Старуха, ведя за руку девочку лет пятнадцати, которая рукой прикрывала свои глаза от стыда, опознала насильника и требовала расправы над ним, как с теми, которые, как они знали, были ликвидированы в Атку и Белсули. Зная, что я их уже не отпущу и они понесут заслуженную кару, население требовало рассчитаться с ними на их глазах, что двое из них — главные грабители и насильники. С этими двоими я велел рассчитаться, вывести их за аул.

Через два-три дня по прибытию в Гульчу, меня снова вызывает следователь; новая телеграмма временного правительства из Кашгара — предать военно-полевому суду.

Порвав «дело» на глазах у следователя, я собрал свой отряд и вышел за пределы Гульчи в долину Джусалы и оттуда написал: или прекратите дело и я вернусь, или будем драться. Мои товарищи, командиры, все встали на мою сторону и потребовали моей амнистии. Мой взвод в тридцать пять человек считался уже лучшим в полку, проверенным на деле; он уже имел звание «ударного» и со всего полка шашки были переданы в мой взвод, с назначением первым идти в атаку в случае какой-либо операции.

Каждый день прибывали новые джигиты и все просились в мой взвод — привлекала их не только слава, но мое обращение с населением. Я просто любил киргиз; некоторых мне рекомендовали как хороших певцов, музыкантов, охотников. Мне уже некуда было их брать. Теперь, когда мой взвод вышел из состава полка, — это могло погубить репутацию всего полка — С.Ю.К. «амнистировал» меня.

Тучи сгустились над нами, но все были по-прежнему беспечны. Я раздобыл себе бумагу, карандаш и стал с увлечением делать наброски композиции для памяти на военно-исторические темы и зарисовки с натуры — больших пейзажных, как фона для будущих картин. Зарисовал и предметы обихода, орнамент, резьбы, чеканки, ковров, курджумов, вышивки. Я еще не знал как строить картины, но собирал материал «впрок». С.Ю.К. просил меня выехать на встречу его семьи, возвращавшейся с Памира, и проводить ее в Гульчу. В окрестностях Акбосачи, станции под перевалом Мойдык, ходил в горах одичавший конь. Хозяин не пожелал его отдать басмачам и отпустил на волю. Рассказывали всякие сказки об этом коне; зубами и копытами он уничтожил семь волков, напавших на него на пастбище, в улаке он был всегда первым и одинаково шел что в гору что под гору, что многие его пытались поймать, но он всегда уходил; в облавах, будто, участвовало по сто и более человек — и безрезультатно.

Это было очень интересно — попробуем и мы поймать. По пути мы имели время еще и поохотиться на диких козлов: мы взяли пять козлов, хотя мне не удалось подстрелить и одного. Было очень досадно: ведь я считал себя порядочным охотником, учил стрелять других, а сам оплошал. На мою долю достался один улар и интересное наблюдение за барсом, что поглотило все мое время. Барс скрылся в завале, где я его не смог обнаружить и потерял его след. Мергены вырезали себе чилбыры от заднего копыта вдоль живота и до переднего копыта: длина получалась порядочная: полтора «кулача» (мера раскрытых рук). Как раз на поводок для лошади. Мошонки пошли на выделку элегантных табакерок для насвая. В этих мешочках насвай не сохнет. Такая ганча завязывается шнурком и носится на поясе, напоказ. Ганча делается из кончиков киичных рогов, украшается серебряным узором и очень ценится. Головы оставили на месте, так как их тяжело было носить, шкуры получал стрелок, а мясо делилось на всех участников, а в данном случае на весь взвод.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

В семнадцатом веке на Памире побывал Марко Поло. Описал архара, но три столетия в существование их не верили, пока Семенов-Тяньшанский не описал архара; он встретил их промчавшихся мимо, поднимая пыль, на Сарыджазских сыртах Тяньшаня, поднимаясь к Хан-Тенгри.

Ольгин луг

Одичавший конь оказался в урочище «Ольгин луг». Это романтическое название давно привлекало мое внимание. Еще в тысяча девятьсот тринадцатом году по пути с Памира в Сарыташе к нам присоединился военный топограф, закончивший там свою работу, очень веселый и общительный человек с огромной рыжей бородой. Мы очень быстро сдружились, и он всю дорогу до Оша рассказывал мне про жизнь на Памире и между прочим об этом урочище. Название «Ольгин луг» это урочище получило на пикнике, в котором участвовали жены топографов, офицеров и исследователей Памира: среди женщин было три Ольги, в том числе жена знаменитого исследователя Федченко, Ольга, сама впоследствии известный ботаник, исследователь флоры Памир-Алая. Мне хотелось поближе познакомиться с этим замечательным лугом трех Ольг, и мы проехали его весь снизу доверху, красота которого излучала какую-то особенную теплоту осени, может быть теперь больше от пристрастия к ней. Для пикника действительно место роскошное и по ширине своей соответствует широкой русской натуре.

В верховьях этой долины, называемой у киргиз Каракол, мы обнаружили коня. Рассыпавшись цепью, мы принудили его спуститься в узкое ущелье, из которого не было выхода, и при помощи укруков заарканили его. Тут же его заседлали и никто не оспаривал у меня право первому проскакать на нем. Лошадь была, видимо, давно отпущена на волю. Глаза были дикие и налились кровью, это особенно чувствовалось, если смотреть в профиль, но, поскольку, это была езженная лошадь, никаких особых диких приемов у нее не было: металась при седловке, не давала подойти, храпела, давала свечи, падала на землю, грызла удила — все как обычно; главное, что она не была злой и не кусалась.

Когда я оказался в седле, она взяла с места в карьер, немного потрепала, стараясь освободиться от всадника, но вынуждена была скакать туда, куда ее направляли, и как все лошади, наконец, сморилась и вся в мыле сразу переменила свой цвет и вид. Ноги ее тряслись, сердце билось так, что через подпругу было слышно, пена клочьями летела на красную глину, ноздри раздувались как у пристяжной на масленичных катаньях.

На следующий день мы встречали Х.М.К. с детьми Д.М. и М. И мы решили эту встречу ознаменовать улаком, где испытать и дикого коня. Надо было купить козла. Я объявил, что этого козла мы непременно должны взять в последнем заезде (такой обычай), чтобы он достался нам, как приз, иначе нам нечего будет есть, так как наша смета была превышена. Все выразили радость и уверенность, что козел достанется нам. На новом вороном, хотя он и не был достаточно тренирован, действительно джигиты могли скакать с улаком в гору и, сделав круг, оставить позади преследователей; очертя голову, спуститься вниз, чтобы бросить козла на призовое место. Козла мы легко выиграли. Принимали в нем участие местное население, человек около ста. Тогда я объявил, что так как мы сэкономили деньги во время охоты, то можем купить еще барана, чтобы лакомством (козел, побывавший в улаке, превратившийся в котлету, считается лакомством) угостить местных аксакалов и достойных джигитов. Итак, в эти дни были три счастливые удачи — поймали дикаря, встретили Х.М.К. и угостили «хозяев поля» улаком.

Несмотря на все свои достоинства, однако, вороной не стал моим верховым конем: через несколько дней он превратился в смиренного теленка с отвислыми ушами. Это не

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

отвечало прежде всего моему эстетическому вкусу. Вскоре под Узгеном я добыл такого коня, о котором буду вспоминать всю жизнь и подобие которого нашел лишь в тысяча девятьсот пятьдесят пятом году в Хвалинге, когда ездил собирать этюдный материал на месте сражения с Энверпашой для картины «Разгром Энверпаши». Здесь я обнаружил родичей той прекрасной породы лошадей, к которой принадлежал мой любимец из-под Узгена. Если раньше я всегда был поклонником текинской лошади, то отныне моими любимцами стали лошади хавлингской породы, сочетающие в себе дивную гармонию и красоту экстерьера, силу, резвость, живой нрав и прекрасный характер. Ничего лучшего человек тысячелетней историей не мог воспитать в лошади, как эти качества.

Очарование коня этой породы было столь непостижимо, что я боялся его брать в свои рискованные операции и оставлял в Гульче, в конюшне, чтобы его не поранили и не убили. В походах я думал о нем и возвращаясь, спешил, как на свидание, прося у него прощение, что покинул его надолго, заставив его скучать, может быть, терпеть грубость, равнодушие и небрежность в уборке и, чего доброго, еще не прочищенном на решете ячменем. Своим ржанием, буйным, радостным, от которого он не мог угомониться и тогда, когда я уже возле него треплю его шею, прижимаюсь щекой к его щеке, шелковистым губам и ноздрям; кладет мне голову на плечо и радуется, как соскучившийся пес. И в лошади и в собаке есть что-то такое, что роднит их в своих чувствах с человеком, вероятно, это результат тысячелетней дружбы, преданной службы. Этим качествам надо ставить памятники, но почему-то их нет ни в одной стране.

Кандава

Однажды утром узнаем, что сотня куршабцев покинула нас. Здесь, в Гульче, все шло самотеком; нас никто не трогал — мы спустились из Кызылкургана в Гульчу — старую крепость времен завоевания — небольшим земляным валом огорожено было небольшое пространство гектара в три; внутри крепости — постройки, казармы; одни ворота в сторону небольшого кишлачка узбекского типа с глинобитными постройками и плоскими земляными крышами. Кое-где были белые домики городского типа. В полукилометре протекала река Гульча, в низовьях которой стоял большой русский поселок Куршаб. Командиром этой сотни был Ку-ков, инвалид войны, а «урядником» — Кара-санька, куршабский мужик, черноволосый (почему и получил свое прозвище «черный» Санька в отличие от всех других русских), силач, который быка своротит: когда он сидел на коне, как Васнецовский Илья Муромец, то прежде всего глаз соизмерял его с лошадьё — может ли она скакать под такой тяжестью? Но бабки ее говорили, что может; как оказалось, это был чертовски крепкий конь — красно гнедой масти в золоте, под казачьим седлом, экстерьером напоминавший гунтера — широкозадый и грудастый, с легкой головой полукровки, вероятно, куплен был у какого-нибудь казачьего офицера, кончавшего на этом свою службу в царской армии.

Стали припоминать, что куршабцы скучали по своим «бабам» и жаловались, что они остались там беззащитны против басмачей Халхаджи.

Теперь, за пределами крепости, в кишлачке оставались: халхаджинский отряд под командой С-ва В. и сто тридцать джигитов Мойдына, который официально держал сторону Мадаминбека, а душа его была потемки.

В ответ на дезертирство куршабских мужиков С.Ю.К. решил устроить набег на русский поселок Кандаву (подчеркнуть, что мы теперь — против русских), значит изолируем себя: признаем, что русские крестьяне против нас. Все признаки разложения таким образом были уже явно на лицо. Мы — против Халхаджи, крестьяне — против нас. «Ударная сила»

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

нашего полка — мой взвод. Подобравшись до рассвета к поселку, идя в голове колонны, я скомандовал «за мной, в атаку» и поскакал. Чувствую, что скачу в одиночестве. «Прославленные» мои джигиты испугались такого оборота дела и, остерегаясь русской засады, остановились кучей и никакие посылы со стороны других командиров не возымели действия. А Кандава мирно спала: ни петухов, ни собачьего лая. С.Ю.К., шедший позади полка, с командой «за мной вперед!» на своем прекрасном аргамаке, подаренном ему Мадаминбеком, вылетел вперед и мы с ним вдвоем влетели в поселок и проскакали весь его насквозь. Ни единого выстрела! На обратном пути уже слышали, как с гомоном и криками заполняют улицу наши «басмачи». Начали обстреливать мужиков. Один попался такой, что не хотел отдать винтовку и через дверь начал палить и уложил наповал одного моего джигита, действовавшего неосторожно и продолжавшего ломиться в дверь. После упорных переговоров, при посредстве тех, кто уже сдал оружие, этот крестьянин открыл дверь и вынес свою винтовку: это был худощавый, ничем не примечательный парень, светловолосый, с спокойным и строгим выражением глаз. Я протянул ему руку: молодец, говорю, если бы все были такие герои — ничего бы мы с вами не сделали.

Операция закончилась. Потери — один тяжело раненый, умерший через несколько часов. На выезде увидел картину: толпа мойдынцев собралась у окон одной хаты и дико хохочет. В хате на столе стояла женщина, которую под угрозой винтовок другая толпа заставляла поднять юбку. Тут было ясно, что достанься Мойдыну такой поселок — он насильничал и грабил бы его, как и Халхаджа. Выгнав нагайками этих «басмачей», я со своим взводом вышел арьергардом. Чувствовал, что накликать теперь на себя злобу Мойдына, глядевшего на меня исподлобья из-под нависших, сросшихся бровей. Его острые глазки были сближены, как у обезьяны, а огонек был, как жало. На своей лошади он сидел, как кошка, приготовившаяся к прыжку — всегда сгорбившись, но подвижно, порывисто меняя позу и оглядывая поминутно все кругом, как сыч. Он ловко стрелял на ходу и прыгал на лошадь, когда требовалась быстрота, — в стремя, чего я никак не мог постичь, так как если прыгал в седло, обыкновенно держался за луку или за гриву и оттолкнувшись обеими ногами в такт бегу лошади. Этому научился я с молодости у казаков. Надо обладать кошачьей ловкостью, чтобы прыгать в стремя.

Я поехал хоронить своего сподвижника в его родной аул. Когда обсуждали вопрос — почему за мной не поскакали в атаку — сказали, что кто-то видел дурной сон и каждый думал, что именно его могут сегодня убить. Надо, говорил я им, верить больше самому себе, чем предсказаниям. «Аджаль етты» — возражали мне — Аджаль придет скорее, если головой плохо работать. Я его тащил от двери, говорил, что убьют — Вы видели это, все видели? — Он не послушался — вот и «аджаль». Вас считали в полку самыми смелыми, вам отдали все шашки и никто не возражал — по достоинству. А теперь все скажут, что вы такие же трусы, как и все. Мне не надо таких джигитов. Кто идет ко мне не должны думать о том, что он умрет. Вы сегодня не подчинились моей команде — вашего товарища больше нет среди вас. А шашки придется вернуть, вы не оправдали доверие, и все, кто раньше вручал вам их, теперь будет над вами смеяться. Вся ваша слава — как хурджум — чем больше переваливается на одну сторону — тем меньше останется на другой стороне. Славу надо крепко держать за хвост («думыдай»). «Лучше вы, командир, больше бейте нас нагайкой, чем нам слушать эти слова. Мы больше не будем бояться.»

К аулу подъезжали с воем, как требует обычай, и оттуда нам отвечали тем же, увидев покойника. Когда мы проезжали потом другие аулы — полуодетые ребятишки встречали нас, бежали навстречу гурьбой и лезли на лошадь, чтобы я их подвез до юрты. Мальчишки были боевые (зима на носу, а они все босые), пузатые (с голоду), сопливые и вшивые (мы все были вшивые). Кто не сумел уместиться у меня на седле и позади его (три-четыре человека),

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

рассаживались у джигитов. — Я боялся, что из-за убитого в аулах будут смотреть на меня косо, а оказалось — наоборот. Кто поймет душу людей, спрашивая у них всегда о самом сокровенном. Один бывший казы, молодой еще, гостеприимный человек весело рассказывал, что он теперь не у дел и не знает, чем теперь заняться. «Казлыгым каа кетты, бильвейм!»

Говоря о будущей весне, я говорил в аулах: готовьте омачи, а мы дадим своих лошадей и вспашем поля и будем охранять вас от басмачей Халхаджи.

Однако, до весны мы тут не продержались.

В ответ на Кандаву «красные» повели наступление на аулы Джаныбека-Казы — богатого и влиятельного человека, в верховьях реки Кара Кульджи. Джаныбек просил С.Ю.К. прислать меня на подмогу. Я выехал. С одной ночевкой в пути я к вечеру следующего дня был на месте. Население покинуло аул, так как стало известно о наступлении отряда сорока пяти человек из русского Катачибка.

Откуда-то с горы вскач ко мне спускается дородный красавец-киргиз, каких я еще не видывал, с белой на две стороны густой бородой, в сине-зеленом суконном халате, опоясанным широким поясом с драгоценными камнями и серебряными бляхами, в киргизском кошемном колпаке, одетом по-наполеоновски и на чудном, крупном рыжем жеребце, сверкающем дорогой сбруей. Я залюбовался, забыв, кто это может быть. Мне подсказали, что это — брат Джаныбка — Ханыбек.

Радостная, искренняя улыбка была на лице Ханыбека — будто бы мы были давно знакомы. Поблагодарив за отзывчивость, Ханыбек сказал, что все попрятались, а у него вот пятнадцать человек весь его отряд, что сегодня ждут наступления.

Я окинул взглядом местность — была неширокая долина, с мягким рельефом, сплошь покрытая хорошей травой пыреем, переходящим выше в бешече (горный типчак). Так как романтическое представление о войне и предшествовавшие удаче стерли у меня границы между игрой в войну и практикой, то мне на ум пришло: устроить здесь огневой мешок. Разместив по обе стороны впадины своих джигитов, я велел ждать, когда враг втянется и достигнет верхней тропы, и тогда давать залп по голове колонны, ожидая моей команды. Досидели мы до темна, кое-кто заснул, а врага все нет. Тогда я решил сам отправиться на разведку, взяв проводника. Мы благополучно добрались до речки, на том берегу которой стоял поселок, переправившись через воду — узнали, что никого в поселке нет — отряд ушел вниз, наверное бежали. Вернувшись, я встретил Джаныбека, он был еще радушнее, чем его старший брат, но чувствовалось, что главой рода является именно он, а не Ханыбек.

Джаныбек был одет в обыкновенную киргизскую, но очень хорошую шубу из молодых барашков, с красивой оторочкой и густым черным барашковым же воротником: на голове у него была меховая с лисьей оторочкой шапка тельпек, с зеленым бархатным верхом и кисточкой. Лошадь Джаныбека не отличалась убранством, как у Ханыбека, но это был знаменитый иноходец, буланой масти с крупным немного светлым, как всегда у иноходцев, задом, на сухих крепких ногах, с могучей длинной до колен гривой и подвязанным, как у хорошего всадника в эту пору, хвостом.

Пагава

Все пришли в благодушное настроение. Джаныбек пригласил всех нас в юрту, откуда взяли люди, дрова, запыхал огонь, поставили казаны и начали варить баранов, один из которых для нашего очага был мне показан для благословения, по киргизскому обычаю: гостю он должен понравиться и он делает «пагава», произнося неизменную при этом фразу: «Алла-ак-бар!» и обеими руками при этом надо было провести по бороде, если даже ее и нет, сверху вниз, начиная с верхней части лица.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Мы уже забыли, что нам грозил «враг» — пошли разговоры о том, как жить, что такое «барчивик» или «кальчивик», чего они хотят от народа, отнимая скот, хлеб, налагая контрибуции и не давая мирно жить. Я не рассказывал о том, кем я был, спрашивал об Узгене, кто такой там председатель сельсовета. Оказалось, что это — предатель, служивший и нашим и вашим — ставленник Халхаджи, укрывающий его джигитов и передающий им патроны и оружие, а для Советской власти собирает контрибуции с баев. Киргизы попали между двух огней — с одной стороны эти контрибуции, с другой — Халхаджа, который ненавидит киргиз, и не оставил ни одного аула, где бы он не брал себе жены, не угонял скот, не грабил бы юрты, не оставляя в них ни ковров, ни кошем, а девушек требует каждый день. Если так будет продолжаться, многие киргизы уйдут в Кашгар, куда уже многие перегнали своих баранов и лошадей. С крестьянами пока жили хорошо, их тоже притесняет сельсовет.

Поскольку угроза миновала, я отправился в обратный путь. Выбрав направление через Каракульджу, отправил вперед разведку. На подъезде к этому большому кишлаку на берегу одноименной реки, сливающейся здесь с рекой Шар, образующей Карадарью — я узнал, что большой отряд Красной конницы только что проследовал через кишлак, потерпев поражение от отряда С.Ю.К. В отряде были пушки и пулеметы. Я не верил такому успеху, зная наперед, что всегда прибавляют в ту или другую сторону, а наше воинство было неорганизовано, развращено долгой стоянкой без дела, русские командиры не знали жизни своих подчиненных, были далеки от них и занимались беспросветной пьянкой. Мои считались «ударным взводом», а и они никуда не годились — до первого серьезного сопротивления. Годны были лишь для легких «налетов» и если до сих пор все шло удачно, так это просто потому, что враг оказывался слишком слабым, хотя и свирепым, всегда готовым к бегству, как последние трусы. Если теперь враг бежал, то почему же наших нет? Когда мы поднялись на гору над речкой Шар, откуда открывается широкий вид на долину реки Шар, на дальние горы Алая, а слева Ферганского хребта в далекой дымке, то кроме следов одной пушки, стоявшей здесь на позиции, и массы кованых копыт лошадей Красной конницы, стрелянных гильз и каких-то тряпок, ничего не обнаружили. По дороге на Гульчу уже имели другие сведения — бежали гульчинцы, а Красная армия наступала и чуть ли не перебила всех. Рассказывали, что один командир скакал на лошади без седла и взяв седло у джигита ни за что не хотел оставаться на привале на полдороги к Гульче. Оказалось, что это мой командир М.Т. поспешно и позорно бежал из курганчи, что стояла одиноко среди долины Шара под тем обрывом, откуда била красная пушка. В этой курганче расположился полк, и сверху с горы, откуда била красная пушка, все было видно, как на ладони. Я подумал тут, действительно, попали в глупое положение; если бы я был с ним, наверное, также состязался бы в беге со всеми. Одного позора я избежал по случайной причине — опять везение.

Перед этими событиями было еще немаловажное: Мадаминбек со своим войском и Памирским отрядом проследовал вниз через Гульчу. Полк С.Ю.К. получил для пропитания три тысячи кашгарских белоголовых баранов, которые здесь оставались на пастбище.

Жизнь в Гульче была нудной, беспросветной, бесцельной и все больше было пьяных гулянок среди русской части населения, которое увеличилось за счет осевшей здесь части памирцев. Среди этих людей были и студенты, не завершившие своего образования, и бывшие офицеры, у которых выбита была почва из под ног, после, иногда с трудом, налаженной карьеры, были и подростки лет по шестнадцать-восемнадцать, которым надо было еще учиться в школах, были и судейские, и почтовики, и чиновники разных ведомств. Такие как Ф-ов не поддавались этому разложению, не участвовали в попойках и, вероятно, хорошо видели всю эту бесперспективность и гнусность. С.Ю.К. — большой любитель выпивки и душа-человек, был непременным участником всех этих гулянок, пьяных барьерных скачек — и здесь его положение командира полка нисколько не возвышалось над

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

другими — это были товарищи, пропивающие свою судьбу.

Джигиты-киргизы наблюдали всю эту разнузданную жизнь и у них было свое мнение насчет поведения начальства. Никакой разведки не велось, все меры предосторожности заключались в том, что на ночь у ворот крепости стоял караул из аскеров.

И вот настала роковая ночь, сразу перевернувшая все наши позиции...

Проспали «царство небесное»

В эту ночь охраняли крепость джигиты Мойдына, как выяснилось перешедшие на сторону Халхаджи, а этот, последний, соединившись с Курширматом, подошел к Гульче, и когда получил сообщение, что аскеры Мойдына обезоружили русских, заполонили всю территорию крепости, все дороги и весь кишлак. Русские после очередной пьянки спали мертвецким сном и не слышали, как завладели их оружием, проснувшись лишь тогда, когда по нарам бегали аскеры Мойдына, стягивали шинели, одевали их сапоги и угрожали винтовками. «Проспали царство небесное!» Ни одного выстрела! Въехал Халхаджа во двор с Курширматом. Привели С.Ю.К., который жил с семьей в кишлаке. На допросе, учиненном ему, Халхаджа ударил его по голове, в запальчивости своей, клюкой (он был ранен в ногу раньше, ездил верхом, держа ее в курджуме, а ходил по земле, опираясь на деревянную клюку из асамусы). С.Ю.К. бросили к нам истекающего кровью. Мы его перевязали чем могли. Теперь, наверное, конец, сказал он, придя немного в себя. В двух комнатах нас набили, как сельдей в бочку, негде было лежать, спали на ногах друг у друга, сидя даже на подоконнике. Нас не кормили и не поили. К вечеру жажда была нестерпима. К окнам подошли три палача, заглядывали наглыми глазами, рассматривая свою жертву, и напоказ точили свои ханджары, у одного из них было их два, дорогие хорошие кинжалы, кривые и обоюдоострые и просто крупных размеров узбекские ножи, рукоятки и ножны были в серебре и камнях.

Ночью С.Ю.К. снова вытащили от нас. «Меня в первую очередь». Мы попрощались, как перед смертью; всю ночь дежурили, прислушивались, обсуждали, но ни к какому выводу не пришли. С.Ю.К. до утра не было, джаллотов тоже не стало видно. На утро увидели, что молодой еще фельдшер Ж. - побелел за ночь. А у одного австрийца, сидевшего с нами (он был чех), появились признаки помешательства.

Ставка Халхаджи теперь была на базаре. Джаллоты снова замелькали, и нас повели «резать» - на площадь к Халхадже. Все было в коврах. Халхаджа сидел, поджав ногу, и, как коршун, осматривал нас. Потом он начал дико кричать, бил себя в грудь, палкой по супе, на которой вертелся, запустил в кого-то пиалой, но в конце концов встал и проковылял в заднюю часть чайханы. Слева в углу сидел Курширмат, окруженный плотным кольцом своих джигитов. Курширмат не возражал, но было видно, что он не согласен с Халхаджой. Джаллоты ушли, и нас, продержав на снегу два часа, отвели обратно. По дороге мы хватали снег, чтобы утолить как-нибудь жажду. И так повторялось каждый день. У меня было самое щекотливое положение: я был главным виновником уничтожения халхаджинских шаек (их уничтожено пять в окрестностях Гульчи, очистив совершенно район от грабежей) и отнял его золото. Если С.Ю.К. скажет об этом, меня в первую очередь отдадут джаллотам. Но я верил С.Ю.К. - это благороднейший товарищ и ради спасения своей головы, не способен предать другого. Вся надежда была на правильность чисто технологического расчета: если вся история завязалась из-за золота, то тут не до людей, которых можно обвинить в том или ином поступке. Золото — это такой страшный магнит, который ослепляет человека, лишает его разума и делает близоруким. Ясно, что Курширмат за помощь Халхадже — обещал какую-то долю его, а Курширмат сильнее — у Халхаджи после его последнего бегства оставалось

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

человек двести пятьдесят, а у Курширмата — две с лишним тысячи. Все они были здесь. Курширмат все же сторонник Мадаминбека, хотя и отделился от него, видимо из-за того же золота, которое посулил ему Халхаджа в Гульче. Если бы не Курширмат, то и Мойдын не решился бы на свой «подвиг», изменивший его позицию в отношении Мадаминбека. Мойдыну тоже надо было что-то дать, и Халхаджа, таким образом, совершенно выходил из себя, чувствуя, что ему очень мало достанется. И эти-то распри на гульчинском золоте теперь и спасали меня: я был видимо наравне с остальными. С точки зрения моей личной программы изучения опыта басмачей, я был очень доволен таким оборотом дела: здесь все дикие страсти, самые подлинные и грязные — налицо. Опасно было, но за такой опыт надо видимо платить дорожную цену. Я все старался запоминать и это отвлекало меня от мыслей о тяжелом положении. Идея, владевшая мной, была сильнее. Я был просто наивен: мне казалось, что я не дамся, вывернусь как-нибудь. Идя на площадь, я все осматривал кругом, замечал лошадей, джигитов, веря, что если уж будут резать, я сброшу кого-нибудь из джигитов с лошади, завладею винтовкой и брошусь наутек. Этим я не подведу товарищей, обреченных на казнь. Они отказались от моего плана, назвав его безумным; недалеко от нашего помещения стояли две юрты, в которых жили мои бывшие джигиты. Я еще рассчитывал на свое влияние у них и предлагал: ночью наброситься на часовых, а потом взять оружие у моих джигитов и пробиваться силой. Теперь мы должны покорно ждать своей участи. Мы видели, что С.Ю.К. теперь на свободе и ему вернули даже его коня. С повязкой на голове он иногда появлялся у нас, вертелся около нас, но переговоров мы были лишены.

Один из сердобольных часовых — по виду добрейший дехканин из Маргелана, мой земляк, принес нам мешочек муки и разрешил нам у двери, на крыльчке, печь лепешки. Мы их жарили просто на железке без масла, замешивая муку талой водой, но все они горели снаружи, а тесто оставалось внутри. Жажда мучила. Я договорился в одну из ночей с часовыми сходить за водой на речку. Товарищи потребовали у меня честного слова, что я не убегу, воспользовавшись этим случаем. Мы вышли, когда все кругом спали, в том числе и караульные у ворот. Шли сначала рядом, а потом, когда вступили на тропинку в глухой, поросшей кустарником, пойме Гульчинки, мой проводник, видимо, почувствовал себя неуверенно в этом одиночестве и пошел сзади, упирая ствол винтовки мне в поясницу и взвевая курок своей берданки.

Соблазн был большой — схватить, отвернуть винтовку, отобрать и бежать. Но дума о товарищах, которых после этого наверняка зарежут, удерживала меня от этого.

Напившись всласть холодной воды прямо из реки, растянувшись на обледеневшем, хлюпающем берегу, за которым шуршала шуга, я не подавал и вида, что меня беспокоит винтовка, направленная мне в спину сверху вниз. Чувствовалось, что надо заговорить с моим стражем, а то он, чего доброго, нажмет на курок — уж очень грохочет река и для непривычного дехканина эта обстановка не очень подходит для успокоения нервов, да и воду я пью не по шарияту, а по-собачьи. «Кассопны кулведан дехконы кулы халол» - вот я и напился как будто из рук честного дехканина. «Рахмат», пусть ваши дни продлит Аллах» — винтовка отодвинулась в сторону, озябшие на ветру пальцы спрятались в длинные рукава халата. Винтовкой он указал на обратный путь; набрав воды в ведро, мы зашагали к крепости, через ворота шли смело: проснувшийся часовой был знакомым моего конвоира. Мое появление было встречено как вздох облегчения: многие говорили, что я не вернусь, воспользуюсь случаем к побегу. Воды, конечно, не хватило на всех вдосталь, но все же страшная жажда была на некоторое время заглушена. Но решили меня не пускать, а никто другой на эту прогулку не соглашался, хотя тот же конвоир обещал мне это устроить.

Конечно, надо знать язык, уметь входить в доверие, чтобы ладить с этим народом, начальники которого настроены против нас.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

В помещении была груда книг в хороших черных переплетах — остатки местной библиотеки. Я нашел среди них Чернышевского «Эстетическое отношение искусства к действительности» и принялся штудировать эту первооснову материалистической эстетики. А Горького я читал вслух, стараясь всеми средствами отвлечь публику от тяжелых мыслей. Это помогало. Но если бы я не знал языка, как они — и не имел бы своей идеи, за которой гонялся, как за Жар-птицей — и не знаю, что бы я делал с собой, фантазия и действительность жили рядом. Мне было страшно, так как я шел сознательно познать опыт жизни, мне нужно было постичь тайну неумирающего искусства на путях его разложения. Не поняв этого, я не мог идти в искусство, а это — вопрос идеи и жизни.

Спасало наше положение то, что весь караул оказался из отряда Курширмата. По происхождению он был из бедной дехканской семьи, бывший чарикер и батрак. Что же касается Халхаджи, то его все знали как Кумарбача, то есть игрок в ошички («кумар»), на деньги, пьяницу и вора, никогда не работавшего. Если бы его джигиты были допущены к караулу — в первый же день всех перерезали. Их джаллоты все время рвались к этому. Каждый день, стоя у украшенной сплошными коврами ставки Халхаджи, перд нами проводили их жертвы — аксакалов-заложников, не выполнивших контрибуций в каком-либо ауле. Одного, двух или трех из них резали на наших глазах, чтобы устроить. Джаллот по имени Сок кривлялся перед этим, прося у своего хозяина оказать щедрость и позволить ему утолить жажду крови, ставшей его страстью «хумар». «Я ж тебе дал утром» — «уны напуштага хам етмады» («этого не хватило и на завтрак!»). Точило у джаллоты было при себе, на поясе черный брусок камня, найденный очевидно в русле реки, с просверленным отверстием, куда вдевался ремешок. На бруске он правил кинжал. Затем, подоткнув полы своего халата или сняв его и бросив наземь, хватал жертву за бороду и вонзал ему в горло кинжал, лезвием внутрь; придавливал коленом его к земле и, навалившись всей тяжестью, мям, и давил жертву, как говорили другие очевидцы, иногда держал и даже откусывал зубами ухо, пока стекала кровь, наслаждаясь конвульсиями умирающего, издавая при этом дикие звериные звуки, как фокусник, исполняющий жуткий номер. Затем поворачивал кинжал и отсекал гортань, слизывая окровавленный нож, чтобы душа зарезанного не явилась во сне. Затем ножом соскабливал кровь, где прилипла, отирал нож об одежду зарезанного и, умыв руки снегом, вкладывал его в ножны, поднимался усталый и весь расслабленный и запыхавшийся уходил и садился на завалинку у ног Халхаджи. Сюда ему бросали халат зарезанного, как премию, если он был хорош, а нет — Халхаджа его награждал деньгами или подарком. Джаллот уходил курить анашу, его сменял другой или он снова выбегал на сцену. Это был любимый палач Халхаджи — его действия заменяли ему театральные действия.

Мы теперь представляли себе как кончил жизнь младший из С-вских, которого халхаджинцы настигли вечером в Талдыке. Это был очень талантливый юноша, занимавшийся наукой, студент-естественник. В поездке он напоминал какой-то персонаж Свифта: в широкополой белой шляпе, на маленькой ленивой лошадке, ноги свешивались чуть не до земли, всегда в раздумье и в наблюдениях за растительностью. Если другие торопились, то он ехал сам по себе и мог отстать от компании на целый день, нимало не думая о том, что это опасно. Как он попал сюда — непонятно: вероятно, потянулся за своими старшими братьями — Б.С-вским, бывшим помощником прокурора, и А.С-вским, есаулом сотни.

Однажды — это был десятый день нашего сидения — мы заметили, что весь лагерь зашевелился, засуетился в беспорядке, все задвигались, к нам уже на лошадях подскакали палачи, но их тут же вернули, от стражи мы узнали, что Красная армия наступает со стороны М.Талдыка и что туда навстречу выехала большая часть курширматовских отрядов.

На следующий день нас погнали вверх, басмачи бежали. Подгоня нагайками, нас

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

гнали, защищая в тоже время от наскоков пронесившихся мимо халхаджинцев. Однако, один из наших, преследуемый группой халхаджинцев, отделился и побежал прямо к реке, по берегу которой мы шли. Полой шинели, защищая голову от ударов, бросился через забережню в воду и стал перебираться на ту сторону. Двое бросились за ним на лошадях, и от удара шашки он упал. Полы шинели сначала вздулись пузырем над ним, и все поглотила вода и шуга. Озверевшие халхаджинцы снова бросились на нашу колонну, но были оттеснены: мы чувствовали, что в какой-то мере нас защищают курширматовцы, но, поддавшись общей панике отступления, и они могут нас бросить на произвол халхаджинцев, так как мы пешие, идем медленнее, чем все это войско скачет на лошадях.

Часть II

Побег

К вечеру нас пригнали в Кызылкурган. Перед Кызылкурганом, на мельнице, ко мне подскакал один из моих бывших джигитов, Джунус, и успел рассказать, что их, как «ударный взвод», послали вперед в атаку на красный полк, но «нас почти всех порубили», Сулейман ранен в ногу и мы его везем в аул, в Белсум; предлагал мне сесть на круп его лошади и ехать с ними. Я отказался, сказав, что теперь я должен быть с товарищами — нельзя же мне одному спастись. Просил передать Сулейману пожелание скорее поправиться.

Курширматовцы, конечно, не поддержали атаку «ударного взвода», а просто наблюдали, что из этого получится — и тут же повернули обратно.

Было очень холодно, ветер, не видно ни зги. Кругом в кишлаке разоряли крыши и жгли костры. Наш часовой сообщил мне, что сейчас сделали «патава» — Курширмат согласился с Халхаджой на то, чтобы нас зарезать, так как им надо спешить.

Я уже заранее присмотрелся, что тонкую стенку в один гуаляк (круглый кирпич позади очага) можно легко разрушить и тут же начал проделывать дыру. За мной вышли все. Мы благополучно миновали лагерь, благословляя злую метель, разносившую искры костров, у которых грели руки съжившиеся аскеры — и втянулись в ущелье, рассчитывая, что нас бросят искать вниз, а не вверх. Так и вышло. Пробираясь ущельем, мы вдруг услышали цокот копыт впереди. Все бросились в камни, спрятаться. По силуэту я определил, что лошади вьючные и сейчас же схватил одну из них, за которой по тропке между больших валунов шли остальные. Караванбаши не было с лошадьми: лошадейхватило на всю нашу колонну. Мы поскакали, погоняя кто как мог. Ни стремян, ни уздечек. Скачка продолжалась целые сутки. За ночь мы, стараясь уйти как можно дальше и от Суфикургана, повернули на Терендаван. В одном месте нам удалось обезоружить двух басмачей, сидевших в киргизской юрте. Теперь мы были вооружены: одна винтовка, шашка и старый огромный револьвер, какие носила лесная стража.

Три свежих лошади под седлами. Под перевалом мы решили ночевать и дать бой, так как лошади выбились из сил и дальше идти не могут. Среди ночи вдруг раздался крик: тревога! С.Ю.К. прискакал к нам и поднимает нас, так как за нами гонится отряд басмачей. Мы снова были на лошадях и ночью же, достигнув гребня перевала, решили здесь отдохнуть, подкормить лошадей камышом, снятым с крыши единственного каменного здания, построенного здесь русскими — расположились в снегу на позиции. Мне досталась шашка, остальным винтовка и револьвер, кроме того оружие бывшее у С.Ю.К. — наган и шашка.

Один из австрийцев (по национальности русский или словенец), не доехав перевала, дважды пытался броситься в снег, чтобы замерзнуть и избавиться от этих нечеловеческих

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

мук голода, усталости и холода. Последний раз он накрылся простыней и мы потеряли много времени на его розыски. Теперь за ним учинили строгий надзор. Стража развела огонь под дырявой крышей и получила приказ не спать и не сводить с него глаз. Снегу было по пояс.

Мы не успели как следует устроиться в своих траншеях, как появились басмачи. Люди, почувствовавшие свободу, ни за что не хотели вернуться вспять: никогда мы не были так храбры, как тут.

С криком «ура» в темную толпу басмачей вместе с пулями полетели камни. Басмачи были внизу, под крутой тропой, и пока они поворачивали лошадей, сбившись в кучу, мы имели возможность расстрелять все патроны, какие у нас были. Басмачи бежали, мы начали снова пополнять свои боеприпасы — на этот раз одни камни.

Просидели здесь до утра — далее не было столь выгодной позиции, и мы решили, что надо удостовериться в том, что басмачи больше не будут нас преследовать. Утром это выяснилось. Двое басмачей были убиты, у нас потерь не было.

На следующий день мы были в Иркештане, на пограничном посту, здесь было оружие, мы отогрелись и ожили.

Телеграмма от М.В.Фрунзе

Вскоре телеграфная связь была восстановлена и от Фрунзе мы получили телеграмму: «возвращайтесь, забудьте старые обиды, амнистия». Тут только мы почувствовали как дорого теплое слово внимания и как мила родная сторона. Ф-сов знал Фрунзе лично и был о нем очень высокого мнения. Встреча с этим человеком теперь была для него мечтой, и ее разделяли теперь все. Двинулись в обратный свободный теперь путь. Басмачи ушли в Алайскую долину.

Сыпной тиф

Как мы вернулись в Ош, я уже не помню, так как, находясь еще в плену у басмачей, заболел сыпным тифом, и сознание меня давно покинуло. Я только помню, что утром я сам садился на коня, а вечером после перехода, меня снимали.

В Оше я помещен был в заразную больницу. Помню моего милого фельдшера Бузальского, который был очень внимателен и, как мне потом рассказывали, трое суток во время кризиса сидел у меня в изголовье, не уходя домой. Вместе со мной в палате лежал Васька Африканов из Самары, красноармеец Казанского полка, который отказался принять причастие, так как во всем старался подражать мне. Мне потом рассказывали как товарищ Бузальский был этим огорчен, так как именно из-за меня он пригласил священника ..., чтобы причастить перед смертью. И тем более на него это произвело впечатление, когда все причастившиеся умерли, - четверо из шести, а мы с Васькой остались живы. Помню как наш санитар все пытался связать в простыню свою постель и выбегал с ней зимней ночью во двор, где его с трудом ловили и возвращали на место; как лежала в той же палате наша сестра милосердия и как она умирала. Почему-то помню рассказы Курбана, другого санитаря: он был проповедником-дервишом, уезжал на лето в Бухару и Самарканд. Там он подбирал товарищей, с которыми они ходили и под их аккомпанемент «а-а-а-ау-ау» рассказывал вымышленные истории о вымышленном святом и народ слушал вдохновенную ложь, бросал им деньги, которых им удавалось собрать столько, что, переодевшись, они могли поехать по городам, кутить, объедаться и на зиму себе сберечь, а летом — снова в турне.

Чтобы удостовериться как это у него получается, я просил его продемонстрировать. Нас он научил тянуть, поддакивать, мы изображали дервишей, а он воодушевлялся на такие

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

речи, что у нас и то в поджилках забирало. Каков был талант! И как мало значила оказывается религия для этих артистов.

Васька Африкантов много рассказывал о себе, о своем прошлом, воровском прошлом, как однажды они завладели целым вагоном резиновых калош и выгружали его под пулями полицейских. Я ему рассказывал как студентами мы однажды на вокзале, где поезд стоял шесть часов, сложили свои корзины и поставили их в кучу посреди зала, где были выставлены в витринах фотографии воров, и никому ничего не поручали, на шесть часов уехали на Волгу — и все обошлось благополучно.

Пришел в память я уже весной; помню, что увидел зеленую травку за окном и так был изумлен ее красотой, что дал себе зарок никогда не унывать в жизни, так как достаточно этой травки, чтобы понять как красива и привлекательна жизнь. И в жизни это мне действительно хорошо помогло. Хотя я всю жизнь был оптимистом и ничто кажется не способно было повернуть меня на пессимизм, но это чудо земной прелести иногда мне бывало нужно и стоило только вспомнить о нем, как все тяжелое отступало и на душе становилось легко.

Оказывается, помимо тифа, я перенес еще и воспаление легких — конечно: шуба на голое тело и сапоги на босу ногу в такую суровую зиму, в какую мы дважды форсировали перевал Терекдаван.

Т.Н. в больнице меня поддерживала, принося каждый день куриный бульон. Навещала меня и Ксеточка, двоюродная сестра, рассказывавшая, как однажды я ей сказал: знаешь, Ксения, я сегодня утром вылил на себя целое ведро холодной воды! — Я был без сознания и не помнил этого. Но помню почему-то сон: я мчусь по тропе вниз по скалам, и вот уже мы должны разбиться о скалу, уже неминуемо, а я все не выпускаю вожжи, все еще правлю, и мы несемся дальше, и опять скалы, у меня уже нет сил держать вожжи, а все их не бросаю и, не зажмуриваясь, лечу опять на скалу... Наверное, это и была борьба со смертью, из последних сил. Сон этот так врезался в память, что и сейчас это ощущение скачки с падением вниз, скала, вожжи, тягостная усталость — все помнится.

Вернулся в Скобелев и сразу к месту службы: я уже числился в списках Маргеланского конного полка на должности командира эскадрона — то есть с повышением.

Приезжал к нам в Ташлак тов. Фрунзе с Фурмановым. Мы сидели за длинным столом. Мое место было напротив Михаила Васильевича: запечатлелись на фотографии, снимал какой-то неизвестный скобелевский фотограф. У него должны быть негативы этого снимка, я в печати не встречал — может быть на нем не распознают Фрунзе и поэтому он неизвестен. Было это весной 1920 года... Было ли горячительное, не помню, наверное было — ведь поднимал же Михаил Васильевич тост за дружбу, за здоровье Мадаминбека, С.Ю.К. и джигитов. Был плов.

Как раз перед пловом в дверях появляется Джанабекказы и ему предоставили место во главе стола; усевшись и произнеся все приветствия, которые полагаются, он вдруг заметил меня, встал и бросился обниматься. Фрунзе улыбался такой непосредственности и проявлению этих добрых отношений между русским командиром и главой киргизского рода и порядочного отряда джигитов.

Гибель Мадаминбека

Между тем с Халхаджой велись переговоры, и он стоял со своим отрядом в Учкургане, прося выслать на эти переговоры к нему Мадаминбека. Военком полка Сухов должен был ехать с Мадаминбеком. Мы уже хорошо знали Халхаджу и убеждали Сухова и Мадаминбека не ездить и доказать, что переговоры эти — лишь ловушка и что с Халхаджой один язык — его надо уничтожить. И Сухов и Мадаминбек знали это, с

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

грустью возражали нам, что такова воля командования.

Так и получилось: и Сухова и Мадаминбека Халхаджа зарезал, долго над ними глумились, пытали, мучили, а отрезанные головы выставили на шестах на всеобщее устрашение.

Мадаминбек искренне шел на сторону Советской власти, да и все его стремления, о которых он неоднократно говорил до своего перехода в дружеских беседах, свидетельствовали о его симпатиях к диктатуре беднейшего класса, он верил в силы народа и его любил. К М.В. Фрунзе он проникся самой искренней симпатией и говорил, что за него он готов положить теперь свою голову. И он погиб за Советскую власть вместе со своим новым товарищем — таким же искренним и до самозабвения преданным коммунистом, своим военкомом Суховым.

После расправы с Мадаминбеком и Суховым Халхаджа, Курширмат, Мойдын обрушились на его маргеланский полк. Это было полной неожиданностью. Нас окружили в Ташлаке. С.Ю.К. с нами не было. Ночь и день мы вели бои с превосходящими силами. Не было воды, кончались патроны. К вечеру следующего дня пришла помощь из Маргелана: впереди скакал С.Ю.К. и врезался в толпу басмачей. Пулей ему пробили ногу и он упал на каменистую почву под ноги скачущим лошадям. Басмачи не выдержали натиска и в панике бежали. Началось общее их преследование, занятие гарнизонами кишлаков.

Одновременно с гибелью Мадаминбека погиб и наш командир эскадрона Я. М-в вместе со своими джигитами под Наманганом, куда его послали также на переговоры с Аманпалваном. Его так же предательски схватили, привязали за ноги и волочили лошадыми, пока его тело не превратилось в котлету, оставлявшую кровавый след на заброшенном поле.

Очевидно, у басмачей типа Халхаджи, Мойдына и Аманпалвана давно существовал план уничтожения русских, так как памирский отряд, который под Наманганом Халхаджа (еще до похода на Гульчу), пригласил к себе на «угощение» и, захватив из них сорок человек, казнил, отрезав головы. Из двухсот пятидесяти человек памирцев, часть из них успела взяться за оружие, бились до последнего патрона, но в конце концов были уничтожены. Это все была зеленая молодежь, совращенная на путь контрреволюции, после перехода на сторону Советской власти, осталось в живых лишь несколько человек.

Конец Халхаджи

Раненого С.Ю.К. перевезли к нам в дом на Махрамском и поместили в отдельной комнате. Сюда приезжали его навещать командир Ферганского фронта Коновалов, командующий войсками Туркестанского военного округа Городовиков и другие. Он был окружен большим вниманием. По выздоровлении он снова в Красной Армии, с действующими частями против Халхаджи. С.Ю.К. перевалил через перевал Койджулы в Алайском хребте, чтобы зайти в тыл басмачам. Халхаджа застрял в горах Кичи Алая, а попытка его двинуться на перевал окончилась для него роковым образом: киргизы, засевшие на склонах ущелья, устроили обвал. Снежная лавина погребла все халхаджинское войско, а по весне, когда стаял снег, отрывали одежду, оружие, конскую сбрую. Судьба золота осталась неизвестной.

В последних операциях против Халхаджи я не участвовал, так как заболел возвратным тифом и сердце у меня окончательно вышло из строя: болезни подорвали когда-то крепкий организм и на всю жизнь оставили свой тяжелый след. Я перешел на нестроевую должность завхоза Ферганского отдела отделения конского запаса Туркфронта, а как только в Ташкенте учрежден был Туркестанский Государственный Университет, воспользовался вакансией, поступил на военный факультет, военно-инженерного отделения. Очень хотелось учиться

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

чему угодно, лишь бы учиться, закончить свое образование. Тяга к учению тогда проявлялась как стихия. Условия для учебы были идеальные для того времени, мы, курсанты, военфака получали довольствие по должности командира роты и могли все свое время посвятить наукам. Весной все экзамены за первый курс были сданы на «весьма» (тогда не было еще «отлично», — этой оценке соответствовала «весьма удовлетворительно»).

И тут произошло непредвиденное: началась чистка. Вычищено было большинство. В коридоре висели списки, в которых против фамилии «вычищенного» значились причины: у меня стояло: «сын крестьянина, эс-эр, бывший белый». Первые два основания были неверны, третье — формально правильно, фактически, конечно, неверно, так как то, что я там делал, было в интересах Красной Армии, а моя личная задача — узнать, что такое басмачество, чтобы стать компетентным в историческом материале для своих будущих картин, тоже не может быть поставлено под рубрику «белых» — но доказывать теперь свою правоту не было возможности, где было искать правду, да еще в таком щекотливом деле, как мое. Привлекать в свидетели единственного моего друга, посвященного в мои дела и поступки — Д.П. К-ва — могло и на него навлечь тень, да и могли ли его свидетельства лечь на чашу весов, когда в эти списки люди вносились пачками. Кроме того, мне надо было бы вообще тогда хлопотать о восстановлении в партии, а это было уже очень сложно — дело вернулось бы в первичную организацию, где у меня было много врагов, а кроме того, мои убеждения, что политическая работа — не для меня, она не позволит мне осуществить мою мечту — стать художником. Все формального рода соображения я отбросил, считая, что жизнь — не в формальностях, а в отыскании основ того искусства, которому себя посвятил. Распространению декадентства и формализма в искусстве надо было найти исторические и философские основы, чего нигде в литературе я не находил и своим долгом я считал (для оправдания своего служения искусству) найти эти основы и в самой жизни. Я знал, что это будет долгий путь: надо все увидеть и философски обобщить. Ключ к этому лежал у меня, уже рядом (это оказалась марксистско-ленинская философия), но я не знал теории марксизма, так как все мои знания о философии были на поверку поверхностны, но, осмысливая жизненные явления, я чувствовал, что в них я нахожу эти основы.

Взяв документы, я подал на с/х факультет и вместе со своим товарищем, тоже вычищенным с военного факультета, Г.М.-вым (только за то, что он бывший офицер), был принят и тут же направлен в Капланбек, где находилось университетское имение, на практику.

Успешно сдав экзамен по практическим занятиям (геодезия и прочее), я вновь не допущен был к дальнейшей учебе на том основании, что был «вычищен» на военном.

Тогда я сделал еще одну попытку — и принят был на физико-математический. Однако, через две недели и отсюда меня «вычистили». Тогда не оставалось ничего делать как идти работать. Меня направили делопроизводителем в Управление начальника броневых частей Туркфронта, где я прослужил до лета тысяча девятьсот двадцать второго года, а затем подал заявление в Московскую комиссию, производившую в Ташкенте переосвидетельствование знаний служащих коннозаводства. Я «оказал блестящие теоретические познания» в коннозаводском деле и мне было предоставлено право занимать должность помощника управляющего Государственным конным заводом по технической части.

Табунное коневодство

С.Ю.К. был управляющим Государственным табунным коневодством и пригласил меня на должность помощника зав. I опытного табуна, квартировавшего в селе Головановке близ города Аулие-Ата (впоследствии Джамбул). Головановка — русский поселок,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

жители которого были выселены; в усадьбах размещены были управление, конюшни, казармы красноармейцев, личный состав. Конезаводство тогда находилось в военном ведомстве, задача табунного коневодства состояла в обеспечении ремонта армии лошадей, выращенными в степи, под открытым небом, методом, который привлекал своей дешевизной, а лошади должны были приобрести качества, нужные боевому коню: выносливость и неприхотливость, а для улучшения поголовья служили отобранные на племя жеребцы; их влияние на улучшение киргизской лошади должны были изучать опытные табуны и растить состав ремонтных лошадей, так называемые ремонтные и «пользовательские» табуны.

Начальство — бывшие кавалерийские офицеры, вовсе не приспособленные к хозяйственным задачам: дела шли из рук вон плохо. Хорошая идея на деле оборачивалась провалом — потому-то и проводилась эта чистка и работали комиссии. Был поставлен вопрос о ликвидации табунов. Племенной состав начали распродавать на базарах; вырученных денег не хватало, чтобы расплатиться с увольняемыми служащими. Они, в ожидании расчета, пьянствовали, довершая общее разложение.

С.Ю.К., связывая с моим поступлением в коневодство надежды на то, что удастся доказать рентабельность табунного коневодства, решил доказать в верхах, что ликвидировать еще рано — надо приложить все усилия, чтобы поднять коневодство на должный уровень.

Я принялся тренировать десять жеребцов, чтобы испытать их на скачках, проверить их «деловые» статьи. Многие из жеребцов были взяты из армии и происхождение их было неизвестно, а также их скаковые показатели. Затем осенью отобраны были десятка два племенных маток и молодняка, которых мне поручено было перегнать в Ташкент на выставку. Перегон занял пять дней (триста километров); в Ташкенте, где теперь парк Кирова, находилась Государственная конюшня; здесь в денниках и разместились мои дикари. Уход и подготовка к выставке лошадей были поручены администрации конюшни. Мои два красноармейца были приданы составу конюхов-специалистов. В непривычной обстановке лошади не ложились, не ели и не пили. Уже через двое суток их перевезли на тренерскую конюшню, начальником которой был Крамаров.

Здесь их отдали в руки специалистов-тренеров, но результаты были те же; некоторых лошадей так и смогли «обломать», а остальные пришли в такой вид, что их нельзя было показывать на выставке: худые, с зачесами, хвосты и гривы полны репья; из ведра не пьют. Начальство решило тогда отправить поголовье обратно, выбракованных «за злой нрав» продать на базаре, чтобы были средства на перегон остальных.

Прекрасную рыжую, но очень злоую кобылу, пришлось мне вести на базар на развязках. Покупали «кашкарлыки». Сдали ее из рук в руки, а когда отъехали, то увидели, что кобыла, испуганная базаром, вырвала один из поводков и ударом передних ног повалила одного из своих хозяев, разбив ему голову, затем вырвалась и, окруженная толпой, замоталась, как бешеная.

В тот же день мы двинулись в обратный путь. Под Чимкентом ночью я, из жалости к отнятому у этой кобылы сосунку, хотел его приласкать, предлагая ему пучок хорошего клевера, но он кинулся на меня и зубами сдернул на руке кожу. Кровь удалось остановить, но началось воспаление. В Чимкенте меня уложили в госпиталь, так как рана грозила заражением крови. Кроме того меня трясла еще малярия, я был без сознания. Красноармейцы, напуганные моим бессознательным состоянием, пригнав лошадей в Головановку, сообщили о моей смерти, и меня исключили из списков личного состава. Через месяц я выписался из госпиталя и пошел на станцию, перрона еще не было, а сил у меня не было подняться на платформу вагона. В товарном вагоне ехали красноармейцы, матросы и другие военные, отправлявшиеся на колчаковский фронт, они подали руки и затащили меня в вагон.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

В Головановке еще были люди, в головах которых гнездились старые религиозные предрассудки (как далеко мы ушли теперь от этих времен!): — один из служащих канцелярии (казначей), увидев меня на улице поселка, когда я обратился к нему, вдруг попятился в свою калитку, заклиная: чур, чур меня, и, махая на меня руками, ополоумев, шарахнулся прочь. Конечно, с виду я был похож на мертвеца, но тут было другое: я ведь числился в канцелярии по бумагам в списках «умерших» — значит «явился покойник».

В поселке

На конюшне в опытном табуне, помещавшемся на краю поселка, я застал такую обстановку: лошади худые, нечищенные, на печи без света (была зима) сидят трое: бывший политрук табуна В.В-сков, старший конюх Д-ов и еще красноармеец, черные от копоти и грязи (они не мылись и не стриглись три недели), заросшие, завшивевшие, без белья, ботинок и шинелей (босиком выскакивали на двор по нужде) — все спустили с себя на водку и на «план» (анашу, опиум).

Живут воровством: одев ночью обувку своих товарищей, они отправляются в соседний поселок (Михайловский), душат кур, поросят, баранов — вернувшись кустами и камышом через задние дворы — ложатся спать, а добычу — в общий котел всей казармы. И этим кормятся, угощая друзей, предоставивших им приют.

И зав. табунном даже не знал этого: красноармейцы уволены по демобилизации — и «вся недолга». «Уволенные за пьянство» (демобилизация само собой) были восстановлены по моему ходатайству перед Управляющим табунного коневодства, и они действительно стали примерными в работе, оставив свой хитрый рынок, с трудом были обмундированы, ходили теперь бритые, перестали даже курить анашу, что было подвигом с их стороны, а к работе проявляли такую ревность, будто истосковались по ней.

Через месяц В.В-сков был откомандирован в Ташкент, где находился его старший брат, а Д-в по-прежнему был старшим конюхом, и лошади теперь были накормлены и вычищены. Принялись за ремонт сбруи и бричек.

В поселок после долгих странствий вернулись два брата... один из них кузнец, другой плотник, колесник, бондарь — на все руки. Тут я впервые увидел русского мужика-трудолюбца во всей его красе и благородстве.

Уже до рассвета они и их жены за работой. Он принесет кизяк, приготовит растопку — жена растопляет русскую печку, готовит завтрак. К завтраку все детишки (дошкольного возраста) умыты, одеты: муж умывается и садится за стол.

После завтрака снова работа до вечера. Ни одной минуты на перекур, оба некурящие. В заказах недостатка не было. А если нет заказа — все равно тот же упорный, методичный, настойчивый труд.

Где они научились этому трудолюбию?!

Социализм, мне думалось — это вероятно, общество таких трудолюбцев, у которых поэтому все так красиво — и жена, и дети, и белая хата под камышом, и плетень, в котором он, походя, заменит то колышек, то лозу, то петлю на дверце.

Внутри хата у хозяйки всегда выглядит как-то особенно чисто и празднично: чуть оботрется побелка — подбелку, цветной глиной выведет панель, а пол смажет коровьим свежим навозом и постелит холщовые половицы, а к празднику все уберет заново и цветами. Глину добывает в разных местах, хотя и далеко — все знает, все сообразит, и украсит свой быт просто, саморучно, красиво — куда ни глянь — свое мастерство, свой вкус, свое художество, не говоря уж о вышивках на платье, на полотенцах.

На Таласе

Ликвидация табунного коневодства больно отзывалась в душе С.Ю.К. — он был большой энтузиаст этого дела, и хотя старые офицеры провалили это дело, он еще не считал, что все потеряно. Он добился перед Главным Управлением Коннозаводства Турк.республики права оставить поголовье сосунков Аральского ремонтного табуна и организовать Аральское опытное отделение Аулие-Атинского Государственного конного завода, а заведующим назначить меня. В ноябре тысяча девятьсот двадцать второго года мы с ним выехали на Арал, за сто двадцать верст от Аулие-Ата ознакомиться с делами на месте. Зав. табуном был Майер, бывший ротмистр, хваставший перед своими сослуживцами, что он теперь по положению занимает должность полковника (управляющим конным заводом назначался раньше генерал). Майер, согласно новым требованиям, объявлял себя атеистом, но когда при переправе через Талас во время половодья, бричку его перевернуло и он стал тонуть, то отчетливо кричал: «Господи, помоги мне». Красноармеец К-в, спасавший его потом, подтрунивал над ним и мне рассказали об этом в первый же день знакомства, намекая на то, что и каждого может на этом месте постичь такая участь. Табун распродался, сосунков отбили и составили опись, отдав на ответственное хранение. Хозяйство было разорено: ни одной исправной брички, ни одной уздечки, шорки, хомута; лошади голодные, в чесотке. Отношение к лошадям здесь нельзя было назвать неумелым или халатным — это было издевательство и жестокость. Например, мерин «Скаженный», дикий, злой конь, которого трудно было даже поймать, он ходил поодаль от табуна и не позволял себя заарканить даже в загоне, имел на спине страшные следы истязаний — это была сплошная гниющая рана. Из расспросов мы узнали, что этого дикаря решили объездить. После многих попыток его притянули в станок, связали, привязали к спине кирпичи, гоняли по корде и две недели не расседывали. Наконец, выбившись из сил, конь упал и не мог подняться. Его освободили — казалось, он смирился. Спина была избита до кости, все мясо и шкура сгнили, появились черви, от него на весь двор шел смрадный запах — тогда ветврач П-ч велел его выгнать из своего лазарета, облив его лизолом. Лошадь, необычайно крепкая от природы, бродя вокруг стогов, набралась сил и, потеряв доверие к людям, ушла в горы. Никто за «Скаженным» не смотрел — его «списали». Поправившись, он вернулся к табуну, но к себе никого не подпускал.

Впоследствии П-ч мстил мне за то, что я выправил этого коня и даже приезжал на нем в Масловку — он служил у меня под верхом только в тех случаях, когда надо было быстро съездить куда-либо на большое расстояние: например, на Масловку, за сто двадцать километров за один день и на следующий день вернуться обратно. Это был неутомимый конь, но, конечно, он продолжал оставаться диким и злым и, если меня еще подпускал к себе, то только с головы и слева, после того, как подашь голос. Чистить его можно было только с верха и то лишь в воде. Чтобы привести его в порядок, я искал глубокое место в Таласе или арыке и, раздевшись, сам заставлял его двигаться по седло в воде, обмывая веником справа и слева. При этом, в погоне за веником он умудрялся так быстро иногда вильнуть в воде, что зубов его едва удавалось избежать самому. Но все это прощалось ему ввиду его трудной биографии и невероятной выносливости. Его нельзя было показать на базаре, ехать рядом с другим всадником — всякое движение человека, особенно его камчи, выводило его из себя и он готов был броситься на человека и мстить, мстить ему беспощадно.

Комиссия под председательством того же ветврача П-ча, приехав как-то в мое отсутствие, велела расстрелять моего «Скаженного»: признала у него сап; целый год я не давал его уничтожить, так как проверял его ноздри и видел, что это не сапная язва, а так называемый «ринит». У него часто бывало одностороннее истечение из носа, но не было и

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

характерных для сапа затвердений под салазками. П-ч мстил «Сказенному» и, наконец, свел с ним личные счета. Конечно, он его не осматривал, так как боялся его. «Сказенный» мог его убить раньше, чем он его убил предательски. На могилу «Сказенного» мы положили большую каменную плиту. Без надписи. Она не нужна ему. Память о нем сберегли только мы, знавшие этого богатыря, не раз выручавшего нас своей «сказенной» выносливостью. От его службы иногда зависела наша жизнь. Никакая река ни днем, ни ночью его не могла остановить. По снегу он пробивался там, где всякая другая лошадь выбилась бы из сил через десяток — другой шагов.

Тридцать больных верблюдов, вымазанных дегтем и лизолом, подошли (надо было мазать по частям, чтобы не лишать их дыхания). Конюшни разорены — камышом крыш кормили лошадей. На базаре худые лошади ничего не стоили. Часть из них падала на дороге.

Мы уехали с тяжелым чувством. Не отказываетесь от табуна? - Нет, говорю. Вместо тридцати красноармейцев у Вас будет только три, ни ветврача, ни делопроизводителя, ни завхоза, ни шорника — ничего!? Все равно не отказываюсь — у меня дело пойдет по другому. Никаких ассигнований на фураж, материалы, на семена, инвентарь — ничего! - На все согласен!

Табун

Меня привлекала идея табунного коневодства — дикая лошадь была моей страстью с детства, а тут еще прибавилось интереса от того, что никто не верил в это дело, никто не согласится взяться за него. Для меня оно сулит много интересного, так как в нем я буду постигать опыт жизни, материал будущего художника — здесь все породы азиатских лошадей, а в истории лошадь играла выдающуюся роль, как ближайший друг и помощник человека, разделившая с ним все его ратные и трудовые подвиги.

Первого января тысяча девятьсот двадцать третьего года я принял остаток табуна. Со мной остался один конюх в Пятигорске и два табунщика в Чибыре, на табунах сосунков в двести голов. Семь лошадей висели на подпругах под дырявой крышей, истощенные до последней степени, голые от чесотки, с объединенными гривами и хвостами. Этих лошадей я не принимал — они были при «зачистке книг» списаны, как издохшие от чесотки.

«Рабочие» лошади около тридцати штук бродили по огородам, добывая из-под снега слабым копытом недоодеженный навоз, гнилую солому и просто курай — сорную траву — либо глодали торчавшие кое-где, еще не вырубленные деревья.

Все к подписи было подготовлено, и получив ее, бывшее начальство уехало в соседний поселок Дмитриевский, за тридцать две версты, где продолжало пьянку и глумление над тем, что «дураку осталось». Это начальство не думало и не снискало себе уважения ни у киргиз, ни у русских крестьян богатой Таласской долины. Над конезаводством смеялись — и по заслугам. Огромное количество лучших лошадей, взятых по конфискации у кулаков, отобранных у басмачей, всего Туркестанского фронта — от Закаспия до Ферганы и Семиречья, взятых на учет в кавалерийских частях Туркестанского фронта с целью воспроизводства в хозяйствах типа теперешних конесовхозов — все это было безответственно погублено. Из полутора-двух десятков тысяч лошадей осталось двести сосунков без корма, глаз на глаз с волками, без привычной защиты взрослых лошадей.

«Для связи с населением» у меня был помощник — местный богатый коневод Кавай — ему полагалась ежемесячная зарплата. Он жил у себя в ауле — за пятьдесят пять верст от Пятигорска, где была штаб-квартира опытного отделения (поселок Пятигорск был выселен и развалины его именовались теперь Аралом, что значит остров, так как название произошло от острова между двумя руслами Таласа, на берегу которого стоял Пятигорск). От Чибыря

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Кавай жил в десяти верстах, от Талдыбулака, где также были выпасы и сенокосы отдельно — за пятнадцать верст. Его можно было видеть только по поводу зарплаты. Ценилось получение его влияния, а не труд, но такое положение в те времена было нормальным. Считали, что если не будет Каваля — киргизы выгонят оттуда конезаводство. Действительно, все кругом бурлило. Сафаров, ком. Национальной бригады, по этим местам прошелся пожарами, контрибуциями и выселением русских и немцев. По дороге в Пятигорск мы с С.Ю.К. видели бывший немецкий поселок Иогансдорф: дворы разорены, сады вырублены, хаты сожжены. Во дворах, где остались хаты — у них на крыше проделаны дыры «для вентиляции» и туда загоняли скот, а посреди двора стояла юрта, в которой теперь жил хозяин.

Поселки Пятигорск, Чибырь, Талдыбулак тоже были выселены и уничтожены. Эти поселки, при которых имеются большие клеверники, теперь богатые коневоды стремились захватить в свою пользу и только ждали ухода старого начальства.

Мне сразу пришлось искать фураж, не имея на это денег. Однако, бедняки из киргиз — это моя стихия: я знал, что у них найду поддержку, и не ошибся. На следующий же день я завязал с ними знакомство по радиусу в пять-шесть верст и раздобыл в долг («насия») до осени: половы, сена и даже зерна. Начали возить к себе во двор конюшни, но запрягать не во что: лошади не тянут, хомуты не по лошадям, а в хомутинах — гвозди. Оси у бричек съедены и на колесах «восьмерки», так как втулки от отсутствия смазки, сгорели и выкрошились.

С собой я привез шорника — старого служаку, бывшего старшего нарядчика конезавода Ж-ва. Жил он у своей дочери теперь и за свою работу просил всего лишь посеять ему гектар пшеницы. Он перешел к нам и отремонтировал хомуты, шлеи, вожжи, недоуздки, уздечки, седла, нагрудники, постромки — работал целый год. Теперь вся сбруя была на его попечении — смазана, подогнана на каждую лошадь и висела в амбаре на кольях. Брички отремонтированы в Дмитриевке у кузнеца Ш-ва «дяди Коли», у которого мы снимали «заезжий двор», расплачиваясь сеном, которое косили для него в наших привольных степях. Горное сено было душисто, питательно и хорошо поедалось лошадьми и коровами. Лошади на этом сене, стоявшие зиму даже без зерна, поправлялись. Наши лошади, когда приходилось бывать на конезаводе на Масловке (управляющим старой Гос.Сырдарьинской конюшней был генерал Маслов) отказывались от тамошнего сена, так как у них покосы на «сазах», где близки подпочвенные воды, и травы — кислые, без аромата, а по питательности намного уступают горным.

Пока поправлялись лошади на чужом сене, надо было готовиться к весенней посевной. Есть земли; будут лошади, плуги, но нет семян. Свои услуги мне предложили немцы, бывшие крестьяне села Иогансдорф, которым теперь отвели участки выше села Дмитровка, но где у них пока дело не ладилось из-за маломощности хозяйства. Они предложили условия, которые были обычны в те времена для чарикеров-издольщиков: их семена и труд; отделение предоставляет землю и рабочих лошадей: урожай пополам (после возврата их семян). Так, к работе были привлечены пять семей. На острове стали засеивать клин в сто га.

Аксакалы

Неожиданно оттуда прибегает Г.П-сон весь мокрый, ему в брод по грудь в воде пришлось пебребраться через мутный рукав Таласа, испуганный, в разорванной рубахе — «десять тысяч киргиз собрались на той стороне, сейчас двинутся сюда, там отобрали у наших лошадей, бьют и убивают, наверно, уже всех поубивали». Я сейчас же поскакал туда на донском жеребце «Запрос», взяв наган в карман на всякий случай. Навстречу мне скачут киргизы, вооруженные длинными палками («соиль»), обычно из горной

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

рябины — очень прочного дерева). Я направил своего жеребца им навстречу и, не сбавляя хода, не обращая внимания на их угрожающие выкрики, велел им вести меня к аксакалам (в любом ауле, на собрании, в толпе, есть «аксакалы» — старшины, заправила). Услышав от русского киргизскую речь, враги опешили и подчинились — опустив соили, повернули за мной. Впереди чернела густая толпа всадников, хотя и не в десять тысяч человек, но три-четыре тысячи будет — вижу, что дело грозное, но первый успех уже предвещает победу. Немцы избиты до крови и связаны; лошадей выпрягают из плугов; семена еще стоят в мешках.

«Если вам нужна земля, то зачем не переговорить об этом со мной? Я не для себя сею, а для государства, для общего дела. Земля не должна лежать даром — надо ее обработать. Вы — не особенно любите пахать землю — скорее кумыс пить. Я чтобы взять землю, нужно теперь обратиться в суд, в Пишпек, так как эти земли принадлежат коннозаводству и вам гораздо выгоднее будет, если вы получите эту землю судом после того, как ее засеют — у меня не может быть особых интересов, чтобы ее удерживать, а пока суть да дело, пшеница вырастет и вы будете с прибылью, а если сейчас отнимете, то ведь на своих худых быках сейчас еще пахать не сможете, их надо подкормить на зеленой траве, трава должна вырасти, время пройдет — вместо ста десятин («батманов») вы посеете пять-шесть батманов — какая польза?»

Аксакалы быстро сообразили, что у них в Пишпек (так называемый тогда город Фрунзе) есть своя рука — оттягать судом эти земли им ничего не стоит, а за то они будут с зерном. Доводы мои и киргизский язык сразу нарушили весь разбойничий пыл; с веселой руганью они велели отпустить связанных, поддавая им еще камчей, но уже без злобы, а как бы с доброй шуткой; отдали лошадей — и поехали ко мне, куда я пригласил аксакалов на чашку чая и показать жеребцов. По пути один из них, главный аксакал, крупнейший здесь богач Токтогул, толстый грузный человек, в шутку, но не без задней мысли, ухватил меня за пояс, пробуя — как сижу я в седле. Я сделал то же и он почувствовал, что съезжает с седла и может очутиться на земле, если мы будем продолжать эту обычную игру, перетягивание. Мое казачье седло давало большую устойчивость, чем киргизское, и жеребец подо мной был намного сильнее его верхового мерина. Ну, ловкости во мне было, конечно, больше, если даже я и уступал ему в физической силе. Так, уже мирно, по-деловому беседуя, мы добрались до моего огорода. Толпа конников уже не стала топтать возделанный усадебный клин, а растеклась по сторонам. Аксакалы остались у меня, а толпы вооруженных, но теперь мирных всадников, с гиканьем поскакали кто куда — к «туга-гам» и просто по гостям — там они найдут пищу, расскажут новости, испытают «алаза-вераза» (счеты по общим долгам — ты ему должен, он — такому-то, а этот последний — мне и нельзя ли посчитаться — «ундурмек»). Благодаря этим постоянным счетам, все знают друг друга на далекие расстояния и знают состояние дел друг друга. Благодаря особой натренированности памяти, некоторые, даже бедняки, становятся сначала подручными аксакалов, так как это дело выгодно, и аксакалы никогда не чувствуют безработицы: с раннего утра у него уже поседлана лошадь, и часто он возвращается домой через несколько дней, а то и недель, ночуя это время в любой юрте, где застала его дорога, так как по законам гостеприимства он везде имеет пищу, кров и корм для коня.

Аксакалы теперь, сидя на кошме и попивая черный чай (зеленый пьют только узбеки), осматривали жеребцов, которых одного за другим выводил конюх на показ. Смотрели, горячо обсуждали статьи, но неизменно качали головой — на улак не годится, тяжелый, такого жеребца никто не пожелал взять в аренду в качестве племенного для своих кобыл.

Немцы, перевязав раны, сделав примочки, и видя, что дела пошли на мировую, спросили — что делать? Я, конечно, при всех аксакалах сказал, что аксакалы просто

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

пошутили, у них есть более серьезные дела; считайте, что ничего не было — и продолжайте пахать с еще большим усердием. Теперь мы друзья и должны помогать друг другу.

Разъехались, наконец, и аксакалы, обсудив наших племенных жеребцов. А вторая, после хозяйства табуна, моя задача заключалась в том, чтобы я, как «инструктор конезавода по горному району» изучил киргизскую лошадь, их табунное коневодство, а также подворное коневодство русских и немецких поселков. У меня было два жеребца, которых я обязан был сдать в аренду киргизским конезаводам в целях улучшения киргизской породы лошадей. Дело это было большой государственной важности, так как киргизская лошадь Таласского, тогда «горного» района Аулиеатинской области была мелкоросла с множеством пороков (мягкая бабка, слабое запястье, шпат, жабки, седластая (гнутая) спина, свислый зад и так далее). Военкомат жаловался («ремонтные комиссии»), что в горном районе они не сыскали лошадей не то, что в артиллерию и кавалерию — даже в обоз третьего разряда. Нехватка лошадей в стране была столь ощутима, что красноармейцы, когда нет политрука, распевали песню на мотив известной революционной: «Товарищ Ворошилов, война уж на носу, а конница Буденного пошла на колбасу».

А вместо двух жеребцов, у меня на конюшне стояло их семнадцать — каждый раз, когда я ездил на Масловку, я «выпрашивал» то жеребцов, то рабочих лошадей, которых там отдавали охотно — лишь бы отвязаться и не нести ответственности за исхудавших и больных лошадей, которые там подыхали от бескормицы. Навязав за бричкой такую калечь, иногда до восьми голов, я медленно добирался с ними до Арала, тратил на дорогу вместо трех пять дней. С наступлением весны эти лошади стали быстро поправляться. Жеребцы же стояли на казенном содержании и получали зерно. Трое из них — Донец, Кумуд и Карабаир готовились к улаку: я решил, что только показав их скаковые качества киргизам-коневодам, они согласятся их брать в качестве племенных в аренду, размер которой был назначен в двадцать пудов ячменя. Остальных мне разрешили было давать бесплатно, но никто не хотел брать.

Улак

На воскресенье, базарный день, в Чатабазаре назначен был улак по поводу тоя у какого-то бая. Лошади были готовы. Наездники — я, старший табунщик Х. и младший табунщик Сарсан, выехали, чтобы принять участие — подготовить на случай удачи котел, кошмы, самовар; почистили и убрали двор — думали принять важных гостей. Каракуш, отбитый в Каракумах у туркменского курбаши, оказался обладателем замечательного качества: он знал, как надо пробиваться сквозь базарную конную толпу и на улаке, когда нужно либо пробиться к козлу, либо, захватив его, выбраться на окраину. Он поднимался на дыбы, ложился между двумя лошадьми, подминая под себя, и раздав их своей тяжестью, затем поднимался вновь, продвигаясь вперед — и так резал толпу, как нож масло.

Х. и С. должны были, по нашему плану дожидаться меня с улаком, чтобы на своих резвых лошадях умыкать козла дальше и скакать домой с победой.

Мое чудовище — вороной жеребец, по-комудски без гривы, и с жиденским хвостом, почти с голой репицей, с оскаленными зубами (от ярости) и прижатыми ушами, выделявшийся на сборище своим ростом, на дыбах прошедший всю толпу всадников — внушало теперь страх.

Козла я ухватил из-под шеи и, когда Каракуш вставал на дыбы, продвинулся вперед — своей силой вырвал, выхватил тушку из рук его обладателя — я едва удержался в седле, но козел был уже мой: никто не мог бы решиться на борьбу, так как джигиты, стоявшие теперь лицом ко мне, в растерянности стремились только уйти с дороги, чтобы не быть раздавленными. На окраине «жуды» (толпа всадников-претендентов) оказался один Х., а С.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

— забияка, уже успел подраться со своими соседями, и теперь его били нагайками, а он закрывал свою голову и не мог уйти от осаждавших. Мы с Х. бросились к берегу Таласа — воды было по седло обыкновенному коню. Толпа жалась сзади. По пути на Арал предстояло преодолеть гору — небольшой перевал, на котором была гладкая хорошая дорога. Каракуш, недостижимый в пустыне, здесь на подъеме стал сдавать. Мы уже были окружены, но подоспевший окровавленный С. помог с другой стороны отделаться от наседавших джигитов. За перевалом Каракуш фыркнул и попросил повода — ясно было, что с дыханием он справился, и тогда, дав волю своим чувствам, мы понеслись со всей силой. Бросая за собой лошадей и осмелевших было наездников, Сарсан и Х. с гиком и насмешками уходили вперед.

Влетев во двор, мы загородили вход бревном, иначе могла произойти свалка, так как улак еще только начинался, всадники еще не потешились игрой и последний приз — улак — еще не разыгрывался.

Аксакалы были пропущены во двор, вопившая толпа осталась снаружи.

Самовар кипел — кошмы были постланы, под большим казаном разводили огонь, козла тут же освежевали и стали спускать мясо в воду. Киргизка, устроившись невдалеке со своими инструментами — скалкой, дощечкой и кожаной скатертью с «хамыртурушем» (кусочек теста для закваски) мастерски готовила кульчу (киргизскую ленточную лапшу).

Все предвещало прощение — и аксакалы сдались. За кусочком улачного мяса любой из них поедет хоть за сто верст.

Я принес извинение, что раньше времени увез козла, но, да простят мне мое незнание обычая — по ферганским правилам это допускается, если лошадь очень хороша и никто не может ее догнать.

Жеребцы-победители теперь под попонами, вываживались на дворе под завистливыми и восхищенными глазами аксакалов — коневодов. Начался торг: аренда была назначена по сто двадцать пудов — (не хотели брать по двадцать пудов — теперь пеняйте на себя). Прежде чем дать жеребца я должен был осмотреть кобылу, но сейчас дело было горячее, всякая волокита вредна; а лошадей у каждого я приблизительно уже знал и старался только по своим соображениям правильно назначить жеребца. Тут же были распределены и остальные четырнадцать жеребцов, но за них цена аренды назначалась уже по моему усмотрению, ниже.

Когда на заводе узнали, что все жеребцы распределены на случных пунктах конезаводов, никто не хотел этому верить: либо втираю очки, либо придумал какую-нибудь «шутку». Я взял еще трех жеребцов — и они были распределены.

Среди жеребцов один, казахской породы, дикий табунный жеребец пришелся по вкусу богатейшему из коневодов — Кызыл-Башу. Осенью, когда косяки вернулись с летовки на зимние пастбища, на его косяк напали волки. Зубами и копытами он уничтожил всю стаю в пять волков. Кызыл-Баш просил оставить его и на зиму — и я оставил. На заводе были только рады этому, так как жеребец никого не подпускал к себе, в деннике все ломал и нечищенный мог только вызвать недовольство начальства. Но впоследствии это нарушение общего правила было поставлено мне в вину, хотя дело от этого выправилось, а не пострадало.

Итак, угостив аксакалов улачным лакомством, и распределив жеребцов, я выполнил свою вторую задачу. При этом кругом прошла хорошая молва о конезаводских лошадях, а я получил право контроля почти над всеми табунами коневодов Таласа.

Немцы и русские брали жеребцов по моей рекомендации прямо с завода, но они брали только рысистых лошадей и давно к этому привыкли.

Пашня

Первая весна прошла хорошо. Я теперь все время был в разъездах, так как надо было следить за жеребцами и изучать киргизскую лошадь. Хорошо прошли и покосы; мы заготовили в Талдыбулаке столько сена, что по моим расчетам хватило бы кормить табун в течение целого месяца. Я считал, что это необходимо лишь на случай катастрофы — гололедицы, довольно обычного здесь явления. Она длится обычно одну-две недели, и мой запас был, как мне казалось, полной гарантией. И такого количества сена здесь еще никто до меня не снимал.

Зимние пастбища были богатые и местное население вовсе не делало запасов сена для своей скотины, лишь только для верховых лошадей — по двести пятьдесят — триста снопов на голову. А пахать на быках начинали лишь тогда, когда трава отрастала на четверть, и быки, отощавшие за зиму, не поправлялись на весенних пастбищах и не входили в силу.

Пашня эта в моих наблюдениях вбирала в себя многие черты тогдашнего киргизского быта. В Чибыре, например, распахивали целинную землю. Человек пятнадцать хозяев съехались на лошадях; у каждого в курджуме семена — чакса две, три, иногда и больше (чакса — тринадцать с половиной фунтов, а по Ферганской долине разно: от одиннадцати до двенадцати фунтов); батман здесь — восемь пудов, а в Фергане чарик от пяти до шести пудов, смотря по местности; чакса в двенадцать с половиной фунтов равняется пяти килограммов; чарик в шесть пудов равняется одному центнеру. Все хозяева на лошадях; праздные зрители — кто на лошади, кто на быке. Ходить пешком здесь не принято, поэтому, если мальчишку посылаешь к соседу, например, за арканом, то он, выйдя из юрты, хотя бы за сто метров — верхом. Единственный несчастный человек, который должен ходить пешком — это пахарь (из батраков «джатаков» — тех, которые как все не едут летом на «джайлау», а остаются здесь в жару, среди мух, стеречь и затем убирать посевы).

Пахарь идет за омачем, прокладывая борозду за бороздой, с большими огрехами — но это и понятно: быки не приучены. Их нагнали сюда целое стадо; худые, больше лежащих, чем пасущихся: проведя одну полосу, сделав один гон, пахарь выпрягает быков и запрягает другую пару. Хозяева с курджумами толпой едут за ним взад и вперед, заглядывая под омач, который поскрипывает с остановками и медленно, как улитка, разворачивает дернину и чуть кое-где присыпает раскинутые по прошлогодней слежавшейся под снегом траве зерно, вытаптывая поле и ведя свои бесконечные «деловые» разговоры — о новостях, «алаза-вераза», о видах на урожай, на выжеребку, на расплод овец, на охоту. Однако урожай, несмотря на такой способ посева, бывает хороший — для ячменя обычно двести пятьдесят и даже триста пудов с гектара, то есть, до пятидесяти центнеров. Паханые земли, однако, быстро зарастают овсюком, с которым уже не борются, так как лишний раз пахать, чтобы поле погуляло под паром, никто не станет. На старопашотных землях урожай был невысок — пять-десять центнеров.

В то время я еще сам был неопытен в тех землях и как бороться с овсюком и второй бедой — головней — не знал. И урожай и в нашем хозяйстве не оправдал надежд. Вместо ста га мы засеяли всего пятьдесят гектаров и с тем едва справились, так как много у нас потравили скотиной кочевники, часть посевов пострадала от нашествия кабанов и дикобразов, которые оказались не менее страшным бичом, чем овсюк и головня. Охранять было невозможно, так как посевы находились среди непроходимых зарослей облепихи, куда с соседних гор переместились эти звери, поближе к корму. Летом, когда наступила пора уборки клевера, мы испытали новое нашествие со стороны вооруженных соилями киргиз, которые перед тем, как-будто совершенно о нас забыли, и все население долины укочевало, как обычно, на Сусамыр. Кочевка эта была незабываемой картиной.

Сусамыр

В мае месяце потянулись чередой мимо нашей штаб-квартиры табуны лошадей, стада коров и отары овец. С ними передвигались на лошадях, верблюдах, верхом на быках, кочевники. И погонщики и скотина были худые, но ликующе веселы, нарядны, и праздник был на всем, что теперь двигалось в этой пыли, в этом гомоне, в криках чабанов и табунщиков, в ржании лошадей, мычании коров и верблюдов, в бляении коз и баранов. За кошем носился запах кумыса, навоза и пота. Собаки и те сознавали величие момента и вели себя с достоинством, тряся клочьями своей еще не вылинявшей зимней шерсти и выходя из пыльного стада лишь для ориентировки и, начихавшись, снова скрывались в пыли, зная, что именно на джайляу, где много молока и мяса, они войдут в силу и приведут свой костюм в порядок. До первого июня им предстояло кочевать в предгорьях Утмека и Таласского Алатау, а затем перевалить в Сусамыр, когда Кызылбаш своими жеребцами пробьет траншею в снегу. За перевалом им откроется рай земной — море цветов и таких трав, от которых за десять дней в прохладе под ежедневными дождями и нередким снегом у лошадей развиваются крупы, а бараны к осени набирают столько сала, что курдюки им мешают идти: за сутки они в обратный путь будут проходить всего по три-четыре километра. Все свадьбы, обряды, обрезания и поминки принаравливались к летнему периоду, и потому на Сусамыре все лето — сплошной праздник. Скотина жиреет быстро, кумыса много, волков нет, люди ездят от одного тоя на другой, по пути останавливаясь в юртах, чтобы попить кумыса, переночевать, поесть баранины. Человек, имеющий одну корову или ничего не имеющий, тоже идет на Сусамыр в качестве чабана или табунщика. Часто он получал в пользование семьи корову — и это вся его зарплата. Кумыс всегда есть у соседей, мясо ему всегда перепадет от них же, так как скотину аула смотрит весь аул, большие ребяташки, которых посылают по каждому поводу: то пригнать на дойку, то отогнать от опасного места, где есть провал, ядовитые травы и так далее. За лето все поправляются, «краснеют», как говорят киргизы, набираются сил на зимнюю голодовку вместе со скотом, которому зимой приходится очень плохо, так как он должен добывать корм из-под снега, разгребая его копытом. В гололедицу скот постигает массовый падеж, а рабочий скот долго не может оправиться, чтобы начать работать на полях. Иногда скотина так обессиливает, что ее приходится на руках, лежащую, переносить с места на место по зеленой траве. Из-за этого задерживается весенний сев, к которому только начинают привыкать кочевники-киргизы.

Фининспектор

Когда клевер был скошен и сложен в копнах и на рыдванах, мы собирались его перевозить на конюшенный двор — один из местных баев во главе местных аксакалов заявил, что клевер принадлежит ему, и чтобы мы его не трогали. В окрестностях появились отряды вооруженных соилями. Мы не придали этому значения и продолжали готовиться к перевозкам, но некоторые меры предосторожности уже предприняли: крепкими бревнами запирали входы на дворы (ворот не было), оружие было приведено в боевую готовность. Вдруг услышали дикие крики и топот конной толпы. Впереди на рыжей лошаденке скакал русский парень в белой разорванной рубашке, его догоняли джигиты с соилями с перекошенными от злобы лицами. Русскому удалось заскочить на двор, и я тут же отгородил его бревном от преследователей, требовавших его выдачи. «Это мой гость и возьмете его только через мой труп» - заявил я им, вынимая наган. Конюх и двое табунщиков, вызванных с летовки в виду того, что соседняя беднота сообщила

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

мне о том, что скоро мы окажемся на осадном положении, — по команде «в ружье» прибежали на помощь с соседнего конюшенного двора. Толпа отпрянула, испугавшись направленных на нее ружей и шелкающих затворов. Но вооруженные конники продолжали съезжаться, заполнив все поля, дороги, огороды вокруг наших двух усадеб. Теперь можно было сказать, что их собралось тысяч семь. Аксакалы тем временем, в связи с новым оборотом дела, совещались на усадьбе, захваченной еще до моего прибытия на Арал одним баем, на другом краю поселка. Это была единственная сохранившая ограду усадьба, ряды тополей по границам и хороший прочный дом. Аксакалы совещались очень долго, до вечера, а вечером джигиты стреножили лошадей, отпустив их на траву, разожгли костры и половина их разбрелась по соседним аулам, чтобы поесть и спокойно поспать.

Русский парень оказался фининспектором из Дмитровки. Налог платить баи отказались и хотели его убить, но он, оказывается, бывал в переделках и ему удалось спастись бегством. Фамилия его была С-ков. Его перевязали: голова, руки, спина были в ранах, ссадинах и синяках. Я предложил ему такой план: отвезти его ночью в Дмитровку, где он заявит в милицию о происшедшем, а я постараюсь там взять помощь и с ней вернуться до рассвета. Как стемнело, улучив момент, мы выехали и сразу скрылись в прибрежных кустах. Проехав скрытно километров пятнадцать, мы погнали лошадей, сколько было возможности.

В Дмитровке, в милиции освидетельствовали С-ва, составили протокол и для подавления «бунта» выделили мне семнадцать милиционеров. Оружия милиция не дала, так как у них его не хватало и не так давно в нашем районе было убито пять милиционеров и семь винтовок отобрано. Я сказал, что винтовки и патроны у меня есть (я принял от старого табуна двадцать семь винтовок) — и мы на рысях, и кое-где и вскачь, наметом вернулись в Пятигорск, когда уже начало светать. Наши опасения, однако, не оправдались — в лагере врага все спали и не заметили, как мы скрытно пробрались к себе на двор, спрятали лошадей, разобрали оружие и, когда все было наготове, не дожидаясь атаки со стороны врага, решили начать ее первыми и воспользоваться переполохом, чтобы захватить инициативу, иначе наша горсточка не имела бы никаких шансов на успех. Милиционеры были спрятаны у меня дома и должны были выскочить и действовать по моей команде. Конюх К. и табунщик Х. в рыдване выскочили на рысях со двора, с клеверников, на глазах у врага, вывезти арбу клевера. Поднялась суeta, крики, джигиты кто был на коне, а кто только ловил стреноженную лошадь, побросав портки у погасшего костра. Аксакалы замечались, не имея готового плана действий. Красноармейцы успели нагрузить воз и, отбиваясь вилами, вскачь понеслись с поля прямо во двор. За ними вход был сейчас же загорожен бревнами, и толпа сгрудилась, намереваясь силой вломиться во двор. Тут перед ними милиция рассыпалась в цепь и по команде «огонь» дала залп над головами.

Толпа отхлынула, поднялась паника, так как никто этого не ожидал; передние начали теснить задних, а в то время бревна, запиравшие вход, уронили и мои красноармейцы, а за ними и милиционеры, бросились в толпу ловить аксакалов, зачинщиков. Изловили восемь человек, связали их арканами, а от всего войска теперь не осталось ни одного джигита — сколько хватал глаз видны были только скачущие, согнувшись в седле, будто спасаясь от стрельбы и ударов, люди.

Этих восемь человек милиция отвезла с собой в Дмитровку, оттуда, как мне рассказывали, их отправили в Пишпек, там осудили и приговорили к разным срокам тюремного заключения, лишению прав и отправке в Сибирь.

Участники этого бунта потом мне рассказывали, смеясь, что они скакали до самого Сусамыра и у иных по дороге пали лошади, что несколько дней они боялись ночевать дома, ожидая погони, но что потом все успокоилось, что баи потеряли после этого весь свой авторитет, а баранов у них начали брать прямо в открытую, в противном случае угрожая тем,

что их выдадут как соучастников.

Покос

После весеннего предупреждения надо было ждать нового натиска, и все говорило за то, что это сделают во время уборки — хлеб и сено захотят все-таки заполучить в свою пользу. Я тоже готовился к этому. Очень важно было теперь не только скосить и убрать своими машинами, но привлечь бедноту к активным действиям, чтобы освободить ее от слепого подчинения баям. Я закупил в Аулие-Ата пятьдесят кос. Все они были насажены на черень с рукояткой, отбиты на наковальне и подготовлены к косовице. Конечно, нельзя было надеяться, что у каждого косаря своя коса — на десять юрт здесь едва можно было рассчитывать найти одну косу и то старую, выщербленную, без пятки, либо с отломанным носком. А важно было немедленно привлечь и возможно большее число людей, чтобы это выглядело как массовая демонстрация. После косьбы обещаны были народные игры: улак, кураш, состязание в беге и борьба. Лучшим назначены были премии.

После бегства баев и общепризнанной победы над ними, косарей пришло столько, что кос не хватило: за одной косой кое-где стояло двое. Настроение было праздничное. Люди пришли издалека. Косили с таким азартом, соревнуясь, что площади, намеченные на десять дней, скосили за два дня. Харчи у косарей, чтобы не разбредались в дневной перерыв, были «казенные», то есть наши, пришлось потратиться (то, что заготовили на неделю — съели за два дня). Это был «хашар» – «помощь». Косы все ушли на премии. На второй день хашара прибыл и «рабочком» Раимбек. Для установления факта его официального участия в хашаре, его попросили взять в руки косу и пройти с ней — после этого он с чистой совестью мог разделить с остальными угощение, хотя по законам манаков руководитель должен, во-первых, ездить на лошади, а, во-вторых, не работать лично. Тут ломались все традиции. Победа над баями увенчалась праздником песни: «вучи» — так зовутся песенники, импровизаторы, воспевали в самых высоких тонах наши дела, и «младший брат Ленина (Ленин — укасы) с нами, приехал, победил баев-манапов, научил как нужно жить беднякам». Все это было, конечно, на мой счет, но удивительное было в том, что после сафаровщины в этом темном углу все знали, что их вождь в далекой России.

Главной наградой были игры. Зарезали козла, выпотрошили его, зашили шов, отрезали голову, ноги по колено — улак готов. Тягаться по всем правилам стали на быках, так как лошадей у бедноты не было. Искусства в азарте было проявлено не меньше, чем на обычном улаке. Призы были обычные: один тур — двадцать копеек, один метр мануфактуры. Козла сварили и сделали общий кумчатай.

В забеге победил И.М-в, студент Ташкентского Г.У., находившийся у меня на практике по коневодству.

Борьба верховая (на быках) — стаскивание с седла, и пешая на поясах, выявила своих победителей, которые тоже получили призы.

Теперь уже скошен был не только клевер на двадцати пяти га, но и все сенокосные уголья вокруг Пятигорска. Часть скошенного и скопленного сена на наших рыдванах мы нашли возможность доставить нашим тамырам, которые нас выручали еще весной, а затем были верны нам и предупреждали о всех приготовлениях «врага».

С тех пор и в табуне перестали пропадать лошади, а если кто встречал казенную лошадь с тавром отделения в чужом табуне — приезжал и сообщал об этом. Одну лошадь таким образом табунщики нашли за сто верст от Чибыря по дороге в Кетмень Тюбе. Теперь все население повернулось к нам лицом, кругом были друзья, доброжелатели — и даже крупнейший из коневодов Кызылбаш, аулы которого со скотом тянулись мимо нас с зари до

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

поздней ночи, — всегда наносил мне «визит», а осенью, уезжая «по делам» в Пишпек, оставил под мое управление свой табун в четырехста маток с обслуживающим персоналом — весь надоенный кумыс поступал в распоряжение моих табунщиков, что очень возвысило их среди населения. Вместе с кумысом их угощали жирной бараниной с кульчатаем — а Кызылбаш был очень доволен и благодарил за то, что ему сберегли все поголовье, среди которого будет теперь ходить и молодняк от наших племенных жеребцов.

Осенью все жеребцы были изъяты из табунов и поставлены на конюшенное содержание. Клевера, зерна и сена запасено было с излишком. Стога сена стояли в Талдыбулаке, где на зимних пастбищах паслись теперь не сосунки, а стригунки и те из рабочих лошадей, которые не нужны были в зимней работе.

Скачки

Аулиеатинский Государственный конный завод ежегодно по праздникам устраивал бега и скачки на прилежащем к нему ипподроме. Задача — выявить качество лошадей и продемонстрировать их народу. Красой конезавода был серый в яблоках орловский рысак Бор и теперь вновь прибывший вороной Принц. Подворное коневодство немецких и русских поселков разводило хороших рысистых лошадей и конезавод помогал этому делу своими племенными жеребцами. Киргизское коневодство имело лошадей верхового направления и для него предназначались жеребцы различных пород, среди них английские чистокровные, текинские, иомуды, карабаиры, локсейцы, стрелецкой, донской и других верховых пород.

На скачках надо было показать их превосходство над местными, чтобы привлечь к ним внимание. В тысяча девятьсот двадцать третьем году в состязаниях на ипподроме принимали участие два рысака Бор и Принц и из верховых — ч/к Дублер. Жокеем на Дублере ехал Пр-хин, он же на рысистых состязаниях на Принце и на Боре. Остальные участники были на лошадях, принадлежащих частным лицам. Коневод не имел возможности выставить большое число лошадей, так как их нечем было кормить.

Все ресурсы фуража съедали за остальных эти трое, призванные поддерживать честь мундира. А в город было выехать не на чем. Коннозаводство давно уже не блистало своими выездами, своими красавцами.

Собрались лошади с Таласского горного района (Кок-Кайтар) и Нипка из Андреевки (немецкий поселок), из Мерке, Пишпека, Ташкента, из Аулиеата. Трибуны были заполнены и помимо того по обе стороны их толпились массы конных и пеших зрителей.

С рысистыми шли иноходцы в упряжках и под седлом. В общих заездах впереди были Бор и Принц. В заездах, где не участвовали лошади конезавода, первый приз получил иноходец буланый из Пишпека, казахской улучшенной породы.

На скачках на короткой дистанции первый пришел ч/к английский жеребец Дублер (жокей — Пр-хин), бросивший свою компанию на целых четверть круга. Это была яркая победа, но население говорило: «Это что, на две версты! Ты дай лошадь на пятьдесят верст». Явно, это население — коневоды «не доросли» до европейских понятий.

Да если бы он победил на дистанции пятьдесят верст — все равно его не дали бы киргизам в косяк: не было подходящего маточного состава ни у одного коневода и сами по себе эти лошади не были приспособлены для косячной случки. В этом убедились ранее на примере Б...

На двадцать пять верст была скачка, в которой первенствовал киргизский конь Кок-Кайтар из Ключевки. На дальние расстояния ему не было соперников и киргизы гордились им: все трибуны гудели от ликования, это было вовсе не в пользу популярности английской

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

чистокровной лошади, победившей на коротке.

На большую дистанцию «теоретически» должны победить ч/к лошади, но их «жалели»: того же Дублера купили у англичан за тридцать тысяч рублей золотом!

Но скачки горячили кровь «коннозаводчиков» и многих любителей лошадей. Это был и спортивный интерес и в этом была какая-то доля ненужного, чиновничьего задора. Если задача была в том, чтобы дать стране побольше лошадей, удовлетворяющих требованиям армии и хозяйства страны, то нужно было все внимание обратить на те главные резервы, откуда ее надо было получать. Это было косячное коннозаводство киргиз. На эту хозяйственную и военную задачу смотрели по-чиновничьи.

Такое впечатление у меня и осталось от этих скачек. Под конец, также по традиции, была «аламанбайга» — тут не спрашивали ни породы, ни возраста лошади, ни веса всадника: участвовать мог любой — скачка на три километра. Победителем вышла кобыла Нинка Павлушки Гр-ра, на которой скакал киргизский мальчуган, лет десяти. Он скинул седло для облегчения веса и, хорошо уловив старт, нахлестывая лошадь нагайкой, выскочил вперед и до самого финиша шел первым. Кобыла эта уже третий год ходила холостой, ради участия на скачках. Так поощряли голый спортивный интерес даже во вред народному хозяйству. Вопрос этот, поднятый на обсуждении итогов конных испытаний, вызвал только недоумение на лицах старых зубров коннозаводства. Это были вопросы «политики», на худой конец «хозяйственные вопросы», а не коннозаводства. При этом говорилась присказка:

«Беда, коль на быке верхом
В конюшню въедет агроном»

То есть, всякие хозяйственные соображения считались вредными, не совместимыми с линией «чистого коннозаводства».

После скачек был традиционный вечер художественной самодеятельности. Ставили небольшую пьеску, выступали с пением под гитару, был оркестр народных инструментов, была декламация и под конец гостей развозили по домам. Главную «артистку», которой я аккомпанировал на гитаре, мне же и довелось отвезти в город за семь верст на своих лошадях, запряженных в легкие санки, так как других годных для тройки не было. Артистка была женой сына управляющего конезавода и он «мог доверить ее» только мне. Город не освещался; все покрывала однообразная пелена снега, луна закатилась. Мчались быстро — и наскочив на какой-то бугор, я вывалил «артистку» из саней; разгоряченные лошади проволочили меня на вожжах целый квартал, но в конце-концов положение было восстановлено и моя спутница, с муфточкой, сошла у своей калитки.

Жеребец

В первом опытном табуне, в год моего прибытия, с целью эксперимента подпустили к кобылам ч/к английского жеребца и рассказывали такой случай: жеребец, выросший на конюшне и привыкший к «готовым харчам», очутившись на свободе, весело заржал и пустился вскачь прочь от своих кобыл. За ним устроена была погоня. Он ржал, выделял пируэты, иногда приближался к своим «дамам», но получив отбой (так как не желал считаться с желанием или нежеланием женской части своего косяка), снова носился по степи, задрав голову и хвост трубой. Наконец, он завяз в тине у берегов речки и его едва спасли. Отдохнув, он снова пустился вскачь. Лишь на третий день он почувствовал под ногами корм и, растопырив ноги (так как они оказались для этого слишком длинными), принялся есть, не обращая внимания на ходивших вокруг него кобыл. Когда чужой

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

киргизский жеребец ворвался в его косяк, то нашему неудачнику пришлось обратиться в бегство, хотя соперник был в два раза меньше его.

Наконец, когда он понял все-таки свое назначение, он начал усиленно приставать к своим дамам, но они вовремя копытами давали ему понять, что для этого должно быть свое время и место. Они его так избивали, что жеребца пришлось на бричке везти в лазарет за тридцать пять верст, через село Шаповаловку, где высыпали на улицу все мальчишки смотреть на него, опухшего, забинтованного и стонущего. Вся грудь и передние ноги были искалечены. Он стал инвалидом, не произведя на свет ни одного наследника.

С тех пор англичан решили держать только при конюшнях, где случка идет вручную, то есть со всеми мерами предосторожности для жеребца. Но спроса на них почти не было, так как русские заинтересованы были в упряжной породе, а киргизы своих кобыл на случку в Аулиеата не поведут.

Так эти скачки, формально оставаясь средством пропаганды достижений чистокровной лошади, не агитировали за себя. А рысаки в такой пропаганде не нуждались — на них не было отбоя со стороны русских и особенно немцев. «Принц» сразу же попал в «немецкую колонию» на случной пункт по договору с богатейшим тогда человеком — Ян-пом. Для этого формально я должен был проверить его кобыл. Его приглашение было очень любезным и настойчивым. Я испытал сухость этих надменных господ прежде и теперь поехал по приказу, но не охотно.

Немцы

Свой приезд я рассчитал так, чтобы успеть осмотреть лошадей, дать заключение и уехать засветло, чтобы добраться на ночевку к киргизам. Но на сей раз все было наоборот: немцы рассыпались в своем гостеприимстве и радушии. Мне даже неудобно стало за свою армейскую поношенную одежду, не очень свежее белье, в котором может быть уже завелись вездесущие вши, так как по пути я уже ночевал одну ночь у киргиз. После осмотра лошадей хозяин попросил посмотреть его коров, а потом и все его постройки, все хозяйство, машины, молоко, сыр, копчености и так далее. Конца этому не было. Я рвался вон, но меня все задерживали; начали просить соседи: у кого жеребенка посмотреть, у того корову, а один просил посмотреть его больную дочь. От немцев-чарикеров Отделения до них дошли слухи, что у меня большая аптека (ветеринарная аптека действительно была) и что многие выздоровели от моих лекарств. Я уверял, что я не ветеринар, не врач, людей лечить я не умею, но они настаивали — медицинской помощи в поселках не было. У девочки оказался сыпной тиф — эту-то болезнь я изучил на собственном опыте.

Наступал кризис, надо было поддерживать сердце, но что тогда можно было сделать? Где-то нашлась валерианка — и только. Главное было — меры карантина. На это согласились и сейчас же принялись за дезинфекцию всей домашней одежды, постели и помещений. Переносчик — вши. (Как потом я узнал, девочка поправилась; ее отец приезжал на завод и просил передать мне благодарность. Никто не заразился).

Потом были снова коровы, снова лошади, а дома была приготовлена пища и пухлая перина. Когда я уезжал, на улице (был душный апрельский вечер) перед открытым окном хороший квартет исполнял Чайковского, Мендельсона, Грига, Баха, Вагнера (скрипка, альт, виолончель и аккордеон). Прислуживала мне «горничная» в белом фартучке с белой наколкой на тщательно стянутой прическе, в длинной пышной юбке, прямо в костюме театральных эскизов Германии 18 века.

Все это было таким диссонансом ко всему окружающему, к тому, что переживала страна в это время, к моему настроению, что мне было не по себе. Они отгородились от всего

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

жесткой стеной и хотят показать теперь свои добрые качества. Но я еще больше их ненавидел — их библиотеку в роскошных кожаных переплетах, всю на немецком языке, где рядом с церковной литературой соседствуют Гете и Шиллер. Шкафы на замках. Ключи у хозяйки. По моей просьбе мне дали ключ открыть, удивившись, что я знаю немецкий язык. По окончании гимназии не прошло и десяти лет; немецкий я еще не забыл, но тот язык, что мы проходили на разговорной практике на уроках нашего Фридриха Федоровича Летца, совсем не походил на жаргон, на котором говорили эти немцы. С моими издольщиками-немцами я хотя и упражнялся в разговорной речи, но душа не принимала этот жаргон и передо мной всегда стояла невидимая непроходимая стена; то был Гете и Гейне. Чужие, симпатичные немцы, та страна, о которой поэт сказал:

«Он из Германии туманной
Привез учености плоды...»

А здесь не было этой учености и той «Германии туманной» - здесь был институт собственности во всей его логически завершенной бездушной форме.

Вся постройка, мебель, обстановка напоминали город, но не русский, а именно немецкий. Коровник, птичник и конюшня были тут же. Из комнаты дверь открывалась прямо в помещение, отличавшееся чистотой и опрятностью — все животные находились под одной крышей. Светло и «колоссально»!

Комиссия

На Масловке, однако, дела шли по-прежнему, лошади голодали, люди тоже. Наступали годы НЭПа. Зарплату нам начали платить в новом курсе — вместо десятков тысяч — рубли и копейки. Я получал тридцать семь рублей пятьдесят копеек.

Зимой ко мне прибыла комиссия в составе помощника управляющего конезавода М-типа, ветврача (раньше служившего в Аральском табунае) П-ча и военкома К-ва. Комиссия явно была настроена против меня. Личные счеты могли быть на почве низкой зависти: они предрекали развал, а получилось наоборот.

Составили акт, что лошади голодают на пастбище, а сено «из вредительских целей» стоит не скормленным. Приказ комиссии: начать кормить сеном. Но сено я берег на случай гололедицы; приказу не подчинился, а джут действительно подстерегал нас и разразился в конце февраля месяца. Управляющий, получая сводки райзо (зем.отдела) о положении дел в горном районе, запрашивал как с кормами. Я отвечал, прибыв на завод, что по распоряжению комиссии скормил еще в декабре зимой, но тут же сознался в своей шутке: корма у нас теперь хватит, так как решение комиссии не выполнил. Если бы выполнил — теперь и у нас был бы падеж, так как две недели шел снег, выпало около метра, а затем началась гололедица. В горном районе пало 75% скота. Остальные 25% были обессилены голодом. Поверхностная корка льда выдерживала лошадей. На специальных санях-салазках сено развозилось и разбрасывалось на поверхности. Лошади съедали все до былинки и за это время даже поправились. А кругом в это время была страшная картина мора. В двухстах метрах от дороги стояла в восемь волков, еще засветло, перед красным закатом (к морозу) там и сям сидели, лежали, высунув языки, валялись возле коровьих трупов, насытившись до наглости. От непривычки к такому регулярному столу, они уже почти не убегали и, пожалуй, не могли этого сделать. В полукилометре — аул и никто из них не обращает внимания. Рядом с волками горные сипы, коршуны, стервятники, вороны, лисы. Иные трупы животных покрыло снегом и льдом и это — их запасы на более теплое время, когда оттают. Санитары природы

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

все это уберут, разделают в клочья, распределят по желудкам и разнесут во все стороны — тысячи, десятки тысяч трупов. Аульные собаки теперь тоже сыты, но они у самых юрт, теперь уже не поднимают тревоги, не бросаются в сторону волков — эти выполняют теперь мирную работу.

Пастбища

Конечно, я не мог своим сеном слишком щедро помогать соседям-коневодам. Но более близким, доброжелательно помогавшим нам в нашей работе, я выделил некоторое количество, сверх того, что было рассчитано ровно на один месяц, так как при любой погоде — конец марта теплый и южные склоны гор покрыты зеленой травой. Сено я давал с условием, что на летние выпасы в Сусамыре (Джайсан) мне будет доставлена соль в первую очередь, а сено возвращено осенью, если потребуется. Таким образом я обеспечил себе преимущественное положение на летовке. В отделении быков не было для перевозки соли из Кетменьтубе, где она добывается в соляной горе. Кто не имеет соли, тот не использует первые, самые полезные травы, так как лошади не могут ее есть без соли: изо рта у них появляется вонь, за неимением соли они набрасываются на глину, забивают ею кишечник иногда на целый метр и сдыхают, те, что не пали, худеют, волосы у них становятся дыбом, выпадают, и долго болят. А те, что грызут и лижут соль вдосталь — день и ночь едят и за десять-пятнадцать дней становятся неузнаваемыми, так как быстро линяют: из серых сосунков превращаются в рыжих, гнедых, вороных стригунов или наоборот. Поэтому описи сосунков и стригунов считаются временными, условными. Табунная лошадь на зиму отпускает длинную шерсть с подпушком, а весной она быстро сходит на хороших кормах, и лошадь становится прекрасной, как невеста, изящной, все движения ее поэтому кажутся особенно грациозными, как-будто для того, чтобы художник и любитель лошади мог понять глубокую тайну превращений в природе. Если земля одевается цветами, и солнце сверкает в каждой капле росы, то и лошадь на горных летовках достойно завершает эту гармонию чудес и жизненной силы природы. На Сусамыре холодно — ледники и снега сверкают над изумрудными долинами, по обочинам ручьев по утрам трава одевается сосульками, но как все в природе — в гармонии и этот ледок не мешает расти зеленой траве, а рыба осман — бесчешуйчатая и крапчатая — идет вверх на нерест по водопадам, клопочущим пеной перекатам, извиваясь между камней, прыгая из воды за стрекозами, и бросаясь целой стаей за упавшим в воду кузнечиком. В это время рыбу ловят рубахами, штанами, просто руками, перекрывая воду в боковое русло, и, что особенно добычливо, ищут в берегах карманы, запирают в них входное отверстие и откапывают этот естественный садок, выбрасывая на траву по тридцать-сорок штук из одной норы. В этих норах рыбы прячутся от яркого солнца и спят после жаркой утренней охоты.

Низовья Сусамырской долины имеют совсем другой характер: там жарко и сухо, речка Сусамыр здесь собирается из ручейков и течет полого, а внизу она меняет свое название и течет страшным каменным коридором, через который пытались провести молевый сплав тяньшанской ели — и весь лес погиб — выплывали щепки. При этом погибли два человека и несколько лошадей, работавших на разборке заторов (Кирлестрест, 1931 год). Место это называется Куку-Маран. Принимает его воды река Джумгал, впадающая в Нарын. Когда-нибудь в этих местах будут построены гидростанции.

Верховья Сусамыра — лучшие пастбища; сюда идут со своими стадами киргизы-животноводы Кетменьтубе, горного района, и казахи с Чуйской долины. Через перевал Утмек и Аломель сюда проходят каждую весну и осень миллион голов баранов, лошадей и крупного рогатого скота. Коровы предпочитают тучные берега ручьев, для лошадей лучший

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

корм — беттеге (типчак), а баранов стараются загнать в самый верхний ярус, где и травы почти не видно, но то, что растет здесь на каменной дресве под снежинками очень питательно для баранов, для которых холод, отсутствие мух и личинок грудного червя — самое главное условие: бараны не болеют, хорошо питаются и жиреют.

Сусамырская долина, полого возвышаясь, обрывается почти отвесно к Кетменьтюбинской долине. Если на пологой стороне хребта охотники добывают сурка и архара, то в скалах и обрывах водится большое количество козлов; медведи, барсы и кабаны встречаются здесь огромными стадами по шестьдесят-девяносто-двести голов. Черная смородина и малина, занимающие огромные поля, иногда в сотни гектар, перемежаются с тяньшанской елью и арчей, в подлеске которых растет несколько видов жимолости, на южных склонах барбарис и железное дерево, мелколистный клен, ясень, тополь и другие.

Охотой здесь занимаются в той или иной мере почти все, но есть охотники-профессионалы, как среди киргиз, так и среди русских. Особой славой здесь пользуется Роман Тарада из Дмитровки, которому регулярно приходят заказы от Ленинградского зоологического музея на шкуры зверей и птиц. Роман Тарада никогда не возвращается с пустыми руками: он настолько изучил повадки диких животных, что во всякое время года знает, где искать зверя, и стреляет, конечно, без промаха. Его охотничьи собаки не имеют здесь конкурентов и натасканы в равной мере и на кабана, и на медведя, и на козла.

Всякая моя поездка обычно связана была с охотой, которой я был страстным ревнителем, восхождениями на отдельные пики Таласского Алатау, Утмека и Александровского хребта (теперь Киргизского Алатау), или просто путешествием вверх по тому или иному ущелью, хребту или достопримечательным местам. Везде у меня, таким образом, были свои друзья, «тамыры» и знакомые. За время своей службы в Аральском опытном отделении я извездил горный район во всех направлениях, и ко мне иногда приезжали любители попутешествовать, чтобы вместе куда-либо отправиться.

Дома я бывал два-три дня в месяц, остальное время — в поездках к лошадям, по горам, на скачках, на охоте. Как художник, я уже мог считать, что многое видел, много композиций назрело, хотелось учиться теперь мастерству, но идея коневодства еще требовала работы, чтобы завершить ее убедительными доказательствами, что табунное содержание рентабельно, и в данных условиях хозяйственного строительства страны это правильный и нужный путь.

Новый управляющий

На следующий год, в связи со сменой управляющего Конезаводом, ко мне снова нагрянула комиссия, в том же составе плюс следователь Особого отдела, очевидно, в результате какого-то оговора: разные сплетни и клеветы на Масловке не переводились. Комиссия осмотрела хозяйство в мое отсутствие, допрашивала немцев-чарикеров конюхов и свои выводы сообщила на завод, а с меня следователь взял подписку о явке в Аулиеата.

Когда я прибыл на завод, новый управляющий, бывший жокей, начальник Самаркандского Областного Особого отдела П-к, сейчас же потребовал сдать личное оружие и отправил меня в город Аулиеата в особый отдел, где меня без предъявления обвинения и арестовали. К вечеру, однако, освободили и тот же самый П-к увез меня на завод, а по дороге рассказал, переходя сразу на «ты», следующее.

- Этой ночью ты был бы же «у стенки».

- В Главном Управлении Конезавода говорили мне, что разруха у вас на заводе должна рассматриваться как государственное преступление, как саботаж со стороны старых

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

чиновников и офицеров (так оно и было!). Поскольку я был начальником Областного Особого отдела и бывший жокей, знаю лошадей — то меня и отправили сюда наводить порядки. На тебя было много материала — все указывали, что ты партизанишь там у себя в горах, не признаешь власти, не считаешься с мнением специалистов и даже начальства, что у тебя там разруха достигла легендарных размеров, лошади худые, жеребцов пускаешь на скачки и дерешь с киргизами козла, что двадцать жеребцов отдал киргизам, они тоже на них дерут козла, истощены, покалечены и так далее, что ты, наконец, эксплуатируешь чарикеров-немцев, заключив с ними кабальные договоры (для них кабальные), что ты собирался арендовать мельницу и хотел за аренду отдать казенную корову.

Материала было достаточно для того, чтобы поверить людям и привлечь тебя к ответу.

Я связался с Особым отделом, дело на тебя уже давно заведено, и вот, если бы сегодня я не услышал о тебе разговора среди конюхов, то, вероятно, нам не пришлось бы с тобой увидеться. А тут еще твой конюх С-цин: не дает лошадей, говорит, без приказа своего заведующего — никому. А на заводских лошадях я ездил в город — по дороге два раза их надо выпрягать и кормить. Идут шагом, чуть не падают — семь верст за четыре часа не проедешь, а тут, сам знаешь, дело срочное, опоздаю — значит капут. Вот только, когда я ему рассказал в чем дело, - мигом запряг, пустил лошадей вскач и домчал меня за четверть часа — давно я так не ездил. Он мне рассказывал, что ты все свои подъемные (1 миллион рублей) истратил, чтобы поддержать на первых порах хозяйство, а потом у вас пошли дела хорошо и ваши лошади — тому доказательство. Рассказывал он, что ты киргизский язык знаешь — вся голытьба за тебя, а от нее много пользы — всегда помогут то сена достать, то зерна, и воровства у вас теперь нет. Раньше вот бывало приедет председатель комиссии, только поставит лошадь в конюшню — а глядишь ни лошади, ни уздечки. А наш сам за всем глядит, все видит. Два раза киргизы бунт поднимали, финагента было убили, но наш все на место поставил и своих в обиду не даст. От своих конюхов я тоже случайно услышал такой разговор, (притаившись за амбаром), твой С-цин говорит, стоя в очереди за овсом, - И когда это у нас порядок здесь будет? - Ему отвечает старший конюх завода М-киа: «Если бы у нас был такой заведующий, как Милеев, - давно бы был порядок, а то вот дошли до того, что срам выехать — и не на чем — ни лошадей, ни сбруи». После этого, говорит П-к, я и пошел к твоему конюху — говорю запрягай, поедем выручать твоего заведующего.

Ну, ладно, что успели вовремя.

Спицын же рассказывал так: «Только вы ушли в конюшню, а новый управляющий выходит из канцелярии, а я его не знаю и он не говорит, кто такой; обошел нашу бричку, лошадей, пощупал сбрую, похлопал лошадей, говорит — откуда это такие лошади с расчесанными гривами, что на месте не стоят (это после ста двадцати верст дороги). Я говорю — попросту — это Милеева из Пятигорска, - а чем вы их кормите? - ведь на заводе лошади без кормадохнут, ездить не на чем? И отделению денег не отпускали, кажется? Я говорю ему — а т. заведующий свои командировочные и подъемные — миллион рублей истратил. Другие смеются: лучше б, говорят, пропить эти деньги, чем на казенных лошадях, на ветер пускаться!

- И вот, когда я все это сопоставил — и лошади хорошие, и конюха завода и отделения все за тебя горой стоят — думаю, нет, то все клевета, а настоящий любитель лошади это ты, и ты встал им, чиновникам, поперек горла — вишь, они тут ничего не могут сделать, уж доездили и племенные жеребцыдохнут, а у тебя даже рабочие лошади кругленькие, повода просят, не удержишь, сбруя прилажена. Ну, вот я за тобой и приехал. Говорю ребятам в Особом отделе, так, мол, и так — прекращайте все это дело — Милеева надо освобождать, он еще примером будет для коннозаводства.

Так счастливо окончилось дело, начатое по оговору, которое могло принять и другой

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

характер. Но идея, которая меня пленила, и руководила мной — она же зорко и охраняла меня на всех крутых поворотах моей жизнедеятельности, я ей верил и теперь она, уже в который раз, выводила меня из пекла, откуда многие и не возвращаются назад, к жизни.

Старший инструктор

Здесь все шло, как по маслу. Летом управляющий сам приехал на Арал, все дотошно осмотрел, поблагодарил, отдал в приказе свою благодарность, наградив месячным окладом зарплаты, и повысил меня по службе, сделав теперь старшим инструктором завода с исполнением обязанностей зав. Аральским опытным отделением, однако, увеличить штат в отделении не удалось. Да оно и понятно: в стране тяжелая разруха, безработица, голод, беженцы из голодных российских губерний заполнили все города, поселки, степи; разбой, воровство, бродяжничество; трупы, сыпной тиф, цынга, малярия, сифилис; в поселки, выселенные Сафаровым, проводником националистической «восточной» политики, начинают возвращаться беженцы после скитаний по России, где они проели последние крохи. Голые, больные, потерявшие иногда половину, а то и всю семью, возвращаются в Талас, где готовы снова испытать все муки ада, лишь бы как-нибудь зацепиться за жизнь. И ко мне прибыл один из таких беженцев — бывший житель поселка Чибыр — Ц-лов с женой и тремя малолетними голубоглазыми детьми: они были на грани жизни и настолько худы, что, сидя, не могли держать голову. Жена его, не имея молока в груди, кормила трехмесячного ребенка жмыхом, разжевывая его во рту. Были рады арбузной корке. Ц-лов стал вторым бесплатным конюхом. Лишь бы я дал ему посеять десятину хлеба и огород.

Было у меня еще двое бесплатных табунщиков — Джумали и Исамедын. Чем жили эти люди? У Джумали была юрта и старушка мать. Эта юрта служила нам пристанищем на летовках, так как казенной у нас не было. Джумали ездил по своим родственникам, а киргизы признают за своих родственников всех, кто состоит с ними даже в отдаленном свойстве и родственников до десятого колена, если только кому удастся вспомнить о родственных связях далекого прошлого. Родственники считают своим долгом помогать своим — кто даст полбатмана-батман ячменя, кто масла, курта, выделит часть сала (осеннего убоя скота на зиму), кто даст аркан, палас, кожу козла, кошму и все принимается как братская помощь. Кроме того, беднота из киргиз, лишенная всяких средств к существованию, не брезгует и краденым — стащить барана у бая, который имеет их тысячи, — дело вовсе не предосудительное. Да и сам бай смотрит на это дело привычно — лишь бы не попался вор — но то, что он украдет, засчитывается как естественная убыль — столько-то съедено волками (карыш, сыр), задавлено медведем, барсом и столько-то съедено голодными чабанами и такими же голодными «аламанами». Кедей — бедняк, рыщущий и промышляющий «талада» — «в поле», как волк (карышкып) и другой зверь. Естественно, что и мои табунщики покрывали недостаток в своем бюджете за счет бараньего стада богатых киргиз.

Баранта

Весной, когда казахи с Чу прикочевывали в верховья Таласской долины, и до открытия прохода на Сусамыр (1 июня Кызылбаш пускал своих жеребцов бить траншею в снегу), пасли свои стада на подходах к перевалу — начиналась «баранта»: киргизский самый могущественный бай требовал себе, например, сто пятьдесят коров и пятьсот баранов от казахов. Те торговались, спорили, но в конце концов соглашались, так как здесь они в чужих краях и опора у них небольшая; что касается киргиз, то они собирались с соилями по пять-десять тысяч и тогда не сто пятьдесят коров и пятьсот баранов придется отдать, а

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

побольше. Все это «войско» теперь имеет возможность подкормиться за счет баев и национальной розни между ними. Был случай, когда и мои табунщики, дерзко, днем на глазах у хозяев, выхватили из отары барана и примчались с ним в Чибырь. Я как раз приехал проверить табун и сидел пил чай. Крики и лошадиный топот заставили меня выскочить на крышу, и я увидел всю эту картину: табунщики влетели с бараном во двор, смущенные перед лицом своего заведующего с краденым бараном! Но делать было нечего: я велел закрыть ворота и приготовить винтовки. Заняли позиции. Наш двор окружила толпа человек в пятьдесят с соилями. «У кого стащили барана?» - спросил я. «У Узаке» — это тот самый бай, который организовал, как мне рассказывали, кражу лошадей в нашем табуне (до меня). Теперь это была, следовательно, его охрана. Тут мало было наших сторонников. На требование выдать воров и отдать барана я заявил, что теперь я отвечаю за все: я сам рассмотрю это дело — мне воров тоже не нужно и, если действительно они виноваты (может быть они купили барана?), то барана я верну, а виновных накажу. Но если виновным будет кто-нибудь из соильщиков, я приеду с милицией и преступников отдам под суд. Территории эти принадлежали коннозаводству и никому не позволено здесь ездить топтать посевы и тем более нарушать порядок в работе, насильничать над служащими Государственного Конного завода, который создан для ваших интересов и интересов всего народа. Если вы сейчас же не разъедитесь, я знаю как поступить (командую «заряжай», чтобы пощелкали затворами) и ведите сюда немедленно вашего хозяина Узаке. Если он не явится сам — я его разыщу и тогда поведу разговор о том, чем он занимается, куда переправлял наших лошадей и кто у вас занят в этой шайке.

Через пять минут площадь была пуста и не через час, ни сегодня, ни завтра Узаке не явился, а когда я поехал к нему на следующий день, то он выехал по делам в Акчай (Дмитровку). Тогда я объявил, что хозяина считаю бежавшим, барана — ему не принадлежавшим, а купленным у чабанов добросовестно. Барана сегодня будем резать и кто хочет быть нашим гостем — бай или бедняк — милости просим, всем будем рады — это говорят мои табунщики. И в самом деле на дармовщинку, которая так понятна и желанна среди киргиз, особенно в это время, когда баранта стала обычной — приехали и аксакалы и бедняки. Самого главного аксакала отмечают тем (таким оказался я), что ему отдельно подают баранью голову, а все остальные участники пиршества получают поровну и одинаково. Мои табунщики, конечно, не были в претензии на меня, что большую часть мяса пришлось скормить гостям: оно, конечно, было даровое, но не «ворованное», так как все аксакалы и прочие гости ели и благословляли его, сделав «патака» перед тем как его зарезали и сказали «алла-ахи-бар» — теперь все было освящено, как полагается.

Конечно, я не мог обречь на голод своих служащих и не мог идти наперекор обычаям — было естественное «перераспределение» продукта питания вопреки законам частной собственности и пока можно было это замаскировать теми же обычаями и установившейся практикой — неразумно было бы требовать от них, как в заповеди «не воруй», «не ешь чужого».

Во что бы то ни стало важно было беречь государственное, народное и пока нет других социалистических форм собственности воспитывать людей в духе отрицания частной собственности и святости устоев социализма, пробуждения сознания для классовой борьбы, понимания того, что в конце концов закон о национализации должен принять конкретные формы, все должно стать общенародным. НЭП открывает теперь богатые возможности развивать свои хозяйственные операции — этому надо содействовать, так как это задача — государственная — укрепит хозяйство страны, а это сейчас главное, но в отношении ликвидации института частной собственности никому не советовал бы заблуждаться: ради этого поднялась в веках наша социалистическая революция. Если бы это было не так — грош

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

цена нашим усилиям, нашим надеждам. Надо учиться хозяйничать и время не терпит — надо скорее это делать. Доказать жизненность табунного коневодства — это для меня задача политического значения, моих убеждений, за ее осуществление теперь я должен отдать все силы, всю душу, не жалея и своих средств, хотя это может быть и неправильно с формальной стороны — но это расценивают мои ближайшие помощники — конюхи и табунщики как признак бескорыстия, а это должно воспитывать и относиться с уважением к тому делу, которому мы служим.

Случай с Ц-ловым

И вот так жили наши киргизы-бедняки, в том числе мои табунщики. Получив лошадь под верх, они тем самым из «ямаков» и «кодеев» стали людьми «атминар», то есть такими, которые на «лошади», имеют возможность ездить верхом. А это значит, что они могут привезти себе от «туганов» пищу, поехать на базар, без которого киргиз не считается полноценным членом общества (в базарный день все дороги забиты «базарующими» - «базарчи», которым необходимо узнать все новости и посчитаться с долгами «алаза-вераза», даже получить, что если удастся, и привезти домой «базарлык» - либо пачку чаю, либо полфунта урюку, мыла, ниток, материи — справлять свое хозяйство и доставить радость домочадцам).

Кроме того, такой человек может сделать себе посев, участвовать в охоте и получить свою долю добычи; для этого не обязательно иметь даже ружье или собаку: может там смотреть за лошадьми, готовить дрова для костра, наконец, просто предоставить свою лошадь для перевозки мяса. Козлов иногда убивают за выезд столько, что их не только на лошадях, но и на своих спинах не донесешь.

Наименее удачно складывалась судьба у Ц-лова, сильный, крупный человек, хороший работник, ему не везло, однако, в жизни. Не успели они еще хату выбелить, предоставленную ему, как конюху, в Чибыре умерла дочка. Это выбило его, чадолюбца, окончательно из колеи. Жена заболела, слегла — цынга. Сам он больной тоже цынгой, казалось, готов был руки уже наложить на себя. Беда не приходит одна. Привез он из Дмитровки мешок белой муки (это в голод-то) — выручили его знакомые «сваты» «на разжитье», как говорили тамошние украинцы на своем языке, который сами же называли «пэрэвэртэнь».

Из Пятигорска я дал для перевозки в Чибырь две сенокосилки и одну лобогрейку и отправил Ц-лова на рыдване, запряженном пятериком, надо было переправляться через Талас, разлившийся в половодье. Ц-лов отправился на ночь глядя: — «Луна, дорогу как в своей хате знаю, ехать по прохладце и скорее дома буду — там ведь ждут хлебушка» - уверял он.

Я предлагал ехать вместе, чтобы помочь переправиться через воду, ни один конюх не проехал бы без меня, но Ц-лов даже обиделся — я ему не доверяю, и я отпустил. На следующий день мы узнали, что бричку на переправе перевернуло, машины разбило и его мешок с мукой тоже уплыл. Сам он спасся и лошадей спас (Карабаш, трехлетний сын Каракуша, бывший на пристяжке, стоял в воде, как скала, а вода ему хлестала через спину). Постромки Ц-лов успел перерезать и лошади выбрались на берег. Что было Ц-ловым! Он рыдал, бросался наземь, бил себя по голове, просил спасти его детей и жену. Было тяжело видеть страдания этого обессилевшего богатыря, который в доброе время, вероятно, поднял бы на руках лошадь или задавил бы медведя. Урон был и в хозяйстве: лишиться трех машин накануне сенокоса и уборки хлебов, а также и хорошей отремонтированной брички! Одну сенокосилку дали мне на заводе, где покос уже кончился, а другую мы соорудили из остатков старой, даже не значившейся в инвентаре, при помощи «дяди Кости» и она хорошо

послужила тот год.

Переправы

После несчастья с Ц-ловым, все переправы легли на мою шею. Все наши рабочие лошади были выбракованы при прежнем заведующем, как норовистые. Их уже перестали пытаться запрягать. Обессилев от голода и израненные хомутами, в которых торчали гвозди, они, подчиняясь инстинкту самосохранения, каждая на свой лад «норовилась»; кобыла «Чибырь», например, как только запрягут, — ложилась на дышло и часто ломала его. Ее выгнали, наконец, с конюшни и она бродила по окрестностям, чем и уберегла себя от продажи на базаре. «Марфушка» пятилась, билась и иногда ранила себя, срывая целые куски шкуры, а перед сдачей поранила себе сухожилия — висела на подпругах. «Батарейка» лягалась, не давала одеть хомут, вставала на дыбы и, запутавшись в постромках, падала и двинуться с места не желала. У каждой лошади был свой нрав, свои приемы, и старое начальство передало их мне, не погнав даже на базар, такую лошадь нельзя было и продать. Худые, больные они переданы были мне по описи, а иные, как бесплатное приложение, висящими на подпругах и списанными по акту, как подошедшие до сдачи. Этих лошадей я всех выправил. Это были очень сильные, несмотря на свой малый рост, лошади, теперь усердно служившие в нашем хозяйстве. Два конюха С-цин и К-в умели с ними ладить, но на переправах все же боялись ими управлять. Мой голос знали все лошади. Стоило мне взять вожжи в руки (предварительно перед переправой обходил их всех, у каждой поправлю сбрую, проверю, поглажу, поговорю, попрошу «не выдавать» — и лошади понимали) — сразу преображались, как на подвиг, и, по легкой команде «е-е», дружно и по свисту как одна, бросались в воду и уже ни за что ни одна не сдаст — вода хлещет им через спину, иные падают в яму и идут вплавь, бричка тонет в воде, пассажиры в одних трусах балансируют по колену в воде на бричке, лошади выкатывают воз на галопе из одного русла в другое и так на протяжении почти целой версты. Переезжали водой, чтобы течение было взад и немного вбок: бричка прыгала на булыгах, но колеса оставались целы, а выносить бричку, нагруженную как можно тяжелее — 150-60-80 пудов, лошадям помогала сама вода, если двигаться со скоростью не меньше, чем сама река; всякая остановка — гибель — и для брички, груза и для лошадей, спутанных постромками, пристегнутых и привязанных нашилениками к дышлу. Борон также привязывается к «кочету» (соколу), чтобы он не всплыл и не был сбит течением.

Для переправы мы имели две брички и два пятерика лошадей, запрягавшихся цугом. В каждой пятерке лошади должны были запрягаться всегда в одном и том же порядке, чтобы действовать привычно и слаженно. Если одна пятерка лошадей почему-либо разбита — запрягалась другая, обе были весьма надежны и обе выдрессированы. Вместо норова и своевольства теперь была дружная когорта лошадей-тружениц. Время половодья для переправ вообще считалось и у коннозаводчиков, и у крестьян не подходящим: в течение мая, июня, июля (иногда и августа) Арал был отрезан от города и поселков.

Верхом можно было переезжать мостом, существовавшим тогда недалеко от легендарной могилы Манаса (народного сказителя, автора киргизского эпоса); но иногда и к этому мосту нельзя было подъехать из-за разлива небольшой речушки, впадавшей здесь в Талас справа. По этому мосту можно было лишь провести лошадь в поводу, и то с риском, мост был ветхий, узенький, качающийся и едва державшийся на береговых упорах. Это был мост древнего киргизского мостового искусства и архитектуры. Никто не знал как его строить, но если была нужда, собирали из далеких и близких мест аксакалов, мастеров, изобретателей и строили — опять на десятки, сотни лет. Арча — материал для мостов —

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

выдерживала времена поколений.

Из арчи строили мечети, мазары, мехманханы богачей и все ответственные части построек. Она держалась веками и продолжала источать тончайший аромат эфирных масел, которыми пропитана сердцевина мягкой и красивой розовато-коричневой текстуры. «Карандашное дерево», в одних случаях оно самое мягкое дерево, а в других — по стойкости не имеет себе равного. Это вечное, в тоже время самое нежное дерево. Если его запах сравнить с какими-либо духами, то оно далеко превосходит их по богатству оттенков и настроения; древесина ее источает тонкий, интимный аромат, как лучшие духи, как цвет яблони, винограда или резеды, но дымок костра, развеваемый ветерком, летит по ущелью на несколько верст, и путешественник, вдыхая его всей грудью, останавливается, чтобы пережить все снова, вся свои радости, всю красоту окружающего мира. Если начнете сравнивать все дары природы и привлечете в это время для сравнения — и пальму, и кипарис, и наш русский дуб, чинар и тополь — то ничто из этого не выдержит сравнения: одно холодно — однообразно, другое не имеет аромата, третье не тревожит в такой степени твою мечту, делая ее столь близкой и желанной. Это дерево растет на камне. В вечной борьбе с ветрами и, укрепляясь, останавливает снежные лавины; эта вечная, благородная титаническая борьба и дает ему благородные свойства: и мягкость, и силу. По красоте форм оно также разнообразно: то стройна, как тьяншанская ель, то раскинется шатром, то распластается на вершине утеса в заоблачной высоте, как добрая шапка, своим темно-зеленым цветом одухотворив и украсив недвижимую скалу.

Киргизы

С киргизами, которые теперь в Таласской долине стали моими знакомыми, я бывал и на охотах, и в путешествиях — экскурсиях по горам. Они знали мою любовь к лошадям, к охоте, к музыке, к легендам и старались каждый по своему таланту удовлетворить мой вкус. Душа у киргиз поэтическая. Обилие талантов поражает. Например, по дороге на базар, на празднество из среды спутников сейчас же складывается группа импровизаторов. «Кыякчи», уперев свою скрипку в ленчик седла, наигрывает какой-либо певучий мотив, а другие по очереди, состязаясь в остроумии, слагают свои рифмы, осмеивая друг друга или восхваляя уважаемого человека, который едет с ними — для этого они его пропускают вперед. И это состязание может продолжаться не полчаса, не час — а на протяжении десятка — двух километров — пока не приедут к месту торжества. Это состязание можно сравнить с русскими частушками, но если там — десяток-другой куплетов и пение закончено, то здесь оно, подсказанное формой самой жизни, неисчерпаемо, неутомимо, как сама езда в седле, через горы, через долины, на целый день. Если до базара 50 верст, это расстояние не смущает базарчей — у них и лошади выдержат, и сами они не слезут, если нет в этом какой-либо нужды. Для стороннего человека тут имеется одна неприятная черта: все встречные останавливаются, чтобы поговорить, узнать все новости и спросить долги — «алаза-вероза». Сам по себе этот обычай ничего бы, но все лошади привычны к этому настолько, что останавливаются, не спросясь хозяина, — и никакими силами эту лошадь не погонишь дальше, пока не исчерпан разговор.

Начинают они так: лошади останавливаются друг перед другом на тропе; седоки спрашивают друг друга: «Гу, эмалджан-аман да?» — Скотина и душа благополучны? Благополучно ли твоё здоровье, твоих детей? (про жену спрашивать неприлично)... Э... как дела? Что слышно? Когда отдашь долг? И т.д. Завершив весь этот ритуал и узнав все, что носится по воздуху, встречные продолжают свой путь, каждый в своем направлении. По дороге, зная наперед, где есть кумыс, сворачивают с дороги и едут туда. За наружные арканы

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

юрты привязывают лошадей, или, стреножив и ослабив подпруги, пускают их на травку. Хозяин встречает, стоя у двери, и, подняв ее полу, жестом приглашает войти. Заходят, более уважаемому из своей среды указывают место на «туре», то есть, прямо против входа, по ту сторону очага, где хозяйка сейчас же стелит что-либо получше — одеяло поновее, ковер, кошму, палас, или, если юрта бедна, просто шкуру козла — и гости рассаживаются. Подается традиционный дастархан — расстилается скатерть, на которую кладут лепешки (киргизы пекут их в казане очень искусно), сладости — урюк, сахар, леденцы, иногда и жареное мелкими кусками баранье мясо или баурсаки. После этого из чанача, подвешенного за камышовой перегородкой, наливается чашка кумыса и предлагается по очереди, начиная с аксакала. Отдохнув и подкрепившись, гости по команде аксакала «аумын», — поднимают руки к бороде, и затем со словами «алла акибар» — проводят ими по лицу и бороде сверху вниз. Выходят, садятся на лошадей; хозяин, стоя у дверей юрты, провожает их почтительно: «Джон болдын», «Хаир», «Амын булынг», «Худо хаир болсын» — опять проводят руками по бороде. Если хозяина нет, хозяйка сама должна все это проделать, если нет и хозяйки, то сынишка, который и в 10 лет чувствует в таких случаях на себе обязанность соблюсти закон гостеприимства. Гостя при этом полагается посадить на лошадь, то есть, подержать стремя и поддержать под локоть в первую очередь аксакала, то есть, либо самого богатого, либо самого старшего по годам. Если провожающих двое, то один из них держит правое стремя, чтобы седло не съехало на бок. Предлагать деньги за хлеб-соль — это обида для хозяина. Он сам всегда в седле и также пользуется гостеприимством у других, куда бы он сам не поехал.

У немцев

В противоположность киргизам, немцы в местных поселках вовсе не отличаются гостеприимством, даже больше того: гостеприимство у них осуждается. Однажды зимой в первые месяцы моей работы на Арале мы возвращались с Масловки. Лошади были еще у нас худые, едва тащили тяжелый воз; дорога тяжелая, замерзшая грязь; глубокие колеи, мороз, мы были голодные. В Орловке, немецком поселке, решили заночевать, но, проехав его насквозь, стуча в каждый двор, везде получали отказ: на говорили одно и тоже слово, единственное, вероятно, что знали они по-русски, «Нэма» — и перед носом запирали ворота. Проклиная этих людей, построивших этот богатый, нарядный поселок, мы из последних сил добрались до бедной киргизской постройки с юртой. Здесь нас далеко за полночь без разговоров приняли, накормили наших лошадей, покормили нас. Мы сидели и сопоставляли: бедность и богатство; киргизы и немцы, выходцы с Поволжья, именующие свои поселения немецкой «колонией». Киргиз — неграмотен, дик и беспечен. Немцы — хозяйственны, трудолюбивы, но черствы. Свои обычаи и законы они соблюдают строго: в воскресенье все они в церкви; пьянства у них нет; все они грамотны, бедноты в нашем понимании тоже нет. Скотина у них породистая — швицы, голланы, сементалы. Лошади — рысистой породы, иногда чистопородной орловской; в каждом поселке свой сыроваренный завод. Молочные продукты и продукты птицеводства и огородничества они здесь не продадут ни за какие деньги: все это копится до Рождества и Пасхи. Тогда они собираются обозом и на своих тачанках, запряженных парой рысистых, везут все в Ташкент. Особые сорта фасоли (белая с глазком, высоко ценимая), индейки, гуси, куры, сало, колбаса, окорока, сыр, масло — все едет в Ташкент. Даже дома у себя они не позволяют себе съесть эти продукты и с точки зрения наших русских крестьян живут впроголодь, например, никогда не пьют цельного молока, а пьют обрат; индюшку никогда не зарежут — разве только больную. Поросенка не зарежут, пока его не вырастят в свинью и не откормят.

Среди немцев я знал лишь одного, Павлушку Л-берга, который оказался моим

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

одноклассником по Скобелевской гимназии, где учился до 3 класса. Здесь он женился; в приданое получил мельницу («крупчатку»), но его и за немца в поселке не считали и относились презрительно: он в церковь не ходил, а все ездил на своей лошади к киргизам, где и находил удовлетворение своим запросам: вся его страсть была — скачки. Кобыла «Нинка».

Другой — это был Г-дт, один из 5 издольщиков отделения. Этот чисто говорит по-русски, был солдатом на войне, дружил с киргизами и русскими — это был выродок среди немцев, презираемый ими за это. Его общительность, непрактичность, добросердечие и слишком русский язык; но тем самым, избавившись от их неприятных качеств (порождаемых узкособственнической жадной страстью), которые вовсе должны будут исчезнуть при коммунизме — становился человеком, с которым можно разделить и хлеб, и горе.

Он и в киргизе уважает человека, гостеприимно примет его и, если нужно, разделит с ним и нужду. Истый немец чужд этого чувства: и это, возвышая его в своей среде, роняет его в глазах и киргиза, и русского, и любого другого человека. Не знаю, какой еще иной нации свойственно это качество, но оно должно быть изжито немцами, если они хотят жить среди людей. История до сих пор способствовала в них выработке этих сухих качеств. И только социализм может их сблизить с народами других наций. Их церковь также способствует выработке их отрицательных свойств.

Меня они не раз приглашали к себе на песнопения, вручали свои священные книжечки — и я чувствовал, как они в это время становятся над миром, над теми, кто не поет по книжке.

Я понял, что и в этом разлита у них, вместе с верой их, желчь, хитро заправленная тысячелетним институтом собственности. Вот на этой почве вскормлен и Ницше («я не подаю милостыни, потому что я недостаточно беден»), Шопенгауэр («мир как воля и представления»), хотя, у этой замечательной в других отношениях нации есть и такие имена, как Гейне, Гёте, Бетховен, Гумбольдт и Эйнштейн.

В русских поселках в старое время выделялось несколько крупных кулаков; все это были очень жесткие люди, бессердечные, конечно, самодуры и лиходеи. Кулаки к этому времени были уже общипаны, иные выселены и с ними мне не довелось иметь дела, а из рассказов ничего особенно интересного не запомнилось. В большей массе своей население составляли середняки, имевшие в хозяйстве корову и пару лошадей. Немец, говорили, начинал хозяйство с коровы, а русский крестьянин с лошади. Земли были плодородны, выпасы привольны. Лишнюю скотину обычно отдавали киргизам, которые уходили на летовку высоко в горы, и пшеница за это время поспевала в долине без всяких потрав. Но зато осенью, если что осталось необранным, не огороженным, подвергалось стихийному нашествию коров, коз, верблюдов, лошадей, двигавшихся с гор стадами и вразброд, не щадя ничего под ногами. С этим никто не мог бы справиться, и потому это признавалось естественным и как бы законным.

Двигались тучи скота (мычащие, ревушие, блеющие) — как саранча — помимо того, что поддавалось управлению чабанов, табунщиков и пастухов. Скотина подчинялась больше стихийному чувству движения, ночевки, миграции, чем хворостине погонщика; весной все стремились вверх, в горы, осенью — вниз, в долины. Если, например, в первую половину лета исчезла лошадь — где ее искать? Следы надо искать вверху. Во вторую половину лета табунщики едут вниз и на одиночных тропах ищут следы своей беглянки. Верблюд, например, удравший с пастбища, иногда промчится иноходью через поселок, другой с ревом и токующим видом и, бывало, не останавливался и за сто верст — попробуй его найти. Но «узун-кулак» и замечательная наблюдательность киргиз вернут в конце концов хозяину и этого трудного беглеца, правда, иногда лишь через месяц, а то и через полгода, когда его потянет вверх, опять на джайлау.

Тамыр

В характере русского народа есть что-то такое, что влечет к нему сердца других народов (это подметили еще англичане, объясняя успехи русского продвижения на Восток). Отголоски общенародной тяги киргиз к русскому народу нашли свое выражение в киргизском эпосе «Манас», рожденного здесь в Талассе. — Русский народ добрый, сердолобивый - «идите к русским» — это проповедовалось перед добровольным вхождением Киргизии в состав русского государства в 1864г., когда киргизы были перед угрозой уничтожения, притеснения кокандских ханов (восстание 1857г.), притязаний жестоких китайских феодалов, экспансии Англии на востоке, подвергавшей, как в Индии, бесчеловечной эксплуатации его народы.

В некоторых русских семьях: себя называют «русскими», а величают «хохлами», в противовес «москалям», если речь заходит о языке, или, например, о родственниках — «у нее муж москаль». Слово «русский» имеет объединяющий смысл, а не узко национальный.

Киргизы приняты как «тамыры». Такие тамыры чувствуют себя у русских как дома; похаживая по двору, советует, обсуждает с хозяином свои планы, нянчит и ласкает рбят, привозя им гостинец с гор или с базара; забирает бычка на выпас, пожурит хозяина за свинью, плюнет, насмотревшись вдоволь на ее повадки, но за стол садится доверчиво — знает, что хозяин сегодня не будет заправлять для него пищу свиным салом, во всяком случае он так думает, чтобы не согрешить перед аллахом, хотя знает, что он давно уже ест свинину, и вкус ее ему очень нравится, но лишь бы жена не знала, и мулла не подозревал — мулла не бывает тамыром у русских, он должен держать себя подальше от поганых «капыров». Неизменно «тамырами» становятся бедняки, вынужденные все больше оседать на земле, пахать ее, сеять пшеницу, ячмень, табак, клевер и даже сажать картошку. Что касается картошки, то здесь вкусы расходятся: русские любят мягкую, разваристую картошку, а киргизы — твердую, чтобы она не разваривалась в течение 5-6 часов, пока варят мясо. Приправой для мяса издавна служит только лапша (кумчатай). Кавардак с картошкой очень по вкусу пришелся моим приятелям, но за неимением картошки они сами этого никогда не делают. Если хозяин «тамыр», то, следовательно, все члены семьи пользуются этими правами — как родственники: жена приедет и тоже с полным доверием в доме русской хозяйки ведет себя, как у себя дома: всем интересуется, обсуждает, ей все показывают, она может любую понравившуюся ей вещь попросить — и ей не откажут, также, как не откажут хозяину; русские ребята, попав к своим «тамырам», играют и ведут себя как дома, им — лучшее место, угощение, забота. «Тамыр» — это чисто киргизский обычай, его породило чувство любви к ближнему, чувство дружбы и единства; здесь отступают на задний план все различия и национальные, и даже религиозные; дружба становится выше всех этих понятий, тысячелетиями слагавшимися у народов вместе с собственностью и разъединившими их. «Тамыр» — это прообраз коммунистического единства народа, и надо видеть его в действии, чтобы понять — как это обогащает человека, украшает его и ставит высоко над предрассудками, обезвредить которые не в состоянии никакие прочие общественные институты, кроме социалистических. И русские, придя к киргизам, незаметно для себя, сошлись во многом по своему характеру, дополняя друг друга, обогащаясь новыми понятиями, а для упрочения будущих социалистических связей, многому научились именно у киргиз, выработавших такой обычай, как «тамырство» — прообраз коммунистических отношений между людьми, пока устанавливаемых честно, по взаимному расположению и влечению друг к другу. Даже мулла не имеет силы осудить тамырство — общество сильнее его и быстро его изолирует, если он пойдет против этого обычая, установленного отцами и

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

дедами. Тамыр — это друг не одного лица — это уже друг нации; к тамыру, как к другу, в случае чего придет и каждый тамыр — и встретит с его стороны полное доверие: один тамыр — это уже целый круг близких людей, связанных неписанными законами дружбы, требующей самоотверженности ради одного лишь слова, которым когда-то обменялись тамыры, заключая свою дружбу. Интересно, что за всю историю тамырства не было случая, чтобы эта дружба распадалась. Она становилась делом всей жизни, и дети и той и другой стороны продолжали семейные традиции отцов. Тягостно, однако, сознавать, что во времена культа Сталина это тамырство подверглось жестоким преследованиям; если русский, например, несправедливо очерненный, подвергался политическим преследованиям, то та же тень ложилась и на семью его тамыра только за то, что она питает добрые чувства дружбы; более того: человек, имеющий много тамыров, уже считался опасным и именно это ему ставилось в вину. Это было противоестественно нашему демократическому строю, так как тамырство всегда было институтом бедноты, и никогда не было нужно богатым, так как их собственность изолировала людей друг от друга, разъединяла их, а не соединяла узами дружбы и взаимного отказа от той или иной собственности в пользу другого. Тамырство воспитывало интерес друг к другу, уважение, а этого можно добиться, лишь отвлекаясь от собственности, от ее всепоглощающей страсти стяжательства. Культ Сталина сеял в людях рознь, недоверие, интерес к человеку подменялся преклонением перед всепоглощающей личностью единственного, предписывающего законы, вкусы и линию поведения. Бездушные законы толковались казенными чиновниками, у которых за их официальным ярлыком отрицалась собственная воля, душа, личные качества. Признавалось только одно качество — формализм. Без бумажки не докажешь правды. Суд выносил правде обвинительный приговор только за то, что она не имела бумажки. Бумажки оформляли карьеру, биографию, человеческие отношения. Бумажки заслонили неподготовленность страны к нападению фашистов в 1941 году, бумажки подготовили катастрофу и диспропорцию в народном хозяйстве. Однако чувства народа и вся стихия революции были на стороне партии, которая, несмотря на всю жесткую сухость культа Сталина, сохранила свое лицо, выправляя положение на всех самых тяжелых исторических поворотах. Видно, столь сильно было влияние исторических инстинктов собственности, что пережитки их развились и достигли своего логического завершения в период культа Сталина, из революционера превратившегося вместе с ним в грозное чучело, высохшее на своем корню и обнажившее перед всем миром всю силу и всю слабость этих пережитков страны. Жестокость царских сатрапов и бездушный формализм чиновников, осмеянных Гоголем, Салтыковым-Щедриным, превзошли чиновники-сатрапы «сталинского стиля», периода культа Сталина.

Все спутники старого бюрократизма всплыли наверх: взяточничество, казнокрадство, кастовость, подхалимство, продажность, формализм, карьеризм во что бы то ни стало. Все эти язвы коснулись даже такой области, как искусство, области красоты и прекрасного.

Перемены

Советская власть в Таласе, начавшаяся насаждением восточной политики националистом Сафаровым, ободрила и подняла на щит киргизских баев. Реакционное по своей сути движение возродило к жизни родовые блоки, которые разлетелись в прах с проникновением вглубь революции поднятой Октябрем.

Сожжены и выселены были немецкий поселок Иогансдорф и русские поселки Пятигорск, Чибырь и Талдыбулак. Последние отданы были потом коннозаводству, но баи мечтали захватить все эти земли. В Чибыре до революции было всего 13 дворов. Пришел Сафаров и потребовал контрибуции — 13 тыс. пудов пшеницы (о классовом принципе не

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

было и помину, был принцип национальный). Контрибуцию сдали. Вернувшийся теперь Ц-в тоже сдал тогда свою тысячу пудов. После сдачи жителям предложили покинуть поселок и его спалили. Так же был выселен и Талдыбулак. Первое время даже такие мероприятия советской власти, как выборы сельсовета, имели чисто родовой характер и не содержали даже отдаленных признаков классовой борьбы. Должность председателя сельсовета, «организованная» Сафаровым, переходила из рук в руки в зависимости от того, какому роду удавалось путем взяток добиться в Пишпекке такой санкции. Получивший бумажку на управление, новый председатель с отрядом вооруженных соилями своих сторонников устраивал набег на юрту потерявшего свою власть председателя, марионетки делали обыск, находили печать и его власть утверждалась в новом ауле. Обиженные вновь начинали происки, и, если им вновь удавалось достичь цели, поступали так же. При этом победившим доставалась и часть скотины прежнего председателя его аула: все знали каким путем она нажита; компенсировалась прежняя утрата и, конечно, весь отряд сторонников и аксакалов получал даровое угощение. В Пишпекке постоянно находились представители этих «партий», борющихся за власть. Особенно яркая борьба шла между племенем солт и шалта. Я рассматривал печать, из-за которой шла эта затейливая борьба. Она давно была сбита и на ней ничего нельзя уже было разобрать, тем не менее она, как старое знамя, представляла собой могущественный талисман. Бумажка с печатью давала неограниченные права и возможности для ее владельца и потому она так высоко ценилась.

В 1923 году была последняя крупная «баранта»: большой отряд киргиз из района Мерке, перейдя через перевал Калмакля, обрушился на Таласских киргиз рода гиззет и, отобрав у них 1500 баранов и несколько со коров, угнал их в свои края. Это было предпринято в ответ на такое же действие два-три года назад со стороны таласцев. Дальше в 1924 году началось размежевание, и Талас, заброшенный уголок Турккеспублики, стал близким к столице Киргизии — Фрунзе районом. Сафаровские национальные «традиции» были прекращены и стала проводиться классовая политика, в которой байские интересы все более и более подавлялись, и с начала тридцатых годов она завершилась коллективизацией.

Мой приятель Раимбек был бессменным «рабочкомом»; при этом он легко уживался со ставленниками любой такой партии. Секрет был в том, что он не обладал круглой печатью, а, следовательно, от него ничего не зависело. О новых временах он рассказывал с большим юмором. Состоя «рабочкомом» в течение четырех лет, он смог составить себе стадо всего из 5 баранов (другой бедняк и этого не смог бы сохранить, не имея звания), тогда как председатель сельсовета в любых условиях имел бы тысячу баранов.

На баранов считали все: хороший конь — 10 баранов, если он отличился на улаке — цена ему 100 баранов; первый скакун, первый сокол или ястреб-тетеревятник и первый тайган (борзая) стоили 1000 баранов; шкура медведя, преподнесенная как «тарту» богатому баю — стоила 10 баранов (или одна лошадь); юрта, калым за жену, взятка — все оценивалось в баранах. Даже жирный осенний улар, продаваемый на базаре, стоил одного барана (чтобы показать сколько в нем жира, охотник-продавец делал ему разрез на спине и, раздвинув перья подхвостья, показывал слой желтого сала толщиной в два и даже три пальца). Кеклики, крапоносые каменные куропатки продавались связками по 9 штук, такая связка «быр тогуз» стоила тоже одного барана. Шкура лисицы стоила два барана, так как она шла на поделку теплых киргизских шапок, которые могли носить только бай.

Охота с беркутом

Киргизы — прирожденные охотники. По первому снегу в аулах не остается никого из мужчин и даже мальчишек — все выезжают на промысел; и никто не возвращается с пустыми руками, т.к. любой след приведет к логову. В этот день на всех склонах, по всем ущельям царит оживление; охотятся артелью, а присоединиться может любой — все равно получит свою долю — идут с собаками, с ружьями, с соколами, ястребами и беркутами, или просто с палками. Больше всего в это время добывается лисиц.

Напав на свежий след, знатоки уже рисуют себе — что это за лисица и утверждают, что самая лучшая, дорогая, имеет самый маленький след: лапка при этом должна быть в «комке». Разлапистая лисица и шкуру имеет низкосортную. Самой лучшей считается темно-бурая и темно-красная — эта попадается одна на 1000. но и среди обыкновенной карачапки встречаются шкурки, по густоте меха которые можно сравнить вероятно только с сибирской в самое лучшее время года. Шкурки снимаются «чулком», подсаливаются, подсушиваются золой и затем мнутся. Стоимость шкурки оценивается участниками по ее качеству — один, два, три и больше баранов, переводятся на базарные цены и тот, кто ее берет, уплачивает участникам поровну. Через несколько дней лисица уже красуется у него на шапке, верх ее делается обычно из бархата или сукна — синего, черного, зеленого цвета и в середине его пришивается кисточка, которую делают сами мастерицы из крупных ниток. Такую мастерицу можно встретить в каждой юрте.

Снег падает в верховьях Таласа раньше, чем внизу. Приближение его предсказывается охотниками по приметам, которые выработались здесь веками. Например, перед тем, как упасть снегу, на высоких хребтах собираются в стаи и улетают воробьи, затем летят мелкие сокола — линия снега спускается ниже. Перед тем, как снег ляжет на поля долины — начинается перелет крупных соколов. Необычайное оживление вызывает этот пролет в аулах. Все скачут, следя за птицей, чтобы заметить, где она сядет на ночь. У каждого в руках длинный шест с петлей на конце из конского волоса — каракылтан. Когда стемнеет, к дереву подкрадываются охотники и разводят костер; затем самый опытный, не производя лишнего шума, нацеливает свой каракылтан на шею сокола и рывком стягивает его с наместа вниз. Тут его, оберегая перья хвоста и крыльев, освобождают из петли, привязывают к ногам ремешок и везут в аул. Сокол оценивается при этом, как каждый охотничий трофей, и стоимость его выплачивается поровну всем участникам охоты. Самым дорогим и редкостным считается белый кречет, который, как считают, залетает в Талас раз в 50-100 лет. Он оценивается в 1000 баранов. После него идет италги (сокол-балабан), цена ему до 20 баранов (самки ценятся дороже, т.к. они более уловистые, крупнее и сильнее самцов); затем следуют туйгун и лачин — сапсан — 10-15 баранов; в такой же цене кыргыз — ястреб-тетеревятник.

Более мелкие сокола не расцениваются на деньги, а просто берут их так, кто пожелает с ними повозиться: их обучают всего за несколько дней охотиться на мелкую дичь (бедану — перепелку) и затем отпускают на волю. Ястребов иногда везут продавать в города Ферганы — там они стоят до 200 рублей, то есть за эти деньги здесь можно купить 40 баранов. Знатоки оценивают птицу по оперению, оно должно быть четкого рисунка, яркой окраски, клюв и когти должны быть сильные и толстые. Одни любители предпочитают соколов, другие ястребов. Сокол бьет сверху, когтем, а затем ловит на лету и с пойманной птицей садится где-нибудь на возвышении — на стог сена, на скалу, на дерево. В этом отношении удобнее ястреб, т.к. он далеко не улетаёт, а садится тут же, на что попало — за ним не приходится долго скакать или терять его из виду, это означает уже потерять птицу.

Если у птицы тотчас же не отобрать добычу, она успеет насытиться и тогда улетит, хозяина не подпустит. Для подкрепления сил и возбуждения охотничьего азарта ястребу дают мозг пойманной им птицы. В сравнении с соколом ястреб удобнее еще и тем, что он более

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

опрятен: при испражнении он высоко поднимает хвост и далеко отбрасывает жидкость-испражнение, которое у сокола попадает на рукав охотника. В охоте на такую дичь, как фазан, кеклик, серую куропатку, преимущество ястреба сказывается еще и в том, что он может гоняться за птицей, лавируя среди кустов и деревьев, а сокол этого не признает — он здесь промахнет один раз, а потом уже улетает. Но чисто эстетически, охота с соколом на чистом месте несравненно привлекательнее — взвившись высоко, он с невидимой для глаза скоростью падает в стаю, бьет иногда одного за другим, например, гуся, утку, чирка, пуская пух по ветру, и с последним садится где-нибудь на возвышении есть.

На крупную дичь и зверя охотятся с беркутом. Их не ловят, а добывают птенцами в неприступных скалах или обрывах. Найти такое гнездо нетрудно: в период выкармливания птенцов родители с таким усердием и жадностью ловят для них добычу и носят к гнезду, что их можно заметить далеко в окрестностях (в пустыне Гоурдак, например, я видел у гнезда перья фазанов и уток — это значит, что за ними беркут летал к Амударье, то есть за 60 км). Беркуты (а также бородачи-ягнятники, по-киргизски — кошбатыр, то есть «пара богатырей»), если обнаружит где-либо в предгорьях стадо дроф, то за несколько дней от стаи ничего не останется.

Беркуты носят на гнездо лисиц, волчат, зайцев, фазанов, уток, уларов, кекликов, сурков и другую живность. Все это приносится, как и бородачей, сарычей и коршунов в таком количестве, что птенец или птенцы не могут съесть — недоеденное гниет на гнезде или падает вниз. По запаху падали можно издалека прийти к гнезду.

Охота с беркутом описывалась не раз, но все описания обычно касаются степной охоты. В горах она имеет свой особый характер, т.к. здесь иная обстановка. Обилие растительности густого кустарника, скалы, кручи осложняют, например, охоту на лисицу — для этой охоты стараются выбирать более низменные места, увалы предгорий, богарные поля и пойму реки Талас. Здесь добывают дудаков, гусей, лисиц и с наиболее сильными беркутами даже волков, а в горах — козлов и архаров. У каждого охотничьего беркута своя повадка, своя хитрость и приемы. Обычно, беркут хватается за заднюю часть зверя и, балансируя на нем, бьет крыльями по снегу, по земле, стараясь нацелиться и ухватить его за морду, чтобы согнуть в кольцо. Тогда он выклевывает волку глаза, и тут подоспевший охотник добывает зверя. Иногда беркут садится и на холку, и второй лапой старается захватить голову так, чтобы лапа не попала в зубы хищнику. Бывает и так, что волк сбрасывает беркута или нападающий сам отпускает зверя, чувствуя, что сил не хватит. Гораздо легче беркут берет лисицу и только нора может спасти ее от преследователя или густые заросли.

Иногда лисица бросается в воду, надеясь на другой стороне реки найти спасение, но беркут в азарте продолжает и там ее преследовать и даже пытается поднять в воздух, чтобы разделаться с ней на берегу. Хорошая собака разыскивает зверя, помогает в охоте, а зачастую ловит сама прежде, чем охотник пустит на зверя беркута.

В охоте на козлов собака кружит и загоняет их на отвесные скалы — здесь беркут под крики и свист охотников, стреляющих по ним и пускающим камни, чтобы выпугнуть на чистое место — бросается иногда на козла, чтобы его сбить со скалы — козел падает вниз и разбивается о скалы, либо, если козлы бросились на чистое место — бросается на них также, как на волка или лисицу. Козел иногда на скаку оборачивается, чтобы ударить нападающего рогами, но, если берут сел ему на спину, ничего сделать не может, и подбежавшая собака перехватывает козлу сухожилие задней ноги и тем лишает животное движения. Так справляются с кииком или архаром. Крупные самцы достаются с трудом и, главным образом, когда попадут в тяжелое положение, например, в глубоком снегу, который намело в овраг, на спуске с горы, когда козел бежит гораздо медленнее, чем, например, тайган, делающий прыжки в 10 и 20 метров.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Из зверей быстрее всех скачет под гору кабан: его никакая собака не берет на спуске. Наоборот, волк совершенно беспомощен в горах против тайгана и его может остановить, как это было на одной охоте у нас, смелая, но в два раза меньше волка сучка борзой киргизской породы.

Жителя Купребазара (Чибыря) — Джумабека Ор-бая, моего знакомого, с которым я два раза охотился, жившего недалеко от впадения р.Колбы в Талас, постигло страшное несчастье: беркут растерзал единственного сына, когда ему не было еще года; никого не было в юрте; ребенок с завязанной узлом на спине рубашонкой подполз близко к сиденью беркута, жившего у хозяина уже много лет и считавшегося совсем домашней птицей — и тот, схватив его в железные когти, разрывал клювом на глазах вбежавшего отца. Единственный надежный кормилец семьи — беркут оказался ее злым роком, как в песне о вешем Олеге — «но примешь ты смерть от коня своего»...

О-бай убил своего беркута — и подрубил сук, на котором сидел. На следующий год его кибитки уже не было на этом месте и где он горе мыкал потом никто не мог рассказать достоверно. Говорили, что жена его из саяков и он будто бы отправился к своей родне за перевал. Это был знаменитый охотник, единственный неподражаемый знаток беркутиной охоты в Таласской долине, удачливый, неутомимый фанатик своего дела.

Район его охоты простирался от Сусамыра, Тогуз тороу на Нарыне и Узунахмата в Кетменьтубе до низовьев Таласа и р.Чу, от пустыни Маюнкум и Бетпакдалы до Прибалхашья, Каркалы, Урумчи (Китай).

Таласская долина была родиной многих знаменитых охотников — не менее, чем знаменитых музыкантов и поэтов (ырчей), не менее значительных, чем сама могучая и звонкая песнь ее истории, древних легенд, молчаливых памятников старины и сказителей, среди которых первое место принадлежит Манасу.

Охота с ястребом

Охота с ястребом (кыргыз) в Таласе была более распространена, чем охота с беркутом. Ястреба охотник старался как можно чаще и дольше держать на руке, т.к. он «скучает» без движения, быстро забывает своего хозяина и теряет форму. Поэтому, например, и в базарный день, куда едут все, хозяин везет и своего ястреба. Чтобы рука не уставала, он делает деревянный упор в виде маленькой клюшки, которую упирает в седло. Рукавица делается только из кожи дикого козла (с загривка и шеи, которую не могут проткнуть острые когти птицы). На кекликов удобнее всего охотиться двоим — ястребятнику и ружейному охотнику, кеклики, завидя ястреба (для верности надо его покачать на руке, чтобы он взмахнул крыльями), ложатся и тем дают охотнику подойти к ним на выстрел, а на лету их после этого будет ловить ястреб, которого нужно суметь бросить в тот момент, когда он сам ринулся в полет. После этого надо, сломя голову, не обращая внимание на проходимость или непроходимость местности, скакать к ястребу, т.к. иначе он насытится и улетит. «Заправив» его мозгами убитой птицы, охотники едут дальше занимать место, где села стая кекликов. Чтобы мясо кеклика считалось съедобным, ему нужно перерезать горло, со словами «аллаакбар», иначе они считаются «погаными» и никто их есть не будет. Убитых кекликов считают на десятки и подбирают связкой, которая называется «Быр тагуз» (то есть, одна десятка).

«Быр тагуз» жирных осенних кекликов стоит на базаре одного барана — идет наравне с одним уларом.

Охота на фазанов не так проста, как кажется, особенно в холодное время года. Охотник в азарте не считается с препятствиями и, если ястреб с фазаном опустился на другой

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

стороне реки, то охотник, несмотря на шугу, двадцати градусный мороз, ветер и забережки, бросится туда, плывет с лошадей, иногда падает с нее в воду и заледеневший спешит взять ястреба на руку. Так погиб мой тамыр Джанарбек — сын Б-бека, получивший после одной охоты воспаление легких. Когда его снимали с лошади, примерзший халат пришлось оттирать от потников.

Место охоты на фазанов — это пойма Таласа, заросшая чирканаком (облепихой). Фазанов, зайцев, серых куропаток (чиль) водилось в этих крепях несметное количество. Знаменитый Тарада сам брал с собой на охоту 3-4 помощников. Собаки поднимали в воздух птицу, а он стрелял дуплетами; обязанностями помощников было собирать убитую дичь. За день такой охоты он привозил до 100 фазанов; этим он снабжал приезжих гостей-охотников, председателей, начальство, с кем выгодно было водить дружбу. Охота была промыслом этой семьи, хотя сын поступил объездчиком.

Мастерство и знание их ценились лишь по практическим результатам, но справедливо было бы в то время нашим охотоведам использовать их знания для литературной обработки. Это были «последние из могикан» — в дальнейшем развитии общественной жизни и экономики изменилось и лицо земли и профессии людей. Многие вопросы охотоведения, биологии охотничьей фауны остались неразрешенными с тех пор, тогда как Тарада мог бы быть надежным консультантом по этим вопросам: он знал не только где, когда, сколько расплодилось волков, лисиц, архаров, барсов, медведей, кабанов — он следил за их ростом, их питанием, сезонной миграцией, падежом или благоденствием. В каждый данный момент он знал — где, что можно взять и как взять. Бывало, что охотничья артель возвращалась с пустыми руками — он ехал и привозил десяток кабанов, которые для него всегда появлялись там именно, куда он пришел. Конечно, не все на охотничьем горизонте всегда так легко и просто как кажется: бывали черные дни и у Тарады.

Кабаньи клыки

Однажды мы встретились с Тарадой на охоте, преследуя одного и того же кабана. Несколько дней назад мы упустили его и теперь, с новыми собаками, решили его обложить в густых зарослях ползучей арчи.

Спускаясь с хребта, мы услышали внизу винтовочные выстрелы, целую канонаду. Когда подъехали — кабан был убит. Трое охотников, обойдя сверху большой шатер стелющейся арчи, распластавшийся на целых пол гектара, где ворочался невидимый кабан, вскидывали ружья и залпом стреляли по мелькавшему кабану. Собаки, прыгая по непролазному шатру этой арчи, попадали на клыки кабана, который их отбрасывал одну за другой, сам оставаясь неуязвимым. Наконец все смолкло. Мы были на расстоянии полуверсты от этого побоища, прискакали, один вид побитых собак, бессильными комочками мелькавших над косогором, заключал в себе страшную трагедию. Охотник знает, что означает подброшенная кабаном в воздух собака — это смерть кормильца. И когда мы подъехали, мы молчали — какие это были собаки! — Собаки Тарады, родоначальники их были вывезены из Швеции! Это были очень рослые ирландские сеттера, каштановорыжей масти, стройные с длинными кудрявыми ушами. Из семи собак было убито пять. Распоротые животы, четыре ребра и нога, перебиты плечо и грудь; у одной из собак голова висела на сухожилиях. Собаки ползли верхом густого полога стелющейся арчи, утопая в ветвях, и лишены были возможности маневрировать, а, добравшись до зверя, тут же становились его жертвой...

Для Тарады охота теперь была кончена. Кабан, доставшийся столь дорогой ценой, небольшой, 4-х летний секач с клыками, торчавшими напрямую, как кинжалы. Про кабаньи

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

клыки много всяких рассказней — будто у живого они остры как бритва, а стоит убить кабана, как клыки его тупеют, будто кабаны с острыми клыками не поддаются пуле охотника и потому никому не удалось добыть такие клыки.

Дело все в том, что клыки одинаковые, трехгранные, но владеет ими кабан с такой силой и молниеносной быстротой бьет по врагу, что клыки рассекают как клинком.

Даже ветви кустарника, задетые клыком при таком ударе, падают как срезанные косой или как при рубке острой шашкой. Страшные раны наносят и волчьи зубы, хотя они конической формы. У табунной лошади рана на ляжке была длиною в две четверти, как от пореза кинжалом. Сокол своим когтем на лету вспарывает спину, шею и голову утке так, что она замертво падает на землю.

Чтобы в руках человека этот инструмент так работал, нужна машина. В том, что тупой клык кабана приобретает чудодейственную силу повинен закон природы о приобретении предметом нового качества, когда он переходит грань обычных условий, в которых измерения его привычны для нас. Например, раньше считалось, что для убойности вес пули должен быть в каком-то соотношении с массой животного, например, слона. Для охоты на крупного зверя стали выпускать ружья больших калибров, так называемые штуцера. Но затем открыли «новое качество» ружья, обладающего большей настильностью боя, то есть быстроты полета пули. Такое ружье может быть меньшего калибра, но разрушительное действие его пули было во много раз сильнее старой тяжелой пули. И Тарада уже не пользовался штуцерами, а был приверженцем «лучшей в мире русской трехлинейки» с остроконечной пулей: тупоконечная проникает насквозь кабана, а он идет себе и крови на следу не оставляет; не то остроконечная — попадая в кость, она разворачивается и выходное отверстие у нее — страшная рана; зверь остается на месте.

В двадцатых годах обсуждался вопрос и о заряде дроби; высказывалось мнение, что в большую тушку дичи должно попасть большее количество свинца, — а практика показывала, что одно ружье «держит» дичь, а другое «живит» — вопрос решался «резкостью» боя дробового ружья, которая у каждого ружья может быть разной, и это качество может быть завоевано заводом на основании упорной работы над качеством сверловки ствола, ее формой, найденными пропорциями между металлом, длиной, уравновешенностью всего ружья и многими другими элементами, что впоследствии доводится еще пристрелкой на порох, дробь, пыжи, пистоны, гильзы, закрутку и номер дроби по вкусу ружья. Многие охотники выбирали ружья подлиннее, убежденные в том, что они лучше бьют (старые «уточницы» имели очень длинный ствол; киргизский карамултук длиной в 2 метра и весом в 12 кг мой приятель Убраим предпочитал брать на охоту на козлов, хотя я ему предлагал хорошую винтовку; фальконеты периода завоевания Кокандского ханства, которые носили на плечах два человека, били лучше русских трехлинейных винтовок). Однако, кто теперь может сказать о том, что карамултук сильнее бьет, чем современный автомат, хотя он чуть ли не в три раза короче и легче его? И на поиски нового качества нас должна вдохновлять сама природа, у которой на каждом шагу беспечно рассыпаны многие чудесные, еще неизвестные гордому человеку законы материи. Лишь недавно...

На размышления об относительности свойств материалов наталкивает уже так называемое «Колумбово яйцо»: хрупкое яйцо не в состоянии раздавить самый сильный человек; а под давлением в несколько сот тысяч атмосфер металлы приобретают свойства жидкого тела; металл рубится и штампуются мгновенным порывом огненного газа; квантовый генератор режет алмаз лучом света. Таким же образом, когда человечество оказалось перед необходимостью измерений космических расстояний, геометрия ограниченного пространства, Эвклидова геометрия, оказалась неверной для масштабов бесконечности и появилась геометрия Лобачевского, открывшая новые пути для науки о пространстве.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Подобные свойства кабаньего клыка, как и многие другие, часто не замечаемые простые вещи, могут быть примером чудесных превращений природы; даже пыль, которая обильно лежит у нас на дорогах, может навести на мысль о заложенных в ней законах, которые в конце концов пойдут на пользу человеку, т.к. он ничего не оставит без своего внимания, поднимаясь все выше и выше в своем историческом развитии и овладевая все в большей мере законами природы.

В окрестностях Джалалабада в 1927 году кабан, которому наперерез скакал всадник, ударом клыка подбросил лошадь, перебил ей три ребра и вспорол живот. Скакун, купленный незадолго до этого за 1500 рублей, упал замертво. В это же время старый кабан с загнутыми в полукольцо клыками, ударивший охотника пятаком под колено, не причинил ему никакого вреда — лишь, высоко вскинув его над камышами, убрал со своей дороги. Движения этого кабана были столь быстры, что охотник, ожидавший у стенки камыша и стоявший тут наготове со взведенными курками, т.к. кабан был окружен в логове, не успев выстрелить, взлетел на воздух и, плюхнувшись на песок, спустил оба курка в кочку.

Случай этот, между прочим, был на Сарыксу — теперь — «Центральной Фергане», где этих камышей давно уже нет, где цветут сады и виноградники и зреет хлопок. В этих же местах в 1908 году проходил последний тигр, из тигров, водившихся здесь в былые времена. Тигр этот пришел из Арсланбоба (теперь курортного места). Тамошний охотник Саттар из Чарвака, которому офицеры-охотники, еще в 1896 году стоявшие на летних выпасах на Каракуле, подарили винтовку — берданку драгунского образца и добились ему особого разрешения на право ее хранения, когда местное население лишено было права иметь даже гладкоствольные ружья — этот Саттар за свою жизнь убил восемь тигров, двух из них в урочище Когой — как рассказывал его младший брат Ахматали. Третьего между Доратерекком и Чарваком. Вниз по течению реки Караунгур Сай есть урочище Джолбарс — такой тигровый лес. Здесь в непроходимых зарослях облепихи, тамариска и тала обитали когда-то эти хищники, когда население было еще редкое, а на тигров охотились с кинжалами или фитильным ружьем, а чаще всего предоставляли хищнику полную свободу, т.к. ближним стадам он не причинял такого вреда, как дальним. Тревожить его не решались, чтобы не навлечь с его стороны мести.

Охота на медведя

Остается еще сказать о когтях медведя — это действительно страшное оружие, хотя по виду эти когти как-будто бы и не столь опасны. Ударом такой лапы медведь обдирает кожу со спины лошади до самого брюха; человеку оголяет череп; желая достать мед, медведь раздирает арчевое дерево толщиной в два обхвата, превращая древесину в щепы, длинную полтора-два метра — от входного отверстия до основания, если там находится мед. Разрывая норы сурков, медведь выбрасывает наружу камни до тонны весом и сворачивает в русле реки камешки еще потяжелее, если там он нашел какого-либо вкусного жучка или мышь. Закидывая падаль, которую он сразу не ест, медведь приволакивает иной раз бревно, которое не могла бы увезти лошадь.

Барс, схватив четырех пудового козла в корогу (каменистом загоне под скалой), выпрыгивает с ним на стену, высотой в шесть метров.

Итак, опытные, испытанные на больших охотах собаки Р.Тарады погибли в схватке с одним, одиночным секачем, погибли, т.к. в своей смелости и охотничьей страсти не знали предела. Все мы после этого не могли уже продолжать охоты и разъехались с тяжелыми мыслями о потерях трудно восполнимых. Вырастить такую охоту и подобрать ее человеку стоило трудов и забот всей жизни. Не так просто завести хорошую собаку.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

На кабанов охотятся только русские — для мусульман свинья — поганое животное. Однако это поганое животное имеет желчь, лекарственное значение которой очень ценится у киргиз: знахари назначают ее на прием от бешенства. Как лекарство, оно становится «не поганым». Также, как и кабаньих клык — от «глаза»; чтобы его носить как талисман, нужно его обвалить в золе и тогда он становится «чистым». С такой же целью носится и медвежий коготь (или коготь барса).

Медведь поганый не в той же мере, как кабан — его мясо погано, но один раз его можно сварить в чистой посудине и есть «для здоровья» — тут же на охоте, как только освежевали зверя, совершив над ним обряд «алла-ак-бар», т.е. с этими словами перерезав ему шею, не портя шкуры: «мустаб». Желчь медведя употребляется от многих болезней — от ревматизма, от боли в спине, от чахотки и др. спать на шкуре медведя не только тепло, но и полезно для больного, особенно для стариков, страдающих склерозом. Зубы и кости медведя идут на талисманы. Шкура медведя ценится высоко — за нее дают одну лошадь — так полагается за нее платить баю, которому охотник принесет «тарту», столько же он выручит от продажи желчи, которую смешивает с отрубями и скатывает ее в комочки величиной с пшеничное зерно, продает по рублю за штуку.

Охотников за медведем не много, убить его не просто, т.к. зверь этот очень чуток и осторожен. Его легче стрелять ночью, но ночью охота у киргиз не в обычае — вероятно потому, что у них слишком длинные ружья, неповоротливые в кустах, заметные при любом движении, при этом на сошках, фитильные или хотя бы шомпольные, у которых ночью запал может сдуть ветром, незаметно для глаза исчезнуть с полки и тогда выстрела не получится. Собаки, приученные даже к кабанам, на медведя не идут, для этого их надо специально приучать с особо храброй и умелой собакой, но такая практика не может им быть предоставлена достаточно часто, т.к. медведь — зверь довольно редкий. Поэтому его просто выслеживают утром или вечером, засветло — либо на кормежке, либо на логове. Как в России, его не принимают на рогатину с берлоги, т.к. берлогу он чаще всего устраивает в пещере, в каменном завале, в диких зарослях, где и повернуться трудно; кроме того, здешний медведь не встает на задние лапы, как в России или Сибири, бросается на человека, как собака, если окружен и озлоблен, или ранен. Подымается на дыбы он очень редко; надо рассчитывать взять его только пулей и лучше всего бить в голову, т.к. раненый может броситься на человека и своими когтями изуродовать его. Об охоте на медведя придется рассказать позже, когда я попаду в охотничьи места южной Киргизии.

Охота на дикого козла

Любимой охотой у Таласских киргиз, как и вообще в горах, считается охота на дикого козла или киика (сибирского козерога). Охота бывает с подхода или загоном. До рассвета охотник поднимается на гору, с которой будет наблюдать («караулдеве»). Козлы или козы с козлятами (они держатся весну и лето отдельно, рев начинается в Таласе у козлов 15 ноября, у архаров — 1 декабря), спустившись на ночь на пастбища, козлы утром поднимаются вверх, на лежки, где проведут весь день до вечера. Если не пуганы — выходят на пастьбу раньше, а если считают, что есть основание подвергнуться опасности — то позже. Охотник, пришедший с вечера, не должен разводиться огня, чтобы не спугнуть зверя; место ночевки должен выбрать так, чтобы ветром от него не пахло на козлов, идущих на пастбище, а поднявшись на гору, учитывать, что с восходом солнца направление ветра меняется.

Проверяется направление ветра у киргизских охотников просто: сотрут в пыль комочек сухой глины и, подняв руку, пылят его, наблюдая, в какую сторону ее относит

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

ветром. С наблюдательной горки видно, куда пойдут козлы и где залягут — туда и надо подбираться, когда они спят. Они не сразу успокаиваются: козел, или другой ему на смену долго стоит на какой-либо ближней скале и внимательно всматривается вдаль. Когда последний страж соскочит с камня и уляжется среди других — в самую пору подбираться к ним с заветренной стороны. Когда они спят, можно подойти на 20-30 шагов и слышать как они храпят. Опытный охотник берет с места двух-трех и даже больше козлов. Загоном действуют иначе: сгоняют козлов на камни, куда они обычно бегут в случае опасности. В верховьях Каракольского Таласа, например, есть место, называемое Чаара-таш («Пестрые камни»). Название это обычное, когда зимой среди белых снегов виднеются отвесные, темные скалы, создающие пестрый пейзаж. Козлы бегут туда спасаться, когда их из всех соседних ущелий выгоняют наверх, для этого по пути к Чаар-ташу в это ущелье отражается охотник с собакой.

Если артель большая, козлов сгоняется тысячи полторы-две. Тогда эти скалы окружаются и начинается стрельба: козлы с той и другой стороны такого ущелья скачут по карнизам, где ни собака, ни волк, ни барс не пройдет. От выстрелов они перепуганные выскакивают на пологие места и тут их травят собаками — тайганами; застрывших в снежных надувах берут и обыкновенные дворняжки, а те, что падают под выстрелами, лежат на дне ущелья, на глубине в сто-двести метров. Эта охота похожа на заготовку мяса, ничем не отличается от бойни, однако на охоту идут голодные, а бай имеет своих баранов, чтобы досыта есть мясо. На охоту смотрят как на промысел и лишь люди с достатком питают к ней спортивную страсть, когда могут прожить и без нее. Но не всегда и загон бывает удачным — что-нибудь может помешать, и охотники тогда уходят не с полем, а с убытком, т.к. потратили зря харчи, скормили зерно лошадям, изорвали одежду, а то и потеряли товарища, т.к. лазить по обледеневшим скалам не безопасно, да и снежные лавины, иногда небольшая снежная осыпь на склоне в 15-20 метров может стоить жизни охотнику и его собакам. Человек, попавший в такую осыпь по пояс, не всегда может выбраться, т.к. снег уплотняется и не выпускает даже кончик шинели — его приходится отрывать, когда нет в руках хорошего ножа, кинжала или топора. Особенно тяжело это бывает к весне, когда снег размягчается, или если вместе со снегом ползут вниз камни. Большая лавина может унести человека под пятнадцати метровый слой снега на дне ущелья. Эта лавина идет под пушечную канонаду и падает на дно ущелья с такой силой, что воздушной волной от нее на 30-50 метров выше ее выворачивает деревья до полуметра в диаметре и разбивает их в мелкие щепки, которые потом залегают в толще, примятой весенним потоком, как геологические слои: цепочка камня, слой снега, уплотненного прослойкой щепы, мусора, снова снега и снова прослойки. Среди этих прослоек вымывается вешними потоками и целые стада козлов, кабанов, иногда и тушу медведя, волка, лисы — тех, кто попал под такой обвал. Над речками, промытыми себе туннель в толще такого снега, до июля и августа месяца сохраняются прочные арки, по которым, как по мосту, идут стада, верблюды с вьюком, едут верховые, не оставляя следов от кованых копыт лошадей.

Тайган

Рассказывая об охотах в Таласской долине, нельзя не сказать о замечательной породе киргизской борзой. В отличие от казахской степной, приспособленной для охоты на равнине, киргизская горная борзая характеризуется прежде всего своим экстерьером. Если казахская растянута, то эта собрана, гармонична по своим линиям и идеально вписывается в квадраты. Поясница у нее короткая и мускулистая, между мослоками должно укладываться три пальца, лапа с длинными пальцами, но собрана в сильный комок, плечо

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

длинное, высокая холка, щепец сильный и длинный, лицо скуластое, глаза красно-коричневые, уши длинные, кудрявые, такие и штаны; нос широкий и влажный: шея подвижная, атлант свободно сочленяющийся, подпруга очень глубокая, хвост короткий, до скакательного сустава, загнутый в правильную спираль; масть преимущественно черная (самая нарядная). На груди белое пятно считается не браком, а признаком породности и красоты; бывает масть изабелловая, мышастая, но это не столь часто, как черная.

Тайган должен скакать с горы на гору без усталости 25 верст с бешеной скоростью, не утомляясь, то есть он должен обойти зверя, хотя бы ему потребовалось для этого спуститься, подняться на гору, снова спуститься, чтобы настигнуть зверя или нагнать его на охотника.

В киргизской борзой соединяется качество и гончей и борзой, но она при этом не лает, идет по следу молча и не только по следу: она может скрытно ползти, где надо, а где надо — скакать на перехват, маневрируя самостоятельно и в тоже время так, чтобы показать охотнику зверя. И хорошие тайганы, лучшие из которых ценятся в 1000 баранов, а просто хороший — в 100 баранов, как скакун, показавший себя хорошо на козлодранье — действительно должны выполнять все эти сложные манеры. Рассказывали, что у богатого коневода Гали Узбекова, у которого лошади были при раскулачивании конфискованы в 21 году в пользу коннозаводства, было сорок тайганов, среди которых были и первоклассные.

Другой такой раскулаченный коневод по фамилии Лопатин, разводивший стрелецкую породу лошадей, держал при каждом косяке собак, собственной выведенной им породы, которые не были охотничьими в полном смысле, но легко брали волка в одиночку. Это были очень крупные саврасой масти собаки, с огромными челюстями, с виду помесь сенбернара и датского дога, если мысленно совместить их экстерьер, но одеть их в жесткую шерсть, придать им дикости и злобы.

Если какой-либо всадник появился около лошадей, собаки бросались, останавливали лошадь, одна из них вскакивала на круп ее и валила всадника на землю.

Рассказывали, что охотники решили взять такую собаку на кабана, рассчитывая, что она одна может удержать зверя: но когда подняли кабана и собаки принялись его барантовать — этот волкодав бросился из рвать и давить и освободил тем кабана. Собаки были изранены и от дальнейшей охоты пришлось отказаться. На дворе держать такую собаку было опасно, т.к. она была очень злобна и, сорвавшись с цепи, могла причинить много бед. Одному человеку не под силу и вести ее на поводке. Эта порода собак была распространена в Аулие-Ата, Пишпек, Мерке и других русских поселках, у богатых мужиков и купцов типа знаменитых Гуляевых — там было что охранять от грабежа; но в обычных условиях эта собака была неприемлема, также, как, например, никому не нужен был лев на цепи, страшный и лютый зверь.

Киргизский тайган пользовался почетом и имел свое лицо в юрте, тогда как другие собаки считались «погаными» и на порог юрты не допускались. Простые собаки должны были сами находить себе пищу (только на летовке им в корыто сливались остатки молока), а тайгана кормили на общем основании, как члена семьи. В холодное время года у него была своя попонка, которой его укрывали на ночь. На шее у него висел дорогой ошейник с серебряными, и золотыми, и медными бляхами и талисман от сглаза, зашитый в цветной кожаный треугольник. Поводок для тайгана каждый охотник старался сделать как можно изящнее и тоньше. На ночевке, в снегу, у костра он также имел свое место среди охотников и спал под пустуном хозяина.

Шерсть у него короткая, шелковистая и гладкая — за исключением ушей и штанов, где она в кольцах завивалась, обрамляя и обвораживая все лицо пышным убором. В скачке эти длинные уши мелькали вверх и вниз, напоминая что-то чертовское, он бросался черным резким пятном с горы вниз за считанные секунды с быстротой копья, брошенного рукой

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

дьявола, оперенного черными флажками, вдогонку за живым и бегущим. За ним гремел каменный поток, но он был быстрее его.

Но были замечательные собаки среди дворовых овчарок и помесей, например, знаменитый «Карадевет» старого охотника Исанбая, жившего по Чипкану в бедной хибарке, построенной на манер юрты круглой, с отверстием в небо посреди потолка («тундык») для дыма; разводить огонь в очаге он не позволял никому из домашних, поэтически вспоминая при этом каждый раз какую-нибудь охотничью историю. Он любил огонь, как всякий горный охотник и поэт, был «огнепоклонником».

Его черный старый кобель с обломанными на звере клыками и уже с седеющей мордой, все еще не имел себе равных по энергии, чуткости и добычливости на охоте. Его дело было найти, обойти и повести за собой стаю. Никогда из поля его зрения не уйдет какой-либо беглец, отделившийся от стада кабан или козел: его обгонит, преградит путь и, пока охотники разделяются с остальными, он уже призывает их своим громким, сиповатым басом, слышимым за два-три километра, как у костромича может быть. Если это не был от природы хорошо поставленный голос, то возможно, он перешел к нему с теми небольшими признаками костромской породы, которые у него явно сказывались в экстерьере, ушах, глазах, и может быть в хвосте, если бы он не был у него отрублен на две трети, немного меньше, чем это принято делать у обычных киргизских овчарок и дворняжек еще в щенячьем возрасте. Резали уши и хвост, уверенные в том, что собака будет злее и более сторожкой по-киргизски «серегей».

Знаменитым, считавшимся очень породистым, был чистокровный тайган с большой родословной у богатого скотовода Джамшидбека. Это была очень крупная борзая нежно-изабелловой масти, красавец, от которого человеческий глаз не в силах был отвести своего внимания. Как могла эта беднота, пораженная чесоткой, предрассудками и покорностью судьбе вывести в веках такую породу — верх благородства и красоты?! Что там арабский конь! Что в сравнении с ним золотой ковер на рубашке текинского жеребца! Какое создание эллинов может сравниться с этим живым памятником высокой поэзии человеческой души, народа, который взял от этих гор их красоту, не оставив им ничего после этого; сам стал нищим, но мечту свою о красоте жизни сохранил в чудесной музыке этих линий, движений, позы. Конечно, владеть этим достоянием и этой красотой могут теперь только богатые (это говорится о начале двадцатых годов, когда все язвы старого еще были живы и народ прозябал во тьме своей давней истории).

И вот, по просьбе управляющего конезавода доктора М. я взял этого «Джезбилека» и привел на поводке в Масловку, чтобы скрестить две линии: киргизской горно-борзой и русскую густо-псовую.

После моего отъезда пришла тревожная весть: пропал «Джезбилек» — как-будто бы он сдружился с собаками, играл с ними, но, как только его отпустили с привязи, он исчез. Отпустили его перед обедом, а после обеда его уже никто не видел. Я поехал сейчас же в Джамшидбеку и... вижу у его юрты, на солнышке, на кошемной подстилке нежится «Джезбилек». У меня отлегло от души. Когда же он прибежал? Оказывается вечером того же дня, когда его отпустили с привязи: расстояние в 150 километров он покрыл за полдня. Прискакал под дождем, ноги и брюхо были в грязи — именно в тот день был дождь. Так умеют ориентироваться и так выносливы эти собаки. А ведь в случае пропажи борзой мне был бы предъявлен иск в размере не менее ста баранов! («Джезбилек» оценивался значительно дороже).

Совет аксакалов

Все оценивалось либо на баранов, либо на лошадей, либо, наконец, на коров, вообще, «крупный рогатый скот», переводившийся на киргизский язык одним словом «кара». Эквивалент ценности устанавливал совет аксакалов, в состав которых бедняки не входили. Аксакалы «планировали» свои заседания на несколько дней вперед, т.к. недостатка в жалобах и спорах не бывало; но иногда собирались тут же из наличного состава людей, оказавшихся по тому или иному поводу на собрании, например, на базаре. Задачей совета аксакалов было достижение «мураса», т.е. примирения сторон, но из каждой такой «мурасы» с прибылью выходили сами аксакалы, а тяжущиеся — с убытком, иск удовлетворялся, но за счет обеих сторон. Например, истец доказывает, что должник взял у него барана и два года не отдает долг.

Пятнадцать аксакалов, собравшись на свой совет, постановляют, что этот баран за два года сделал бы в хозяйстве еще барана. Присуждают с ответчика в пользу истца двух баранов, показывая на пальцах — одного как средний палец (т.е. большого жирного барана), а другого с мизинец (т.е. маленького). Этого маленького делят между собой аксакалы — по пол барана с той и другой стороны. В зависимости от обстоятельств (например, баран был с мизинец) — присуждают одного барана со средний палец, тут же его переводят на деньги, барана покупает у аксакалов третье лицо, а деньги делят пополам — свою долю получает истец, остальная раскладывается по карманам аксакалов. Дело аксакалов было выгодное, поэтому каждый, любивший судить, стремился иметь как больше практики и больше стажа. Иногда вдруг попадал в число аксакалов бедняк, у которого не было имущественного ценза достаточного, чтобы занимать такое положение в обществе, но было большое желание вертеть общественными делами, достаточно энергии и очень нужные для этого способности — увертливость и память. Нужно было помнить и знать кто кому сколько должен и вовремя подоспеть в тот момент, когда стороны затеяли спор. Не обязательно даже, чтобы истец обратился к аксакалам: они сами тут как тут — и, держа в поводу своих лошадей, сидят в кругу на корточках и жестикулируют черенком своей камчи (она должна быть нарядной) — вступают в тягучие прения сторон и, в конце концов, принимают на себя всю ответственность в деле, явно зашедшем в тупик. У каждого аксакала есть свои джигиты — они то и являются исполнителями — тут же отнимают у ответчика пригнанную им на базар скотину и реализуют ее по указанию аксакалов. Решение такого суда обычно признается справедливым и никто из ответчиков на него не жалуется.

Бедному обычно приходится туго от этих судов. На то и примета, что трудно довести стадо баранов до тысячи голов, т.к. «чигым» превышает естественный прирост поголовья и его не хватает, чтобы оплатить все решения аксакалов (госналог, исполнение решений народных), «чигым» на прием высоких гостей, расходы на той, на завоевание власти предсельсовета, предволисполкома, на поминки, даже на «дым» («тут уп-пуль») и копыта («туя пуль») — все это взвешивается по раскладке, составленной советом аксакалов. Богачу и жена обходится даром, т.к. вносимый им калым он сумеет взыскать и оплатить «эльдан», т.е. через «общество», народ. А бедняк, наоборот, не может взять жену, т.к. ему действительно приходится платить заработанное своими руками, на что уходит иногда вся жизнь. Однако баям «средней руки» (имеющим тысячу баранов и больше) тоже приходится бороться за свое существование, с утра до ночи, не слезая с седла, на всех советах аксакалов он должен присутствовать и защищать свой бюджет, хотя и составленный на общем основании, не без того, чтобы взять кого-либо за глотку, у него всегда найдутся враги, которые воспользуются ослаблением его позиций и присудят с него «чигым» больше, чем с другого. «Ослабление позиций» тут можно рассматривать в прямом смысле: если сторонников, например, Кавай, представителя рода Шалта, оказалось мало, а Узаке (род Солта) явился с большой ратью, спрятанной им невдалеке с соилями, то Кавай может быть избит до смерти, если не успеет

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

вовремя удрать на своем скакуне (Кавай сумел за время службы в коннозаводстве обзавестись хорошими скакунами, и теперь он легко удирает от любой погони). Его бегство с позиций, в тот день я был у него гостем, привело к тому, что он вынужден был отдать сто баранов по раскладке очередного «чигыма», собранного баями на ведение дела против коннозаводства. Кавай числился «заместителем заведующего» Аральского отделения, а его бараны, против его воли действовали во вред конесовхоза. В число аксакалов попадали иногда и люди «второго разряда», выполнявшие «черную работу», к таким относился, например, Абдула из рода «Сасык» — ходячий справочник всех семейственных, брачных и имущественных отношений всего Каракольского Таласа. Его называли «Абдула-маака», т.е. Абдула с провалившимся носом, Абдула «без профиля» — признак наследственного сифилиса. Абдула очень энергичный и предприимчивый, совсем забросил свою семью. Жена в лохмотьях, дырявая юрта, в которой холодно спать, т.к. нет даже порядочной кошмы, чтобы подстелить и одеяла, чтобы накрыться. Его жена, тоже вероятно предприимчивая и талантливая, но забитая беспросветной нищетой женщина рубила курай, пережигала его в золу и варила мыло из трупов скотины, которая по той или иной причине издыхала где-нибудь в поле и стала поэтому поганой («харам»).

Я, окончивший гимназию и вообще любивший гуманитарные науки, наблюдая ее работу, ловил себя на мысли, что вот эта женщина преподает мне урок практической химии, в которой, имея на то возможность, я ничего не понимал. Все мои знания ограничивались к этому времени формулой H_2O — а она вот варит мыло и из чего? — из падали!

Вспомнил нашего учителя Арчила Георгиевича и подумал, что он, вероятно, и сам не сумел бы сварить мыло здесь в этих условиях. Чтобы как-то ей выразить свою признательность (и помочь ей хорошо обслуживать ее мужа Абдулу), я взамен подаренного мне куска мыла привез ей из города утюг. И она приняла его как должное — подарок за подарок. Абдула посмеивался, что теперь его жена стала моим «тамыром» и очень гордится этим. Начинает ему возражать. Когда ее «адвокат» приезжал иногда домой, она его безропотно принимала, обслуживала, но подкормить конечно не могла, и он, встав утром, и не зная еще, куда ему ехать, седлал лошадь, снова собирался в путь. Детей у него не было и он имел полное право презирать свою жену, а та несла свой крест безропотно — и на нее никто не поглядит, не остановится в ее юрте, т.к. она слишком плохо выглядела. Абдула мало что привозил домой. Он много хлопотал, старался стать аксакалом, но мало зарабатывал — все доставалось богатым. Даже на охоте было справедливее: там все добытое делили поровну, а здесь было местничество. Ездил он на худой рыжей лошаденке и на всех собраниях аксакалов брал слово первым, вводя вельмож в суть дела, приводя все нужные справки и от воодушевления при этом у него в углах рта скапливалась и засыхала пена. Когда нагайка ему бывала не нужна, чтобы упираться в нее, сидя на корточках среди поля, на бугре, у дороги или где-нибудь на холме, где проходили такие заседания, с стреноженными лошадьми, или стоящими у каждого за спиной на чилбыре — Абдула запускал ее себе под халат за спину и плетью болталась у уха, либо за тоненький ременный поясик, на котором были подвязаны: кожаный лоскут с самодельным насваем, складной нож для мяса и прочих надобностей с костяной ручкой из рога дикого козла, с серебряной насечкой и цветными камушками, «чакмак» — кресало на случай, если где-нибудь придется развести костер. За пазухой у него была книжечка. Несмотря на свою бедность, он сумел выучиться писать и читать и все нужное держал на заметке, тогда как большинство его богатых коллег были неграмотны и имели каждый свою печать, часто носимую на пальце в виде кольца; на таком «мугуре» было либо его имя в арабской транскрипции, либо просто тавро. Такое же тавро в большем размере он ставил на своих лошадях — на бедре, на лопатке, на шее, с правой, с левой стороны и при этом резал уши: корнем, пеньком, или ухо делал простым то на правой,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

то на левой стороне.

Если аксакалы составляли бумагу, выражающую «приговор народа», то, поставив все свои печати и подписи, требовали приложить пальцы жителей многих аулов, объехать которые поручалось такому, как опять Абдула. Он был, хотя и менее влиятельным, но самым стойким и истовым хранителем всех традиций и тайн этой своей юридической касты, которая заправляла всеми общественными делами аулов верхнего и нижнего Таласа. И если в каждой такой правящей ячейке были свои разногласия и ожесточенная борьба за первенство, то противоречия эти шли выше, и борьба личностей и родов умолкала, когда начиналась война двух Таласов: все верхнее объединял Карабаш, а низовье — Кызылбаш. Эти схватки иногда принимали всеобщий характер и сражение происходило на Чатбазаре, стоявшем на границе этих владений, куда съезжались все для торга, обмена «алаза-вераза» и новостями. О предстоящих сражениях становилось известно заранее и тогда вокруг поселка Аральского отделения и до сопок, непосредственно соприкасавшихся с базаром, все склоны чернели от многотысячных толп всадников с соилями. Это — засада и скрытые резервы. Враг не должен знать: сколько здесь скопилось у противника силы, и, если на базаре выяснится, что у него силы меньше, тогда все это войско бросается в атаку: бьют друг друга соилями, отнимают скотину, захватывают в плен заложников и делают все, что венчается словом «победа». Кому удалось избежать гибели или плена, спасаются бегством до следующего базарного дня, когда военное счастье может перейти на другую сторону.

Войны кланов

Война эта затихает также внезапно, как она началась, и базар постепенно становится все более и более оживленным и процветает до новой вспышки. Когда идет война, тут уже никому не сдобровать — не попадается.

Например, извозчики, прибывшие на базар из Аулие-Ата, из Ключевки, Дмитровки и других мест могут лишиться своих лошадей и не с кого будет спрашивать: такую лошадь могут зарезать или съесть голодные джигиты той или иной стороны, которые, если не поедят мяса, следующий раз не поедут на войну. Однажды для ликвидации такой войны, продолжавшейся несколько базарных дней, по многочисленным жалобам потерпевших мирных базарных людей, милиция из Дмитровки выслала отряд в 25 вооруженных винтовками милиционеров. Но соильщики не отступали — в результате сражения было убито два милиционера, 7 человек обезоружено и взято в плен, а остальные бежали, отстреливаясь до самой Колбы. И с тех пор милиция сюда не заглядывала. Тут все оставалось по старому. Поэтому с такой уверенностью готовили свои наскоки на Аральское опытное Отделение, бывшее бельмом на глазу у местных феодалов и занимавшее три огромные территории в верховьях Каракольского Таласа, в Пятигорске 25 десятин клеверников и 250 десятин посевных и сенокосных угодий; 1000 десятин в Чибыре и 250 в Талдыбулаке, кроме того, на летних пастбищах Сусамыра.

И несмотря на то, что в Отделении было всего пять штатных единиц, мы сумели успешно противостоять напору этой дикой стихии и из всех схваток выходили победителями, пользуясь внутренней, невидимой поддержкой бедноты, составлявшей подавляющую часть населения.

Баи чувствовали и, наконец, убедились, что с нами они должны продолжать мирное сосуществование и после прорыва их осады, ареста и отправки под конвоем 8 зачинщиков, оставшиеся баи встали на путь примирения и подхалимства. Так один из злейших наших врагов — Токтогул, избежавший судьбы этой восьмерки, устраивал большой той и пригласил меня быть у него в числе почетных гостей. В отношениях у нас были еще свежи события

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

недавнего жаркого прошлого, но отказаться — значит показать, что ты боишься; согласно обычаю — это оскорбление хозяину.

Той

Я посоветовался со своим сотрудником (конюхом), т. Ко-вым и мы поехали; на случай подвоха и самообороны положили себе в карманы, так, чтобы было незаметно, наганы. 15 верст до аула Токтогула нас сопровождал высланный хозяином отряд певцов-ырчей: два кыяка, дудка и пятнадцать поэтов состязались в импровизации, воспевая наши военные успехи в недавней схватке с манапами, на все лады расхваливали коннозаводство, советскую власть — власть народа и выражали свое желание, чтобы Ленин прислал к ним своего младшего брата («Ленин-укасы»); — оказывается этот темный народ, живущий по законам богатых и внешне еще поддерживающий их власть — отлично понимает положение и знает откуда идут новые веяния, что это их власть идет к ним, что им известно как, с какого бока брать быка за рога — дай только срок и нужные условия, и байская традиция, поддержанная «восточной политикой» Сафарова, огнем, мечом и контрибуциями, полетит к черту.

Той был великолепный, со скачками, козлодраньем, обильным угощением. Народу собралось тысяч пять-десять. Это был целый лагерь, раскинувшийся на добрых два километра вдоль Таласа, т.к. приезжие в гости собирались пировать три дня. В большинстве это были новые юрты, возле которых паслись стреноженные кони, часть из них была привязана к юртам за колышки, вбитые в землю вокруг, или просто сбатованы, голова одной лошади к хвосту другой с чилбызами, продетыми через седельные кольца для торочин, и поводьями, замотанными за луку своего седла.

Такие лошади не могут уйти, т.к. каждую за повод будет к себе тянуть другая, и они смогут только кружиться на месте и не смогут «сговориться». Если мухи одолевают лошадей, то они сами подставляют свою морду действию хвоста соседки, которая непроизвольно помахивает им, работая и на себя и на товарища. Часто и в табуне можно видеть лошадей, таким образом пристраивающихся друг к другу, защищая таким образом и свою морду — чужим хвостом, и обмахивая свой зад собственным.

В каждой юрте сидело по 15-20 человек; посреди нее в большом казане варилось мясо. Хозяйка катала тесто на кульчатой. Шли веселые разговоры, гостей занимали певцы, рассказчики или просто весельчаки-острословы, отовсюду слышался громкий смех. Это было хорошее предзнаменование, наши подозрения рассеивались. Бедные и богатые — все веселились, сидели рядом, только тот, кто побогаче — в середине, самые бедные — у порога. Женщины и дети — позади гостей, в ожидании, что им бросят кость, дадут объедки, позволят облизать посуду — деревянные большие чаши — тавак или тогона. Большие котлы стояли также под открытым небом, и вокруг них на козых и бараньих шкурах, на кошмах, коврах и паласах сидел народ. Одни приезжали позже, другие раньше, и их размещали всюду, везде находились представители хозяина, заботившиеся о том, чтобы все были накормлены, приняты, обхожены согласно этикету. В центре всего огромного многотысячного лагеря стояли юрты самого Токтогула. У него была белая большая юрта с богатой перевязью, расшитой красивым узором, входной занавеской из чия с резным дверным косяком с открытым тундуком, из которого шел легкий дымок, распространявший опьяняющий аромат арчи и вареной жирной баранины.

Через весь лагерь нас с большим почетом проводили, под усилившиеся звуки кыяков и хвалебные оды ырчей, к юрте самого хозяина, который оказывал нам особую честь, сам придерживал дверцу и жестом, с поклоном, приглашал в юрту. При нашем появлении все

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

встали: тут был весь цвет байского синклита. Все посторонились, указывая нам место в центре на «туре», где на лежавшем шелковом одеяле была постлана небольшая, но очень нарядная курпача — знак особо высокой чести.

Все сели вслед за нами и сделали «патака» — и мы тоже. Это был сигнал к самой сердцевине праздника: кругом пошли «патака» — значит и те другие вокруг приняли главного гостя. Все очевидно знали, что послали за мной, и если бы я не приехал — это был бы большой урон для авторитета хозяина и «официальные» отношения с коннозаводством продолжали бы оставаться «в состоянии войны». Теперь у всех отлегло, на душе стало спокойно и ясно — со мной больше не хотели ссориться, но и от меня требовали встречных шагов: побежденный ждал почетного мира.

Сопровождавшие нас ырчи (все это была беднота), выполнив свою миссию, имели теперь право на вознаграждение, и им тут же, против дверей белой юрты, на новых черных кошмах и коврах быстро подали дастархан: печеные в казанах мягкие лепешки, боурсаки и круто посоленное, поджаренное, мелко искрошенное мясо, плавающее в бараньем жире — это предварительная закуска к тому барану, который теперь варится для них в подвешенном на огне казане («аскан казан»).

В юрте — бай, самые почетные из них, и рядом, против них — бедняки. Контраст, кажется, никого не удивлял, все было так естественно и просто, но нельзя было не обратить на это внимание: их лица, их одежды, их позы — все говорило о противоположности восприятия событий: в юрте были побежденные, толстые, краснощекие, нарядные, в цветастых халатах и дорогих шапках, с учтивостью в лицах, хотя ненависть у некоторых проявлялась в том особом блеске глаз, который не говорит ничего хорошего собеседнику, большая часть из них не скрывала своего любопытства и разглядывала меня как бы сызнова.

Вне юрты была живописная подвижная лихо сдвинувшая на макушки свои затрепаные тельпаки, распахнувшие черные, дырявые, цвета сухого навоза или верблюжьей шерсти чапаны, толпа «ямаков», оказавшихся в заслуженном почете и имевших вид откровенных победителей.

Разговоры пошли о хороших лошадях, об охотах, о призах для скачек и других мирных делах. Спросили, пушу ли на козлодранья я своих лошадей, просили предоставить их для этого, но отделался тем, что они не тренированы еще и могут надорваться («бузулады»); это с пониманием было воспринято и больше не приставали. Скакунов тем временем порознь то там, то здесь проваживали под попонами, либо на них сидели мальчишки, повязанные по голой голове жгутом тряпицы, что означало, что они готовы к скачкам — и у их лошадей уже были подвязаны хвосты. Невдалеке был привязан за высокий кол с большим набалдашником в виде «редьки хвостом кверху» — под расшитой попоной и в недоуздке, обильно и нарочито пышно украшенном кистями, помпонами и бахромой — верблюду упитанный с стоячими огромными горбами. Назначение его мне стало известно потом и оно было омерзительно. Однако дожидаться скачки у меня не было времени, козлодранье началось тут же, а мы дождались когда готово будет кушанье, чтобы не обидеть хозяина и не покинуть праздник «сухими», не отведав угощения. Получив баранью голову, как почетный гость, я быстро с ней разделался — съев два-три кусочка мяса, остальное раздал собравшимся за моей спиной женщинам, девушкам, ребятам и малаям, которые, отлично зная повадки русских гостей, несмотря на грубые окрики хозяина, лезли и лезли туда — это было их право; знали, что потом им попадет, сейчас они решили идти напролом (сегодня-то они знали, у них из зубов будет что ковырять зубочисткой и по губам будет видно, что они ели «май», т.е. жир, масло) и момент упускать было нельзя. Голова была сверх того, чем еще оделяли гостей: сначала каждому дали по ребрышку, потом распределили мозговые кости, позвонки, лопатки и др., с которых частично было срезано мясо: это мясо мелко

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

наструганное тщательно перемешивали с крошкой лапши и сурпой (юшкой). Этим занимались люди помладше, засучив рукава и держа ножи в зубах, они запускали обе руки в большие деревянные миски, то справа, то слева с большим старанием и долго перемешивали, зная, что в это время на них все смотрят и ждут. Это кушанье называлось «тоураган Эт», т.е. крошеное мясо. Оно подавалось в конце обеда. Распределение мяса заканчивалось десертом: принесли в большом тазу бараний курдюк в полпуда весом и вареную печень. Те же мастера, теперь уже при участии моих непосредственных соседей (у каждого был свой нож) нарезали сало ломтями величиной с ладонь и на каждый такой ломоть клали ломтик печенки — получился очень вкусный бутерброд. После этого можно было выпить чашку наваристой шурпы — и можно было, дождавшись общего «патака», вымыть руки над медным круглым тазом, пропускающим воду через решетки в нижнюю часть этой посуды и вытереть их общим уже довольно засаленным полотенцем, а затем попрощаться и ехать дальше.

Почетный эскорт нас проводил за пределы лагеря, снова были песни, импровизация и добрые пожелания пути. Отведав пищу, мы имели право удалиться, что и сделали, вероятно, к удовольствию баев, иные из которых с трудом выполняли эту тяжелую для них дипломатическую обязанность.

Но пока делать нечего, пока надо уживаться с баями, не будет байской скотины и междоусобной войны — чем им жить, чем поживиться иногда, поесть мяса — будь то лошадиное, баранье, коровье — все равно.

Они еще не представляют себе как будут зарабатывать на пропитание без скотины, которой они не владеют, но когда в тридцатых годах придут колхозы — эта голытьба с радостью их примет, быстро окрепнет и прочно встанет на путь всего общего благосостояния, ликвидации неграмотности, изживания страшных болезней, общественных и бытовых недугов.

Кызылбаш и Карабаш

Кызылбаш был самым богатым человеком в Нижнем Таласе (до Александровского ущелья и перевала Джурга — дальше по Таласу жили казахи). У него было столько скотины, что все остальные баи не имели сообща такого количества лошадей, верблюдов, коров и баранов.

Карабаш — наоборот, считался «бедняком», каким образом он стал главой всех киргизских родов, живших по Чинканскому и Каракольскому Таласу, для меня оставалось невыясненным, а т.к. он — его аул стоял не на пути моих обычных поездок, то я его редко видел. Конечно, он не был «бедняком» — это его называли так по сравнению с Кызылбашем и как сложились эти две «партии», как их называли русские в поселках — выяснить не удалось. Объяснения этого приводились разные, но больше всего говорилось о том, что Карабаш имеет хорошую разведку и всегда в курсе всех событий у противника, всегда на коне, умеет быстро собрать свое войско и устраивает ему обильное угощение, собирает его чаще, чем Кызылбаш, т.к. ему приходится дело иметь не только с Кызылбашем, но и с киргизами и казахами из-за перевала — со стороны Чу, откуда приходят за барантой, больше стычек у него бывает и с саяками (из Кетменьтубе), с которыми Кызылбаш лучше умеет ладить.

По Чинканскому Таласу вообще нет таких крупных баев, как в Каракольском Таласе, но во время столкновения двух «партий» безусловным вождем является Карабаш, перед которым склоняются самые большие забияки из Каракольской долины, которые после общего похода тут же начинают враждовать между собой.

Токтогул пошел на примирение, зная, что Кызылбаш и Карабаш уже были со мной в

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

хороших отношениях и, следовательно, оставалось довести эту линию до своего двора, т.к. мы были по Каракольской долине непосредственными соседями. Конечно, нужно было держать ухо остро, но теперь у меня во всех лагерях было большинство друзей и о всякой ожидавшей меня неприятности меня предупреждали. Передавали через других, чтобы это было незаметно, через табунщиков, через надежных соседей, встречали невзначай по дороге и без всяких усилий с моей стороны вокруг создалось такое прочное кольцо информации, что даже мальчишки верхом на теленке и те привозили иногда ценные сведения: например, завтра нельзя ехать на базар — по дороге засада, будет война; капканщик Убраим поставил капканы в ущелье, куда я иногда ездил стрелять кекликов; бай Р-бек собирается свезти к себе ночью копны сена, которые наши не успели сметать в стога и т.д.

Абдурахман — палван

Самым решительным сторонником нашим с самого начала был Абдурахман — палван. Прозвище «палван», т.е. силач, богатырь за ним укрепилось в молодые его годы, когда он выступал в состязаниях, называемых «саюш». Редко кто решался на такое дело и он был одним из смелых, но однажды ему выбили руку из плеча и он остался на всю жизнь инвалидом, сохранив прозвище. Страшно было видеть «палвана» с болтавшейся как плеть рукой, худого, жалкого человека, которого задавила нужда и голод. Игра эта заключалась в том, что два всадника становятся друг против друга на расстоянии ста-двухсот метров с деревянными пиками и скачут друг на друга, чтобы выбить противника из седла. Хотя всадников одевают тяжелой бронью из нескольких слоев кошмы и плечи лошадей тоже защищены от ударов — поединок часто кончается увечьем — и для всадника, и для лошади. Лошадей для этой борьбы трудно подобрать, не менее, чем палванов. Но призы были самые щедрые — например, 20-30 и 50 баранов. Половину приза забирал владелец лошади, другую получал палван-победитель. Абдурахман имел много побед, но в конце концов стал инвалидом. Теперь Абдурахман не имеет никаких средств к существованию и подкармливается лишь в тех случаях, когда его приглашает какой-либо бай (особенно один был поклонником его таланта), чтобы он развлек его своими разговорами, в которых Абдурахман остроумно издевался над аллахом, позволяя себе такое, что хозяин от смеха катался по полу, смеялся до слез, считая, что пусть он за этот смех понесет какую-нибудь кару от бога, но зато насмеется на запретном богохульстве этого пройдохи, которому конечно уже не миновать вечных мук на том свете.

Абдурахман поражал своей самобытностью воззрений, своими умозаключениями. Это был Таласский Сократ и так же, как Сократ, был неграмотен и не имел достойных учеников, как Платон, через которых потомство могло узнать о нем. Но теперь особенно ясно чувствуешь, что в его логике была сама иллюстрация марксистского понятия об эволюции общественных классов. Абдурахман говорил, что несправедливо, когда баи имеют скотину, а бедняки, если не воруют, то умирают с голода. Их частную собственность надо сделать общей собственностью, но чтобы каждый мог есть по справедливости, нужно создать такой «Конзавод», как наш Аральский. Нужно отменить запрет на свинину, т.к. и русские, и киргизы — все должны есть одинаково; нужно всех учить грамоте, потому что бог обманывает людей и не может всем дать одинаково хорошую жизнь.

«Ленин, - говорил он, - это такой человек, который может отменить все старые законы, и, если бы он приехал сюда, в Талас, то всю скотину заставил бы сосчитать, распределить, люди перестали бы воровать и принялись обсуждать, как развести ее побольше. Надо посоветоваться с русскими поселками, с немецкими и с другими — как умножить хозяйство. Мы не умеем и живем, забившись в пещеру, откуда не знаем как выйти». И этот философ и

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

социолог проповедовал свои взгляды среди баев, которые считали его чудачком и развлекались его рассуждениями, т.к. они были всегда остроумны, остры и так были непохожи на все, что могли говорить другие. Его отрицание байских порядков, за которые он сулил им ад и «дузак» мучения на том свете, хула на бога за то, что он устроил мир несправедливо, наконец, отрицание его способности изменить его к лучшему — все это только забавляло, щекотало мысль, тупик, который меньше, конечно, чувствовали те, кто так или иначе рассуждал о вопросах бытия. За эти разговоры ему платили едой; мулла — татарин, который жил с Абдурахманом по соседству, плевался, встречаясь с ним, когда тот, здороваясь, отпускал едкую шутку по поводу его отношений с богом.

Усман

Другим человеком со смелыми самобытными взглядами на жизнь был Усман — молодой парень, сосед и родственник Абдурахмана. Когда у нас во дворе опоросилась свинья, он очень привязался к пороссятам: помогал их кормить, купать, и очень любил чесать им животы; поросята отвечали ему взаимностью: тут же ложились вверх пузом и, блаженно хрюкая, ждали ласки. Когда за таким занятием его заставляли киргизы, плевались и сообщали, что он сам теперь опоганился — он невозмутимо отвечал им, что маленькие — не поганые, потому что они еще дети, а когда вырастут, станут погаными; с человеком тоже так: ребенок он безгрешен, а вырастет и пойдет ругаться, обманывать и заниматься погаными делами. И своих убеждений он не менял.

Усмана я научил считать простым, но уже арифметическим способом, как это делают лесничии в своих работах по таксации леса: четыре точки располагаются по углам квадрата — счет четыре; затем эти точки соединяются черточками — счет восемь; наконец, противоположные углы соединяются накрест и получается фигура (перечеркнутый квадрат) со счетом десять. По количеству таких фигурок легко изобразить сотни. И вот однажды Усман что-то очень долго сидел на корточках возле поросят и затем с мятым своим тельпаком в руке запыхавшийся и с горящими глазами прибежал, выкрикивая: «десять тысяч, десять тысяч!». Оказывается, он сосчитал, что в помете у свиньи было из двенадцати поросят десять свинок. Он помножил это на десять и получил количество голов приплода будущего года $10 \times 10 = 100$; потом он сотню умножил еще на 10, потом еще на 10 и получил то количество скота, которое получится у хозяина, если он будет разводить свиней через три года. Это его привело в такой восторг, что он не находил себе места и пришел к самому общему вопросу — почему арифметика дает человеку возможность хорошо устроить свою жизнь, а люди кругом бедные — русские живут лучше в поселках потому, что они грамотные и свиное сало едят. Мечта стать богатым завлекла его своими радужными перспективами: он сделал себе книжечку из нескольких листов с надписью «дебет» и «кредит» (в канцелярии у меня оказалась такая старая, неиспользованная книга), пришел себе на свою довольно еще новую вельветовую курточку боковой карман, обзавелся огрызком химического карандаша и постоянно носил все это при себе. Усман был отличным математиком. Как жаль, что он был неграмотен. Через некоторое время как раз по кармашку ему пришлось зеркальце: оно перекочевало к нему из моего походного багажа — оно мне было не нужно — т.к. я брился без зеркала, а бритву постоянно возил с собой, т.к. нужно было бриться чрез день-два. Он очень любил смотреться в зеркало, уверяя, что его считают за русского (у него были каштановые волосы и голубые глаза), втайне мечтал о золотом зубе во рту и прическе, однако, эту прическу ему никак не удавалось вырастить и, если одну пятницу он как-нибудь пропускал, то в следующую его обязательно обреет аульный цирюльник, делавший это бесплатно, считая, что хоть этим он может заслужить у бога зачет, чтобы попасть в число

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

праведников.

Усман знал много песен и под свой «четмек» (маленькую самодельную балалайку) вдохновенно их исполнял. Если я бывал дома, он обязательно приходил с балалайкой — это означало, что он готов сегодня много петь и его не надо было уговаривать. Песни были очень мелодичные, например:

«будурман тоудын арджаш
архарлар ужшоб келекалды...»

или

«Кырчи, кырчи, кырчи тал
Кырчи талга джилкын сал...»

На Чылбазаре у меня был еще замечательный артист, Маскара, узбек по национальности, который добывал себе хлеб тем, что по базарным дням готовил плов в компании торговцев-узбеков и занимал их представлениями. Это было забавно, интересно и так увлекательно, что он был нарасхват.

Смерть Ленина

О смерти Ленина мы узнали от человека, который ездил в Масловку за зарплатой в первых числах февраля. Надо было отметить это горькое событие, и так, чтобы наши сторонники еще больше почувствовали, что противопоставляя себя баям, они на правильном пути.

О том, кто такой Ленин, вождь пролетариата, они знали лучше меня, т.к. знали это классовым чутьем.

В ближайший базарный день на Чатбазаре, где теперь, с наступлением НЭПа стали много продавать мануфактуры, мне удалось купить красного ситца 20м, какой обычно берут на женское платье, и 5м черного «трико», т.к. другого не было. Из этого материала мы сделали 53 флажка с черной каймой. При содействии Абдурахмана, Усмана и др. активистов, объявили в ближайших аулах, что устраиваем в память Ленина шествие на гору, где зажжем большой костер; что каждый должен запастись древком для флажка длиной в два кулача (5 аршин — по длине казачьей пики), древки надо было окрасить в красный цвет (в окрестностях Пятигорска добывалась красная глина, если нет краски), которые поступят в их собственность после траурного шествия, и связку сухого хвороста. У нас не хватало седел для лошадей: достали на один день 8 седел, у нас было своих 7, а следовательно 38 человек должны были ехать без седла. Но энтузиазм превзошел всякие ожидания: многие по своей инициативе приехали на лошадях, выпрошенных ими у баев, у родственников, с красными пиками в руках, и были вне себя от гордости.

Мой двор при штаб-квартире теперь превратился в мастерскую; каждому по списку (для контроля материала) выдавался флажок, чтобы он сам прикрепил на свою пику-флагшток. Но тут же я решил, что надо будет к этим флагштокам привязать лямки, чтобы можно было продеть ногу (в стремя) и так же руку — куда иначе всадник денет эту пику, когда будет салют из ружья, если он, как пику, не закинет его за спину. На это я решил израсходовать лошадиную шкуру, на которой мы, под руководством немца учились выделывать сыромятину. Теперь она пригодилась. Шкуру порезали на ремни и так же выдавали по списку. Когда все было готово, построились и начались упражнения. Я раздал 27

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

винтовок, которые хранились у меня в штаб-квартире, и по 1 патрону каждому, с условием, что винтовку передают после выстрела соседу, кроме меня. Надо было видеть, то чувство благодарности и воодушевления, которые выражали их лица, молодецкие позы перед ревнивыми женщинами, воодушевление, которое они, природные конники передали и своим коням.

Всадники теперь часа два обучались строиться, заряжать по команде «заряжай» и стрелять по команде «пли», и все без страха щелкали затворами — оказывается, все это умели делать.

Когда стало смеркаться, зажгли коптящие факелы (свитые из рогожи жгутом, пропитанные маслом и керосином) и, построившись в колонну по два, ружья за спины, с вязанками хвороста, и двинулись на гору.

Непредвиденный эпизод: приехало несколько женщин верхом на лошадях и с красными пиками в руках и потребовали, чтобы им тоже выдали красную материю. Я не предвидел этого, но т.к. это было искренним порывом на призыв, я им сказал: для Ленина мужчины и женщины все равны, вы правильно сделали, что приехали, спасибо вам, но сегодня позвольте вашим мужьям «взять голову» этого события, т.к. они привычнее держат ружья в руках (тут я решил, что дам ружья для салюта строго). Но на будущий год будут большие знамена по 2 метра красного гамзола каждое и с двумя черными лентами — они будут в руках 54 женщин, т.к. Ленину от рождения исполнится 54 года. На этом женщины успокоились, но пик не бросили, издали наблюдая за новым отрядом красной гвардии, в рядах которых были их мужья и знакомые.

Когда немного стемнело, над Пятигорском на горе был зажжен большой костер. Вся местность внизу видела это и, несмотря на глубокий снег в полметра и мороз с ветром, разносивший искры костра далеко вниз, многие присоединялись к нам, т.к. заранее знали о готовящемся. Я сказал у костра: «Ленин умер. Весь мир оплакивает его. Если до солнца 150 миллионов «чакрым» (мера длины) километров — на сколько хватит голоса, то в эти дни на солнце слышно, как плачет Земля — вы видите, что вот уже десять дней пасмурно и холодно и солнце закрыто тучей. Вы хотели, чтобы Ленин приехал в Талас и указал, как жить бедноте, — давайте по очереди сделаем 53 выстрела в его память из винтовок, чтобы тот, кто держит ружье и красный флажок с черной каймой, сказал этим Таласу, что он младший брат Ленина, и Ленин останется навсегда у него в груди». «Пролетар! Быз пролетар», — отозвались в толпе. Выстрелы один за другим накаляли воздух, лошади бесились в страхе, женщины пригнулись в седлах.

Когда все смолкло и успокоилось, я объявил, что сейчас мы поедем к штаб-квартире, сдадим оружие и лошадей, а кто окажется пешком — пусть соседи развезут всех по домам — и полным карьером, наперегонки с гиком и визгом поскакали вниз. Закончили проверку. Все снова бросились вскач и состязания по стягиванию друг друга с коня со своими теперь уже собственными флажками. Жаль, что все это было очень бедно обставлено, даже барана зарезать и накормить людей было не по средствам (их набралось бы свыше 100 человек), но все же над Таласом горел костер, сложенный руками самих этих людей, в груди у которых столько жажды хорошего будущего.

Но конники с флажками на красных древках, иные по двое на лошади, все еще толпились, не разъезжаясь, хотя и продрогли порядочно, и было темно и холодно, только у меня в комнате горела «десятилинейная» керосиновая лампа, и можно было различить только тех, кто попадал в полосу и без того слабого свечения и загораживал его. Чувствовалось, что теперь это не просто красные тряпки на древках, которые рассчитывали получить себе на заплату кедей, не имевшие средств купить их себе, но что это еще витало возле них гораздо более возвышенное. Женщины тоже не разъезжались; угощать их было нечем. Я сказал:

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

«Сегодня мы еще бедны, и я не могу предоставить вам союш, но вы зажгли такой костер, который отныне должен освещать вам путь, и вы сделаете свою жизнь богатой и приятной; все мы будем жить вместе, русские и киргизы и поможем друг другу сделать жизнь другой, чем ее могли устроить баи, завладевшие всем богатством и у вас отнимавшие последнее. Завтра утром мы встанем без Ленина, но мы зажжем в его честь костер, который не потухнет среди народов всего земного шара, потому что Ленин говорил то, что мы только чувствовали, но сказать не умели. Пусть будет ваша дорога благословенной. До свидания. Яшасын Ленин, яшасын пролетар!» И «яшасын», которое казалось таким «казенным», оказалось тем, без чего нельзя обойтись. Все разъехались довольные, одухотворенные какой-то новой идеей, которая теснилась в груди у каждого, но теперь она как-будто стала осязательнее и понятней. Сколько они мне доставили радости!

И особенно приятно было видеть спустя много времени, что эти флажки на красных древках в юртах не сразу пошли на столь нужные заплаты, а сохранялись в память этого дня. И многие еще приезжали из отдаленных мест (по пути на базар) и спрашивали, что это за костер горел на горе и не нужно ли красных соилей (за которые, как они поняли, можно получить кусок красного ситца — газмол).

И я научился здесь от них большему, чем знал из книг. Если так глубоко в чувствах этого темного народа живет искра Ленина и так свободно прорывается наружу его энтузиазм, то ведь это несметная сила, которую не затушить и не погасить ничем, а если дать ей действовать, подсказать путь, то ведь с ними можно всю землю насквозь пройти и строить общество, в котором действительно больше не будет ни попов, ни собственников, опозоривших нашу прекрасную Планету, насадивших рабство, голод, позор женщины, заразные болезни, чесотку, эксплуатацию. Но каков-то будет путь к удалению из общества этих его язв!

Как будущему художнику, мне в тысячу раз важнее увидеть чувства людей, знать о них, чем выполнять заданный ритуал с трибуной и с транспарантами, которые я почему-то воспринимаю рассудком, но не чувством. Конечно, в этом мой недостаток, из-за которого я никогда не стану чиновником и карьеристом. Мне хочется сделать иногда даже наоборот, чтобы получить реакцию чувства. Это действительно для меня дорого, и я бесконечное число раз должен это делать.

Базарлык

В летний период, когда скотина ушла на Джайлау, что было можно посеяно, долина Таласа замирает; мужья стремятся вырваться попить в прохладных горных местах кумысу, поживиться на дармовщинку мясом, заночевать где-нибудь у свободной жены, проводившей своего мужа на ту же козью тропу, по которой едет ее теперешний гость. Женщины с ребятами остаются одни — и тут они становятся по своему предприимчивыми и рады каждому случаю позабавиться, попроказить, чтобы скрасить однообразие жизни, нужду и вечную скованность домом. Муж может вернуться и через неделю, и через месяц. С летовки приезжают на базар по праздникам, и в эти дни в аулах, где одни женщины, бывает кое-какое развлечение, если кто привезет базарлык и заночует. Тогда в эту юрту стекаются все соседи — разделить базарлык, помочь угостить гостя, услышать новости. Но в другие дни — полное затишье, стирка, катание кошом, выделка шкур, плетение арканов, вышивка — все на шее женщины. Когда женщины одни, они снимают с себя платье и стирают нагишом, т.к. переодеться ей не во что. Одно и то же платье в разноцветных заплатках носится до тех пор, пока оно может еще держаться на плечах, и лишь когда она не в состоянии закрыть все свои стыдливые места, муж соглашается ей купить 5 метров материи на новое. Купив ее на

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

базаре у торговца, он не складывает, а мнет ее комком и запихивает в свой куржум, и если по дороге измажет его маслом или керосином — то на это никто не обращает внимания. Сшитое платье никогда не гладится. Кроме платья нужны еще и штаны — но сразу такой покупки не делается — подождет.

В воздухе стрекочут цикады, воздух, напоенный жаром, неподвижен: на лужайке у реки стоят юрты; рядом — у старицы, занесенной песком, теплый пляж; можно развесить по кустам и по камням выстиранное белье, а самим залезть в согретую солнцем в заливе воду и наслаждаться покоем и бездельем.

Такую картину я и застал однажды, возвращаясь из Дмитровки на бричке. Не доезжая дома 5-6 километров, я обнаружил, что на заднем колесе постукивает шина, надо было ее укрепить, подбив клинышками, а то еще разболтается и спадет: колесо рассохлось, надо будет его замочить, а пока достать инструмент, и, чтобы не держать лошадей на солнце, свернуть в сторону и остановиться в тени, там и вытесать топориком клинья. Занятый делом я вдруг оглянулся: за моей спиной, подкравшись босиком, разглядывали мою работу несколько совершенно голых женщин, а из-за обрыва снизу спешили еще другие, кокетливо смеялись и, закрывая темными руками почти классическим жестом Венеры Милосской места особо стыдливые, и спереди, и сзади.

Что значит весь мир опустел: в долине ни одного мужчины — ни одного! Все — на джайлау, пьют кумыс, кочуют от юрты к юрте, с тоя на той.

Сгибаясь над моей спиной, они смотрели на мою работу через мое плечо, и, чувствуя их быстрое дыхание над ухом, я совсем упустил из виду, что у меня ведь есть базарлык, за которым они так и спешили, пренебрегая даже собой. Наконец, одна из самых бойких спросила — а где же «базарлык»? Почему «заведующий» не угощает их — они так торопились, боясь, что он уедет, а он молчит!

Тогда я, подавляя свое смущение и чувствуя полное одиночество и беспомощность, приоткрыл кошму и достал ведро с яблоками: самая старшая из них, с ребенком на спине, быстро завладела ведром и принялась оделять всех — и взрослых, и детей, соображая кому какое дать и сколько. После этого все весело побежали на свой пляж. Конечно, если б был хоть один мужчина в ауле, они не смогли бы позволить себе такую шалость. Из-за кустов выглядывали те, которые не получили, но которым очень хотелось быть с ними вместе.

Если базарлык привозят только в одну юрту, то между всеми обитателями аула он непременно делится: если достанется одна урючина — и ту делят пополам. Если приезжает гость. О на угощение в эту юрту собираются все. Если в одной из юрт готовят кумыс, то уже на рассвете все собираются сюда, чтобы его распить. Детям на день оставляется только один чанач, и тот идет на угощение, если кто невзначай останавливается здесь до полудня — позже его все равно выпивают. Ребята, играя друг с другом, могут оказаться в другой юрте — и там их покормят, как своих детей.

Были и среди женщин вояки, которые, завладев каким-либо транспортом (бычок, жеребенок), отправлялись самостоятельно и даже с ребятами тоже на кумыс, а дом оставляли. Кошмы, постель, весь свой немудреный скарб крепко-накрепко увязывали арканами, складывали в кладовую, вешали замок или просто припирали от скотины дручком — и больше не беспокоились в долине никого, кроме одиночных джашаков — этих бедняков, разобщенных друг от друга расстоянием в 10-20 верст.

У иных были верхом на спине грудные ребята, а постарше весело бежали голые, ничего не закрывая.

Лишь одна-другая успела захватить какую-либо тряпку и считала, что она в сравнении с другими справилась со своей задачей отлично.

Впавшие в нищету аулы, однако, продолжают жить беспечно, не заботясь о том, что у

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

них будет на зиму. Вся скотина — под открытым небом, запасов никаких. Только свою верховую лошадь хозяин старается обеспечить, но как?

Однажды Убраим мерген пригласил меня на охоту. Я приехал к нему, когда снега было до полуметра. Лошадь его стояла под открытым навесом. За сеном он отправился на гору, метров за 300, где на крутом склоне возвышался утес, а на утесе — мастерски вывершенная скирда хорошего сена в больших снопах — всего снопов 300 — это на всю зиму. Кроме лошади, у него была корова с телянком и три козы. Сено получала только лошадь. Если к весне будет гололедица, то скотина вся передохнет; а джут повторяется часто и иногда принимает затяжной характер.

Так живут и другие, считая, что если во всем ауле погибнет скотина, то так должно быть и с его хозяйством.

Охота на кабана

Прошло два года. Объявлено было об организации Киргизской автономной области в составе РСФСР, с центром в Пишпекке, теперь уже Фрунзе. Лошадей отогнали на Масловку по приказу управляющего заводом.

Зимой я приехал сюда на охоту. Исенбай дал мне двух спутников, опытных в охоте на кабанов, т.к. они участвовали с русскими на этой охоте.

Мы отправились верхами в горы. У места охоты спешили. Лошадей взял один из спутников, ехавший теперь вдоль ручья. Я пошел серединой склона горы, а другой мой спутник полез выше. Склоны горы представляли собой длинные километровые осыпи, перемежающиеся зарослями стелющейся арчи, оврагами и кое-где выступающими скалистыми грядами.

Я заметил на снегу крупный след кабана, настолько крупный, что мне все казалось, что это след быка, но отпечаток давал явные доказательства, что это именно кабан: по обеим сторонам копыт были вмятины задних отростков. Следы шли через овраг в заросли. Сверху иногда доносились звуки катившихся камушков и шуршащей осыпи — это вверху, в полукилometре от меня шел Джунус, мой товарищ. Кабан, очевидно слышав этот шум, вышел из своего укрытия и теперь стоял, вглядываясь в мою сторону. Я стоял неподвижно и медленно, чтобы не спугнуть зверя, поднимал ружье. Расстояние было шагов 140 через овраг. Ружье у меня было превосходное — Гускварта. Прицелившись, я выстрелил. Звук выстрела громом развалил ущелье. Кабан вышел на хребет оврага и пошел вверх, подставив всего себя под выстрел. Очевидно, я промахнулся, но куда прошла пуля не заметил. От второй пули у кабана поднялась щетина на спине, он упал на колено, но тут же поднялся и пошел вверх — туда, где находился мой товарищ.

Я пошел преследовать. Кабан залег невдалеке. Я видел, как мой товарищ, забравшись на скалу, установил на сошки свой «мылтык» и долго метится. Его собачка кружит вокруг раненого зверя и заливается лаем. Когда я подошел уже довольно близко, мой товарищ выстрелил с расстояния, явно недостаточного для его, хотя и дальнобойного, ружья. Кабан бросился бежать вниз, обходя меня стороной, густыми зарослями. Мне стрелять не удалось. Раздосадованный трусливым поступком Джунуса, я выругал его за трусость. Он оправдывался тем, что кабан очень большой, и что он целился ему прямо в лоб. Я помчался вниз по насыпи вслед за кабаном. Против того места, где, как я заметил, кабан залег, я должен был остановиться, но осыпь двигалась, мои ноги погружались временами чуть ли не по колено и остановиться было невозможно — я стал выбираться на край, и тут нога уперлась в ствол арчи, присыпанный камнями — кабан бросился на меня. Выстрелив в неудобной позе как-то сбоку, наугад, я все же угодил ему в шею, под рылом. Счастье мне сопутствовало:

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

кабан вскинул голову в расстоянии одной четверти от моей руки и повалился на осыпь, которая его и понесла вниз на самое дно ущелья. Я провожал его взглядом, переживая все, что тут было. Туша его была так тяжела, чтобы втроем не смогли сдвинуть ее, чтобы завалить в яму, выкопанную в снегу. Тогда один из моих спутников сел на лошадь, взял аркан под ногу — и тогда мы его стащили с места. Внутренности зарыли поодаль, а над кабаном на снегу я положил попону и стреляные гильзы, чтобы отпугнуть хищников. Больше мы ничего не убили в эту охоту.

Через три дня, вернувшись за кабаном, погрузили мясо на трех лошадей, а сами шли пешком, держа их в поводу. Мяса оказалось 18 пудов, клыки были толстые длиной в две четверти-четверть снаружи и четверть в челюсти.

Таких кабанов мне больше не приходилось убивать, хотя на моем счету их более сотни. И мясо не было жирным. Если бы такой кабан откормился на арслан-бобских орехах, в нем были бы все 25 пудов. Такие гиганты теперь уже не водятся, т.к. у них уже нет спокойной жизни, слишком много их преследуют охотники, и кабаны, водившиеся тогда в этих местах тысячами, теперь встречаются лишь единицами.

«Джезтырмак»

Осенью того же года была у меня одна охотничья поездка в урочище Данги. Мне рассказывали о нем легенды. Это ущелье было на южной стороне Таласского Алатау — на Кетменьтюбинской стороне. Мы отправились втроем. Мне рассказывали, что там — нетронутая сторона, настолько дикая, будто там водится «джезтырмак» — местная разновидность легенды о «снежном человеке». Но по киргизским поверьям это — оборотень, имеющий медную пасть и медные когти (отсюда и его название — джез-тырмак — медные когти), он приходит к закоченевшим в пещере охотникам, прячет нос и руки в халат, высматривает и, когда все уснут, подходит и душит человека.

Рассказы эти полны подробностей настолько конкретных, что какая-то тайна щекотала воображение. Называли родственников погибших от джезтырмака, но говорить с ними об этом мне не удавалось. Я решил проверить — откуда быть?

И вот мы перевалили хребет и перед нашим взором открылась чудесная многокулисная панорама Чичканского ущелья, переходящего в голубой дымке в Кетменьтюбинскую долину, а за ней маячил уже Ферганский хребет, а за ним моя благословенная Фергана...

Я знал географию местности по карте, изучал ее с детства, с 9-ти летнего возраста, когда меня отец впервые взял с собой на Алай. Смотрел вдаль и узнавал: там прорывает хребет р.Нарын, там перевал Карауль; слева — соляные горы, Сусамырский хребет; внизу справа — ущелье Итагар, черневшее своими еловыми лесами и малинниками; за ним ряд боковых ущелий и речек, впадающих в Узунахмат, правый приток Нарына, а за ним — Чаткал, дивной красоты горы, озеро Сарычилек, перевалы Кумбель, Афлатун, затем Падшаата... То, чего не было видно, дополнялось воображением, воспоминаниями.

А внизу, под перевалом было короткое, крутое ущелье, заросшее дремучим лесом и кустарником. Отвесные склоны, с пропастями, спускались к р.Чичкану. Мы ехали по водоразделу, поросшему косматым типчаком, совершенно нетронутым скотом. Все было девственно. Чуть не под каждым кустиком берега гнездились кеклики, на тропах следы козлов, эликов, кабанов, барсов, медведей, барсуков, лисиц, дикобразов, уларов. Кружилась голова от попыток представить себе всю эту массу зверя и птицы.

Мы спустились к березовой рощице. Мои спутники вырезали себе несколько невероятно длинных шестов — они за этим и ехали сюда. Другая наша задача была в том,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

чтобы проследить, куда ушел медведь, раненый охотниками по ту сторону перевала накануне. Следы его мы нашли, но преследовать было поздно: спускался вечер. Мои спутники заспешили в обратный путь, сказав, что здесь ночевать нельзя, никто не остается на ночь, т.к. здесь — джезтырмак. Я остался один, романтика эта мне нравилась, а что такое джезтырмак — надо было проверить.

Перевалив в соседнее ущелье, где нашлась более или менее подходящая площадка для спанья, я расседлал лошадь, привязал ее на траву и не стал разводить костра, чтобы не перепугать зверей и наблюдать за ними, не нарушая их обычного порядка. Солнце еще не успело скрыться за хребтом, как я увидел уларов, спускавшихся на ночевку. Их были сотни. Они пели, свистели, гонялись друг за другом, клохтали и вели себя так, как могут себя вести вольные птицы на своем «базаре». Бродили барсуки, пробирались пугливо косули — я их видел шагах в 20-30. Внизу были отвесные скалы, откуда на пастбище выходили с одной стороны козлы, с другой — козы с козлятами, но держались поодаль друг от друга. Козлы ушли дальше вверх, к снегам, и я потерял их из виду. Их было стадо штук в полтораста. Стада кабанов цепочкой поднимались на перевал, другие, как оголтелые, с фырканием и визгом летели вниз попить воды, устроили целый обвал, и пыль столбом поднималась там, где они скакали, предвкушая сочную траву и корни. Внизу виднелась черная земля, распаханная ими накануне — целый гектар; до этого места было с километр. Вероятно, это был «саз» с сочной мятой и другими любимыми кореньями.

В завершении всего из зарослей стелющейся арчи вышел медведь, солнце еще бросало лучи на его морду — белые пятна на шее были золотистыми. Остановившись шагах в 150, он долго смотрел на меня, то пригибаясь, то поднимая голову, густо сопел, но не поверил своим глазам (ветер шел от него) и в перевалку, но все же очень проворно отправился в заросли смородины, переходя ручей, вдосталь напился, как домашний. Все его поведение было необычным.

Ружье не поднималось. Это не был раненый медведь, которого я искал, а нового портить не хотелось, расстояние не позволяло сделать верного выстрела.

В смородине он сел возле самого ясного куста, обнял его и принялся пастью собирать ягоды, загребая их вместе с листьями, ломая ветви и поглядывая туда и сюда, высывая малиновый от ягоды язык, ерзал задом, гудел от удовольствия. Ел он долго и жадно, иногда поднимаясь, и тут же вновь подсаживаясь поудобней, как бы боясь упустить момент. Кусты после его ухода выглядели плачевно: экая неблагодарная скотина! Так здесь все было красиво, цельно, девственно — и вот целый погром, безобразный и чудовищный. Оставив это место, он с большой ловкостью и быстротой спустился по скалам на дно ущелья (там не пройдет ни человек, ни собака) и, минуя такие же площади смородины и малинника, ушел вниз. Была какая-то целеустремленность в его движениях, хотя он временами останавливался, приноживался, искал что-то под камнями и затем очутился на другой стороне Чичканского ущелья, пройдя километра три, полез вверх — и там долго сидел возле арчи, поглядывая на нее то с одной, то с другой стороны. Очевидно, там были пчелы, и он обдумывал, как к ним подобраться.

Стало темно, и мне не удалось дальше наблюдать за ним, а «сходить» туда, где он работал ночью, не удалось, но треск дерева и его рев недовольный прекратились перед самым рассветом. Вернулся домой он вероятно очень поздно, или залег на день где-нибудь по соседству. Может быть его застиг запах врага, т.к. ночью ветерок идет вниз — унюхав и определив обстановку, он решил не рисковать. Следов его больше не было, а утром я уехал в другое место.

При таком обилии дичи и чувства охотника становятся иными: хочется больше смотреть, чем стрелять, хочется насладиться эстетически и не бояться упустить момент.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Ночь прошла спокойно, только лошадь пугали звери, топтавшиеся здесь стадами. Утром я видел, как в этом ущелье разместились на дневную лежку стада кабанов — одно стадо голов в 15, другое в 30-40 голов. В кустах их трудно было сосчитать точно. К концу дня поросята, не выдержав, выскакивают и самостоятельно, невзирая на предупредительный низкий грудной бас своих мамаш, неслись к воде, обгоняя друг друга, и, напившись, уже не хотели возвращаться на лежанку, а подняли кутерьму, визжали, копали носами берега ручья, чавкали и выражали свое нетерпение. Немного погодя из кустов вышло все стадо и, понюхав воздух, посмотрев в мою сторону, сначала медленно, а потом уже карьером двинулось к воде. Запрудив спинами все дно ущелья, перехватывая друг у друга воду и вытесняя более слабых с удобной позиции, многие уже развалились, стремясь охладить жирные бока холодной, как лед, водой, вода стала мутной и грязной, камни и камушки ручья вместе с мхом, водорослями и береговой глиной превратились в месиво, которое шуршало, гремело под ногами. Эта вакханалия первого водопоя после дневного воздержания была вне всякого целомудрия и порядка. Следы его обезобразили всю эту сторону, и, когда все смолкло, а табун, мучимый голодом, умчался вниз, сотрясая землю, наступила такая тишина, будто сама природа хотела прекратить свои собственные грехи, за которые было стыдно, предать забвению то, что натворили ее дети. Все это скоро само собой придет в порядок: камни улягутся на дно, обрастут мхом, на месте вывернутых корней вырастут новые, муть в воде осядет и запах, оставленный телами, испарится, грязь засохнет и пятна исчезнут. Природа вновь преукрасится, т.к. неизменно ее стремление все подчинить закону порядка, логики, красоты и симметрии.

Раненого медведя мне удалось найти лишь на следующий день к вечеру, но он ушел от меня прежде, чем я его заметил.

Вернулся я из Данги лишь с одним уларом, но зато вместо тайны теперь было предметное знание, знакомство с одним из исключительных уголков нашей земли, где царство зверя, и куда человек не решается пойти, охраняя этот заповедник, себя, созданной им же легендой о джезтырмаке. Этот охотничий рай так богат дичью и девственной красотой, что напрашивается слово «заповедник» в самом поэтическом и почти легендарном смысле. Но, вероятно, здесь и сама земля содержит какие-то особые данные к плодородию: очень крупная смородина и малина, типчак отрастает на полметра, береза, тяньшанская ель, арча тянутся вверх, как свечи. Благодаря крутизне падения, смена растений и содружества поразительны: в верхней части ущелья растет тяньшанская ель, ромашка и типчак, а внизу на южных склонах — барбарис, пырей, мята и другие растения, принадлежащие другой зоне.

Уезжая отсюда, я обещал себе еще вернуться сюда и пожить здесь подольше. И приезжал неоднократно, хотя никто мне не составлял компании. Последний раз — по дороге в Фергану. Здесь я добыл очень крупного архара и, провялив мясо и набив им полный курджум, питался им всю дорогу, угощая даже еще им своего приятеля, которого нашел в Джелалабаде. Из черной смородины нажал соку. Он оказался почему-то кислым (а смородина на вкус сладкая) настолько, что на чашку чая и ложку этого сока приходилось класть сахара едва не пол стакана. Но это был чудесный ароматичный напиток.

Студент из Ленинграда

На следующий 1925г. Меня пригласил на лето к себе на джайлау мой знакомый Иманали Саррсакал. Один из его «туганов» решил пойти сам с баранами на высокогорные сусамырские пастбища, чтобы лучше откормить их к зиме, а 10 дойных кобыл и большую юрту оставлял в верховьях Таласского Чичкана; на бараньих пастбищах лошадям нечего есть — очень высоко. А здесь в Чичкане для них раздолье.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Плоские обширные пастбища все в цвету, обильные водопои, хорошие подъезды; отсюда и на базар недалеко — километров 50 по хорошей ровной дороге.

У меня был мой гнедой конь — Торы-батыр, которого я купил, когда уволился после ликвидации Арала.

Так как ко мне относились во всех аулах с уважением, то хозяин рассчитывал, что это поможет сохранности лошадей: воры не тронут и от баранты безопасно.

Он имел в виду всех хишаков, куйонов и дунёков (годовиков, двух и трехлеток самцов) продать в Андижане, а, вернувшись, на эти деньги купить двойное количество саулыков (овечек). НЭП создал к этому условия (прекратились реквизиции и конфискации, продрозверстка заменена продналогом).

Кумыс с десяти кобыл поступал таким образом в нашу пользу. Чего же лучшего можно было ждать?

Я пригласил из Ленинграда к себе одного знакомого студента, у которого с легкими было неблагополучно, и врачи ему советовали пить кумыс. Он вскоре и приехал. Увидев утром стаю прилетевших уларов, от тотчас взял ружье и пошел охотиться. Вернулся с пустыми руками: «расселись по скалам, откуда ни зайду, они меня видят, предупреждают других, и они улетают». Так его охота продолжалась изо дня в день две недели. Он значительно окреп, загорел, чувствовал себя настолько бодрым, что... начал ухаживать за киргизскими девушками. Я предупреждал его, что в Таласе по данным комиссии, обследовавшей население — 90% больных венерическими болезнями. Он уверял, что предмет его вожделения — девушка «кровь с молоком» — не может быть больной. Да и все кругом такие цветущие, здоровые. И вот на вечер у него было назначено свидание. Она — жена молодого чабана, который со стадом находится в горах. Днем она приходит ко мне в юрту и просит посмотреть ее горло — она лечится ртутью, но ей не помогает (ртуть пережигают на железном противне и порошок съедают). При этом обязательно заставляют «пить воду», человека на 10-20-30 дней лишают пищи и дают только питье: на казан кипяченой воды — ложку молока. На воду сажают при любой болезни. Очевидно целебность этого приема подметила киргизская народная медицина, если так упорно им пользуются. Хотя это и ослабляет организм, но возможно, что организм, сам противоборствуя, получал импульс или стимул для мобилизации всех своих жизненных сил и освобождения от чего-то лишнего, выправляет дело.

Начисто отвергать этот метод не следовало бы, а лучше его изучить во всех аспектах с точки зрения современных научных знаний. Ведь наши знания законов природы всегда относительны, а древние люди знали много того, чего мы еще не знаем. В живописи мы, например, до сих пор не знаем, почему живопись 400 летней давности выглядит свежее, чем наши картины, написанные недавно. Технология эта стала заметно падать с конца 18 века (с Пуссена). Почему? Если связующее — сделайте такое связующее. Мы просто говорим, что это нас теперь не интересует. А не опасно ли такое высокомерие, и не приведет ли оно нас к посрамлению и в другом? И поэтому, многих уже привела, по крайней мере футуристов, произведения которых завтра уже потрескались, и потухли, и потеряли все, на что даже могли рассчитывать сами авторы.

Я исполнял обязанности врача в ауле, имел такие лекарства как борную, сулему, йод, аспирин, хинин, мазь от ожогов, от чесотки, керосин, бензин, марлю, вату и т.д., то есть то, что берешь с собой в дальнюю поездку. Утром к нам приходили в юрту пить кумыс со всего аула — пили как обычно из одной чашки, которая обходит круг по несколько раз. Тут мой приятель стал подставлять свою эмалированную кружку отдельно и вызвал к себе неуважение — он ими брезгует. Над ним смеялись. За взрослыми смеялись мальчишки: подсаждают ему лошадь так, что на подъеме подпруга рвется, седло скользит на хвост

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

лошади, она поддает задом, и наш неудачник, не научившийся даже седлать за это время, летит под гору к удовольствию ребятишек, собравшихся посмотреть на этот номер.

Ему не стало прохода. Он резко изменил свое поведение и это его окончательно изолировало.

Вместо поправки он начал быстро сдавать, преследуемый мнительностью, потерял сон. Тогда он решил уехать. На прощание я ему убил улара, которого, как он писал, привез в Ленинград и там угощал друзей. Убить его было вовсе не трудно: каждый день на рассвете они появлялись над аулом, рассаживались по скалам, а затем, успокоившись, уходили парами на роскошные луга, покрытые разнотравьем и цветами. Эта царственная птица питается в это время цветами ромашки и других высокогорных трав. Только крайняя ненаблюдательность, послужившая поводом к насмешкам даже со стороны ребятишек, и могла привести к этим курьезным его охотничьим неудачам. Надо было только понаблюдать, куда уллары идут отдыхать на дневку. Для этого они искали тень на склонах, обращенных к северу, и там под камнями мирно дремали. Подойти к ним в это время дня можно было на несколько шагов, если, конечно, двигаться осторожно.

Этой осторожности и знаний у него не хватало все эти полмесяца. Убитый улар был крупным самцом, достойным представителем этого семейства «горных индеек», как любовно называют этих птиц за их крупные размеры и нежное, вкусное мясо.

Тяньшанский улар несколько крупнее памирского, в его оперении больше темно-коричневых красок в сочетании с пепельно-голубыми, чем ржавых и красно-серых тонов, как у памирского и южно-гиссарского. А на юго-западе Гиссара — в хребте Ходжа Гургурата, Кетменьганты и далее на юго-запад — эти птицы становятся еще меньше, как кеклики, напоминающие больше цыплят, чем взрослых птиц Тяньшаня.

Искания в живописи

Живя в этих местах, я часто выезжал в Данги, поднимался на гору Нурали-тау, откуда рисовал обширную картину ущелий, гор, лесов, горных озер, осыпей. Однажды, спускаясь по длинной осыпи этой горы в сторону Чичкана, пытаюсь нагнать катившегося вниз убитого архара, я чуть было не свалился в пропасть: пот, затекая в глаза, мешал зрению, и всего за три-четыре десятка шагов я различил конец осыпи. Приложив отчаянные усилия, я выбрался к скале, стоявшей на краю пропасти, и долгое время не мог прийти в себя.

Стучала кровь в голове от жажды, и глаза нечем было промочить, соль разъедала их. Когда я был в полном изнеможении, надо мной появились грифы, намереваясь сбить меня в пропасть. Затем они воронкой с резким свистом и шумом мчались все мимо меня: внизу лежал архар, которого они растерзали за 2-3 минуты. Мучимый жаждой я перевалил гору — водораздельный хребет между Чичканом Кетменьтюбинским и Чичканом Таласским — и к полуночи вернулся домой. На моих ногах не осталось обуви. Штаны с внешней стороны были в клочьях, потеряв свое назначение. Руки были в ссадинах, а ноги в крови. Но эти неудачи, конечно, не останавливали меня от дальнейших исследований: я, по-прежнему, вставал до зари, чтобы изучать краски восхода солнца, изменения, которым подвержен красочный мир в это чудеснейшее время суток, рисовал скалы, арчу, юрты, лошадей, сбрую, но больше всего отдавал сил изучению пейзажа во всей его необъятной прелести: вода, горы и небо.

Нет еще в мировой и даже русской живописи картины, в которой с такой полнотой была бы выражена красота природы. Подходы к уразумению законов этой красоты надо было подготовить мне этими наблюдениями. Я должен дойти до мастерства. Пока надо

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

воспитывать глаза на красоте природы — ведь законы она должна строить независимо от человеческого сознания, человек только постигает их и затем использует в своем искусстве.

А если так, то чем больше наблюдать и размышлять над ним — тем ближе будешь к их разгадке. Никогда, нигде они не исчерпаны в человеческой истории.

В будущем я должен буду, учась мастерству, в тоже время обобщать это путем чтения книг и теоретических занятий, которых сейчас лишен.

Но я уже приближаюсь к этому периоду. Лошадь я достаточно изучил, породы, охоту; нет еще у меня знания по лесоводству, ботанике и геологии. Все это придется усваивать практически. Поскольку это нужно художнику, изучающему историю народов Туркестана, чтобы изображать ее в народных сценах: восстания, бунты, войны, революции, движение. На этом пути предстоит борьба с формализмом, и, таким образом, задача становится очень большой и сложной. Доказать, что формализм, декадентство, модернизм — гибель — эта задача должна затронуть идеологические, философские, исторические и теоретические задачи. Когда-то мне придется много поработать в библиотеках.

Но тем важнее сейчас найти силы к этому, силу убежденности в изучении природы. Она должна открыть мне путь к пониманию основ истинного реалистического искусства, увидеть ясно водораздел этих двух противоположных течений.

До сих пор мне не удается обосновать это философски, нет у меня для этого строгих придержек. Не могу еще подвергнуть классификации многие явления истории и теории искусства, а без этого не могу понять практического метода рисования. Здесь не все от учителя: преподаватели школы общества поощрения — те же, что и в академии художеств; однако, я у них не заметил того, что мне нужно. Нужно усвоить то, что они знают, но они колеблются между тем и другим течением, а мне нужна четкая граница — без этого вступать в искусство кажется мне бесперспективным.

Оперируют привычными понятиями, характерная особенность которых — отрыв философии от практики. Люди еще не согласны считать, что новая философия может руководить практикой, хвастливая демагогия, крикливая ходульность, ложь, фальш — наследие прошлого (и развитие их по инерции) — со всем этим бороться нужно будучи хорошо подготовленным.

В атаку пойдут как свои, так и чужие. В этом особая сложность. Свои потому, что смена философии идет позади смены материальных условий производственной деятельности.

На это ушло еще 17 лет исканий, а затем еще 7 лет на построение самой теории, давшей мне прочный фундамент для выводов, и для практики, и для понимания истории искусства, его философии, эстетических отношений искусства к действительности — развития тех самых основ, которые высказаны были Чернышевским, но потребовали анализа творчества А.Иванова, педагогической системы П.П.Чистякова — «единственного учителя» русской живописи, по словам Сурикова, анализа исторических эпох и согласования всего этого опыта с марксистским мировоззрением.

Особенно помогли мне в этом цементировании Ленинские «Философские тетради», для работы над которыми мне пришлось ехать в Ленинскую библиотеку (1948г.?).

Киргизские лошади

Подготовка лошади к скачкам у киргиз была возведена в систему, которая вырабатывала выносливость на больших дистанциях, за которые устанавливались главные призы. Основой этого тренинга было потение. Скаковой сезон начинался с осени, а лошадь начинали тренировать с июня: в лунные ночи по прохладе, под легкой

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

попоной лошадь гоняли сначала исподволь, недолго, затем подтягивали ей высоко голову и, покрыв теплой попоной, оставляли до зари («тангаши рады»). Маршрут и темпы движения увеличивали постепенно.

Следили за тем, чтобы пот у скакуна в конце концов стал пресным. Воды давали минимум, объемистого корма — также, больше — зерна. Лучшим признавался ячмень, который тщательно просеивали на решете, выбирая все камушки и постороннюю примесь. Давали также овес и пшеницу (что русские теперь ни в коем случае не допускали). Лошадь, прошедшая такой тренинг, выглядела сухой, с подобранным животом, с обрисовавшимися ребрами, но блеск шерсти, глаз говорили о натренированности мускулов, о скаковой энергии и здоровье. С точки зрения европейских знатоков тренировки, потение ослабляет организм лошади — здесь это основной ее критерий.

Конечно, не может быть общих рецептов для всех широт и меридианов, но в своих условиях киргизские «саинкеры» добивались практически целей: на длинные дистанции с ними никто и не состязался, а попытки приводили к неудачам. В тем времена «обмена опытом» не было — каждый придерживался своих взглядов и задачи были разные.

Такие разные лошади, например, как туркменские и киргизские, не могли иметь ничего общего, т.к. и климат, и дорожка у них были разные. Туркменский конь мог проходить безводные пространства по песчаному грунту, но в горах тон был беспомощен. Так, туркменский жеребец, купленный за 300 руб. в 1910 году, при подъеме на перевал Караказы (в Алайском хребте, высота около 5000 метров) чуть было не погиб: делая поворот на зигзаге тропы, когда нужно было при этом подняться на каменный выступ — опрокинулся и полетел вниз по снегу; только ловкость киргиза-проводника спасла лошадь: он ухватился за хвост и, упершись в валун, задержал падение. При подъеме лошадь билась и не могла встать, пока ей под ноги не подложили шубу и кошму.

При переходах через бурные речки эта крупная лошадь падала, ее сносило водой, и люди едва спасали ее, бросаясь в воду на своих небольших лошаденках.

Туркменская лошадь не может переплыть такую реку, как Амударья, а киргизская — переплывает.

При перегоне табунов на Сусамыр, я наблюдал, как киргизские табунщики погнали в верховьях Таласа через реку табун маток с сосунками в возрасте 1 месяца. Взрослым лошадям вода хлестала через спину, а тщедушные сосунки на неверных длинных ножках прыгали за ними и все без исключения перешли благополучно на левый берег реки, сухими у них при этом были, может быть, только уши (и то не всегда, иные уходили под воду с головой, но, как дельфины, выскакивали оттуда и снова вперед). Конечно, никакие другие жеребятки не вынесли бы этих испытаний стихии. На мой вопрос — не потонут ли наши жеребятки (они были уже годовичками), мне отвечали все в один голос — скорее лошадь потонет, чем жеребенок. Какая удивительная страсть к жизни и приспособленность! Это почище, чем мимикрия. Там — покорность, здесь борьба!

Но совсем «по-бараньи» переправляют через реку овец. Протягивают аркан, на лошади впереди везут барана. Он орет и призывает товарищей броситься в воду. Под палками первыми бросаются козлы-проводники, отбитые от стада маленькой, управляемой группой, прижимаемой цепью чабанов к воде. Их бросают в воду одного за другим, затем продолжают бросать баранов, — один за другим, сбивая друг друга с ног, бросаются, как самоубийцы, все остальные. Тогда, попав в воду, они успокаиваются, приняв перст судьбы, а оставшиеся на берегу орут и бегают, пока все не побросаются в воду.

Их сносит водой и прижимает к аркану, и медленно, давя друг друга, но «чувствуя локоть», все стадо выбирается на другой берег к причалу. Тех, что нырнули под аркан, где-нибудь пониже, на перекате вылавливают верховые. Нырание не причиняет баранам никакого

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

вреда — в уши вода не заливается; курдюк их тянет вверх и они всегда «на плаву».

Такие переправы множество раз приходилось устраивать «саудагарам», т.е. купцам-баям, перегоняющим все лето баранов из Семиречья в Фергану, где бараны в два-три раза дороже. Бай, проделавший такую операцию, к осени увеличивал свое стадо вдвое. Перегонный тракт идет как раз по ущелью Кетменьтюбе, заросшему кустарникам. Здесь-то и поджидают их люди, у которых нет своей скотины, нет работы и средств к существованию; обстановка их толкает на воровство, а бараны своими, богом данными качествами, располагают к этому: баран небольшой, его можно унести на спине, не кричит, как козел, когда его схватят, и молча следует за своим товарищем; схваченный в придорожных кустах один, выводит за собой целую пятерку, а то и десяток-два. Но это невыгодно — хозяин может заметить быстро. Таких двух добытчиков мне довелось однажды встретить в одном из ущелий Данги, где я расположился пожить, поохотиться и порисовать.

Встреча с ворами

Лошадь моя приучена была не отходить от походного имущества: с нее снималось седло, уздечка, все это вместе с продуктами и одеждой сворачивалось и оставлялось на день в стане, предоставляя мне возможность уходить по своим маршрутам.

Однажды, возвращаясь, я заметил неподалеку от стана следы лошадей — это было неестественно в этих местах и вызвало опасение — за лошадь и за себя. Ночь спал тревожно, а на утро решил выяснить обстановку.

Внизу, в трех-четыре километрах лежал скотогонный тракт и естественно было предположить, что это были разбойники.

Густые кустарники и скалы скрывали местность подо мной, поэтому я спустился по боковому гребню так, чтобы мне виден был весь склон, и залег там, надеясь, что незнакомцы выдадут себя каким-либо движением.

Внизу стадо за стадом прогоняли баранов, поминутно сквозь шум и грохот реки доносились посвист и крики пастухов. Хозяева ехали группами по 5-6 человек верхом, громко разговаривая, иногда, устраивая целую переключку, заранее зная ненадежность этих мест.

Пролежав целый день и не обнаружив ничего подозрительного, я было решил, что это были случайные проезжие, какие-нибудь охотники, и решил подальше от беды все же переменить место стоянки, вернуться засветло, оседлать коня и перевалить в другое ущелье поспокойнее.

Но вдруг заметил высоко над скалами две фигурки; они двигались, очевидно собирали хворост и собирались кипятить свой кумган. Вскоре они разожгли огонь и дым легкой струйкой (днем воздух движется вверх) скрытый скалами стлался по ущелью в ту сторону, где был мой стан: теперь я понял, что запахи костра, иногда доносившиеся снизу — шли не от заночевавших где-либо скотопромышленников, а от моих соседей. Вели они себя беспечно, как дома, и мне не стоило труда подкрасться к ним на расстояние 10 шагов, так что я мог слышать их мирный разговор. Они говорили обо мне и моей лошади. Они уже знали, что накануне днем, я уходил в горы с ружьем, что лошадь они пытались поймать, но она не далась, что лошадь эту у «саяков» продать будет нельзя и что нужно ее переправить за Дарью (конокрады Таласа и Кетменьтюбе считали, что раз лошадь ушла за Сырдарью, то там ее никто не найдет — и наоборот, украденная за Дарьей должна быть переправлена сюда — не ближе. При этом везде на этом пути у них есть «свои люди»). Теперь было ясно, что передо мной — не только те, что вышли сюда подкормиться даровой бараниной, но и профессиональные конокрады. В каменной нише, в которой они жили, лежало у них ружье,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

висели портянки, шаровары. Мирно беседуя и обсуждая свои планы, они почесывались (у каждого, конечно, была чесотка и особенно зудели их руки около огня) и охотились за жильцами, пуская их в огонь, одного за другим.

Встав из-за камня, за которым я сидел, и, направив на них свое ружье, я скомандовал им поднять руки и не двигаться с места. Они были очень перепуганы. Проверив все их имущество, отобрав патроны, я спросил — а где мясо, баранина, которую они ели (видно по их масляным губам)? Пол барана оказалось спрятанным в кустах; завернутое в тряпку и укутанное стареньким пустуном, оно лежало в холодке от мух. Хлеба не было. Мясо и черная смородина — вот было их питание.

Не найдя более ничего подозрительного кроме арканов, я велел им рассказывать все на чистоту, показав, что я уже все знаю о них. Расспросив кто они такие, откуда, какова семья — они рассказали все, что было нужно мне, не утаили по простодушию и своих имен, и имен родственников и знакомых. Оказывается они и меня знали и теперь извинялись, что приняли меня за другого — иначе они не стали бы пытаться красть лошадь. Принимая их извинение, я все же предъявил им требование — немедленно отсюда уходить и нигде у дороги не останавливаться, чтобы не вызвать с моей стороны крутых мер. Они не верили счастью своей свободы, предлагая мне свою баранину, но я сказал, что у меня есть мясо киика и в баранине я не нуждаюсь — оно пригодится им дома для своих «бала-чака». Ружье им позволил взять, но припасы вышвырнул в воду. Обувшись и одевшись, поделив пополам баранину, перекинув через плечо курджумы с арканами и взяв свои палки (без альпенштока или «таяк» киргиз не ходит в горы), они быстро замельтешили вниз, подпрыгивая на камнях, улепетывая как можно быстрее от места, где сорвалось их предприятие, предвещавшее сытное существование и даже хороший куш в виде хорошей лошади, возраст которой их однако настолько заинтриговал (им не удалось посмотреть в зубы), что, несмотря на весь свой страх и дрожащий голос, один из них все же, после рассказа о своих родственниках, спросил каков возраст Вашего аргмака и сказал, что напоминает саякскую лошадь (это было верно; мой конь был родом действительно из Кетменьтюбе) где жили киргизские роды саяков, издавна приводивших для племени соседних Фергнских карабаиров тремя путями: из Намангана через перевал Кумбель в Чаткальском хребте, из Андижана — через перевал Каракуль и из Джалалабада — через перевал Кенкол в Ферганском хребте.

На севере Кетменьтюбинскую долину отгораживает от Таласса горная цепь Таласского Алатау с проходами к Ключевке через Урмурал, к Дмитровке через Бештам и к верховьям Таласса через перевал Аламель, Тусану и Утмек. К Иссык-кулю выход был через Джумгал — колесных путей в долину не было и замкнутость ее налагала свой отпечаток на весь быт и строй жителей Кетменьтюбе.

Однако и там был один русский поселок — Алексеевский, лежавший у слияния трех рек — Чичкана, Узунахмата и Нарына. Могучий Нарын начинался у границ Китая и, прорезая горную цепь Ферганского хребта и Чаткала, выходил в Ферганскую долину, где, сливаясь с Карадарьей, образовывал Сырдарью — сестру Амударьи.

Сырын бояса
Сырга барыб айт

Если у тебя есть тайна,
Пойди и поведай ее Сыру

(сыр — значит тайна)

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

К этим местам и влекла теперь меня моя стезя.

Часть III

В Ферганскую долину

Я спустился вниз к р.Чичкан и поехал теперь по большой дороге, взбитой в пыль тысячами копыт, прошедшей на далекие базары скотины, жаркой и душной после высот Алатау.

Каждое живописное ущелье прельщало меня своей красотой и прелестями: стройными темными елями, малинниками, травами, прохладными скалами, шумными водопадами хрустальной воды.

У меня давно уже не было хлеба, питался я только вяленным мясом и «подножным кормом», который состоял то из черной смородины, малины, то выловленного в речке османа, то из дикого меда, выдолбленного где-либо в высокой арче.

Наконец, я прибыл в Алексеевку. Тут я сразу заказал себе из зелено-синей в полоску маты шаровары, т.к. в прежних нельзя было уже показаться на улицу. Черные заплатки из подобранной где-либо на летовке старой прокопченной кошмы были пришиты конским волосом иглой, сделанной из жимолости. Несмотря на это значительное отяжеление, штанины курчавились и лохмотьями терлись друг о дружку, плохо прикрывая черное от царапин тело. Мата привозилась из Кашгара, откуда контрабандой и поступал этот товар, т.к. своей не хватало. Новые шаровары сооружены были очень быстро в семье русского мужика, где все отлично говорили по-киргизски. Брички в поселке имели невероятно амортизированный вид: их в разобранном виде доставляли сюда вьюком и ремонтировать было нечем. Железо было чрезвычайно дорого. Поселок — как все русские поселки: прямые улицы, ряды выбеленных домов под камышовыми крышами. Отпечаток запущенности лежал во всем хозяйстве поселка. В доме кулака помещался волисполком. Я зашел туда — поговорить, как живет Советская власть, почитать газеты, журналы, если есть.

Председатель волисполкома, взглянув на мой костюм, потребовал предъявить удостоверение личности. Я ответил, что паспорта отменены Советской властью, а чтобы почитать газету — зачем документы? Но здесь, видно, порядки были автономные — «власть на местах», как говорили тогда.

В тюрьме

Председатель вызвал начальника административного отдела, меня арестовали и препроводили в тюрьму. Это была киргизская постройка с плоской земляной крышей во дворе, огороженном обыкновенным в четыре пахсы дувалом. Арестанты помещались в двух маленьких темных комнатках с круглыми окнами, затянутыми пожелтевшей бумагой, с черно-блестящим от копоти очага потолком и с нишами, где сложены были гармошкой грязно-черные с признаками белых цветочков одеяла. Рядом в другой такой же комнатке помещалась стража с берданками, которые им было лень таскать с собой постоянно и их ставили иногда просто у стены. Когда меня привели, берданки были взяты на руку, как будто теперь перед ними был действительно опасный преступник.

Прежде всего, надо сказать, что все это меня больше позабавило, чем огорчило или напугало: ведь я получил возможность познакомиться с местной «тюрьмой», с ее бытом и ее обитателями. Все с искренней готовностью отвечали на мои вопросы, за что, когда, как зовут,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

где живет, какова семья, в каких отношениях с властями, посадившими его. Узнал, что иные сидят без всякого постановления, без суда и следствия, кто по оговору, кто из ложных счетов. Убийц и других преступников не было. Сидели «смутьяны» за неплатеж налогов, протестовавшие против насилия, т.к. за налог у одного, например, требовали жену за неимением имущества; другой требовал от бая возврата насильно отобранной телушки по решению аксакалов — и за это его сторонники бая засадили сюда, он сидит уже целый год. Арестантов было человек 10-12 и все их дела в таком роде. Я вижу, что тут сплошной произвол, личные счеты; что арестантов не кормят — в базарный день по старинной традиции их навещают близкие и дальние родственники и привозят им лепешки; у кого близких нет — живут за счет своих товарищей по несчастью. Из передач половину забирает себе стража, которая не имеет такого жалования, чтобы прокормиться. Жалобу писать нет смысла, хотя и советское время, но оно не дошло до этой дыры: здесь еще по традиции царствовали (хотя и в новых званиях) те «пять кабанов», властители Кетменьтюбе, которых еще в преддверии революции вывел на чистую воду киргизский окин Токтогул Сатылганов. Сам поэт проживает здесь, неподалеку, и поет, но его тезка, тоже Токтогул — это один из выставленных им «кабанов», властителей Кетменьтюбе — стоит аулом из множества юрт чуть повыше поселка Алексеевского, на лужайки у речки Карасу — и держит в руках всю власть и большую часть богатства саяков; у него самые лучшие скакуны, больше всех баранов, коров, и юрты эти принадлежат ему, а не батракам, которые в них живут, «тутун» только не его, а люди — его, ему преданы, от него зависят так же, как и в Таласской долине. Председатель Джалалабадского окружного «Исполкома» Ашуров и зав.зем.отделом Батбаев, живя и «работая» в Джалалабаде, здесь держат под покровительством местных властей и богачей свою скотину и сколотили уже по 15-20 кобыл и по 2-3 сотни баранов. Саяки правят и из Фрунзе.

Не имело смысла писать жалобу и потому, что, во-первых, не найдешь бумаги; во-вторых, эту жалобу никуда не пошлют — она попадет в их же руки; в-третьих, если жалоба и дойдет в этом году до Пишпека, то ответ вернется на будущий год — скоро перевал закроется и почтальон в своем курджуме не сможет доставить ее в течение 8 месяцев.

Побег из тюрьмы

Тут я почувствовал, что весь интерес к «тюрьме» у меня исчерпан. Если я буду здесь сидеть, сложа руки, то через несколько дней я уже не в состоянии буду ни перепрыгнуть через этот забор, ни одолеть стражу, заедят меня вши и никакой пользы от своего приключения у меня не получится. Тогда я решил действовать быстро.

— Убедил стражу, что мне надо напоить и накормить свою лошадь — для истого киргиза этот аргумент всегда достаточно убедительный. Меня провожал милиционер одетый просто, по-киргизски, с самодельным патронташем и пропыленной берданкой с потертым стволом — верхом на худой саврасой лошаденке, как оказалось, собственной.

У двора, где стоял мой конь, стражник сошел с коня, разнуздал его и, придерживая за чилвыр (чумбур), сел удобно на корточки, а мне велел убирать своего коня — напоить, дать клевер. В конюшне я быстро заседлал своего товарища и, взяв ружье и курджум, сел и карьером промчался мимо своего караула. Он выстрелил и пустился за мной. Из поперечной улицы ему на помощь выскочил другой конный милиционер и, стреляя на ходу и не попадая, они теперь преследовали меня вдвоем.

Поселок всполошился, повыскакивали люди, собаки. За поселком в реке Карасу пришлось врезаться в глубокую по седло воду, тут они довольно сократили расстояние, но потом я их в свою очередь бросил чуть не на целую версту. Скакать надо было 12 верст до

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

паромной переправы — по пути аулы, откуда могут подать помощь моим преследователям. Тогда я решил идти вплавь — предприятие, на которое не рискнет ни один из моих стражей, т.к. у них и лошади слабые и риск большой — в это время, в половодье Нарын бродов не имеет. Кое-где у меня лошадь плыла, не доставая дна ногами, и, чтобы облегчить ее, мне приходилось, держась за гриву, сползая с седла и плыть рядом, работая ногами и загребая одной рукой. Когда лошадь выходила на мель, я снова садился в седло и отдыхал, падая головой на ее высокий затылок. У лошади чувствовалась неизбывная стальная сила; пули летели иногда близко по воде, иногда проносились беспорядочно в воздухе, но не было пристрельной стрельбы, какая чувствуется у мастеров этого дела. Переправившись через несколько русел, из которых одно было особенно глубокое и волны его накрывали нас с головой и даже относили вниз по течению, мы оказались на расстоянии целой версты от джигитов, которые теперь стояли на противоположном берегу Нарына и о чем-то совещались.

Я расседлал коня и начал сушить потники и одежду. Протерев ружье, я попробовал выстрелить — теперь уже в сторону моих преследователей — получился хороший дуплет, но пули, конечно, никому не могли причинить вреда.

Если второй джигит поскакал на паром, то он появится здесь никак не ранее двух с половиной часов: час туда, час обратно, полчаса на переправу. Кроме того, он один не рискнет ехать ко мне — ему нужно искать компанию — а за два часа потники у меня высохнут и я смогу ехать дальше, держа курс на перевал Каракуль. На ночь глядя туда за мной тоже не рискнут ехать, следовательно, я буду уже вне досягаемости, тем более, что нельзя мерить силы моей лошади и милицейских кляч.

Мой страж на том берегу продолжал меня сторожить, а я, купаясь, принимал воздушные ванны и приводил в порядок седло — это было теперь главное перед броском за перевал. Когда все было готово и скоро можно было ожидать гостей, я сел на своего гнедого, растолковав ему со всей возможной ласковостью (что он очень любил и ценил!) — какого я от него требую подвига — и мы двинулись в путь бодро и весело. Под верхом он никогда не споткнется и не шел охнет всадника в седле.

Тропота его была на 9-10 верст в час. Мягкий ход и «шелковый» повод доставлял всаднику величайшее наслаждение, а красота его движения была полна очарования, как он держал голову, как нес хвост. Как чутки были его красивые уши, и глаз полон огня и отваги! Сидя на таком коне, я бывал счастлив, — до болезней ли тут, когда все расстояния тебе покорны!

Быстро проехав ровные дороги и пологие места, мы постепенно втянулись в ущелье. Настал вечер. В чистом небе скромно засветились звезды, а затем на дальние склоны темного ущелья упал прозрачный свет — всходила луна.

Рядом с каменной тропой бежал ручей; скалы и кусты громоздились по обочинам, силуэты их строили сказочный мир вокруг; обшарпанные ветви, как трещеткой били временами по курджумам, брызги порой освежали лицо. Вдруг послышался впереди цокот лошадиных копыт; кто бы это ни был, надо занять выгодную позицию для обороны и спрятаться.

Я остановился в пяти шагах от тропы за осколком скалы, упавшей на дно ущелья, из-за которой мне была видна дорога, но меня с лошадью скрывали кусты. Я боялся теперь лишь одного — выдаст лошадь, которая, завидя других лошадей, всегда ржет, беснуется, всем своим поведением выражая лошадиную страсть к борьбе, скачкам, атакам. Но тут было другое: мой конь, будто понимал всю ответственность момента, стоял как вкопанный, лишь насторожены были уши и сам он дрожал, как лист осокоря, даже не повернув головы к проезжавшим мимо один за другим всадникам. То были, по-видимому, басмачи — за

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

спинами у них виднелись ружья. Пропустив их мимо себя и удостоверившись, что больше никого нет, я с облегчением вздохнул, обнял за шею своего умного товарища и выехал на тропу. Луна вскоре вышла из-за скал и освещала тропу. Холодный серебристый свет ее струился бездушно и ровно, подковы стучали по серому камню, впереди мерцали далекие ледники. Когда мы выбрались из ущелья на пологую седловину перевала, запахло летовками, но все кругом было погружено в глубокий сон. Рассвет мы застали перед спуском вниз. Выбрав хорошую нетронутую лужайку, я пустил коня на траву, а сам прилег вздремнуть, чтобы встретить солнце над Ферганской долиной, с новыми силами одолеть длинный спуск. Я проехал верст 60 и теперь мне не страшна никакая погоня, да и территория не подвластна «власти на местах», о которой я теперь имею хорошее представление.

Дальше в Ферганскую долину

И местность и воздух были уже совсем не тем, что в Таласском Алатау — что-то родное почувствовалось хотя и в холодном предрассветном ветерке: это была вероятно сухость Ферганской долины. И запахи были не те. Даль была окутана дымкой, за которой хотелось разглядеть снега и пики Алайского хребта, знакомый с детства узор его. Но его не было видно. В эту пору бывает так называемая «юга», как в Гиссаре «афганец», — это сухая и вредная мелкая атмосферная пыль, застилающая все кругом, скрывающая даже ближайшие горы. Если она долго проходит, например, дня три, то пчелы начинают болеть поносом, коровы сбавляют молоко, люди чувствуют усталость. В Таласе этого нет. Но как бы то ни было, кеклики и улары поют, орлы кружат, поднимаясь с озаренных первыми лучами солнца скал, и спешат за добычей, т.к. птенцы проснулись и требуют пищи. Сурков еще нет — они появляются на лужайках, когда их норы обогреет солнце, зато заливаются мелкие пташки, сначала кукушки, горные горлицы (их называют синегальскими, т.к. они на зиму улетают в западную Африку и возвращаются на родину весной). Чеглок, снявшийся внизу с арчевого дерева, носится вокруг своего гнезда, пронизывая воздух своим быстрым, хлопотливым «та-та-та-та».

Взяв в повод своего гнедого, я стал спускаться вниз, в ущелье, вдыхая всей грудью новую жизнь.

Спускаясь с перевала по ручью, я добрался до впадения его в главную речку этой местности — Майлисай. Отъехав немного в сторону, я слез с коня, расседлал его и пустил на траву, а сам с удовольствием искупался в холодных чистых струях реки, т.к. был уже жаркий осенний день, и после холодного Сусамыра я чувствовал в теле еще излишек жара. После мутных вод Нарына (в верховьях его еще тает снег), Майлисай был приятным контрастом. Теперь я наслаждался теплом, которого давно не знал в Таласе, но все же с подозрительностью изучал окрестности и следы на тропах, чтобы не попасть впросак: тут, в горах Ферганы, еще водятся басмачи, а дорога эта — проходная. Следов кованых копыт было много — все они вели вверх — это тех, кого я ночью встретил по ту сторону перевала, несколько следов более ранних, вели верх по Майлисаю — этих надо было опасаться, и потому я долго не задерживался и, отдохнув, поехал дальше. У выхода из ущелья, в кишлаке Майлисай, я покормил коня зерном, подкрепился едой и тронулся снова в путь — на этот раз в пустынное плато междуречья Майлису и Нарына — посмотреть знаменитые фисташковые заросли и природу адыра.

У первого же куста я с благодарностью слез, растер лист на ладони и долго вдыхал такой родной аромат этого эфиромасличного растения. Было очень жарко. Понаблюдав некоторое время за беркутом, устроившим гнездо в глубоком глинистом обрыве, кормившим теперь своего ненасытного птенчика, встретил дикобразов, трещавших своими иглами и

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

хвостом в низкой прохладной нише, выщербленной береговыми прибойми древнего моря и сухими ветрами четвертичного периода, я пересек еще более пустынную и безлесную часть этой площади и выехал к Избаскенту, большому кишлаку в 40 верстах от Андижана. Хотя путь мой лежал в Фергану, но я решил заехать еще в Джалал-Абад, где был еще в детстве, в 1900г., когда моя мать лечилась от ревматизма на серных водах Хазретаюба. Уже в одном этом названии было что-то поэтическое, связывающее таинственный «ветхий завет», библейскую сказку с современностью. «Святой Иов» был у нас свой, здешний. По преданию он лежал тут при смерти, больной проказой («махау») и увидел двух петухов, и тот из них, которого побеждал противник, бегал к источнику, купался в нем — и усталость как рукой снимало: он со свежими силами пускался в бой. Это подметил Иов, пошел, искупался — и излечился. С тех пор эти воды священны, и люди приезжают и лечатся здесь от всех болезней. Постепенно святое место обросло новыми легендами и новыми целебными свойствами: например, если женщина не имеет детей, то здесь она может скатиться по гладкому (намазанному) камню на животе — и тогда она может надеяться получить ребенка; разные язвы местные шейхи излечат древесным соком, который находится в дуплах старых карагачевых деревьев, черным, как чернила. Кроме того, можно обвалиться в пыли и предохранить себя от дурного глаза, спасти жену от коварной измены, детей от всякой напасти (от оспы, кори, сумасшествия, чтобы не поселился «джин», поноса, глазной болезни и пр. и пр.).

В Хозретаюб едут со всех городов и кишлаков Ферганы, даже из Самарканда, Ташкента и Бухары — и я поехал. По пути из Избаскента в Джалал-Абад я заночевал на бахче у одного любезного старика, пригласившего меня к себе в капу с высокой вышкой. Он жаловался, что его одолевают дикие кабаны, и что, может быть, я покараулю их и убью какого-нибудь на страх другим. Он приготовил чай с лепешками, угощал дынями, а лошади моей нажал серпом зеленого клевера. Чувствуя спокойную обстановку и бдительность сторожа, я скоро заснул, хозяин пытался меня ночью будить, т.к. слышал на подходе кабанов, но я так крепко спал, что проснулся только перед рассветом — хозяин спал, лошадь фыркала и смотрела настороженно в сторону клеверного поля — кабаны, подняв рыла, с шумом вдыхали воздух и, почуяв гостя, не решались вступить на бахчу. Я подполз к ним немного и сделал неверный выстрел, когда они, почуяв недоброе, стали фыркать и уходить. Какая-то свинья была ранена, но не смертельно; хозяин, вскочив, провожал их проклятиями, и очень горячился, узнав, что на месте ни одной не осталось — хорошая была бы «закуска» мне на дорогу.

Мы расстались друзьями: он сунул мне в курджум две дыни «кызылурук» («красномяску»), две лепешки и просил запомнить его и приезжать в другой раз в гости — «сделаю палау».

В Андижане

На следующий день, проехав Массы и Базаркурбан, я был в Джалал-Абаде. Сидя в чайхане на базаре, я встретил своего товарища по гимназии К.К-ского. Он здесь работал в качестве пред.рабочкома где-то. Я пошел к нему ночевать, а жил он у Ишанхана Ш., с которым я впоследствии подружился на всю жизнь. Побродив по знакомым таинственным местам, которые теперь казались такими обыкновенными, я выехал в Андижан. Доехав до Ханабада (12 км), я почувствовал, что конь мой так хорошо идет, что все пространства мне подвластны — почему бы не поехать в Кампыррават — ведь этот древний узел гидротехнических сооружений, основанный на сипаях, куда ежегодно перед половодьем ирригаторы, сельсоветы, мирабы собирают десятки тысяч народа, подвозящего на тысячах

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

арб фашины, камни, бревна и др. материалы.

Здесь начинаются Андижансай и Шахрихансай — если заголовок этих искусственных рек разрушится — погибнет жизнь всего левобережья Карадарьи — половины Ферганской долины. Паводок уже сходил, но тем не менее страшно было стоять на стрелках и берегах этих примитивных, дрожащих от напора воды сооружений, о которые билась вода и со скрежетом волокна по дну крупные голыши, величиной с конскую голову, а то и с барана. Камни ударялись о ногу сипая, который заметно содрогался и, казалось, упруго оседал, но продолжал служить, нагруженный каменной кладкой в железной сетке. Мне вспомнилась бетонная плотина на р.Исфайрам, где берет начало Кувасай; она стояла долгие годы на сухом месте, т.к. вода обошла ее и выправлять положение пришлось снова сипаями. Здесь в Кампырравате бетонные шлюзы еще не строились, очевидно это произойдет позднее, когда в стране ликвидирована будет разруха, появится беток и сохранит энергию и труд десятков тысяч людей, которые пока по прежнему ежегодно должны работать здесь, чтобы каждый танап можно было напоить водой, без которой все будет лишено жизни. Теперь у истоков этой жизни я мог вдоволь подумать, помечтать и пофилософствовать. Подкормив и искупав своего коня, и съев припасенную дыню, я отправился дальше и, переправившись между Ханабатом и Бегаватом через Дарью вброд, засветло доехал до Карасу — здесь в Аимкишлаке Халходжа в 1918г. устроил резню 200 безоружных австрийцев, бывших военнопленных. Теперь в чайхане сидели вероятно многие из шайки, пили чай, вели обычные разговоры, пели, смеялись. Без содрогания нельзя было и теперь, через 8 лет, представить себе всю эту картину. Теперь из этой чистой воды самоварчи наливал свои чайники, и мы пили ее под нескончаемые беседы дехкан о ценах на дыни, об урожае на богаре, об очереди на воду, уют теперь можно было найти в любой чайхане, где было место и для коня зеленый клевер, зерно и одеяло для гостя. Как всегда по вечерам в любой чайхане была музыка, теперь уже узбекская, с длинной дутарой с подносами у певцов, которыми они, сидя «по-турецки» и раскачиваясь из стороны в сторону, закрывая рот для лучшей вибрации голоса, и с надувшимися жилами на шее тянули в унисон старинные, знакомые с детства мотивы. Потом компания устроила плов и пригласила меня, как гостя, отказавшись принять от меня мою долю расхода...

Это были простые дехкане, жители этого кишлака, теперь снова чарикеры у баев, одетые еще в мату с пестрыми заплатами, босые, но кое в чем уже чувствовался и новый советский текстиль, хотя пока еще может быть и нэпмановского происхождения. Во всем здесь чувствовался гораздо больший прогресс, в сравнении с Таласом, но зато скотины почти никакой — все съело басмачество. Лошадей, баранов, коров — все покупают в Киргизии, даже гонят из Китая. Но курс денег твердый — «червон», и после миллионов рублей стали цениться копейки: например, лепешки — 2 коп., ситец — 7-8 коп. метр (счет идет на метры, а не на аршины, как раньше); работают мельницы (тегерман), рисоушки и маслобойки (айджуаз), вновь сеют хлопок и организуются «ширкаты» по совместной обработке посевов. Баи засеивают помногу танапов и получают авансы, в кишлаках открывают школы и заставляют учиться даже девочек. После Киргизии, где нет паранджи, очень странно было видеть женские фигуры в чачванах, правда, в большинстве случаев дырявых и обношенных.

На следующий день я остановился в Андижане, где прожил два дня, наведывая своих старых друзей. Андижан славится новым театром, где выступает новое искусство, зачинателем которого был Хамза, а на эстраде впервые выступала Тамара Ханум, завоевавшая популярность и теперь уже приглашенная в Ташкент. Андижан поразил меня своей бойкостью, своими парками, зелеными улицами, богатством базара, магазинов, чайхан — но старых ковров в них что-то не было, кругом сидят на циновках-барданах, иногда на стареньких шалчах (паласах) и дырявых кошмах. Самовары по прежнему блестят

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

начищенной медью, чайханщики выстраивают в ряд безносые, залатанные фарфоровые чайники и вместо прежних нарядных пиал — всевозможные кружки, чашки без ручек, доньшки от бутылок, грубые глиняные пиалки с отбитой глазурью. Но пьют настоящий зеленый чай (кок-чай), которого долгое время не было. Катык, каймак, пирожки, манты, шашлык с красным перцем (калампуrom) — все в большом количестве и также, как раньше в ашханах, уйгуры или, как их называют, «ахуны», ведущие перезвон скалками, ударами в медное блюдо и ритмичную переключку голосами, похожими на птичьи, вымешивая тесто на столах и потом растягивая его в длинную прядь круглой, как проволока, белой лапши, называемой лагман. Повар накладывает рукой горсть такой лапши в касу, наливает шурпу, поверх кладет приправу из овощей и кусочки мяса, а затем, набрав в рот катыка, прыскает им поверх всего яства, в котором столько красного перца, что новый человек обожжется на первой же ложке и, задохнувшись, будет остужать свой рот частым дыханием на манер собачки, которая пробежалась по солнцепеку и, забравшись в прохладное место, высунув длинный язык, дышит часто и со свистом, гоняя ребрами воздух в себя и наружу.

По дороге из Андижана

Из Андижана я выехал в Шарихан и далее повернул вдоль камышей по направлению к Сарысу (теперь район освоения так называемой «Центральной Ферганы»). Тут я встретил сплошные заросли камыша — огромные прежде возделываемые площади теперь запущены, стены старых кишлаков разрушены и дворы и сады поросли камышом. Вот где разруха — и нет людей; всех их постигла тяжелая судьба и сейчас они, если живы, скитаются где-нибудь поближе к городам. Эти места теперь заселили кабаны — их тысячи, десятки тысяч. Ночью я боялся за своего коня, который не ел ничего, а только храпел, вертелся на привязи — недолго до несчастья, если сорвется. Ни выстрелы, ни мое присутствие не помогало — уйдут одни, приходят другие, еще более нахальные. Запах убитых кабанов, кажется, раздражал их еще больше: если раньше они бежали от трупа, то теперь они окружали его и долго и зло фыркали. Я не мог дожидаться рассвета и утомленный, на голодном коне выбирался из этой трущобы и бездорожья целых пол дня. Это были дикие дебри, места, куда доходила вода Андижанская и Шариханская, голову которых я видел в Кампырравате, их сбросы. Уже через 23 года, в 1949г., будучи в Шахимардане, я буду есть язьяванский виноград, а так называемая «Центральная Фергана» станет одним из крупнейших районов освоения целины и хлопковой житницей богатого нового района.

Проночевал в Язьяване, от которого ничего не осталось. Сюда жизнь еще не вернулась. Худые, оборванные люди; поля под солончаками и сорными травами, подвергающиеся набегам тысячных стад кабанов. Песку как-будто стало больше, вода идет только соленая, т.к. арыки заросли камышом и не пропускают чистую воду. Лошадь, несмотря на жажду, не стала пить эту воду и наутро выглядела совсем осунувшейся. Не помогал даже зеленый клевер, который был ростом с четверть и уже засыхал на корню. В дебри Токалы, Сарыджуги и других старых охотничьих мест не было смысла углубляться, и я поставил своего коня на быстрый аллюр, чтобы напрямик, по старой известной дороге скорее добраться до Маргилана.

Этот город после пустыни снова поразил меня возвратом к жизни, вернее усиленными потугами к возврату. Вся жизнь — в чайханах, но бывших крытых базаров уже не было и их особых пряных ароматов свежего зеленого насвая, чилимного табака, мануфактуры, свежеполитой земли, на которую никогда не проникнет луч солнца; в старых махаллях не было города ткачей, выделяющих знаменитый маргиланский «бакасам», прославленный на весь мир; не было и кустарных заведений по шелку, где в кипящих котлах обрабатывался

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

сырец в таком количестве, что запахом их и парами пропитаны были все улицы, переулки, тупички и даже далеко, уже покинув этот город, можно было ощущать на своей одежде запах этих испарений, вызывающих перед глазами по ассоциации изжелта-бледные лица этих тружеников. Через дворы с упавшими дувалами можно было ходить в любом направлении. Центра города — «Урды» не узнать — это было совсем другое место и даже старые сохранившиеся постройки выглядели жалкими и чужими. Не было ни садов, ни тени. Дорога на станцию Горчаково показалась очень каменистой, глухой и пустынной, развалины напоминали басмачество и погромы. Теперь я не хотел бы здесь жить.

Наконец, город Скобелев, родной дом — он тоже стал чужим и нерадостным. Многих из знакомых уже не было в живых, друзья разъехались, дома постарели, обвалились, деревьев на улицах едва осталось только четвертая часть, так как в период топливного кризиса жители получали их как на заготовку; улицы не поливаются, арыки запущены, в окрестностях другие люди, другие кишлаки; названия у них те же, но прежнего уюта в них нет — прежних садов, курганчей, дверей, все рушится, зарастает, приобретает унылый, отчужденный вид.

Сколько же нужно времени, чтобы восстановить разрушенное и вдохнуть во все это новую жизнь? И уже не старую, а какую-то новую, на новых началах, к которой сейчас все устремились с такой верой и удесятеренной энергией? Но начало этому положено: люди соскучились по работе, по жизни и начинают браться за дело. Однако усиленная предпринимательская деятельность накладывает какой-то свой отпечаток на людей, их отношения. Материальный стимул стал преобладать; иные сменили свою профессию и из учителей вдруг стали хлебопашцами, из студентов — торговцами. За культурой едут все в Ташкент, в Москву. У меня впереди много дел; я должен продолжать то, ради чего уже столько видел, изучил, знаю из первых рук, надо продолжать свои исследования жизни. Я еще не успел исколесить старую, а тут открывается новая; как поведут себя люди? Я еще не знаю северной части Ферганы, а без этого не поймешь и связи ее с Семиречьем.

И вот я в Джалалабаде.

Ишанхан

Работаю юрисконсультком Окружного Исполкома и живу вместе с К.К-ским у Ишанхана Ш. Сюда часто приезжает и живет у нас по несколько дней Л.А.-нов, бывший командир 4-го кав.полка, который еще в 20 году уговаривал меня перейти к нему в полк на должность ком.эскадрона и хлопотал о переводе меня из Маргиланского полка. С.Ю.К-в говорил ему на это: бери кого хочешь, только не М-ва. Наш «Ленька» теперь был бухгалтером с/х банка по ширкатам (с/х товариществам). Очень основательно проводил ревизии, но затем три-четыре дня пил самогон до потери сознания и его часто находили где-нибудь в арыке, мертвецки пьяного, с портфелем под головой. Когда его поднимали, он прижимал этот портфель с документами к себе и ни разу не потерял его. Все документы у него были всегда в порядке, а ревизии он проводил неподкупно, не идя ни на какие компромиссы, ни на какой подкуп или взятку. За это его ценили и уважали, прощая даже пьянку. Так же, как и Н.К-т, ходил в старой кавалерийской шинели (а Н.К-т даже еще и в буденовке). Ишанхан, теперь председатель Хазратаюбского ширката, в годы борьбы с басмачеством служил в разведке и сопровождал ком.фронтом Коновалова во всех его походах — теперь это все были старые боевые друзья на мирном поприще.

Ширкаты получали авансы в сельхозбанке, контраковали хлопок, разведение которого теперь снова поощрялось, и должны были выполнять свой план — каждый хозяин единолично. Государство помогало деньгами, семенами, продуктами, удобрениями (жмыхом); рабочего скота, плугов в единоличных хозяйствах было недостаточно, поэтому

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

план выполнялся главным образом за счет более крепких хозяйств, которые в связи с НЭПом быстро восстанавливали свой потенциал (раскулачивание прекратилось), а бедняки прибегали к кооперации — хашарам, и прочим формам совместной обработки полей. Беднота очень часто не выполняла свой единоличный план, вследствие маломощности хозяйства и задолженность их государству росла.

Председателю приходилось «отдуваться» за всех, что делало его должность очень хлопотливой и ответственной. Так было и с Ишанханом, к которому теперь его «друг» предъявлял серьезные обвинения. В 1927 году была проведена земельная реформа, по которой беднота получила землю за счет байских крупных владений; активизировалась безлошадная беднота и мы с Ишанханом решили организовать коневодческое товарищество, в задачу которого входило — дать в кредит бедноте рабочих лошадей, т.к. они-то главным образом и нуждались в этом для укрепления своего хозяйства. Так как я исполнял должность юрисконсульта Окрисполкома, то организация этого товарищества была моей чисто «общественной» работой. Председательство мы предложили Д.У-ну, большому знатоку финансов, экономики, животноводства и старому патриоту г.Джалалабада. Инструктором назначили .... ; отпечатали в типографии г.Андижана красивые членские билеты и Ишанхан С... «адырма-адыр» («с горки на горку») изъездил весь Джалалабадский округ, выступая на собраниях и приглашая вступить в члены. Талантливый агитатор, энтузиаст своего дела поднял на ноги всю бедноту — как же: обзавестись лошадью, кто ее никогда не имел — это было мечтой каждого. Собрали средства, построили «рабат» в Джалалабаде, в котором имел право бесплатно останавливаться каждый член коневодческого товарищества; получили у государства кредиты, закупили в Семиречье 500 лошадей и раздали своим членам под долговые обязательства, с уплатой в рассрочку. Теперь отбою не было: желающих вступить в члены товарищества было так много, что никуда ездить уже не нужно было; в сарае, где принимались членские взносы, каждый базарный день происходило столпотворение. Счастливицы, приехавшие на своих лошадях, пользовались всеми привилегиями; авторитет товарищества рос с каждым днем. Но тут вышло правительственное решение об организации животноводческих товариществ, и нашему коневодческому товариществу было дано указание влиться в это новое товарищество и направление работы пошло по новому руслу. Опыт товарищества был ценен уже потому, что впервые после нужды с перегонном скота, организованного Исполкомом (Землеотделом и другими организациями, у которых зимой 1926 года погибло на перевале Кугарт 7000 голов крупного рогатого скота), нам удалось организовать перегон без потерь. Мы уже мечтали о своем ипподроме, нам отвели для этого место за городом, остолбили его, и, когда уже приступили к тренировкам лошадей и строительству трибун, все пришлось прекратить — новые хозяева отказались от этого якобы «нерентабельного» предприятия. А мы считали, что это повысит интерес к лошади, позволит правильно вести соревнования, вызовет большой целеустремленный энтузиазм у населения и даст нам значительный источник средств. Потеряв право голоса, мы вынуждены были отступить, предоставить преимущества барану и корове. Но эти товарищества, где не было энтузиастов, не получили своего развития и вскоре (в 1930г.) все перешло в колхозы.

Джалалабадский базар находился в центре города и по своим оборотам считался самым теперь богатым в Ферганской долине. Главное его богатство был скот, затем кугартское зерно, сузакский и ханабадский рис, мед. Мед привозили русские пасечники на пароконных бричках в пудовых (16 кг) банках. Курорт Хозретаюб был также местом паломничества мусульман. И, если Джалалабад оживал лишь по базарным дням, и сюда стекались продавцы из Семиречья и купцы из Андижана, Маргилана, Коканда и других городов, то «зияратчи» наводняли Хозретаюб все лето.

Каждый из паломников должен был принести жертву, т.е. зарезать барана в честь

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

святого, и поэтому вокруг святых мест держали наготове целые отары баранов; день и ночь под котлами не затухал огонь. Рядом с «зияратчи» питался весь кишлак Хозретауб и часть Джалалабада.

Семья Ишанхана

Приступив к работе в качестве юрисконсульта, я прежде всего взялся за изучение законов, положений, разъяснений и распоряжений правительства, изданных за все время существования Советской власти, т.к. давно был оторван от этого, а в Исполкоме теперь обращались ко мне по всякому поводу для дачи «заключений». Стараясь взять срок для такого заключения «до завтра», я просиживал все ночи напролет, т.к. еще «плавал» в юридических вопросах и мог оказаться в невыгодном положении перед людьми более меня сведущими, а такими могли оказаться и работники административного отдела, и Окружком партии, инструктора Окрисполкома, с/х банка, прокурор, нарсудья, нарследователи, многочисленные учреждения г.Джалалабада и его волостей, среди которых были такие отдаленные, как Кетменьтюбинская (за перевалом Ферганского хребта, до границ Таласского горного района) и Нанайская с Чаикалом, нижняя часть которого граничила с Ташкентом (бассейн р.Акбулак к востоку от Чимгана с Майданталом считался тогда киргизским). Когда я, обложившись книгами, газетами и узаконениями, при керосиновой лампе (в Джалалабаде еще только строилась электростанция) занимался за столом, Ишанхан не шел спать, хотя за забором «ичкарей» его домочадцы давно все спали — он сидел, клевал носом, и, вскидывая на меня глаза после каждого клевка (причем, веки над его глазами давно уже не поднимались), он вынужден был высоко поднимать брови, морща лоб, и задирать голову вверх, чтобы в щелки разглядеть меня и потом большим усилием воли некоторое время удерживать их в этом положении, чтобы свинцовая голова и дремота, снова и снова одолевали его и с новым клевком, подчиняясь какому-то внутреннему приказу, опять встрепенуться и откинуться на спину своего скрипучего стула. Пропели уже третьи петухи, начинало светать, а Ишанхан все не уходил. Так ночи напролет мы с ним и работали. То ли это было сочувствие моему труду, то ли это исключительная личная привязанность, которая бывает между узбеками и русскими. Я любил в Ишанхане и то и другое. Меня, как юрисконсульта, он оценил прежде всех других и вот уже прошло почти сорок лет, мы шагнули из одной эпохи в другую, а он все еще верил в мою непогрешимость по прежнему. Тогда у него была семья — жена — красавица Межениса, старший сын Ахматхан, дочь Аммахан и сыновья Махмуд и Якуббек. Кроме того, у него жила младшая сестра жены Кундуз и постоянно бывали ее братья Юлдашхан и Юсупхан.

Махмуд бегал по улице, поднимая пыль, в одних штанах или даже без штанов. Махмуд в то время был самым меньшим, не считая грудного Якубба (долго не прожившего), и Ишанхан ему отдавал явное предпочтение перед остальными. Когда он голышом прибежал к нему на супу, где расположились гости, Ишанхан давал ему в руки деньги (по старой узбекской теории — это избавит его от бедности в будущем); учил его ругать свою мать самыми мерзостными словами (он будет настоящим мужчиной и не будет у своей жены под башмаком), вызывая всеобщий смех у мужчин — гостей, и, усаживая себе на колени, брался руками за доказательство его мужского пола, гордился этой возможностью перед своими друзьями, т.к. мальчик считается гордостью отца, в сравнении с девочкой, рождение которой не приносит чести. Да это перекликается и с русскими обычаями, выраженными в поговорке «хорош молодец, да девичий отец!».

У Ишанхана было два брата Саитхан и Маматхан, с которыми жил их отец Шадымкары, слегка согнувшийся, опиравшийся на палку старик, быстрый взглядом, с

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

резкими суждениями (Кары — это «читающий коран», т.е. образованный).

Про Шадымкары рассказывали в махалле, что он и Худаярхану не давал спуска, и, обращаясь к нему на «ты», говорил как-то на приеме: «Эй, ты, Худаярхан! Побойся бога! Если мы тебя не будем поддерживать — кто тебя поддержит! Какое право имеют твои амалдары брать налог с святых мест, которые обслуживают «худжа» и «Хаджа»? Дай им бумагу и освободи от оброков!». И Худаярхан будто бы дал эту бумагу, рассмеявшись его храбрости: «Ты не побоялся, что я тебя повешу за твою дерзость, ну, так и быть — на тебе эту бумагу — навсегда освободить их от оброка!».

Хозретаюб — источники были наверху, на горе, а Ишанхан жил внизу — на окраине Джалалабада, но в кишлаке Хозретаюба имел много друзей, о которых отзывался весьма похвально, рисуя их в образе чуть ли не доблестных богатырей — это, мол, самый красивый и самый сильный народ; борцы Хвзретаюба сильнее андижанских, маргиланских и кокандских, джигиты этого кишлачка годятся на всякое дело, ни перед чем не отступят — и в борьбе с басмачеством и в любом порученном деле. Ишанхан был большой идеалист и романтик; если он хвалил какого-либо человека, то до небес; если лошадь — то казалось, что это по крайней мере Буцефал Александра Македонского, а если это корова, то она заслуживает по крайней мере золотой медали на выставке. Любое поручение Ишанхан выполнял с азартом, самозабвенно и проявлял огромную энергию: будь это полночь, дождь, снег — он принимался за выполнение его мгновенно. Глубоко в душе, я склонял голову перед этой великой человеческой искрой и жалел лишь, что у Ишанхана нет настоящего поля деятельности и нет настоящей подготовки, он умел лишь читать и писать по-арабски. С каким рвением он отдал бы свои силы этой подготовке видно было уже из того, что он ночами просиживал со мной за столом, борясь со сном, чтобы следить, как я занимаюсь, работаю над книгами, делаю выписки, обдумывая какой-либо вопрос. Наравне с огромной тягой ко всему прогрессивному, к общественной деятельности, у Ишанхана еще глубоко коренились старые бытовые воззрения. Жену он держал в ичкаре и требовал, чтобы она закрывала свое лицо от посторонних мужчин. В то же время он часто приглашал меня в свое ичкаре, и когда его жена проходила мимо нас, закрывая свое лицо ребяческим халатиком, он подсмеивался над ней — что она прячется даже от меня. Тогда она, приоткрывая один глаз, быстро оборачивалась и, шутливо высмеивая его, говорила, что он больше всего боялся, что если Советская власть заставит открыть своих жен — как он покажет свою беззубую жену; у нее не было двух передних зубов, а вставлять зубы женщине он считал предосудительным. Бывали случаи, что он даже побьет свою жену, а потом, как ни в чем не бывало, интимно, дружески обсуждает с ней какое-либо дело. Всегда говорил, что совет жены надо выслушать — и поступать наоборот. Но на самом деле, получив ее совет, высоко ценил его и считал ее женщиной самой умной и, конечно, самой красивой и никогда не позволял себе волочиться за другими, и самую мысль об этом считал недопустимой. Он ей верил беспрекословно, уважал как женщину и ни разу не оскорбил каким-либо упреком или ревностью. По мере возможности он всем детям — и мальчикам и девочкам — дал образование. Жена его почти каждый день пекла лепешки в тандыре, пасла барана, сушила урюк, стирала, кормила ребят, готовила вечером шурпу, аталу или лапшу. Ребята питались, как и в большинстве узбекских семей, больше «подножным кормом», а дома едва получали одну лепешку на день. Вместе с соседскими играли, купались в арыке или хаузе, а проголодавшись, шли куда-нибудь в сад, набирали яблок за пазуху, вишни, урюку в тубетейку; нянчили младших, таская их голышами за спиной, пасли вместе баранов, коз, коров на обочинах дорог, на садовых лужайках, а иногда и на окраине кишлака.

Плов бывал у них редко, корова славилась очень хорошей породой, но молока давала один «тавак», т.е. литра полтора-два, т.к. была очень худа, а после зимы ног не поднимала,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

питаюсь одним саманом.

В конюшне стоял рыжий с лысиной во всю морду жеребец, который также был худ до такой степени, что ездить на нем уже было нельзя — его едва можно было довести лишь до арыка. Ишанхан его очень хвалил и уверял, что если его покормить, то эта конюшня и эти заборы его не удержат. Я видел, что это обыкновенная карабаирская лошадь, но мне хотелось в нем видеть те же достоинства, которые в нем видел Ишанхан, и я ему сказал: «Я буду его кормить и ездить на охоту». Откармливать его пришлось целых полтора месяца прежде, чем рыжий стал походить на лошадь. Неприятно было очень заходить в конюшню; на ноги лезли блохи в несметном количестве; ахуры были развалившиеся, столбы слабые, крыша текла, дверь низка настолько, что лошадь должна была сгибать колени, чтобы пролезть в нее, и только ее редкая сообразительность позволяла ей без увечий каждый раз выходить наружу и нырять обратно. Когда энергии у нее прибавилось, она действительно стала напоминать тот образ, который создал о ней Ишанхан; ржала так, что сотрясались окрестности, во дворе не было надежного места, где ее можно было бы привязать, чтобы оседлать, почистить, искупать. Теперь ее действительно не могли держать никакие заборы — она отстоялась и требовала движения, дико ворчала своим «сорочьим» глазом, взбрыкивала, непрерывно ржала и, поводя ушами, прислушивалась — не отзовется ли соперник; стараясь вырваться, поднималась на дыбы и вообще выходила из повиновения. Постепенно я ее вытягивал в езду, голова у нее была тяжелая, повод тугой — пальцы руки бывали часто в крови; ни хороших аллюров, ни резвости в ней не обнаружилось. С грустью вспоминая своих таласских лошадей, у которых, кажется, было все, что нужно для любителя езды, но теперь и этому был рад — все-таки имел возможность в воскресенье поехать поохотиться на стрепетов за 15 км и привезти с такой охоты 7-8 этих степных красавцев, иногда подстрелить дрофу; но охотиться за зайцами в Сайтал под Сузаком или на уток на Карадарье уже было неудобно, т.к. лошадь надо было где-то оставлять в кустах, а это было опасно. Иногда удавалось съездить в горы, в адыры, на Карадарью. Сам Ишанхан не ездил на своей лошади и держал ее, вероятно, только из мысли о ее сказочных возможностях (которых в действительности не было). Принадлежавшие ему хлопковые поля обрабатывали для него его братья, которым он «покровительствовал», хотя и не был старшим из них, но по своему развитию и положению пользовался их безусловным почитанием.

Союз охотников

Для охотников в те времена было много дичи и зверя, и так как я питал к этому спорту большое пристрастие, то пользовался каждым удобным случаем, чтобы поохотиться. Кабаны иногда заходили даже в поселки. Например, дикий кабан устроил свое логовище на окраине поселка Благовещенского и обгулявшаяся с ним домашняя свинья принесла полудикарей, длинномордых и полосатых. На кабана устроили облаву, но он ушел, а на следующий год снова появился в тех же местах. Однажды, охотясь на фазанов на хлопковых полях близ Джалалабада, я поднял стадо кабанов в 7 штук. Они устремились к камышам и зарослям Сайтала и здесь перехвачены были толпой улачников, бросивших своего козла, чтобы поразвлечься над кабанями. Табунок рассеялся, а один кабан, самый крупный бросился к озеру, где камыш был гуще; ему наперерез устремился всадник на вороном отличном скакуне, купленном незадолго перед этим за 1500 руб. (средняя лошадь стоила 130-189 руб.); в мелком камыше их дороги скрестились — всадник не успел свернуть в сторону, как кабан ударил лошадь под грудь и выбросил ее вместе с всадником над камышом. У раненой насмерть лошади были перебиты два ребра и плечевая кость.

В Сайтале много было зайцев, фазанов, серых куропаток, встречались зимой утки,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

чирки, бекасы, вальдшнепы, цапли.

Кругом были рисовые поля, дававшие пищу аистам. Эти птицы были непременной частью городского пейзажа: они гнездились на всех старых деревьях Джалалабада, Хозретаюба и Сузака. Под каждым таким деревом валялись полуживые или уже разложившиеся трупы змей, крыс и прочей нечисти, служащей пищей этим спокойным, нарядным, бело-черным птицам, считавшимся у населения священными и поэтому живших под защитой старых добрых чувств и привычек.

Административные здания в Джалалабаде еще не были построены. Вернее, их выстроил на расстоянии 2 км от центра города (базара) на пустыре прежний зав.местхозом И.И.Цв-ев; но переселиться в них не решились, т.к. «власть» оторвалась бы от народа. Здания эти, приходившие теперь в упадок (и зверинец при них), стояли пустые, а строить решили в центре города по другую сторону базарной площади. Пока все административные учреждения размещались в старых русских постройках, для чего они были муниципализированы. Служащие размещались в частных домах у узбеков — это были обыкновенные кишлачные глинобитные постройки, с плоскими глиняными крышами, иногда перекрытые камышом или железом. Одна улица в сторону вокзала была «торговой»: здесь лепились тесно друг к другу «духаны» — лавчушки, обычно 2-3 метра по фасаду, как ящики, в которых сидели мелкие торговцы разным «пуруший»: пьес-пуруш (торговец луком), газмол-пуруш (торговец мануфактурой), гуруч-пуруш (торговец рисом), «касаны» (мясник), дои-пуруш (торговец зерном).

В единственном тогда кооперативном ларьке продавцом был крестьянин из поселка Благовещенского, находившегося в расстоянии 7 км от Джалалабада. Утром, до рассвета, он шагал оттуда в Джалалабад, вечером, затемно, уходил обратно, к себе домой.

Сторож в исполкоме (швейцар), а также почтальон, были тоже из Благовещенки. Швейцар этот был более состоятельным — имел лошадь и ездил верхом. Однажды по пути в Джалалабад он встретил зимой стадо обмерзших дроф, перебил их нагайкой и повез на базар — таковы еще были нравы в Джалалабаде, где наступление социалистической эры еще мало кто ощущал в действительности, где борьба со старым укладом еще только начиналась. Еще через 3 года в другой (южной) столице мракобесия служители культа убьют Хамзу; здесь еще полновластными хозяевами считали себя в Хозретаюбе шейхи, имевшие большие доходы от эксплуатации источников-купален и святых мест, где по повериям мусульман люди находили исцеление от многих болезней.

С первых же дней работы в Джалалабаде я близко сошелся с охотниками — членами процветавшей тогда организации Союза охотников. Это был клуб страстных любителей этого красивого спорта, собиравшихся ежедневно в своем помещении для бесед, рассказов, сборов на охоту, обсуждения своих дел. Связи наши были с охотниками всего Джалалабадского округа; все знали друг друга в лицо, приглашали на охоту, вели пушнину, получали охотприпасы, заключали договоры, сколачивали артели.

В 1927 году была устроена в Джалалабаде с/х выставка. Охотничий отдел мы оформили богато и интересно, и получили всеобщее признание — золотую медаль. Охотничий мир был представлен чучелами, картинами и даже живыми экспонатами: дрофа, медведь, куница, кеклики и серые куропатки, лисицы, зайцы, дикий козел и косуля. Не удалось нам, однако, показать живого барса, пойманного по заказу Союза специально для выставки: ночью он разломал свою клетку и удрал со двора выставки.

На съезде охотников Джалалабадского округа весной 1927г. Избрался новый состав правления и ревкомиссия. Меня единогласно избрали председателем правления, а А.Ш-ва — прежнего зампреда, большого энтузиаста охотничьего дела, талантливого организатора и знатока хозяйства — снова на ту же выборную должность. Однако окружком партии (тогда

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

округ стал называться кантоном — и соответственно канткомом), теперь уже кантком, вмешался в эти выборы и под нажимом съезду предложено было «избрать» представителя канткома Бор-вского. Делегаты, возмущенные демагогией, покидали съезд со словами «Союз харам булды, союз ек булды — абла акибар!» (Союз стал поганым — аминь).

Через несколько месяцев дела союза охотников пошатнулись: касса опустела, банк закрыл счет, наложив вето на имущество; товаров в магазине к охотничьему сезону не оказалось, отоваривать обязательств по договорам было нечем, вырисовывался срыв планов по заготовке пушнины на экспорт. Ревизия показала растрату 9 тысяч рублей. Бор-й был снят; кантком, чувствуя, что дело провалил он сам, пошел на то, чтобы срочно привлечь меня до восстановления жизнедеятельности общества охотников; в исполкоме мне предоставили отпуск и Союз поручил мне поехать в Москву уладить дело. Надо было получить каким-либо путем охоттовары во Всекохотсоюзе, прекратившем снабжение Джалалабадской организации, восстановить кредитоспособность охот.товарищества. Операцию нужно было провести тонко и, по общему мнению, это было мне по силам — и как юристу, знающему финансовое законодательство и практику договоров, и как человеку, которого знали и во Фрунзе, и в Москве. Так как Всекохотсоюз теперь предъявлял нам иск, лишив кредитов, то бесполезно было, я считал, ехать с голыми руками и уговаривать его: «Москва словам не верит», как говорили, ей нужны более вразумительные доказательства нашей жизнеспособности. В Джалалабаде конкурентом по заготовкам пушнины у Всекохотсоюза был Госторг, тоже проводивший заготовки, заключавший договоры с охотниками и снабжавший их охотприпасами. Если Всекохотсоюз пошел на ликвидацию своей организации, то этой организации верил Госторг, знающий обстановку на месте и считавший, что поскольку снят Бор-ский, охоттоварищество, свободное от демагогии, сможет своими силами встать на ноги и охватить своих членов договорами. Госторгу выгодно было иметь с нами дело. Уполномоченный Госторга по Джалалабадскому и Ошскому кантонам дал мне соответствующее письмо в г.Фрунзе, а там дали свое письмо в Москву: Госторг Киргизской автономной области (тогда еще не было республики) просил Госторг РСФСР выделить охоттовары за их счет по требованию охоттоварищества. С этой бумагой я отправился в Москву.

В Москве

В Москве я поставил вопрос перед правлением Всекохотсоюза — если он не имеет возможности пересмотреть свои отношения с Джалалабадским товариществом, предоставить кредит и дать товары к сезону, то пусть даст свое согласие на то, чтобы этот год товарищество сотрудничало с Госторгом, который соглашается дать товары, и продукцию заготовок сдавать Госторгу. Правление дало свое согласие на это, не желая рисковать, и с выпиской из протокола правления я отправился в Госторг. Предъявив ходатайство областного Госторга и выписку из протокола Правления Всекохотсоюза, Госторг РСФСР с удивлением отметил, как мало знают деловые качества своих местных организаций Всекохотсоюз и тут же вынес решение о выделении нам товаров. Теперь надо было получить эти товары и отправить их в Джалалабад. Тут оказалось, что ни один завод не может отпустить Госторгу дрови, т.к. на этот период она вся законтрактована Всекохотсоюзом. Тогда с ходатайством Госторга РСФСР я должен был обратиться в правление Всекохотсоюза о выделении нам дрови из продукции заводов, законтрактованной им. Увидев такое ходатайство, в правлении запротестовали: как так — мы не верили, а Госторг верит Товариществу; мы, выходит, не знаем положения дел на месте — положение надо исправить: восстановить Товариществу кредит, немедленно отпустить охоттовары, удовлетворить

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

полностью требование Товарищества и вне всякой очереди. Госторг был огорчен таким оборотом дела — если бы у него оказалась дробь в наличии к тому времени — вопрос решился бы в его сторону. Теперь он был бессилён, а Всекохотсоюз выправил свою позицию и теперь его отношение к Джалалабадскому товариществу получило благоприятное направление.

Пока шли все эти переговоры, мне предложили, на время командировки юрисконсульта, на несколько дней, замещать его. Уже в совершенно новом положении меня встречают теперь на заседаниях Правления, и я получил приглашение на должность заместителя юрисконсульта и сотрудника журнала «Охотник» (в котором я в это время поместил статью под названием «Джезтырмак» — о легенде таласских киргиз, перекликающейся с легендами о «снежном человеке», вызвавших ряд экспедиций, в том числе, советских в начале 60-х годов, т.е. через 30 с лишним лет).

Это предложение было мною отклонено: программа моих работ шла в направлении исследования источников живописи, а свои взгляды в этом отношении я еще не мог оформить философски в гармоничную систему, которую можно было бы противопоставить тогдашнему разнобою, в котором все более и более побеждало декадентство. Я вдохновлялся в Третьяковке, но не мог без возмущения видеть то, что давали футуристы на своих выставках; искусство «передвижников» было на верном пути, но как это доказать теоретически — связать с новой философией — аргументы для этого надо было искать в самой жизни, как я решил еще раньше — и в этом я видел главный смысл работы. При этом мне нельзя было отрываться от своего пейзажа, от того народа, среди которого я жил, среди которого я скорее найду свое решение, чем здесь, в Москве, где все для меня будет новым — и народ, и пейзаж. Материальные условия жизни в Москве были, конечно, лучше, квартиру мне обещали тут же в Китайгороде — но я поехал в свой Джалалабад.

Охотники были обеспечены в тот год полностью, особенно дефицитными товарами: дробью, пистонами, порохом и дешевыми одноствольными ружьями таких любимых калибров, как 16, 20, 24, 28 и 32. договоры выполнялись хорошо, и план был перевыполнен.

А Ш-в был направлен товариществом в институт Охотхозяйства и вернулся в следующем году с теоретической подготовкой охотоведа.

Текст проекта закона об охотн. хозяйстве, в разработке и редактировании статей которого я участвовал во время пребывания своего в Москве, мне прислали из Всекохотсоюза для отзыва перед внесением его на утверждение правительства. А Наркомвнешторг в своем «Бюро охоты» числил меня как специалиста охот. хозяйства и в будущем 1932 году «мобилизовал» меня вновь на работу по исправлению положения в охотсистеме, после провала экспортных заготовок 1930-31 годов. В Москве же я завязал знакомство с проф. Бутурлиным — известным специалистом по охоте и проф. Мантейфелем, директором Московского зоосада.

В Джалалабаде

В работе юрисконсульта Окрисполкома мне значительную часть внимания приходилось отдавать отделу местного хозяйства, ведавшему городским строительством и благоустройством. Составление договоров и оформление их лежало на моей обязанности.

Джалалабад, лежавший в пыли летом и непролазной грязи зимой, впервые начал мостить у себя улицы. В ту зиму одна подвода благовещенского крестьянина застряла в переулке перед базарной площадью так, что ее пришлось бросить и откапывать следующим летом, когда грязь высохла; подрядчиком по мостовым был некто Акопов. Местхоз и сам

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

строил своими силами, но его мостовые за одну зиму превращались в колдобины, после чего снова приходилось перестраивать. Гравий возили с русла Кугарта на брйчках; обходилось дорого и ненадежно. Но Акопов строил добросовестно и в исполкоме постоянно шла борьба — часть работников стояла за Акопова, часть за то, чтобы учиться самим строить.

В 29 году Акопову уже было отказано и дороги стали сооружать силами местхоза. Строительство домов шло под руководством молодого талантливого архитектора ..., высланного из Ленинграда за свои откровенные суждения по поводу каких-то партийных работников. Здесь он жил под надзором ГПУ. Так как он и здесь не стеснялся в выражениях, осуждая промахи и «глупость», то его скоро куда-то перевели, а в будущем, когда Сталинский курс на режим культа личности войдет в силу, его, конечно, сгноят в тюрьме.

Теперь его, как человека, прямо выражающего свои мысли, отвергающего лицемерие, продажность, карьеризм и подлость, ненавидят лютой ненавистью люди, занимающие руководящие посты в Джалалабаде, к тридцатым годам которые, как это выяснится, образуют круг политических заговорщиков — троцкистов, в числе которых окажутся все ответственные работники Джалалабада, в числе 17 человек. В их числе окажутся и уполномоченный ГПУ Г-ко, секретарь Окрисполкома К-н, управляющий Киргизторгом П-в, его заместитель Гр-шин, военком Г-х и другие. Пока они представляют партийную верхушку Джалалабадского округа и вершат все дела от имени партии и Советской власти, судят, карают, строят и проводят плановую политику. Среди них не было ни одного, кого можно было бы, положив руку на сердце, назвать идейным большевиком. Им все равно, что Троцкий, что Сталин — они просто были карьеристами — чиновниками с нужной для этого долей равнодушия к людям, к народу, к делу партии. Они думали, что угадают вперед, если встанут на сторону Троцкого.

И Троцкий раньше Сталина встал на позицию догматизма и высокомерного отрицания авторитета народа: он уже тогда отверг Ленинский взгляд на крестьянство, где тоже происходило классовое расслоение и Советская власть должна была опираться и на рабочий класс, и на крестьянскую бедноту (в союзе с середняком): Троцкий отбросил крестьян и требовал ориентации лишь на рабочих. Троцкий не верил в возможность строить социализм в одной стране — именно из-за неверия в народ; а тогда для него было логичным делать вывод о слабости революции — рабочий класс тогда составлял в России всего 6 миллионов. Ленин видел корни революции в самом народе и выделял в нем наиболее организованные слои, где классовое самосознание уже созрело, а следовательно оно неистребимо. Социалистическая революция должна была, по мысли Ленина, создать условия для того, чтобы революция пошла вглубь и, когда она станет народной революцией, она непобедима (и это доказала Великая Отечественная война, в которой победил революционный народ; даже Сталин, презиравший и не веривший в народ, сказал в 45 году: «Спасибо ему, русскому народу»). Догматизм Троцкого пришелся по вкусу Джалалабадским чинушам, т.к. они не собирались работать во имя народа и все более и более склонялись к администрированию, лишь прикрывая свои действия ширмой формальной партийной программы.

Вскоре в Джалалабаде появился в качестве зампредисполкома Г-к, любитель командировок, мелькавший в Джалалабаде на несколько дней метеором и снова убывающий в командировку в Андижан, Ташкент, Фрунзе и другие города.

Для строящейся электростанции Г-к закупил в Ташкенте оборудование, в том числе, мраморный распределительный щит, который и отправил в смонтированном виде. От щита дошли осколки и перебитое, пришедшее в негодность, оборудование. Среди закупленных предметов оказалось много ненужного, лишнего (как подсчитала комиссия, в расчете запаса на 100 лет). Таким образом, средства были загублены и строительство электростанции приостановилось. Другие действия Г-ка были в том же стиле «работы». В стенгазете

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Окрисполкома появился фельетон под названием «В одном лукошке», где действия Г-ка квалифицировались как бесхозяйственность, тяжело отражающаяся на выполнении хозяйственных планов. Меня, как редактора стенгазеты и автора фельетона, президиум исполкома, по настоянию Г-ка, перевел в отдел местного хозяйства, хотя там не было должности юрисконсульта. Я отказался и меня уволили.

И тут начался для меня тяжелый 7 месячный период вынужденной безработицы — существования без средств к жизни, т.к. кроме службы я не имел никаких способов заработка. До этого инцидента мне предлагали место юрисконсульта Кирпахтасоюза с высокой зарплатой. Тогда я не пошел, а теперь, обратившись к ним и заявив, что я теперь свободен, получил отказ, и сколько не ходил, от меня все откачнулись, как от чумы. Я подал заявление в г.Фрунзе о зачислении меня в члены коллегии защитников — меня приняли. Я начал практику, но по своему характеру не мог принимать для ведения дела торговцев и подрядчиков, которые все сразу обратились ко мне, предлагая хороший гонорар. Не имея денег не то, что на кусок мыла, но даже на хлеб, я отказывался, т.к. чувствовал, что не могу защищать частные дела коммерческого характера; а дела несправедливо обиженных бедняков я вел бесплатно; таким образом, я быстро обнаружил, что совершил ошибку — и послал в Коллегию отказ и от своего звания, и от своих обязанностей. Меня освободили.

В Арсланбобе

В поисках работы я устроился секретарем прокурора, а затем преподавателем общеобразовательных предметов в школе кройки и шитья. Лишь через 7 месяцев, наконец, моя жалоба на неправильное увольнение была удовлетворена. Г-ка сняли, а меня восстановили в должности юрисконсульта Окрисполкома, на которой я и прослужил до 1929г., когда заболел «переутомлением мозга» (все это были последствия тифа, отразившегося на сердце и сосудах). Врачи направили меня в институт физических методов лечения на два с половиной месяца, а затем запретили заниматься умственной работой на один год. Что тут делать? Чем жить? Вся надежда, весь смысл, вся подготовка была к умственной работе, а тут ее исключают под угрозой полной катастрофы. Я решил ехать в горы, заняться пасекой, лечиться воздухом, охотой, таким образом можно будет продолжить изучение северной Ферганы, ее народа, природных условий, прекрасного пейзажа Арсланбоба, с которым я знаком предварительно уже с самых ранних лет (в 12 летнем возрасте, а затем позднее мне приходилось тут бывать, путешествуя по Фергане). Я помнил тенистые рощи ореховых лесов, пасеки, сенокосы, хрустальную воду горных ручьев, озер и речек и лесную чащу со множеством дичи. Теперь мне хотелось познакомиться с хозяйством русских пасечников и здешних аборигенов — киргиз, быт которых отличался от Таласских и Алайских киргиз. Кооперация приглашала сдавать кабанье мясо, пушнину, щетину, кожи — так неужели же я, охотник, не смогу этим прожить?

Зима 1927-28 годов оказалась для кабаньего поголовья роковой: зимой энергичная охота заставила их удалиться в горы далеко от привычных зимовий, а весной выпал двух и трехметровый снег. Кабаны, истощавшие за зиму, в феврале и марте не могли пробиться вниз, к полям, где можно было найти корм — и погибли тысячами в ущельях. Когда снег растаял, охотники удивлялись массовому появлению грифов, стервятников, сипов, воронов, волков, лис; в ущельях тянуло падалью, на берегах, опавших после половодья рек, замываемые в песок и глину повсюду торчали щетина, кости, черепа с кабаньими клыками, черные ноги с копытами зверей; по нагромождениям трупов местами можно было судить о массовой гибели кабанов (в районе Аджигагар-ункура у реки Отузарт подсчитано было до 1500 черепов). Если раньше чуть ли не на каждой лесной поляне в ореховых лесах Арсланбоба охотники

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

находили один-два табуна от 7 до 15 голов, то теперь, в 1928г., во всем Арсланбобском лесу не видно было ни одного кабана, ни одной косули. Лес был мертв.

Планы заготовки мяса оказались нереальными. Перед угрозой полного исчезновения зверя Товарищество решило организовать здесь заказник. Это было уже в 29 году, когда я, получив переутомление мозга, вынужден был оставить службу и не заниматься умственной работой. Организацию заказника поручили мне. Я составил глазомерную карту заказника, в котором указано было двести с лишним урочищ от реки Ярадар до Кеккольского перевала — правая сторона бассейна реки Кызылункур. Охоттоварищество выделило средства для зарплаты троих объездчиков; ими стали ярадарцы Сатар Культеев, Ергани ..., Балыкбай Ахматалиев из с.Чарвака. Все это были охотники, знавшие отлично местность, но неграмотные. Они имели право составлять протоколы — это грозное слово пугало многих, т.к. «протокол» в руках лесообъездчика — это чуть ли не царский указ, и во всяком случае это «экономический рычаг» в хозяйстве жителей лесной полосы.

Все земли и лесные угодья принадлежали здесь лесничеству — за дрова плати лесообъездчику, за сенокос — ему же, «за дым» (тутун пуль), т.е. подворный налог, «за копыто» (туяк пуль), т.е. за пасьбу и прогон скота по дорогам лесничества — все брал лесообъездчик, который в случае неуплаты составлял «протокол» и дело направлялось в суд и взыскание через милицию. Чтобы ликвидировать составленный протокол, объездчик брал по своему усмотрению — и клал деньги в карман. Лесообъездчики были самыми богатыми и самыми могущественными людьми в горах. Они же следили за созреванием урожая орехов, которые местное население называло «наш хлопок», т.к. это был почти единственный денежный доход их хозяйства. Появление новых объездчиков, получивших такое наименование — «курукчи», пришлось не по вкусу лесным объездчикам, т.к. прерогативы их власти теперь оспаривали трое неграмотных охотников. Срочно пришлось обучать их первоначально делать свои подписи. Но это подняло авторитет бедняцких аулов, т.к. они получили защиту от произвола лесообъездчиков, не знавших никакого контроля.

Объездчики пока были пешие, т.к. лошадей своих у них не было. Но через несколько месяцев, получив еще помощь у Товарищества, они обзавелись лошадьми и впервые в жизни почувствовали, что и они — люди (у киргиз «человеком» чувствует себя только тот, кто сидит на лошади, у кого, как они говорили, «есть верх», т.е. седло, под которым конь). Сатар купил двухлетнюю вороную кобылку и теперь уже спал не в юрте у себя, а возле лошади — чтобы не украли. Получение лошади на общественной и официальной работе, материальное благополучие — это было лишь отражение того главного, что получили люди, впервые увидевшие свет в жизни, их трудового энтузиазма. Только пробуждение этого «сознательного» отношения к работе, которое поселяла революция в жизни народа, делало страну сильной, подводило к большим историческим делам. Несмотря на несовершенство административного аппарата, произвол, карьеризм чиновников, их продажность, насилия, взяточничество и прочие пережитки казенного царского режима — народ был силен сознанием, что это все — временное, а настоящее в том, что при Советской власти они получили в сознание мысль о перспективе. И когда настанет время — все они станут воинами, защищающими свою родину, пусть еще не устроенную, но идущую к свету.

Действенная охрана заказника быстро давала свои результаты: в ту зиму здесь обосновалось уже 150 кабанов, появились исчезнувшие косули, фазаны. Все следы были на учете. Звери, бежавшие от охотников, спасались на территории заказника и сообразительности их поражали все охотники.

Однажды объездчики шли по пятам одной охотничьей артели, проходившей в непосредственной близости от охраняемой территории. Проводив ее за перевал Кенкол, объездчики заметили стадо кабанов, шедших по дороге вниз. Пройдя километров тридцать,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

кабаны переплыли речку Кызылункур и на правом берегу расположились под вершинами, валяясь на виду объездчиков в болотце, и не убегая от них: река была границей, и звери будто знали это. Подобные интересные вещи с охотничьим, но уже новым пылом, рассказывали и другие охотники.

Мне лично тоже пришлось убедиться в этом: подняв стадо кабанов в 25 км от заказника в урочище Каинбулак, я преследовал их на всем этом расстоянии, они шли по склону горы, как бы по горизонтали, иногда спускались в ущелье к родничку (они отлично знали географию), чтобы напиться, потом снова поднимались на свою тропу и снова шли как по компасу все в том же направлении. По пути мы вынуждены были заночевать в Арсланбобе. На следующий день, поднявшись с рассветом, снова шли на Япкалак и, подойдя вплотную к заказнику, увидели на той стороне наших зверей — они и не думали больше убегать. По следам их мы могли установить, что, начав свой бег за 25 км отсюда, они, нигде не останавливаясь, рысью перебежали вчера еще в заказник, и, перейдя его границу, тут же ночевали и больше никуда не двигались, даже когда увидели на своем следу преследователей, ружья которых казалось бы и теперь могли причинить им урон, а значение этих опасных палок они хорошо знали и по виду, и по запаху. Стоя против нас, они хотя и тревожно глядели в нашу сторону и недовольно фыркали, но вызывающе оставались на месте, а спустя несколько минут, уже спокойно побрели в чащ. Мы долго смотрели в их сторону, делились мыслями и с волнением обсуждали этот момент, когда человеческая идея, мечта, вдруг становится такой ощутимой явью, как-будто бы природа сама идет тебе навстречу и открывает свои объятия. Сколько радости может дать победа разума!

Хотя охота была неудачна, и мы потратили два дня на преследование, результат был выше всяких трофеев, и звери, и охотники теперь знали, что такое заказник. И зверь перестраивал свои отношения к человеку, оказывался на «современном» уровне; ведь замечают же охотники следы лисицы вокруг мусорных ящиков города, а хозяйки в поселках находят в курятнике передушенных кур, если только в эту ночь собак не будет дома; медведь тащит улей с пасеки на глазах у пасечника, как только он отдаст свое ружье сыну, который лишь накануне неосмотрительно отправился на охоту стрелять кабанов.

Заказчик стал хорошей школой для охотников, считавших ранее, что мероприятия охотничьего хозяйства не имеют смысла. Киргизы говорили: все от бога — пока в его всевышних руках тугаи — будут и звери. Теперь они воочию убедились, что бог уничтожил зверя, убив его снегом, а курунчи своим усердием показали ему, где он может спокойно жить и плодиться. Человек преобразовывал природу и регулировал свое отношение к ней.

На пасеке

Я приехал на пасеку моего приятеля Ф.М-ва. На склоне горы, на живописной площадке, в долине р.Арсланбоб, в 3 верстах от кишлака Арсланбоба и 10 км от Чарвака (между ними) стоял домик под камышовой крышей, пахло ароматным медом, воском; пчелы роились, поднимая шум, хлопоты и то особое настроение, которое так красит весеннюю пасеку. Был июнь месяц; пчелы еще не отроились, шли дожди, преимущественно по ночам, а днем, на листьях горели капли воды, лучи солнца преломлялись в чаще, сверкали искры золота, серебра, изумруда, жемчуга; узорная сеть играла на розовом песке дорожек, на которых никогда не было грязи — вода впитывалась и можно было ходить даже под дождем, но только чистые аллеи и лесные тропинки обдавало дождем, а высокая трава по пояс сразу делала одежду мокрой. После Джалалабадской жары и пыли здесь дышалось легко, грудь вдыхала аромат трав, цветов, древесины, валежника, покрытого мхом, чернозема, в потревоженной чистоте которого светились фосфором россыпи огня, тлеющего тысячелетия,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

пласт за пластом. Кругом на кустарнике подлеска были гнезда поющих птиц, а сами они хлопотливо сновали взад и вперед за кормом для своих желторотых птенцов. Гам стоял сплошной, но прозрачной стеной, на фоне которой можно было различить пение и щелканье только ближних птиц — соловьев, кукушек, синиц, удонов, пеночек, горихвосток, вяхирей и египетских горлиц.

Меня встретили загоревшие, румяные лица хозяина и хозяйки, а в прихожей мне навстречу встало несколько человек киргиз — очевидно хозяин был с ними в дружбе. Они тотчас ушли, но в одном из них я заметил очень пытливый, внимательный и теплый взгляд человека, которого, мне казалось, я когда-то видел... Неужели это тот, который ходил пешком в Джалалабад с жалобой на самоуправство саяков (кетменьтюбинских киргиз), похитивших у него жену? Я был тогда секретарем прокурора и, выйдя на балахану, куда выходили двери и нарсуда 1 участка, и камеры прокурора и нарследователя (в бывшем «доме дехканина»), я заметил сидящего на корточках молодого киргиза, бедно одетого, который встал при моем приближении и, естественно, я спросил его — в чем он нуждается. Тот тогда поведал мне историю своей любви, женитьбы, а затем и тяжелой драмы — нагрязнула шайка саяков, его связали, а любимую жену его увезли, и там, в Кетменьтюбе, родственники влиятельные люди, выдали ее замуж за больного старика, и он просил наказать насильников, отнять у них его жену и вернуть ее ему. Я помог ему написать жалобу прокурору, ходатайствовал сам перед ним взяться за это дело, но прокурор, избегавший острой борьбы, отделался лишь обещанием взяться за это дело и, послав запрос в Кетменьтюбе, больше не хотел к этому делу возвращаться, несмотря на мои неоднократные потом напоминания о том, что ответов оттуда не поступает. Так прокурорский бюрократизм отказал в защите бедняку, посеял в нем недоверие к власти и лишил его любимого человека, друга, жены. Женившись к этому времени на другой девушке, Сатар не мог забыть свою первую жену и часто сокрушался в мыслях о ней и изливал эту свою досаду побоями, руганью и насмешками над новой женой, которая ни внешностью своей, ни своими душевными качествами никак этого не заслуживала бы. Она была его искренним глубоко преданным другом. От первой жены у него остался ребенок — Гурсали, а со второй он прижил впоследствии еще девочку, которую называли Турсун. У Сатара была жива еще старушка мать, которая и постаралась скорее женить Сатара, «чтобы спокойно умереть», как она говорила. Сына Сатара Гурсали воспитала уже его новая жена Кызбаргуль.

Я спросил — кто это из ушедших киргиз — молодой мужчина с красивыми глазами и ястребиным носом? Мне ответили, что это — Сатар, живет на той стороне Арсланбоба, в ауле Ярадар; бедняк, охотник. Был ли он в Джалалабаде года два-три назад? - Да, ходил жаловаться прокурору на саяков, но так ничего у него из этой жалобы не вышло.

Я тут же отправился в Ярадар. - Да, это был тот Сатар... У него юрта, мать старушка, молодая жена с ребенком от первой жены... Я ему сообщил, что много раз напоминал прокурору о его деле, но прокурор никак не мог найти времени лично выехать в Кетменьтюбе, а на запросы Кетменьтюбинские власти не отвечали и отгороженные высокими горами знали, что они безнаказанно могут там отсиживаться; связь с ними может быть лишь в течение 4 летних месяцев, а затем перевалы закрывает снегом, к ним не попасть. Но я не мог погасить у Сатара в душе чувство разочарования и недоверия к прокурорской правде. Да разве и можно было оправдать невыполнение представителем власти тех самых предназначений, о которых казенные уста твердят на всех перекрестках, а делают наоборот. Чудовищное насилие над личностью — в духе самых отвратительных старых разбойничьих законов — и новая власть, власть для бедняков, ничего не могла сделать. И если б это была только жена, какую можно купить, уплатив калым — это была любимая девушка, любовь к человеку, которая неистребимым огнем жгла оскорбленную душу, испепелила ее, взывала к

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

справедливости, к защите. Но чиновничье сердце оставалось глухо к человеческому страданию, и ему не было дела и до того, что это дело имеет и политический смысл, помимо всего глубокого человеческого чувства, перед которым только отпетый хам может остаться равнодушным.

Мне впервые пришлось столкнуться с проявлением такой высокой гармонии чувств у юноши-киргиза: его глубокая верность дружбе любимого человека, его страдания, его протест против жестокостей старого мира, его убежденность в святости любви, чувства долга. Когда спросил — как может он принять ее в качестве жены — он мне ответил, что он все истратил бы на то, чтобы ее вылечить, и один бог видит, как он был бы счастлив только спасти ее. Я все больше и больше убеждался в особой одаренности души Сатара, богатстве его духовного и нравственного мира, его склонности ко всему чистому, благородному, отзвуки чего можно было найти в музыке Чайковского, в живописи Левитана, поэзии Лермонтова. Мне он открыл целый новый мир, красота образов которого так созвучна была музыке этих ручьев, шелесту листьев Арсланбобского леса, живописи горных цепей, скал, ущелий и голубой дымки над необъятными далями, открывающимися со снежных вершин Баваштоу, Минтаке и Айлемнатоо в Кенколе. Сатар знал эти горы кругом на сотню и более километров и знал настолько, что в каждом ущелье он мог указать, где есть пещера или ниша для ночевки, где логовище зверя, где урожайное дерево, где медведь добывал мед в арчевом дупле, ореховый наплыв, до которого не добралось лесничество, ведущее заготовку его на экспорт, где растет дикий виноград, крупная алча сорта «коялы», айва, развалины древней крепости, легендарный камень, где пастбище диких козлов, как называются сопки тех урочищ, в которых мы побывали с ним, где находится месторождение, из которого местные охотники добывали свинец, прозрачный кварц, из которого местные красавицы делали себе серьги и ожерелье, придавая им нужную форму окатыванием и, просверливая в них отверстия для нитки. Все жители Ярадара были в той или иной мере охотниками, а Сатар занимался этим как промысловик; убитых кабанов у него покупали русские, а пушнину он сдавал в охотсоюз. Теперь Сатар был постоянным моим спутником в охотничьих походах и просто путешествиях, которые я предпринимал для знакомства с местностью, иногда километров за 100-200.

Охотник-промысловик

В этих путешествиях основным продуктом питания у нас бывало мясо, добытое охотой и горные плоды. Для хлеба у нас часто не хватало средств и вообще первые шаги на этом новом для меня поприще промысловика-охотника сопряжены были с большими лишениями и неудачами. Обувь была вся изношена и приходилось из свежей шкуры делать себе чулки или шить киргизские чокои, подшивая их свежим куском шкуры. Неудачи часто бывали и оттого, что обессиленные голодом, мы бросали преследование, питаясь неделями одними орехами, яблоками, алчей и диким медом.

Пока не выпал снег, охота ничего не давала, даже на пропитание, собаки не брали кабана, бежали от медведя и давили только барсуков, да дикобразов, от которых не было толка, т.к. мясо их тогда не шло в ход.

Собаки исхудали и по чернотропу не научились держать зверя. Но вот выпал снег и сразу на 60 см покрыл все пространство, засыпал кусты, лес стал прозрачным и за много километров в горах можно было увидеть след. Мне сообщили из кишлака Гавы, где я жил неподалеку теперь, что кабан перешел дорогу в двух километрах от кишлака и залег в кустарнике. На охоту вышло все население кишлака с собаками, но без ружей, т.к. ружья у всех были отобраны ввиду появления басмачества — реакции байства на коллективизацию,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

которая начала проводиться с этого года. Со мной шли двое новых моих приятелей-охотников Ш-н и Т-ке. Все мы были на япкаках. Вдруг впереди на той стороне оврага, где была главная масса народа, раздались крики и собачий лай. Люди полезли на деревья, указывая на кабана, которого не было видно, но собаки, сопровождавшие его, выдавали его присутствие. Мы остановились перед одной из лежек кабана под нависшим кустом жимолости, откуда в три стороны шли его тропы-траншеи. Я остановился на одной из них, рассчитывая, что кабан придет именно сюда по своей тропе и отсюда он будет мне виден шагах в 5-6.

Мои спутники, не имея оружия, с ловкостью белки в япкаках залезли на кусты, спасаясь от опасности. Я не смог бы этого сделать так быстро, если б даже и захотел; я приготовил винтовку и жажда убить, наконец, кабана и выйти из отчаянного положения нищеты и голода была столь велика, что я не подумал даже об опасности; если б не было ружья, я встал бы с топором или той короткой пикой, которая была у меня на случай, когда собаки окружат табун, и жалко расходовать патроны. Кабан появился очень быстро и, направившись вероятно из своего логова с перекрестка дорог, увидел меня и пулей метнулся на меня — в трех шагах я успел ему всадить пулю между глаз, и зверь, с разлета, упал мордой мне на япкаки, едва не задев меня клыком. Мои спутники первые разглядели, что кабан убит, и на всю окрестность объявили об этом, дав сигнал прыгать с деревьев вниз и торжествовать победу. Меня освободили от тяжелого груза; тут я ему вспорол живот, покормил собак, сопровождавших кабана, горячими кишками, снова зашил прутком края брюшины, и мы поволокли его ко мне домой.

Мои спутники упрекали меня в неосторожности и потребовали обещания, что так стрелять я больше не буду — от кабана надо лезть на дерево. Я был с этим согласен, но никогда не выполнял этого условия, надеясь на ружье.

Собаки, получившие награду, теперь не хотели от меня уходить: кроме моих троих собак, теперь присоединились 8 охотничьих собак из кишлака. Туша кабана теперь висела на балахане, где я жил, и собаки лаем со второго этажа закрыли проезд по улице и, бросаясь иногда вниз, терроризировали даже тех хозяев, кому они принадлежали.

На следующий день пастухи сообщили, что в 8-10 километрах, у подножия скал, называющихся «Ургачи-каль» («лысая женщина»), видели стадо кабанов в 6 штук. Мы отправились туда втроем и к рассвету были на месте; собаки, уже знающие цену охоты, бросились их преследовать. Надо было перекрыть две тропы, чтобы предоставить кабанам третью, ведущую к крутому подъему, недоступному при таком снеге кабанам, там они должны задержаться и все окажутся взаперти. Таке- и Ш-дан с ловкостью кииков завладели выходами и дали мне возможность погнать кабанов в нужном направлении. Тропа взбиралась все выше и выше, отсюда был виден уже наш кишлак и все течение р.Гава, вниз до впадения в Базар-Кургансай, все нижние предгорья вплоть до базаркурганской долины лежали подо мной, как географическая карта, нарисованная по белому полю. Давно уже не слышно лая собак, а зимнее солнце уже близко к закату. Подо мной — пропасть, я на гребне отвесных скал, падающих вниз трехсотметровым обрывом, основания которого не видно, а дальше тянутся голые осыпи, покрытые глубоким снегом (здесь он достигает метровой глубины), далеко, за километр — два упирающихся в пояс кустарника и арчи, за которым внизу виднеются ореховые леса, кажущиеся теперь редкими и голыми, выравненными снежным тяжелым покрывалом.

Вдруг передо мной открылась картина: в циркообразном каменном провале под развесистой арчей прячется табунок зверей, а мордами к ним, поодаль, хватая красными языками снег, расположились собаки в изнеможении, ни звука; красное морозное солнце садится за горной грядой. С моим появлением из-за поворота тропки собаки увидели меня и с новой яростью атаковали кабанов: те ползли цепочкой одна за другой вверх по тропе,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

которую они уже извели и знали, что им здесь не пройти. Верхнего из них я снял выстрелом из своей пятизарядной винтовки, падая, он увлек за собой всех остальных, и они, поняв свою безнадежность, бросились в мою сторону, решив, что иного пути у них нет. Одна за другой они выскакивали передо мной шагах в 5-6, появляясь снизу, и бросались напролом; за несколько секунд я выпустил навстречу им, целясь им в лоб, все 5 пуль... последняя должна меня сбросить в пропасть, т.к. зверю другого хода нет, а тропка узка настолько, что держась на гребне скалы коленом, я должен был другой ногой упираться в торчавший внизу выступ, и мне деваться некуда. Мгновенное замешательство — и я загнал шестой патрон в ствол и снова жду появления противника. Но что-то собаки перестали лаять, стучит кровь в висках — все молчит кругом. Я посмотрел вниз, немного перегнувшись над пропастью, и вижу, как переворачиваясь со спины на живот, и катясь вниз по осыпи, догоняя один другого и громоздясь почти в одну кучу, сползли все шесть свиней. Что же произошло? Спустившись в промоину, где ждали меня кабаны, я увидел следы: все они должны были перебежать гладкий участок льда, на котором одна свинья поскользнулась и покатила вниз по промоине, обрывавшейся в пропасть; там она, разбившаяся насмерть, и присоединилась к остальным, падавшим со скалы с простреленными черепами. Одна свинья была огромных размеров (около 13 пудов — более двух с половиной центнеров); эту я волочил один, а мои товарищи поволокли еще трех; двух пришлось оставить на месте, и мы их зарыли в снег, чтобы позднее прийти за ними. Всю ночь и весь следующий день мы мучились, таща свои трофеи по метровому снегу 18 километров, дважды преодолев перевалы. Пятились задом на япкиках, утаптывая глубокий снег: шаг назад — подтянуть руками тушу, снова шаг назад и т.д. Мои спутники — мусульмане, настолько свыклись с этой поганой «чучкой», что садясь завтракать, мы стелили дастархан на широком боку зверя, заменившем нам стол и для хлеба, и для сиденья. Лишь через два дня мы смогли отправиться за остальными и пришли вовремя: лисьи следы подходили уже совсем близко, и в следующую ночь они преодолели бы последний рубеж и оставили бы нам одни кости, т.к. раскопав туши, они обнаружили бы приманку и для грифов, которые расправились бы с трофеями за несколько мгновений.

Старик

Следующая охота показала, что если не предпринять особых мер предосторожности, за нами выходит на охоту весь кишлак, т.е. человек полтора — не имея ружей, все соскучилось по охоте и готово идти куда угодно, лишь бы поразвлечься и, если будет убит козел, то, следовательно, получить кусочек мяса. Так оно и случилось — двух убитых козлов мы тут же на охоте разделали на шашлык, и так как в одной пещере могло поместиться человек 10 — остальные со своей добычей ночевали как пришлось, под скалами, прямо на снегу, а кусочек мяса, доставшийся каждому (делили поровну), имел только символическое значение, но никак не мог насытить уставших и вымокших в снегу людей!

Мы решили идти тайком, с условием, что киики им, а мне кабаны. Шли ночью и, остановившись в Шайданском ущелье, под скалой развели большой костер, грелись, сушились, пили чай с сахаром и ели лепешки, посмеиваясь над тем, как мы ловко обманули кишлачных. Но не тут-то было — мы еще не успели лечь спать, как возле нас появился старик лет 75 с тощей беспородной собакой — он шел по нашему следу и вот догнал. Он смеялся беззубым ртом, сморкался часто и, утирая мокрым рукавом морщинистый черный лоб, выражал всем своим поведением чувства радости и счастья, посмеиваясь над теми, которые сейчас спят и только утром узнают, что он ушел! У него не было даже халата — на нижнюю промокшую до нитки рубаху надет был старый, дырявый чапан, под которым все

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

его угловатые острые кости угрожающе двигались, как-будто на них ничего не было. Когда он сел и склонился к костру, его голова была ниже колен. На ногах вовсе не было никаких мускулов и чем он дошагал — было невозможно себе представить. Он был худ, как вероятно не бывали худы голодающие индусы. Его иссиня коричневое тело не имело мускулов: кости, суставы были обтянуты морщинистой кожей, исчерченной складками во всех направлениях, даже на животе были такие складки, которых я, изучая пластическую анатомию на трупах, наблюдая голые тела в общих банях, и изучая на обнаженных старых натурщиках — не встречал. Тут вероятно выразились и отложились не только привычные сокращения мускулов — когда складки идут поперек волокон мышц, но и вся сетка желаний за долгую человеческую жизнь. Это было неопишимо, и интересно, и таинственно... Однако мои спутники не обращали на это никакого внимания — для них не существовало этой выдуманной тайны. Он быстро высушил свои портянки, шерстяные обтрепанные шаровары, чапан — и, оставшись в одних подштанниках, подставляя огню то спину, то правый, то левый бок, очень долго пил чай, жевал хлеб, сосал сахар и был совершенно спокоен за свою судьбу.

Утомившись за ночь, мы проспали: рассвет уже полыхал красноватой медью, а пока мы вскипятили чай, уже стало совсем светло. А была ураза. Старик сказал, что он ни разу в жизни «не поломал свою уразу» и есть не будет. Для моих спутников это был удар — они в присутствии старика не будут есть, а значит, и ходить хорошо не смогут по горам. Я пустил в ход все свое красноречие, чтобы убедить старика поесть: пайламбар, когда его настигает голод, поедает то, что оставит ему свинья, а она кроме помета ничего не оставляет. Такой рассказ действительно бытовал и оставалось его убедительно применить к данному случаю — и старик сдался. Он хорошо и очень весело ел, а рассвет разгорался и наступал светлый день. Старик все-таки взял с нас слово не рассказывать об этом в кишлаке и не говорить тем, которые еще могут прийти сюда. Мы поели и пошли. Старик из многих кусочков составил себе портянки; перегнув пучок сухого пырея, предусмотрительно захваченного из дому, обернул им ноги и натянул чокон, крепко обвязав ремешками свои палки-ноги, и затем, пустив на них шаровары и взяв в руки длинный посох из асамусы, бойко поднялся; лепешка, которая у него была в запасе, была съедена, и, кроме аркана, взятого по привычке, у него ничего теперь не было, никакого груза. Он нам был теперь симпатичен своей неземной беспечностью, бодростью, легкостью и надеждой на хороший исход. На правах аксакала — старшего, он теперь поднял руки для благословения и со словами «аумын, абла аки бар» мы тронулись в путь: а через две минуты старик был в воде.

В ущелье мороз творил нам беду: оно было сплошь завалено льдом торосами, местами речка, перепруженная снежной лавиной, выбивалась наверх через образовавшийся колодец, и вода разливалась кругом, образуя гору, которая все больше замерзала, росла на глазах; вода устремлялась водопадами в новую промоину, перед которой мы теперь остановились: надо было спуститься с четырех метрового отвесного берега, перейти речку вброд и выбраться на противоположный более пологий берег. Пока мы рассматривали пути обхода, соображая как быть со стариком, было уже поздно: он прыгнул вниз, поскользнулся и упал в воду ногами против течения. Его залило водой, япкаки не давали ему встать, еще момент — и он захлебнется, не говоря о той жестокой ледяной ванне, которую и молодому человеку выдержать трудно.

Мы прыгнули почти разом и с трудом вытащили его из воды: еще немного и его затащило бы в грот, куда вода устремлялась как в сифон, на другом конце которого, вниз по ущелью она выбивалась из ледяного кратера с шумом и грохотом; а здесь будто засасывало с большой скоростью в подозрительном спокойствии большой стихийной силы и оцепенения холода. Воды на переходе было немного выше колена, но сила течения казалась невероятной:

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

япками едва не стали нам всем троим причиной гибели.

Пока мы выволокли окоченевшего старика на противоположный берег, на нем все уже обледенело. Тут не было места, где бы осушиться; ущелье на целый километр еще представляло сплошные торосы, размывы воды, наледи, колодцы, горы льда и спаянного льдом снега, все это искрилось, грохотало; ветер с морозом холодил душу, и мы торопились выбраться отсюда, боясь встретить еще новые неожиданные препятствия, может быть еще приготовленные нам дикой природой на пути к нише, куда теперь надо было срочно дотянуть старика — только там ему спасение: можно будет защитить его от ветра и развести огонь. Старик дрожал, его били судороги; порывисто дыша, он едва выговаривал слова и проклинал себя, что «сломал уразу», впал в грех перед богом, который его, неразумного, теперь наказывает за это; меня старик косвенно обвинял в том, что я его убедил принять пищу против закона, который он всю свою жизнь соблюдал и никогда с ним ничего подобного не случалось. На наше счастье дальше все обстояло благополучно. Мы протащили старика через мост и приблизились к заветной пещере — это была небольшая ниша под скалой, с которой летом низвергался небольшой водопад, а теперь вода замерзла, превратившись в молочно-белый неподвижный язык в пять метров шириной и 8-10 метров высотой; сбоку был проход внутрь образовавшейся довольно просторной комнаты с полным затишьем от ветра: лучшего и не придумаешь! Кругом лес, дров — на века хватит. Быстро соорудили костер, оттаявшую одежду старика частями снимали, выжимали и развешивали под потолком, где стоял уже настоящий жар. Ноги, руки и спину старику пришлось оттирать, приводить в чувство. Он долго еще дрожал всем телом порывисто, и трудно было его представить себе теперь здоровым, способным самостоятельно добраться домой. Мы уже подумывали, что его на носилках придется тащить в кишлак или может быть лучше известить родственников. Я чувствовал себя особо виноватым, т.к. распропагандировал этого слишком старого человека, вместо того, чтобы просто отделаться от него. И кто теперь поверит в мою атеистическую пропаганду, когда факт на лицо: сломал уразу старик — и бог наказал его; кто докажет противное?

Однако по мере того, как старик выпивал один за другим чайник настоящего чая с обильной порцией сахара, он стал приходить в себя и теперь уже улыбался, убежденный в том, что ему, умирающему, теперь аллах действительно разрешает есть хлеб, сахар и пить горячий чай, чтобы вернуть себе жизнь. Он уже настолько хорошо себя чувствовал, что мы стали обдумывать нашу охоту. Решили, что если старику стало лучше, то мы пойдем, а ему оставим здесь все наши трехдневные запасы хлеба, сахара и чая; вернемся вечером сюда после охоты, здесь заночуем и, если старик оправится, то завтра пойдем дальше; я думал про себя — ведь лягушка может окоченеть, пролежать всю зиму в тине, а весной, с теплом, встрепенется, как ни в чем не бывало. Но то — лягушка. Может ли человек, старик, у которого замедленное течение крови и мускулы потеряли свою былую эластичность, окоченев, снова вернуться к жизни, как ни в чем не бывало?

Охота была неудачной. Мы вернулись к старику голодные и подавленные тяжелыми впечатлениями дня. Перешли мост и молча подходим к его обители — что-то там за ледяной завесой мы увидим? Прежде всего мы заметили, что из его убежища весело идет дымок — значит, он жив!

Нас охватило радостное предчувствие — и что же? Старик встречает нас бодрый, одетый, подтянутый, с веселыми хитрыми глазками и влажным от удовольствия носом — он весь день кипятил себе чай, пил, ел. От припасов наших не осталось ни крошки — все поместилось в его животе, который ночью похож был на старую пустую торбу. Вся охота лопнула, продуктов нет. Мы должны возвращаться домой, но голодные, измученные тяжелыми охотничьими подъемами, разочарованиями...

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Мы зашагали понурые; старик ковылял впереди нас на подпрыгивающей походке и чувствовал себя великолепно. Вдруг перед мостом мы увидели свежие следы. Где собаки? Их нет, они «взяли» след, пока мы шли понуриив головы, углубившись в себя, в свои неудачи. Они теперь где-то мчатся за стадом кабанов. Тут и мы всполошились и побежали вниз, вдоль реки, забыв о своей усталости и своей досаде. Через несколько минут мы услышали лай собак, догнавших кабанов, и теперь осаждавших их в лесу на склоне горы, среди тех скал, что обрываются к нашей злополучной переправе. Я с винтовкой зашел выше стада, подобрался к нему шагов на 40 и, когда кабан выскочил из под арчи, чтобы отогнать собак, и те врассыпную бросились на него, я выстрелил. Но, видимо, неудачи преследовали нас в этой охоте: пуля попала в дерево, стоявшее на пути ее полета, и невредимый зверь бросился наутек, а за ним все стадо в семь голов. Они быстро скрылись в чаще; я успел только еще раз выстрелить — одна крупная свинья повалилась и полетела вниз под горку, а за нею устремились все собаки, вместо того, чтобы преследовать остальных. Я побежал по следу. Выбравшись на вершину, нависавшую над ущельем, я заметил, что одна собака, вероятно Мазурка, преследует кабанов. Дальше след одного кабана и одной собаки. Куда девались остальные? Вернувшись, я осмотрел местность подробнее: на краю обрыва, где шли кабаны, наледи — кабаны ступили на лед, но не вышли на другую сторону его... Внизу, под скалами, на глубине 200 метров лежали все они в куче! «Не мытьем, так катаньем», а все-таки удача! Я спустился вниз, распотрошил туши и приготавливался их зарывать в снег, т.к. тащить их не было сил, как подошли мои спутники, тянувшие седьмую тушу кабана, единственную, добытую ружьем. Теперь общими силами мы спрятали добычу, завалив камнями и снегом; чтобы несколько дней звери не могли к ним подойти, на поверхности оставили кое-что из одежды и стреляные гильзы.

Теперь все повеселели. Старик казался одухотворенным. Теперь он имел все преимущества перед нами и даже с аллахом у него установились самые добрые отношения: ведь аллах сам придумал это падение с япкаками в воду, чтобы мы могли устроить старика под скалой, а потом зашли за ним.

Если бы не так, то мы не свернули бы с дороги и прошли бы вниз с пустыми руками. Кабаны пробежали как раз в то время, когда мы были у старика, и следы их мы встретили перед мостом. Старику нужно было целый день нарушать уразу, чтобы аллах дал нам в руки целую гору мяса.

Мы тронулись в путь, намереваясь завтра вернуться за кабанями, которые теперь у нас, что называется «в кармане». По дороге, выбиваясь из сил, мы решили переночевать в Кошункуре под скалой, в хорошей нише, в месте постоянных наших привалов и вероятно привалов наших предков, судя по черноте камня; развели костер, вскипятили воду в чайнике, но, поглядывая на небо, снова решили обуться, одеть непросушенную одежду и идти дальше; снег сыпал такой, что обещал навалить сугробы, а это значит, что пока он не слежится, на япкаках пройти будет невозможно, следовательно, мы обречены на голодовку. Я мог бы еще пойти и взять мяса, готового, припасенного в ущелье, но есть, когда товарищи не могут есть, было бы не по-товарищески — и я решил идти: все равно тащить туши по свежему снегу будет невозможно.

Едва к утру, изнемогая в полуметровом снегу, почти ползком, мы добрались до дому... Снег шел одиннадцать дней, и там, где лежали кабаны, его выпало на три метра. Лишь через две недели мы смогли добраться до них и уже сверх, на расстоянии одного-двух километров было ясно, что там ничего не осталось: лисицы, волки, стервятники густо заплели кружева следов и утоптали площадки, где они пировали. Кругом валялись на снегу черепа, кое-какие кости и шерсть — так окончилась одна из наших охот.

Были охоты, когда я убивал только козлов и кииков; тогда с полем возвращались мои

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

товарищи, и я собирался снова на охоту, т.к. по уговору киики принадлежали им, а мне — кабаны.

«Мазурка»

Рассказывая об охотах, нельзя не помянуть и вспомнить добрым словом тех, без кого не было бы у меня трофеев, не было бы и заработка — это о моих собаках. Стаю подобрать было очень трудно. В Джалалабаде я поймал несколько бродячих собак, обитавших возле мясных лавок. Это были разные собаки: и огромные киргизские, и «тюркские», как их называли, овчарки-волкодавы, оставшиеся не у дел после распродажи баранов каким-либо семиреченским купцом, и всевозможные дворняжки, потерявшие хозяина. Пока они привыкнут друг к другу, их приходилось держать порознь, не допуская грызни, т.к. побежденная собака, помимо того, что она больна, она хромает, и у нее заводятся черви в ранах, она психически подавлена. Она чувствует себя обиженной, у нее мало отваги в отношении зверя и недостаточно еще любви к хозяину: не строятся хорошие отношения. Для многих собак важна именно любовь к хозяину, дружба, за которую она готова идти на смерть.

Вся подготовка стаи в этом и заключается. Начиная свои шаги в подготовке к большой охоте, я подбирал себе товарищей, и таким образом, выезжая на охоту, мы имели по 20-30 собак. Сначала все не ладилось; многие собаки оказывались негодными (не имели чутья, давили телят, баранов, жеребят, поедали убитого зверя): оказывались трусливыми; другие, не имея практики, попадали на клыки кабанов; так однажды у нас из 25 собак осталось живых только пять штук, из которых две собаки оказались впоследствии хорошими собаками. Бывало и так, что собаки терялись на охоте и все поиски их бывали безрезультатными — либо их взяли волки, либо подсек кабан, либо они не вернулись в стаю, не чувствуя привязанности. Таким образом я долго не мог собрать стаю. Снова и снова пополнял ее из разных источников, но наконец мне повезло, когда я приехал в гости к одному узбеку в нижней Гаве (Арсланбоб, Гава, Чарвак были населены узбеками, а в окрестностях жили киргизы, зимовки которых находились по всем удобным для жилья ущельям, либо тянулись по долинам Очи, Кызылункура, р.Гавы, Шайдана, Казалымазара, Алаша и т.д.). Ко мне, вернее, к моему ружью, приласкалась его собака. Я обратил внимание, что собака эта и по масти, и по экстерьеру — костромская выжеловка. Может ли это быть? Из расспросов я узнал, что местный охотник имеет такую стаю и славится этим. А «Мазурка», как звали эту суку, ушла от своего хозяина, как только он однажды ее побил. Несколько раз он возвращал ее домой, но она снова убегала, и хозяин наконец отказался от нее. Я спросил, не отдаст ли мне ее хозяин? - Бери ее: хозяйина она, как только увидит, убегает; она у меня живет, а мне она не нужна, у меня есть сторожевые собаки и я не охотник. Я сел на лошадь, поманил собаку — и она пошла за мной. По дороге она часто останавливалась, как бы раздумывая о чем-то, смотрела то назад, то вперед, иногда я слезал и принимался ее ласкать. Каждый раз после порции ласки она с благодарностью смотрела мне в глаза и бежала за мной некоторое расстояние. Я сейчас же отправился с ней на охоту и тут же почувствовал, что это за собака: десять собак, собранных в стаю, все, как по команде, выстроились за ней; она остановится, подняв нос против ветра, вся стая останавливается и почтительно ждет — что она прикажет; если она повела вперед — значит все, задрав хвосты, жмутся за ней, чтобы скорее узнать в чем дело и броситься на зверя или взять более верный след. Пересекая какой-либо встречный след, Мазурка останавливала всю стаю, проверяла этот след, идя влево, потом направо, и, сообразив, что это за след и по какому надо идти и в какую сторону — вела собак дальше. Теперь каждый раз мы находили зверя, но Мазурка никогда не бросалась на баранту — она осторожно метрах в пятидесяти от кабана подавала голос своим могучим, ярким, страстным

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

и неутомимым лаем. Когда вся стая залезет лаем, голос Мазурки перекрывал всех и, когда умолкнут другие, она продолжает лай, призывая охотника, который сейчас может быть за 3-4 километра отсюда. Среди собак редко попадаются достойные охоты на кабана, т.к. нужны такие редкие качества, как чуткость, смелость и в тоже время осторожность, ловкость, выносливость и неутомимость лая. Мазурка имело чутье в такой мере, что этого было достаточно на всю стаю и к тому же она была осторожна, даже труслива. Оставалось подобрать барантачей, но так как смелые собаки прежде других попадают на клык кабана, то они первыми и выходят из строя, и часто после гибели одной-двух собак, остальные уже деморализованы и кабан уходит; охотник возвращается с пустыми руками, истратив, может быть, на охоту все свои тощие ресурсы, время и даже возможность побывать на другой такой охоте. Так, например, один молодой охотник, долго собиравший средства на ружье, припасы, собак, после одной такой неудачной охоты, задолжав товарищам, должен был продать свое ружье и отказаться в будущем от своей мечты. Этот год был вообще тяжелым, после гибели кабанов в зиму 1927-28 годов, найти их было очень трудно, да и кабаны были не те — чуть слышат собак — бегут, уходят за перевал — либо на территорию заказника, где сторожит его границы, оберегая, неумолимая охрана из следопытов охотников, которые даже по сухой тропе могут преследовать нарушителя и сказать, кто это такой.

Мазурка, радуясь предстоящей охоте, выражала свои чувства бешеной лаской — подпрыгнув, лизала в морду лошадь, прыгала на седло, визжала, лаяла, кусала собак и выражала такое нетерпение, что и на лошадь трудно сесть, а уж если сел, то надо немедленно двигаться. На привале, когда все собаки располагаются, если нет места под скалой — прямо на снегу, поодаль от костра — она лезет к хозяину и требует ласки; если рука перестанет ее гладить — она настойчиво напоминает об этом мордой и, залезает на колени, как бы говоря: одной рукой есть, а другая — для меня. Но если уже вышли охотники — Мазурка впереди, за ней вся стая. Идет она деловито, медленно, оглядывая горы, присматриваясь, прислушиваясь, принохаясь.

Всходило солнце. Порозовели снега на вершинах гор. Морозит. Тяжело идем берегом реки Шайдан на япкаках по двухметровому снегу; ступни уходят на четверть в рыхлый снег. Мазурка остановилась и долго смотрит вверх на противоположный гребень — там видится какой-то крупный след. Мы стоим и наблюдаем, собаки спокойно дожидаются результатов, т.к. сами ничего в этом не понимают; кое-какие даже уселись в снег и разлеглись. Долго «соображала» Мазурка, а потом двинулась решительно туда — это нужно на полтора-два километра подняться в гору. Найдя удобное место, пошла вплавь на ту сторону, вылезла, отряхнулась — и пошла дальше. За ней бросились в холодную воду собаки посильнее, другие, поискав более удобного перехода, боясь отстать, попадали второпях в такие водовороты, что едва выплыли и вылезли на берег; один молодой кобель больше всех скулил и бегал по берегу взад-вперед, рассчитывая, что может быть вернется стая и он станет сухим, но когда эта надежда у него исчезла, он с воем бросился в воду и, попав в шугу, работая передними лапами, как мельничным колесом, поднимая бестолково брызги, едва выбрался из холодной ванны и тут же, т.к. уже некогда отряхиваться, бросился мокрый догонять товарищей, виляя скудным задом, который теперь уже не украшал гордо поднятый хвост — он волочился за ним, как позабытый и плохо пришитый хлястик. Мы все остановились, в ожидании результата осмотра следов. Собаки уже еле видны были на большом расстоянии, как блохи на снегу. Мазурка уткнула нос в след, долго приноховалась, пошла влево, делая тоже самое, потом вернулась, пошла вправо — гораздо дальше, но в конце концов перестала нюхать следы, постояла, глядя в ту сторону, куда ушел след, и стала спускаться вниз с горы, и вся стая, успокоившись, уже без всякого ажиотажа, деловито и не торопясь стала спускаться за ней.

Пришлось снова переплывать реку, в том же порядке, но более обдуманно и сдержанно. Теперь уже видно было, чего это им стоило: все садились на снег и зубами отрывали ледяные сосульки, которые особенно мешали идти, валялись, трясли шубы, лапами прочищали глаза, под которыми пучками на длинных волосах тоже болтались льдинки.

Кабаны

На подходе к Шаинским воротам вероятно ветром пахнуло с гор — Мазурка повела стаю вперед и скоро собаки скрылись из глаз. Там, где сошлись скалы, мы установили, что собаки взяли след кииков, переходивших здесь ночью с одной горы на другую, и решили, что нужно лезть за козлами. Так шли мы по собачьим следам чуть не до самого вечера далеко, к Алашу, и только на краю одного ущелья уловили далекий лай собак, доносившийся снизу: тут все с небывалой быстротой и поспешностью мы побежали вниз, обходя места, где может быть лавина (безлесная полоса), и прыгая друг за другом по скалам, иногда помогая друг другу, подставив товарищу палку там, где на голой отвесной стене негде поставить ногу. Собаки, было умолкшие, снова принялись лаять, но уже на противоположном склоне горы — кабаны пошли наутек, но так как внизу пропасть, они решили ее обойти стороной и тут их у нас на виду остановили собаки. В стаде голов в пятьдесят было с десятков клыкастых кабанов, выделявшихся своим ростом. Я отставал от своих спутников, задыхаясь и чувствуя, что вот еще шаг — и сердце не выдержит. До гребня, за которым Ш-.. и Токо, глядя жадными глазами вниз, уже рассматривали кабанов, оставалось всего несколько шагов, но я остановился, переводя дыхание. Ш-.. подбегал, то ко мне, пытаясь дать мне руку, то на гребень — посмотреть на кабанов, упрашивал дать ему ружье, но я не давал. - Почему? Чтобы для меня стрелял? Когда я, наконец, добрался до края обрыва — застал только хвост этой добычи, которая была у меня в руках, если б не сердце... Я выпустил раз за разом три патрона и как-то непривычно было, что за этим ничего не последовало: собаки отчаянным лаем продолжали провожать табун, который скрылся за бугром. Дольше бежать уже не было сил.

Страшное чувство несостоятельности давило меня, а спутники мои молчали и чувствовалось, что они в душе презирали меня. Собачий лай все удалялся, все глуше становились звуки, которые, наконец, оборвались где-то, очевидно, за горой. Все смолкло; кровь стучала в висках от перенапряжения; мы легли прямо в снег и несколько минут, прикладывая снег ко лбу, утирали пот, не в силах что-либо сказать друг другу. Все упущено. Если бы были ружья у моих товарищей — здесь осталось бы пол стада.

Но долго лежать было нельзя; надо было двигаться, т.к. холод быстро завладевал промокшей одеждой. Мы были очень голодны и обессилены долгой ходьбой. Решили, что тут мы и заночуем — и обзор хороший и от ветра защищены. Кругом много дров — арча, а в каменном коридоре под нами клен, жимолость, накрытая снегом, слой которого здесь, пожалуй, не менее двух с половиной, а то и трех метров.

Мы сняли свои доспехи, я принялся устраиваться, набил снегом две наши «куры», чтобы растопить его для чая, а Т.. с Ш.. принялись подтаскивать хворост для костра — на ночь его нужно было запасти целую гору.

Когда огонь уже запылал от высеченной кресалом искры, мы вдруг различили приближающийся лай собак. В этот лай, казалось влились новые голоса, среди которых одна собачка визжала словно в отчаянии. Я схватил винтовку, приготовил патроны, проверил, не забит ли снегом ствол, и вдруг вижу — огромное стадо кабанов, еще большее, чем было, стремглав несется вместе с обрушенным снегом, попеременно с собаками прямо к нашему месту, и вот из-за бугорка двумя-тремя рядами, обгоняя друг друга, толкая друг друга в снег,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

первый десяток оказался подо мной — в 20-30 шагах, толпящихся перед узким проходом в скалах.

Прицельным выстрелом в голову я уложил вожака, прокладывавшего след. Остальные отпрянули, повернувшись кто назад, кто в сторону, но лезть им было некуда, они снова скатывались на дно этого узкого прохода, а сзади напирала все новые и новые партии, появлявшиеся все из-за того же бугорка, за которым они барахтались в снегу. Проход был уже завален убитыми кабаном, когда остальные нашли новый путь, проходивший прямо под стенкой, на которой я сидел. Тут их стрелять было почти невозможно, т.к. росший в расщелине клен и кустарники скрывали их, а когда они показывались дальше — было уже далеко.

От частой стрельбы винтовка раскалилась, в голове шумело от отдачи, невероятное побоище вызывало у меня чувство отвращения к себе: если бы я не был теперь промышленником, я бы никогда не позволил себе бить беззащитного зверя — мне казалось, что я перевел пол стада — все дно этого каменного мешка чернело от кабаньих туш, лежавших одна на другой, то зарывшись в снег тяжелой мордой, то привалившись спинами друг к другу, то повиснув между камней в ожидании помощи.

«Тоуба кылды», - послышалось за моей спиной — мои товарищи считали трофеи: 9 кабанов, 6 крупных свиней и три поросенка. Три чужих собаки драли одного из них, начиная выгрызать у него ляжку. Этим пришлось прогнать, а поросенка дорезать. Остальные собаки скоро вернулись — среди них было еще штуки четыре чужих, двух из наших не хватало, что с ними — если ранены, то где — вверху или внизу? Мазурка была здесь — значит собаки не ушли, а могли только погибнуть.

Добыча теперь большая, я бы согласился и на половину ее. Как ее вытащить отсюда? Я решил, что трех покрупнее мы потянем завтра, а остальных закопаем в снег и придем за ними потом — волочить их нам тридцать верст! Это самая тяжелая задача. Я принялся их потрошить и кормить собак горячими кишками — самое любимое кушанье охотничьих собак, от которого они за неделю становятся гладкими и блестящими.

Однако это была трудная задача, т.к. собак собралось много — наших 11 (без двух) и чужих 7 штук: каждую минуту затевалась грызня, в которой они могли друг другу погрызть ноги, носы — все, что нужно для работы. Ш. взял большую палку и помогал мне потрошить (поддерживал ноги), разгонял собак, как только они бросались в драку. К концу раздачи пищи многие уже не поднимались со снега и им лежать уже было невозможно не только отнять у соперника, но даже протянуть морду за куском, лежавшим поодаль. Животы их были полны и чтобы унять жар, они терлись или о снег, отходили, валялись, снова подходили или берегли то, что не могли поест.

Теперь всякое движение им было «противопоказано». Снаружи оставалось теперь три больших туши и одна поменьше — насколько сможем ее потянем вместе. Закопали и два мешка, набитых печенками от кабанов и внутренним салом. Один из них я взял у Т. с условием вернуть ему новый мешок. Последние приготовления проходили уже при свете лучины и луны.

Уже давно был готов чай, ужин, дрова на ночь — и мы, уставшие до потери воли к каждому теперь лишнему движению, голодные до дрожи в ногах, принялись за еду.

Мазурка, страдая от полноты желудка, вела себя неприлично, не находя места под теплой шубой и не желая все-таки выйти и лечь на снег. Время от времени, освобождая меня от тяжелой теперь обязанности гладить ее и выражать сочувствие к ее страданиям — она отходила и, полежав в снегу, снова возвращалась на свое законное место.

Пили чай, обсуждая теперь не столько необыкновенные трофеи и везение, сколько загадку — почему вернулись кабаны и откуда эти чужие собаки: мы еще не знали, что

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

готовит нам следующий день, и эта «удачная» охота чуть не кончится роковым для нас исходом, главным образом для меня.

Встреча с охотниками

На утро все было тихо. Рассвет, заря — мы подкладывали хворост в костер и наслаждались теплом и отдыхом: нам предстояло волочить по глубокому снегу эти тяжелые туши.

Вдруг послышался сверху шорох — собаки вскочили и ринулись на бугор. По почерневшим среди снега обнаженным камням скакал большой козел; увидев собак, он бросился в сторону и исчез из глаз. Я схватил винтовку и побежал протоптанной вчера тропой к этому обрыву и вижу, как козел по шею в снегу пробирается на ту сторону промоины, а собаки ползут за ним с отчаянным лаем. Выстрел сквозь снег остановил его, и голова его упала в снег, оставив торчать загнутые кверху рога; собаки тут же настигли его и все скрылось под их живым клубком, где вперемежку теперь грызлись свои и чужие. Т. успел быстро надеть япкаи и побежал туда разгонять собак и выручать убитого для него козла. Теперь и они были с мясом. Козел был очень тяжел и по весу не уступал среднему кабану. Т. и Ш. вдвоем бережно распотрошили тушу, Ш. принялся поджаривать шашлык, а Т. отделил рога с частью черепа и приладил их к дереву так, чтобы они как бы увенчали и нашу стоянку, и ту крепость, в которую случай загнал это стадо кабанов.

Собаки едва успокоились, как опять сверху послышался шорох, а затем и людские голоса: вчерашней кабаньей тропой шли к нам русские охотники, грубо нарушившие горную тишину. Среди них один в очках, хрипловатый голос которого выделялся среди молчавших. Ружья были гладкоствольные, одежда и снаряжение рябили в глазах какой-то неслаженностью. Я спустился к ним для встречи, неосмотрительно не взяв ружье, за что чуть было не поплатился жизнью.

«Это вы постреляли кабанов?» - заорал очкастый грубо, увидев на снегу туши. «Да, это я», - отвечал я ему, - «еще вчера». «Из под наших собак?» - продолжал допрашивать грубиян. «Да, и мои, и чьи-то чужие собаки гнали этот табун. Хотя, они и не нужны были здесь, собаки не держали, я их стрелял из ружья. Но чтобы и вы были с «полем», я готов вам отдать вот ту свинью». «Мы берем половину. Сколько их у вас?». «Тогда я вам ничего не дам» - заявил я, - «и ступайте, откуда пришли; среди охотников таких правил не существует, чтобы, не участвуя в охоте, получать половину». «Ты еще, гад, будешь грозить!?» - взревел неистово этот бандит, вдруг весь покраснев и взведя оба курка своей двухстволки и пропустив оба пальца в скобу, наступая на меня и почти прицеливаясь. Ствол его ружья направлен был мне в грудь, он шел неверными шагами по утопанному снегу, все приближаясь, показывая, что этот человек не знает границ своих чувств, что он невменяем. Бежать от него было уже поздно. Единственной мерой против таких было полное спокойствие, надо было устоять, пока он подойдет совсем близко, чтобы потом попытаться выбить у него ружье. Оглянуться на своих мне тоже не было времени, а его шайка безмолвствовала, чувствовалось, что она для него чужая. «Разве так встречаются русские люди, которые пока даже не знают друг друга?» - постарался я ему сказать как можно мягче и безразлично. Эта фраза, по видимому, сыграла свою решающую роль — он не смог еще нажать на спусковые крючки, а, шагая все еще вперед, приблизился настолько, что теперь уже намеревался ударить меня дулом ружья в грудь.

Я, стоя твердо на притоптанном снегу, резко схватил его ружье и одновременно отвел его в сторону; прогремели выстрелы и пули из обоих стволов просвистели в сторону.левой рукой я схватил его ружье у цевья и, рванув на себя, свалил бандита в снег; он выпустил из

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

рук ружье и, потеряв очки, поднял руки, стараясь ими защитить свое багровое от злости и растерянное лицо, стал умолять о пощаде визгливым, хнычущим голосом. Никто из его товарищей не сделал и шагу ему на помощь. «Мы тут ни при чем. Это гуртоправ, его скотина пасется тут возле поселка, а он пристал к нам на охоту, мы и не знали что он за человек» - отвечали четверо его молодых спутников — жители поселка С...ского.

«Ну, ладно» - говорю, - «бить я тебя, лежачего, теперь не буду, но чтобы ты помнил этих кабанов, я тебе устрою памятку». Вынув свой нож, я отвинтил курки его ружья и забросил их в снег. «Ну, ступай, гуртоправ, да больше не попадайся». Его фамилия была Апов, тезка моего старого приятеля, но негодный человек.

Они ушли. Ребятам я все же посоветовал захватить с собой свинку. Собак они никак своих отозвать отсюда, т.к. они знали, на чьей стороне правда (и мясо, конечно).

Отойдя вниз сотни две шагов, гуртоправ что-то орал мне, но я не разобрал его слов. Винтовку мне принесли мои товарищи и все говорили, что таких людей не надо жалеть. Нужно было хоть побить его как следует. Я тоже пожалел об этом, но было противно представить себе, как это я ударил бы его в его гадкую, красную харю, с вздувшимися жилами на шее и на висках, с мокрыми, свалывшимися рыжеватыми волосами и левым налитым кровью глазом, который у него совсем затянула катаракта. Видно этот человек не выходил из дебошей и где-нибудь в драке он найдет свой конец. Но все хорошо, что хорошо кончается.

Только за полдень мы вышли в обратный путь. Кабанов потом мне помогли вытащить отсюда мои поселчане, а платой за это была охота на козлов, устроенная для Ш. и Т., которые своего козла отдали своим помощникам.

В лесничестве

Всего за сезон охоты, т.е. с октября по январь, я добыл тридцать с лишним кабанов (не считая потерь), и доставив мясо и шкуры в кооперацию, а также и всю пушнину в охоттоварищество, получил по отовариванию такую массу охотприпасов, что мне хватило бы их на 10 лет. Кроме того, мне выдали мануфактуры более ста метров и заготовок на 8 пар сапог. Такого капитала я никогда не мог бы заработать никакой службой. Я окреп физически, голова моя больше не болела, нервы были в порядке... и я снова поступил на службу. Теперь уже по новой для меня, но очень подходящей по обстановке линии: я стал помощником лесничего; мне предоставлена была квартира на кордоне в лесу с прилегающим к нему фруктовым садом; я мог, пользуясь воздухом, живя в лесах, продолжать знакомиться с пейзажем и населением юго-западной части Ферганского хребта; Базаркурганской лесной дачи и Токус-тороу (северо-западная часть хребта до р.Нарын).

В марте месяце началась полоса обвалов: весь день грохотало в горах, лавины шли одна за другой непрерывно; обнажались, как в театре, горы, бежали ручьи, пожелтевший снег оседал на тескеях (северных склонах) лесистых предгорий, а на купгелях аткулак (конский щавель) поднялся уже на четверть; на глазах грибом вспучивалась и трескалась земля и из под нее вырывалась к солнцу зеленая шапка ферулы, которая на завтра уже превращалась, как в сказке, в миниатюрное деревце, формой напоминающая шахимарданский карагач, круглый, как шар, и темный, как ночь, потому и названный «черным деревом»; в пейзаже это действительно самое темное пятно, но нарядное и привлекательное в живописи. Скоро зацветет карамарт и склоны подножий гор, вершины которых еще в снегу, покроются белой кипенью сплошных зарослей этого кустарника. Затем зацветут яблони, в апреле зацветет неприметными зелеными цветочками орех, одновременно одеваясь в листву, которая постепенно делает леса непроглядными, глухими, образуя такую

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

тень, что весь подлесок уйдет на край, а вокруг корней останется только зеленый ковер трав, которые ни лошади, ни корове не годятся на корм. Сенокосы останутся лишь на открытых полянах, каждую из которых теперь имеет в виду либо пасечник, либо житель кишлака, намеревающийся где поближе накопить себе сена на зиму.

Пырейное разнотравье дает сена по 200-300 пудов с гектара, если не пускать сюда скотину и скосить вовремя. На полянках повыше киргизы любят посеять просо и тогда переселяются туда со своей юртой, т.к. просо надо охранять и от потравы (для этого поле обносится забором из колючих ветвей боярышника) и с середины лета — от воробьев, дикобразов, кабанов и медведей. Местные обыкновенные воробьи, которые кружат стаями — еще пол беды: комок сухой глины, выпущенный из пращи неусыпного стража, прогонит сразу всю стаю. Но вот прилетает сибирский воробей (прилет его знаменует наступление первых заморозков на севере), этот юркнет незаметно и, пока каждого не выгонишь, он будет сидеть на метелке, и выклевывать зерно. Дехканин очень ревниво относится к потраве — гибель одного стебля вызывает взрыв горя, негодования, крика, проклятий и обвинений. Если скотина появится на краю поля — весь аул, несколько юрт, поднимает тревогу, кричат «джепкойды, джепкойды», а это — призыв к всеобщей атаке из всех юрт всех присутствующих — мужчин, детей, старух; женщины, закинув за спину ребенка, держа его плачущего за руку, другой поднимая что-либо с земли, чем можно ударить скотину — все бегут, сорвавшись со своих мест и долго еще преследуют скотину, удирающую в лес напролом, задрвав хвост трубой и блестя на солнце глянцевиной отмытой дождями шерстью на гладком нагульном теле, на котором пластами теперь лежит сало, которое трепещет, дрожит и волнами ходит на гладких боках, висит на штанах и ходуном ходит на горбе, зажигая восхищенный огонек в глазах исконных знатоков и ценителей хорошего мяса и туша в них злобу, предшествовавшую всей этой погоне. Коровы лезут на поле лишь из озорства: они сыты всем, кормов у них под ногами много, и теперь хочется только побаловаться запретным плодом. Если одна лезет и образует пролом в изгороди (на это тоже есть свои специалисты), то другие ждут, притаившись в лесу. В случае неудачи, поводырь, вожак ведет стадо на пшеницу, на кукурузу, а это может быть за 4-5 километров — идут играючи, как на прогулке. Дойные коровы только обязаны вернуться вечером к своим телятам, и, вспомнив о них, покидают ораву бродяг, чтобы отдать молоко и облизать, и причесать свое тощее до сих пор не облинявшее детище, с голыми от постоянного лежания на привязи коленками и с лепешками присохшего мусора и навоза на боках. Жеребенка из под дойной кобылы хоть отпускают на ночь с матерью, а теленок должен лежать все лето возле юрты и только осенью его отпустят на волю, т.к. большинство коров доится только полгода, а затем корова сама добывает себе подножный корм, либо, прибитая к стогу, будет питаться там без присмотра хозяина, покуда хватит сена. Тогда хозяйка, взявшись за лопаты, проложат траншею в снегу до аула и вызволят скот из снежного плена. Снег здесь бывает в полтора и два метра глубиной.

Сообщение между кишлаками иногда прекращается, пока жители их, идя друг другу навстречу, не пробьют лопатами траншею, по которой можно ехать верхом. Лопаты здесь делают из орехового дерева, вырезая их целиком из сутунка длиной в полтора метра, не считаясь с количеством отходов, которых в несколько раз больше, чем древесины в самом изделии. «Лес не имеет границ — чем больше рубите, тем больше растет», хотя убыль лесов бросается в глаза каждому.

Из ореха и горного ясеня мастера вытачивают посуду — тавак, могоара, даже подносы. Заказчик может получить нужный ему предмет, если отправится вместе с мастером в лес, поможет ему свалить назначенное мастером дерево, распилить его и затем, сидя за станком с ременным приводом, будет крутить его, пока мастер резцом не изготовит ему чашку. Потом

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

это изделие обжигается тут же на костре, пропитывается ореховым или кунжутным маслом — и оно готово. Цену за это изделие определяют количеством зерна, которое поместится в этот сосуд «с горкой». Осенью мастер приезжает к заказчику на «хырман» и получает с него плату натурой. Такой долг называется «насия».

Лучшим мастером по выращиванию просо во всей округе был Сатар. Если бы он выращивал его в условиях колхозов, до чего он не дожил, его наградили бы орденом Ленина: 1000-1200 пудов в расчете на гектар. Но сеял он немного — какой-нибудь клочок, обычно свежей земли, где-нибудь в лесу, на косогоре, или на гребне бугра. Старательно расчищал его, распахивал, сеял вручную, хорошо огораживал, подводил к нему арык, затрачивая на это массу усилий, иногда строя деревянные желоба на высоких подножках или подвешивая их в обход скалы. Вовремя давал воду и тщательно охранял, не допуская никакой потравы. Однако собранного урожая ему хватало едва до конца зимы: как только поспеет просо, начинается приготовление бузы — напитка, служащего для бедноты этого района почти единственным питанием.

Буза варится по очереди — то у одного, то у другого соседа. Когда она готова у одного — это становится известным далеко в аулах — и тогда все собираются в эту юрту. С утра до вечера, пока есть буза, ее подогревают в казане, процеживают через марлю или другую тряпку и пьют, сидя в кругу. Буза пьяная, поэтому «бузахуры», истощив запасы в одном месте, едут подгулявшей ватагой в другое место, оттуда в третье. Чарвак — узбекский кишлак славится своей бузой на весь базаркурганский район, и здесь ее привыкли производить для продажи, чашка — один рубль.

Лес

Людей, ничем не занятых, тогда было много; единоличники, в сущности, вели натуральное хозяйство, и если они что обязаны были сдавать государству, так это поставки мяса, масла, шерсти, немного зерна и уплачивали подоходный налог. Убрыв урожай, такой хозяин был свободен до весны, но каждый уделял непременно и главное внимание сбору орехов — это было главным в его бюджете. За каждый доставленный на скуп.пункт килограмм орехов он получал деньгами 50 копеек (I сорт). Кроме того, он старался как можно больше спрятать этого ореха в ямах, заготовить манчку (ядро) на масло. Если приехал гость и нечем его угостить — орехи и ядро подаются на подносе — и выход для хозяина найден. Орех он может продать и на базаре по спекулятивной цене, орехом может расплатиться за долги. Однако заготовители орехов организуют сеть охранников и, как только темпы заготовок снижались, начинается полоса обысков — находят спрятанный орех и тогда его отбирают бесплатно. Повсюду на дорогах, ведущих к базару, стоят люди, днем и ночью проверяют брички, вьюки и курджумы. Все обнаруженное до килограмма отнимается и поступает в заготовку (если не присваивается недобросовестными контролерами, которые, как правило, промаха не дают).

Поступив в лесничество, как мне казалось, надо было в первую очередь знать лес: я раздобыл литературу и, объезжая лес «зубрил» породы — вот грецкий орех (его ботаническое название), дикая яблоня, алча, остролистный клен, ясень, осокорь, арча, крушина, жимолость, боярышник, дикая роза — шиповник, барбарис, железное дерево (катранка), карагач, тал, береза, рябина, тяньшанская ель, пихта, бересклет, таволга, иргай, тополь, дикая груша, виноград, даже дикую айву показали мне всезнающие киргизы в лесу возле Арсланбоба.

Среди жимолости было три интересных сорта — жимолость «семикожка», с белой и очень крепкой древесиной; жимолость, называвшаяся по-киргизски «урлачи шильвой», т.е.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

«женская» — стволы ее напоминали дерево, а для путешественника она представляла интерес тем, что даже срубленная на корню сырая древесина ее хорошо горела в костре. Третий вид жимолости — это арсланбобский эндем: вид, который больше нигде не встречается — это «ала-муса», «Моисеево дерево», точнее, «посох Моисея». Оно имело желобки вдоль ствола, от мутовки до мутовки, украшая такую палку естественным рисунком. Каждый паломник увозил с собой в далекие кишлаки и города связку таких посохов, чтобы подарить у себя «на родине» такую палку аксакалу, старику и получить от него благодарность и благословение. Каждый мулла старался раздобыть себе такую палку, а русские увозили такие палки себе на память об Арсланбобе: это был их главный и вернейший сувенир.

Иргай заготавливался предприимчивыми людьми чубуками длиной полметра и распродавался в нижних кишлаках хлопкосеющих районов на изготовление «чигырыков» — кустарного домашнего станка для очистки сырца от хлопковых семян. Вата после этого шла на одеяла, халаты, подушки и др. заготовку хлопка взяли в свои руки государственные предприятия, такую очистку хлопка запретили, чтобы предупредить его оседание у дехкан. Иргай постепенно потерял свое былое значение: кроме иргая, никакая другая древесина не выдерживала напряжения на винтовой нарезке осей, между которыми пропускался сырец. Из иргая делались рукоятки для улачных камчей, а таволга, высушенная в ее сургучной красной коже, шла на поделку рукояток нагаек для арбакешей. Ее причудливые завитки и узлы муллы и дервиши брали себе на разные подвески, чередуя их с раковинами, зубами рыб и животных, когтями барса и медведя и даже клыками кабана, чтобы поразить воображение суеверных. В погоне за такой сенсацией один из дервишей в Шахимардане появился с бивнем рыбы-пилы в руках и толпы зевак и мальчишек сопровождали его в его хождениях по чайханам и базарам, где он особенно хорошо собирал свою дань.

Меня интересовали теперь также и травы, а так как, кроме «*alhagaes ga melorum*», я ничего не помнил с летней практики С-х. факультета, то мне пришлось достать Коровинские и др., тогда еще отпечатанные на машинке, рукописи и по ним изучать арсланбобскую флору. И не зря: когда из Фрунзе приехал специалист по лесокультурам Г.И.П-в, то по дороге от Базаркургана до Гавы, где стоял наш кордон, я мог ему рассказать о том, чего он, живя во Фрунзе, не знал, начиная с нашего «апдыза» — инуля (*inula*), богато заселившего предгорья Гавы, а затем могучей арсланбобской ферулы, не встречающихся в других местах.

Е.П.Коровин и Кашкаров ежегодно посещали Арсланбоб, останавливаясь у Ф.И.М-ва на пасеке. Тут же работала и Ботаническая экспедиция Ленинградского института, изучавшая главным образом яблоневые леса и зарегистрировавшая лишь на участке от Ярдара до Дашлака 330 сортов яблок. Был здесь и ботаник Н.И.Вавилов, погибший впоследствии в лагерях в период культа личности Сталина. Лесовод Глухов из Ленинграда также проводил свои исследования. И все эти работники стекались в гостеприимном домике Ф.И.М., что стоял повыше нынешней гульханы — штаб квартиры Орехосовхоза «Арсланбоб».

Теперь меня должен был интересовать и ореховый наплыв. Заготовки его в Арсланбобе ведутся с конца прошлого столетия. Сначала его покупали французы, они приезжали в лесничество и им предлагали книгу с указанием места и качества разысканного наплыва; заключалась сделка, в казну поступали деньги, а покупатель сам своими силами снимал наплыв и отправлял его на свои склады. Теперь покупали наплыв немецкие предприниматели — лесничество заготавливало, отправляло в адрес экспортной организации, а та устраивала аукцион или отгружала в адрес покупателя. Запасы наплыва уже поистощились, т.к. он растет медленно; остался он в таких местах, откуда его не вывезешь, а, следовательно, заготовка его становилась все более дорогой, а экспортные планы все более напряженными, но лесничество пока не очень обременяло себя этими заботами, они придут

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

позже, с организацией в 1933 году Орехосовхоза. Пока в распоряжении лесничества был только один специалист по розыску наплывов — это пасечник из Кызылункура, знаменитый здесь охотник Лапин. Мы с лесничим как-то к нему заехали познакомиться и узнать о его работе.

Была сухая, ясная осень. Листья уже облетели и наступал самый привлекательный сезон ночной охоты. На кабанов с собаками охотятся, когда выпадает снег, а сейчас лучше в засидке, ночью. Лапин в иную ночь убивал до 7 кабанов. Рассказывая об этих охотах и тыча по своей манере указательным пальцем куда-то вниз и в сторону, он говорил, посмеиваясь (только что проехали охотники на медведей), что пока они там одного медведя убьют, я здесь на 200 руб. продам свинины.

Два дня мы осматривали его работы по заготовке орехового наплыва. Среди рабочих пильщиков я встретил Н.С.К-на, интеллигента-романтика, охотника, музыканта и хорошего организатора, с которым впоследствии подружился. Срез только что спиленного наплыва диаметром более метра заинтересовал рабочих и они сидели и разглядывали его: там был изображен пейзаж в красках: зеленоватые, голубые, краснокоричневые и желтоватые тона создавали приятную гармонию и вырисовывалась сюжетная картина: небо, ореховый лес и на поляне чабан с отарой овец. Все было до того ясно, что естественно на обсуждение встал вопрос — как это происходит. Лесничий привел взгляд одного немецкого специалиста: наплыв фотографирует окружающую обстановку: на Кавказе одни мотивы, в Арсланбобе — другие, но как это фотографирование происходит, очевидно специалист не давал себе труда додуматься: ведь если срез сделать в другом направлении — получится другая картина или может быть ее совсем не получится. Немцы фразируют фанеру из наплыва для отделки дорогой мебели поперек «сосков», а французы — наискось, добываясь не концентрических кружочков, а волнистых линий, помогающих добиваться более живописных панно, как по рисунку, так и по цвету. При этом сюжетные картины могут получиться совершенно случайно, так, например, плывущие облака могут вдруг образовать фигуру зверя, человека, горного пейзажа и т.д.

Вернувшись из поездки, мы решили с этим знаменитым охотником попытаться счастья на охоте где-нибудь поблизости — провести ночь в хорошей засидке. Поехали в Карангытугай, а у Лапина подходила «Медовуха». На пасеке своего друга Лапин, открыв железный замок, выволок наружу стол, самовар, закусили, попили чай с медом — Лапин распорядился здесь, как у себя дома — и отправились на засидку. Речку перешли вброд, ноябрьская вода была уже холодная, но мы подчинялись предводителю: одежду, ружья держали над головой, т.к. вода доходила до пояса. Лапин посадил нашего лесничего в лесу, помог ему сделать засаду, а сам отправился на свое излюбленное место — в ореховый лес, на бугор, где проходила кабанья тропа. Я нашел себе место у родничка в трупце ущелья, где была свежая кабанья тропа, и мог устроиться только так, что стрелять пришлось бы только в упор — кругом чаща и скалы. Пока была луна, было еще видно, но когда луна закатилась за гору, наступила кромешная тьма. Сидели долго, но нет кабанов. Наконец, послышались шорохи где-то в стороне, где сидели товарищи.

Вдруг выстрел, но какой-то ненадежный, будто в сторону; это стрелял лесничий — и, конечно, промазал; звук не был уверенным — глухим и коротким...

Через несколько мгновений я слышу, как кабан ворвался в мою балку и скачет вниз, осыпая камни и будоража сухие листья, лавиной приближаясь к моей тропе, у которой я сижу снизу. Сюда он не придет — думал я с грустью, ветер идет вниз и он почует меня.

Но невероятное бывает на охоте, когда не думаешь; свинья — тут я понял, что это не кабан — фыркает, почуяв запах, и мчится на меня. Ружье у меня просунуто теперь сквозь ветви кустарника и нацелено на дорожку, которая от меня в расстоянии одного метра; скорее,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

чем я ожидал, передо мной появилось черное пятно и уткнулось в воду — я едва различаю очертания зверя, на миг остановившегося в роднике по колено в грязи, чтобы промочить глотку от страшного бега; мне пришлось немного продвинуться, т.к. ружье почти упиралось в тушу. Я выстрелил по шее — очень хорошее место! Свинья падает без звука и вздрагивает. Я вылез из засидки, чтобы скорее убрать ее с узкой дорожки, обрывавшейся в илистый родничок, куда теперь завалилась свинья и конвульсивно бьется в нем. Поймав ее за ногу и притянув на себя, я вдруг был отброшен сильным ударом ее задних ног и, от неожиданности споткнувшись о камень, упал в грязь. Зная, что это конвульсии, я повторил усилие и, оттащив свинью в сторону, снова залег в засидку в ожидании новых кабанов того стада, которое теперь, разбежавшись по лесу, могло почему-либо еще наскочить на мою балку, где, по видимому, находятся их лежки под сплошным пологом непроходимой черной чащи.

Но сколько я не ждал, случая не повторилось. Тогда, распотрошив свинью (в ней было килограммов восемьдесят) и вставив распорки, без которых мясо ее уже к утру приобретет несвежий запах, захватив с собой печень и сердце, я спустился на наш стан. Мои товарищи спали; проснувшись и увидев меня при свете костра, который я развел, они начали смеяться: с головы до ног я был выпачкан черной глиной — это брыкнула свинья.

«Знаменитый охотник» не захотел мяса (ему не повезло). На следующий день с единственным трофеем мы были на пасеке, где его хозяйка нажарила вкуснейших отбивных в огромной жаровне (как это мы не боялись заворота кишок, пароксизма сердца и т.п.?). с медовой бражкой мы уплели десять котлет на человека и нам едва хватило. Ляжку мы преподнесли лесничему — пусть угости домашних дикой свининой — а нам тут этого добра только захоти: с тем мы и выехали в обратный путь.

Вспышка басмачества

Главной задачей лесничества, судя даже по его названию, было лесное хозяйство, а в данном случае особенно охрана леса, единственного в своем роде на все нашей планете. В Калифорнии, Греции, Турции и других местах имеются лишь небольшие куртины ореха, парковые насаждения и искусственно созданные рощи, но ореховый лес, как таковой — с его подлесками и другими признаками естественных лесов, сохранившихся от третичной эпохи — живет только в Арсланбобе (самый крупный массив ореха в Дашмайском урочище и его окрестностях). Кроме того, эти леса имеют огромное водоохранное значение.

Тем не менее, фактически давно уже лесничество превратилось в один из отделов финансовых органов, по выколачиванию доходов от продажи населению топлива, взимания сборов за пасьбу и прогон скота в тех самых формах, как установлено было в ханские времена: туек-пуль, тутун-пуль и др. И в этом отношении лесообъездчики, чувствуя себя князьками, занимая самую доходную должность, выколачивали всеми мерами устрашения из населения не только то, что положено по закону, но и то, что в львиной доле своей шло им в карман. Как выяснилось, заражен был этим весь аппарат, за исключением немногих честных людей, которые, однако, не будучи к этому причастны, сами не решались вступать в борьбу с этими беззакониями. Проверкой работы лесообъездчиков были установлены незаконные поборы и скрытие сумм, взысканных в виде штрафов, но не оформленных документами. Нити этих преступлений протянулись выше.

В это время шла чистка советского аппарата и секретарем Джалалабадской комиссии оказался один из тех, к кому вели эти пути. Несмотря на то, что чистку я должен был проходить в Базаркурганском районе, по месту работы, меня вызвали в Джалалабад, где все было подготовлено (доносы случайных людей, лжесвидетели, подготовленный председатель комиссии) и меня вычистили по первой категории, т.е. без права занимать какую-либо

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

должность в советском аппарате, «как бывший басмач». ГПУ отобрало у меня воинский билет, со службы меня уволили и все пути были отрезаны. Жалоба на незаконное решение комиссии удовлетворена была лишь через несколько месяцев, причем без восстановления на прежней работе.

Опять встал вопрос — чем жить. Зарплаты нет, хозяйства тоже — приходится голодать. Не было средств и выбраться куда-либо, а оставаться в горах тоже было нельзя — кругом появились шайки басмачей, как реакция на проводившийся жесткий курс на сплошную коллективизацию. Кулацкая агитация находила подходящую почву у неподготовленного к этому населения, неграмотного, нищего, запутавшегося в религиозных и бытовых предрассудках; верили даже в то, что большевики устроят одеяло в семь километров длиной, под которым будут жить все подряд, а жены будут общими; что у людей отнимут жилье, одеяла, посуду, скот, птицу и заставят есть свинину из общего котла. Новые курбаши басмачей натравливали на грабеж кооперативных магазинов, они преследовали всех, кто не шел с ними, отнимали скот, бесчинствовали и чувствовали себя в лесах недосягаемыми.

Мой товарищ Н.К-и назначен был начальником Базаркурганским боеучастком и привлек меня в качестве своего уполномоченного по разведке, а я в свою очередь организовал своих знакомых киргиз, дав им всем задания по сбору сведений о передвижении басмачей, их вооружении, количестве и т.д. Первая наша операция прошла успешно.

Ко мне в Г. прибыл добр. отряд под командованием Е.Ч-ва. В 6-8 километрах как раз обосновалась шайка басмачей в лесу, выслеженная моими разведчиками. Я предложил план — сейчас отправиться по направлению в Базаркурган, а затем свернуть и укрыться на ночь по ту сторону холма, откуда до рассвета пройти скрытно к стоянке басмачей; проводниками отряда были мои разведчики. Утром, когда уже стало светло, я увидел в бинокль, что лошади отряда под кавалерийскими седлами пасутся на горе, на виду у басмачей. Однако, через несколько времени их словили и отряд, видимо все-таки двинулся в обход — басмачи не трогались с места — значит тоже проспали (накануне был дождь), успокоились уходом отряда в Базаркурган и не торопились подниматься. Спустя час раздались залпы: отряд приблизился к басмачам на 200 метров и открыл огонь. Басмачи, сушившие портянки и чапаны, бросились бежать врассыпную; многие из них бежали босиком, оставив лошадей, часть оружия и свои курджумы. Убитых, однако не было, раненые скрылись в лесу. Одну басмаческую лошадь, обнаруженную мною через три дня после этого боя на дороге возле кишлака, мне удалось поймать и она сдана была в Базаркурган в ГПУ, начальником которого был Г.Ф-ц — бывший скобелевский гимназист.

Басмачи перестали появляться в этом районе, но зато преследовали моих разведчиков в других аулах и кишлаках. В частности, и у Сатара отобрали лошадь, а сам он спасся от расправы. Лапина, знаменитого нашего охотника, басмачи увели с собой и зарезали. От басмачей уже не стало прохода; в соседнем районе, в Ачах, уже ограбили магазин.

Самый крупный из басмачей — Кадыр, имевший 56 человек джигитов, снова появился возле Г. с намерением взять здесь Е.О-ва (бывшего командира советского добротряда по борьбе с басмачеством в двадцатых годах) и меня.

Мы вдвоем заняли балахану, забаррикадировались и приготовились к бою, разложив свои заряженные ружья и припасы у всех окон, дверей и выхода на крышу, откуда был хороший обзор. Ни днем, ни ночью мы не могли уснуть, т.к. получали сведения, что Кадыр ждет еще кого-то и тогда намерен штурмовать наш бастион. Три дня такого ожидания очень утомили нас и тут мы узнали, что в эту ночь Кадыр придет, что все кругом оцеплено. Мы решили не искушать судьбу — ведь их около сотни, на помощь рассчитывать нельзя, а обстрел у нас не круговой — могут подпалить балахану и вынудить нас покинуть укрепление

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

в невыгодных для нас условиях; мы решили вечером бежать отсюда и в разных направлениях: он на Советск по глухой тропе, я лесом на Чарвак, где должен стоять добротряд, а если его нет — то двинуться дальше, тоже в Советский поселок. Удрали мы вовремя: этой ночью Кадыр занял кишлак, многих ограбил, комнату, где я жил, спалил, вытащив на двор все мое имущество, в том числе библиотеку, мои альбомы для рисования, краски, мольберт — и все это сжег. Хозяина, бросившегося это спасти из огня, избил до полусмерти.

Истоки басмачества

В далеких от центра уголках, как в заповеднике, держались еще темные силы старого, опиравшиеся на косность, нищету, забитость и произвол богатых и власть имущих. Этому способствовала узкая замкнутость партийцев, большинство которых в этих местах мало думали об идеях революции, а больше думали о своей карьере, о том, чтоб стать недосыгаемыми для критики, для «серой массы», для народа, откуда постепенно и вырабатывался культ личности, основанный на утвердившемся всеми способами культе элиты, касты, покрывавшей себя партийным билетом. Бумажка, вместо человека, занимала все более и более жизненные позиции, наступая на демократию, на доверие массам, изолируя власть от народа. Но идея великого будущего, поселенная революцией, жила и зрела в недрах народа, он ждал, он верил в преобразование мира и всей жизни и вышибить у него эту его душу не могли даже размножившиеся чиновники, которые назывались теперь советскими, а по существу огородившие себя старыми бастионами, где бумажка, форма, ярлык, «потемкинские деревни» и витрины призваны были лишь скрыть внутренний смысл этих устоев.

Российский пролетариат эта «бумажка» закружит позднее, в период расцвета культа Сталина, а в Туркестане промышленного пролетариата не было, его было очень мало, он был в особых условиях (Ташкентские жел. дор. мастерские, хлопкоочистительные и маслобойные небольшие заводы, например, в Асаке их было 40, но это были полукустарного типа предприятия — одна-две джины; жел.-дор. рабочие были из «персов», грузчики на жел. дорогах — тоже из «персов» и азербайджанцев), пролетариат был главным образом сельский — и те и другие были неграмотны, и преданны своим обычаям и мусульманству; к русским и вообще европейцам относились как недавно побежденные к победителям; связь с русским народом и с его прогрессивными и революционными идеями только налаживалась. Свои националистические группы были еще очень сильны, и, если легко воспринималась общенародная идея революции, как свобода труда, мечта о лучшей жизни, то это еще надо было показать на конкретных делах; с самого начала среди «деятелей революции» в виде всяких уполномоченных, председателей ревкомов появились авантюристы вроде братьев Кор-ных. Это ими было создано «басмачество» и доказательством тому явилось то, что М.В.Фрунзе быстро ликвидировал это движение и не только военной силой, а политическими методами — сразу на сторону Красной армии перешел Мадаминбек, который немедленно вступил в борьбу с Халхаджой, Муйдыном и Курширматом, которые представляли собой чисто уголовный элемент. Но с отъездом Фрунзе старые методы возобладали, и прежние авантюристы ушли под прикрытие формальных козырей, все более повышавшихся в цене все увеличивающегося бюрократического аппарата.

Наказывались одни — поощрялись другие. Однако партийцев, указывавших на необходимость более гуманного отношения к массам, представляющим собою преимущественно бедноту и слабых середняков — дехкан, было немного и они сами чувствовали, что их все более лишают голоса, и товарищи боятся их поддерживать. Если это

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

в Джалалабаде было в конце двадцатых и начале тридцатых годов среди троцкистов, которыми оказались некоторые партийные работники, то те, которые их сменили, продолжали ту же самую линию, ту же самоизоляцию от масс. Так было в деле Борщ-ского, которого вопреки постановлению съезда Товарищества охотников, поставили во главе этого Товарищества, чтобы его разорить, растратить девять тысяч рублей и поставить на край катастрофы. Так было потом в 32 году, когда несмотря на то, что охотсистема была выведена на прочный путь развития и выполнения планов по всем показателям, меня арестовали, и налаженное хозяйство пошло вновь к распаду и ликвидации; поставлены были вопреки воле массы охотников, выраженной на съездах и собраниях.

Типы, осмеянные Гоголем и Салтыковым, вновь появляются на сцене все в более неприкрытом виде. Разе революция не закрыла им путь навеки? Реставрация старого бюрократического, «привычного» режима, который скоро будет рядиться в чиновничьи погоны и адъютантские аксельбанты? А вместо старых помещиков придут новые, которые будут брать не только оброк, но судить голодных киргизских женщин за сбор колосков на убранном поле и давать за это по семь лет (один из Джалалабадских фактов из судебной практики того времени), а прокурор будет требовать «десять» (!) на основании знаменитого закона от 7 августа. Надо сказать, что в это время был голод и люди не верили, что когда-то они не были голодны.

Одежду и обувь, в которых ходило большинство населения, трудно себе теперь представить; говорили, что нужно строить заводы, т.к. мы — в капиталистическом окружении, и на этом спекулировали — на лучших патриотических чувствах народа, который презирали и над которым издевались.

Хотя крупных кулаков, богатеев и приставов ликвидировали в первые годы революции, но реакция пользовалась каждым случаем, чтобы поднять голову и сорвать реванш.

Среди районного начальства (не говоря о троцкистском руководстве областью, о котором шла речь выше и которых еще не разоблачили) были люди националистического уклона, карьеристы, не стеснявшиеся в средствах, чтобы выслужиться, просто взяточники, многие из которых укрывались за партийным билетом (таков был, например, прокурор района К-ко и др.). но если начальство не брезговало ничем, то и мелкая сошка отлично усваивала методы правления и поставляла своих карьеристов, людей, знавших цену доносов и предательства. Одним из проводников таких методов управления был инструктор райисполкома Б-в, по Арсланбобскому с/совету подобравший себе «актип» (активистов) из местных общественников такого же типа. Этот «актип» местопребыванием своим имел С.Червах, место, славившееся массовым приготовлением бузы. Заседал этот «актип» ежедневно, утро начиналось с поисков бузы. Были свои преданные люди (большинство преданных именно и были активистами), которые знали, где сегодня готова буза. Председателем Ачинского с/совета была Джидегуль, которая втянута была Б-м в эти «заседания». Тут принимались и решения, касавшиеся главным образом содействию в проведении фискальных мероприятий — сдаче налогов, поставок, контрактации. С кого и сколько брать, кого раскулачивать — подсказывали активисты, списки утверждались на заседаниях. Район давал установку, инструктаж — Б-в, ее проводили в жизнь. Сдавалось масло, шерсть, мясо, хлеб, распределялся заем, у очередного «кулака» конфисковывалось имущество; если в описи его имущества значилось, например, одна лошадь, и одна корова, и один ковер, то это значило, что это старый ковер, а новый попал инструктору, а баранов поделили активисты. В кулаки могли быть «подняты» и люди, имевшие всего одну лошадь, но оказавшие в чем-то неповиновение или изругавшие кого-либо из активистов. Актив пользовался привилегиями (иначе он работать не будет), а Б-в и его приближенные, в том

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

числе приемщики и зав.складами, делили сладкий пирог. На ежедневные оргии нужны были деньги — в них участвовали все, в чьих руках были те или иные ключи.

Когда на территории с/совета появлялся «тура» (князь), о котором население стало говорить, что он творит чудеса, проповедует близкий конец Советской власти, говорит, что у власти много людей, проникших туда для ее подрыва изнутри, что восстание близится, что он связан со всеми центрами — и Базаркурганом, и Андижаном, и Ташкентом, и Фрунзе и что никакой донос на него ему не повредит, т.к. доносчика сейчас же уберут его агенты — то к этому «чудотворцу» почему-то часто стал заглядывать сам инструктор райисполкома по Арсланбобу — Б-в, а затем выяснилось, что к нему ездят за советами и басмаческие курбаши Кадыр и др. о выступлении отряда из Базаркургана здесь знали заранее и басмачи уходили подальше в горы. Если кто-либо из населения сообщал отряду о месте нахождения басмачей — местные агенты басмачей, бывшие везде в кишлаках, немедленно сообщали об этом, и басмачи учиняли над ним свой суд, как только отряд удалялся. Отряд только курсировал здесь, а басмачи были везде, ежедневно, ежечасно — на улицах, на заседаниях, на базарах. Аппарат был засорен и бороться с басмачеством было очень трудно. Начальник ГПУ Г. Ф-ц, выехавший в операцию против басмачей и осадивший их в одной курганче, был убит пулей в голову (как говорили — в затылок). Это был чистый, преданный делу работник, чекист, но и он не знал еще, как далеко зашла измена и засоренность аппарата. Рядом с ним были предатели.

После ареста и допроса «Туры» — чудотворца Г.Ф-ц вызвал меня к себе и сказал: «Ты раскрыл очень важное дело. Оно распространяет свои щупальца очень далеко, есть подозрение на связь с границей. Но будь осторожен. Помни об этом и днем и ночью. На тебя не раз устраивались засады, тебя предупреждал об этом Н-К-т и я предупреждаю».

Конец басмачества

Для выяснения и искоренения пороков в проведении коллективизации в Базаркурган прибыла выездная сессия Кир.обл.суда (тогда еще не было Республики). Я был назначен нарследователем и мне поручили дело об арсланбобских пособниках басмачеству. По делу привлечено было около 20 обвиняемых и около ста свидетелей. Среди арестованных были и бывший инструктор Райисполкома Б-в и многие бывшие активисты. Когда дело было закончено следствием и передано в суд, сессия Облсуда назначена была в селе Чарвак — центре басмачества.

Из Базаркургана повезли на арбах, под охраной милиции и добр.отряда в 30 человек, арестованных, а также выехали верхами члены суда, прокурор, местные нарсудьи и весь их технический аппарат.

На полпути за Бешбадомом дорогу нам преградили басмачи, стянувшие сюда все свои силы, чтобы отбить заключенных — своих пособников. Несмотря на то, что басмачей было человек триста, ком.добротряда Е.Ч-в с ходу бросился в атаку, началась жаркая перестрелка и басмачи тут же начали удирать в разных направлениях, делясь на группы и шайки. Когда их огонь стал недосыгаем, наш длинный караван потянулся в путь и благополучно миновал опасный участок. Лишенные своей опоры, басмачи ушли из района Чарвака и во все время процесса не решались появляться поблизости или угрожать Чарваку.

Когда басмачи появились однажды в урочище Когой, в 30 км от Чарвака, добротряду дали знать об этом и он немедленно выступил туда. Т.к. это было накануне выходного дня, я испросил разрешение выехать с отрядом — и как проводник, и также с целью охоты. В Когой мы прибыли под дождем. Следов басмачей невозможно было установить на дорогах, но на следующий день мы установили, что они удрали за перевал.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Как только мы приехали и остановились на ночевку, я с одним красноармейцем отправился в соседнее ущелье, километра за три, где предполагал найти кабанов. И нам повезло: мы их увидели с горы на дне ущелья, на небольшой поляне. Моя винтовка была пристреляна еще в Чарваке и тут, поставив прицел на триста, я выстрелил по первому кабану, стоявшему ко мне левым боком. Взвизгнув, кабан упал — было ясно, что это свинья, т.к. кабан умирает молча. Остальные бросились наутек. Мы открыли по ним огонь из двух винтовок, но безрезультатно — они скрылись в кустарнике. Спустившись вниз, мы пошли по кровавому следу раненого кабана, но спускавшиеся сумерки не позволили нам долго искать его — мы вернулись к свинье, что лежала на месте, я распотрошил ее, а товарища послал за быком (в лесу стояла юрта киргиза).

Глубокой ночью мы привезли тушу в лагерь, а на следующий день, разделив ее на части и распределив по курджумам бойцов, возвратились в Чарвак. Шашлык, приготовленный по-охотничьи, был признан всеми, кто был на обеде (человек двадцать), самым вкусным кушаньем, какое только приходилось отведать нашим гостям. Ни индюшка, ни фазаны, ни шашлык по-кавказки, ни плов — ничто не могло сравниться с дикой свиньей, приготовленной по способу древних охотников, с мясом зверя, откормленного на грецких орехах, яблоках, дикой вишне, кореньях сочных растений и, наконец, на пшеничных и кукурузных полях дехкан.

Процесс окончился приговором — главным преступникам, в том числе Б-ву — высшая мера наказания — расстрел, остальным — разные сроки тюремного заключения. Законность была восстановлена. Население вздохнуло свободнее, корни басмачества подорваны; появились признаки его неустойчивости, разложения. Иные поняли свою ошибку и возвращались в кишлаки, либо жили отшельниками где-нибудь в глухом ущелье, в лесу, и о них уже стало сообщать само население, которое раньше боялось этого.

Я продолжал работать нарследователем в Базаркургане, но вскоре ушел оттуда; я видел, что прокурор Н-ко, в непосредственном подчинении которого я находился, ежемесячно отсылает в свою Дмитровку (в Талас) сундук с мануфактурой и др. товарами, он жил взятками. Его новый следователь стал ему в этом отношении незаменимым помощником. Снова разоблачать въевшиеся в поры пороки у меня не было пока возможностей: для этого нужны были и время, и средства, чтобы поехать, например, во Фрунзе, в Москву, да и чувствовалось, что это очень тяжелое дело, которое мне было не под силу.

Меня снова привлекли к борьбе с басмачеством, т.к. готовилась крупная операция по его ликвидации — одновременно по всем районам. Нужно было побольше привлечь на свою сторону и вызвать самодеятельность у самого населения и вести переговоры с курбашами, склоняя их к переходу на сторону Советской власти, причем добровольная сдача не влекла за собой наказания и преследований.

Мой товарищ Н.К-й был уже в Чарваке. Сам он великолепный знаток языка, быта и психологии местного населения, пользовался у него большим авторитетом и вел дело очень умело. Рядом с его штаб-квартирой находился теперь сам Кадыр — главный из курбашей, который приехал к нему со всей шайкой на переговоры и теперь выговаривал себе максимум условий: чтобы и оружие у него осталось, чтобы его зачислили на зарплату, чтобы разрешили ему иметь баранов, амнистировали всех его джигитов и т.д. Однако и тут у него был подвох: он узнал, что я вскоре приеду в Чарвак, и решил со мной расправиться за подрыв всей его системы связей. Как только я слез с коня и лег отдохнуть в мехмонхане у К-ского, от Кадыра принесли касу жирной шурпы — гостю, который устал с дороги, от его друга Кадыра. К-ский не велел меня будить, сказав, что гость его очень устал и сейчас есть не будет, и что у нас готовится плов, на который мы пригласим Кадыра. Классовский что-то заметил у них — он

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

велел незаметно дать шурпу собаке — она тут же сдохла. Значит, меня хотели отравить. К-ий принял все меры тонкой дипломатии и красноречия, чтобы все это время, басмачи, пока в ожидании эффекта своего яда собирались науток, оставались в поле его зрения и его речей. Постепенно все улеглись, Кадыр был на плове, и мы разговаривали так, будто ничего не было и мы ничего не знаем. Важно было Кадыра удержать здесь всего несколько дней до определенного числа 00 минут.

В этот час и в эти минуты по всем районам басмачей собрали за торжественный стол с речами и угощениями. К-ий, против себя посадивший за стол Кадыра, вдохновил всех своей речью на мирное сосуществование и в самом кульминационном месте обратился к Кадыру — брат Кадыр, дай ка твой наган — я дам салют в воздух в знак нашего окончательного примирения. Кадыр охотно протянул его — раздался выстрел — это был сигнал: из-за небольшого дувала в две пахсы, окружавшего двор, где мы собрались, с лязганьем повысовывались дула пулеметов Дегтярева и винтовки добротрядовцев. К-ий приказал басмачам положить оружие. И тут их начали вязать по старинному туркестанскому обычаю, чтобы отправить на арбах в Базаркуган. Кадыра предоставили вязать Сатару. Кадыр, зная силу Сатара и его законную ненависть к нему, отобравшего у него вороную кобылу и зарезавшего ее в Каракотузе, лишившего Сатара сна, в течение нескольких месяцев преследовавшего его за его верность Советской власти, теперь взмолился: брат Сатар, полегче вяжи, прости меня, я был жесток с тобой. «Ничего, брат Кадыр, мы с тобой теперь квиты, я только свяжу тебя так, чтобы ты не убежал и вороную кобылу помнил».

Кадыра и его приспешников судили и расстреляли, джигитов его разослали по тюрьмам.

Так, в один день закончилось повсеместное басмачество. Очень немногие избежали этого, но и они были обезврежены.

Интересны были некоторые эпизоды, характеризующие обстановку, сознание, наивность, психологию этих басмачей. Объявлено было в Ачах, что все сдавшиеся басмачи получают мануфактуру. Все построились в очередь по списку. Одного в списках не оказалось — его не пускали. Тогда он стал доказывать, что он действительно басмач — грабил там-то, такой-то магазин, участвовал в засаде, когда Кадыр хотел отбить заключенных в Бешбадаме и уничтожить Облсуд, и в других делах — тогда его внесли в список — и он получил мануфактуру. На следующий день и мануфактура, и он сам были арестованы вместе со всеми.

Валпык, известный здесь охотник на медведей, курбаша над девятью басмачами, дважды отказывался прибыть на общее собрание по приглашению К-кого, т.к. «видел плохой сон». Однако его уговорили; послан был для этого М.К.Ах-в, и в третий раз он согласился и приехал — за несколько минут до собрания.

За участие в операциях и организацию разведки меня наградили пятизарядной четырехлинейной винтовкой (для охоты на кабанов) и лошадью из под седла курбаша Кадыра.

В районе стало свободно — даже не верилось, что можно ехать куда угодно и тебя не встретит ни одна шайка басмачей. Все было подчищено по спискам, составленным, конечно, заранее на основании данных разведки. Но эта чистка, понятно, еще не означала, что и корни басмачества ликвидированы, предрассудки, несправедливость, взяточничество, карьеризм и пренебрежение к людям, темнота и нищенство народа, бесхозяйственность и нечестность в аппарате — все это еще оставалось и с ними еще годы и десятилетия будет вестись борьба, т.к. сознание людей меняется медленнее, нежели их материальные условия, а эти еще не поддавались изменению, пока разве лишь в том отношении, что при проведении коллективизации административными, грубыми действиями были подорваны основы старого хозяйства, налаженного НЭПом и не созданы еще основы нового, более прогрессивного и в

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

будущем более могущественного строя, который разовьется и начнет давать свои плоды уже к началу Отечественной войны против немецкого фашизма.

Арест

Я неожиданно был вызван в Джалалабад и арестован ГПУ. Мне не предъявляли никакого обвинения и, подержав несколько дней в Джалалабадской тюрьме, отправили в Ошскую тюрьму. Там меня поместили в камеру, где находилось человек тридцать крестьян и пасечников из Базаркурганского и Джалалабадского районов, с некоторыми из которых я был знаком. Там же сидел и красноармеец с Памира ..., который рассказал, что его не взлюбил начальник и, вероятно, поэтому он сидит.

Никто не знал, за что его могли бы притянуть к ответственности, думали, гадали, советовались, но никто не мог сказать, что же ему «припаяют». И вот однажды приносят кетмени, лопаты и вызывают по списку человек десять. Мой приятель — пасечник из Гавы, знаменитый охотник по кабанам (бывший хозяин моей Мазурки) Р-ко ослабевшим, упавшим голосом обращается ко мне, чуть не со слезами (я поднимал все время его дух, уверял, что без вины людей не осудят): «Прощай, теперь, наверное, все — могилы себе копать заставляют». Я ему бросил в шутку: «Да нет, в ГПУ дувал подмыло, я видел, что его собирались чинить — ваше дело скоро прекратят, поэтому и вызвали на работу». Я был прав — в том отношении, что их действительно вызвали на работу, а прекратили их дело только через год.

Тюрьма, из которой одиннадцать лет назад я выпускал 90 арестантов — жертвы царского частно-собственнического режима, теперь набита была до краев, в несколько ярусов арестантами нового режима. И мы за него боролись и продолжаем бороться, убежденные лишь в том, что здесь — суровая правда переходного времени, заключающаяся в том, что как скульптор рубит колоду топором и щепки летят во все стороны, выбрасывая как ненужное массу ценного материала, чтобы потом все бережнее, все тоньше обрабатывать этот кусок дерева, превращая его в невиданной красоты произведение искусства. Но тут мы рубили живое тело. Сколько в этих сидящих за решетками и железными дверями людей, которых не бить надо бы, а учить, воспитывать, а главное — не разорять народное хозяйство, а укреплять и укреплять его. Ведь положил же Ленин конец разрухе введением НЭПа, и как радостно заработали люди, давно соскучившиеся по труду, по хозяйству, по хлебу, по сапогам, железу и углю. И эти арестанты могли бы работать, а они сидят нахлебниками и никакие ошибки сейчас в сторону лишнего арестанта не считаются ошибками, а наоборот — недоарестовал, как недовыполнил план — значит ты не годишься как администратор, как следователь, судья, агент.

Чем больше доносов, больше арестов — тем лучше: карьера твоя обеспечена. Давно перестали думать о законном оформлении ареста, санкциях там прокуроров, «постановлений» и тому подобной дребедени. Сидеть можно сколько угодно и не иметь права даже возмущаться, попробуй! А коли ты попал сюда — тебя уже товарищем не назовут — ты уже с язвой, по которой тебя отделяют от общества. «Презумпция невиновности»? — забудь произносить эти слова — это значит против власти. А подсчитывать убытки от лишения работы тысяч людей небольшой области — это уже контрреволюция: говорить о радости труда, о гуманнейшем содержании идеалов партии — говорить о производительности труда, вспоминать заботу о народе, его благосостоянии — это «народничество», измена марксизму.

Правая половина тюрьмы от центрального входа набита была «басмачами» — это была самая низшая группа арестантов, состоявших под особой усиленной военной охраной;

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

если все были бледны и худы от голодухи и однообразия в пище (обычная тюремная «баланда» и кусочек хлеба), скрашенной кое-какой передачей «с воли», то там не было никакой передачи, никаких прогулок, и люди, томившиеся там давно, потеряли живой человеческий образ — это были живые покойники с грустными впалыми глазами, непривычно заросшими волосами и поэтому не походившие на обычных киргиз или узбеков. Вся «зона» эта была под строжайшей жестокой охраной; попасть под окно этих арестантов было равнозначно расстрелу на месте. В сравнении с этой «басмаческой» половиной у нас была «свобода»; хотя к нам относились бесчеловечно, грубо, попирая человеческое достоинство арестанта, каждым жестом, каждым словом, тем не менее, нас как бы не считали за настоящих арестантов, и только по формальному этикету должны были нас держать в голоде, в тесноте, оскорблять и издеваться над нами, и в то же время, когда это заблагорассудится, тащили к нам инструменты, заставляли их разбирать и идти работать, не говоря куда нас гонят; знали, что мы не убежим (ведь мы же признаем, что власть нас посадила сюда) и издевались над этим.

Если дверь оставалась открытой, арестанты сами говорили «закройте». Странное было положение этих людей, попавших сюда, не зная за что. Произвол этот не способствовал воспитанию сознания — наоборот — нам старались привить сознание, что все — от произвола; а право учинять произвол имеет тот, кто сейчас формально командует. Потеряй он формуляр — он безропотно сам становится жертвой произвола. А для этого достаточно только возразить, только запротестовать против этого произвола. И те, которые однажды высказались против произвола, становятся для начальства самым опасным элементом: за них уже никто не может вступить, т.к. и они немедленно попадут сюда, а кто донесет на них — и не пытайся узнать — доносы тоже становятся профессией многих, особенно тех, которые хотят спастись от каких-либо грешков.

В тюрьме большим спросом пользовались умеющие гадать и предсказывать судьбу. Эти люди жили лучше всех, т.к. за гадание им платили кто чем мог: своим пайком, продуктами из передачи, деньгами. В нашей камере, где помещалось человек 120 (а прежде было 10-12) был один мастер гадать по камушкам по фамилии Р..в. он гадал на киргизские «тульги» и таких гадалщиков было везде достаточно: администрация не придиралась — не все ли равно! У киргиз полагалось, чтобы камушки бросались либо на землю, либо на шерстяную подстилку (никакая другая не годится и «правды камни не скажут»). Р-в имел очевидно много клиентов из киргиз и узбеков, держался этого правила и имел при себе все, что полагается. Р-в был из «агрономов», «интеллигент», но приспособленец в этих условиях — каждому надо было «выжить», а уж средства к этому каждый добывал по своему; это было все же лучше, чем профессия доносчика, которые тоже попадались, но здесь гораздо реже, чем на воле, где они составляли уже заметную прослойку во всех сферах общества. Время поощряло доносчиков, клеветников — их не сажали, а держали рядом с собой.

Снова в тюрьме

Меня знали как бывшего юрисконсульта, следователя, «идейного большевика» и убежденного атеиста. Со мной разговаривали товарищи по несчастью всегда с уважением, обо всем советовались, обо всем рассказывали — даже то говорили, что на воле не сказали бы. Это меня поддерживало, и я, в свою очередь, старался быть каждому полезен тем, что вселял уверенность, что все это — временное наше состояние, что все это изживем, это — недоразумение и вовсе не есть политика партии: главное в программе ее — это любовь к человеку, его достоинство и благо. Люди верили, но страдали. Что они верили — показала потом война. Среди арестантов были и люди кулацкой ориентации, но

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

они, чувствуя себя в меньшинстве, молчали и только изредка могли вставить что-либо в свою пользу, ожидая каждый раз «классового» отпора, и это было отраднo, хотя и горько, т.к. это лишнй раз подтверждало, что большая часть здесь — невиновных, что они в любых условиях пойдут защищать свою советскую власть, вне которой они и не мыслят свое существование. В тюрьме сидели разные люди. Можно ли было считать такую меру принуждения серьезной и справедливой санкцией диктатуры пролетариата в отношении населения? Здесь можно было уже «с поверхности» увидеть разделение тюрьмы на две половины: правая сторона — «басмачей» — киргизы; левая — русские с небольшой примесью киргиз и других национальностей.

Подозреваемые в басмачестве — русские, узбеки и киргизы из более зажиточных, сидят слева. У «басмачей» более жестокий, бесчеловечный режим, у остальных — более мягкий.

В камерах командуют воры и бандиты, отнимают передачу, бьют, грозят, терроризируют. Их сажают отдельно, как «уголовников», но иногда они оказываются и среди «гражданских».

В нашей камере тоже было сколотили такую группу, но когда люди присмотрелись друг к другу, то им прижали хвосты, не без применения физической силы. Люди, получившие даже в этих условиях свободу, выходили уже с пятном «репрессированного», хотя ему может быть и обвинения не предъявляли. Его остерегались брать на работу.

Киргиз за сто километров готов ехать, если его пообещают накормить мясом — а любой курбаша прежде всего это им и обещает. В 1927 году проведена была земельная реформа. Земля есть средство производства, но какую ценность она имеет в глазах киргиза-бедняка, если он еще кочевник-скотовод, не научившийся еще обрабатывать ее, не имеющий для этого ни инвентаря, ни тягла? В Ярадаре, например, аул в семь дворов имел земельный участок в один гектар, а с наступлением весны все они бросали его и разъезжались со своими юртами куда-либо в лес, где, арендуя у лесничества (а вернее просто за мзду лесообъездчику), сеяли просо на площади в один танап или менее. Узбеки-земледельцы продавали киргизам вместо дыни тыквы и потом рассказывали об этом, как анекдот, и уверяли, что тыква соблазняет киргиз больше, чем дыня, так как она красивая и крупная. Сатар, например, не ел огурцов, когда его угощали, и подозрительно глядел на них, говорил, что они «зеленые». Теперь таких Сатаров заключают в тюрьму, обращаются с ними бесчеловечно, а они не знают за что его наказывают — за то ли, что он грабил, или за то, что он не грабил. Отказывают ему в премии. Его сознание не выросло за эти тринадцать лет революции, т.к. его еще не научили грамоте и не дали ему, голодному из поколения в поколение, все более нищавшему и эксплуатируемому, ни средства производства, ни работы. В этом сказывалось несовершенство аппарата, все еще засоренного и националистами, и взяточниками, и бюрократами, а теперь еще троцкистами.

Самого Троцкого теперь отстранили от руководства. Его выслали в Казахстан. Он прибыл сюда в роскошном салон-вагоне и привез с собой целый вагон книг и литературы. Его приспешники теперь изгоняются из всех звеньев, их начинают искать, разоблачать, скоро на них будут охотиться в таком масштабе, что это снова отвлечет массу рабочих часов, снова доносчики начнут строить на этом карьере, а беднота снова будет страдать. При Ленине, в 1920 году, басмачество было ликвидировано, как только М.В.Фрунзе, лично взял в свои руки это дело, вскрыл его корни, и тогда не поздоровилось таким, как Гальский, Гавлинский и др. — все они были расстреляны, люди получили возможность вернуться к производительному труду, который единственно только и служит оправданием нового строя, как «самая интересная политика» по выражению Ленина. Теперь эта «самая интересная политика» снова не в почете, а ведь можно было с огромным энтузиазмом внедрять ее — тем более теперь —

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

и на основе земельной реформы 27 года, и на основе общего курса на коллективизацию. Но как покажут события, с изгнанием троцкистов все останется по прежнему и производительные силы в сельском хозяйстве будут использованы с большой недогрузкой.

Я, не чувствуя за собой вины, был всегда в хорошем настроении и с соседом — памирцем Сулимовым.

В одной из записных книжек Ленина есть запись «Сулимов». Наб. Карповки 25 кв. 18 — это одна из квартир, где Ленину пришлось скрываться в июльские дни 6 и 6 июля 1917г. Здесь Ленин написал статьи: «Где власть и где контрреволюция?», «Близкие к сути», «Злословие и факты». Хозяин этой квартиры был Сулимов — один из представителей старой партийной гвардии, профессиональный революционер Ленинской школы. Этот тоже был из Ленинграда, но состоял ли в родстве с тем Сулимовым — не говорил. В Ленинских статьях, написанных на квартире Сулимова, говорилось метко о революционерах, которые очень легко становятся контрреволюционерами, и грани не проведешь между ними, если не иметь верных принципиальных основ для такого суждения. И разве Гв-ко и ему подобные (оказалось, они «троцкисты») партийцы и их лакеи не были контрреволюционерами с этих ленинских позиций?

Мы заделались малярами, поэтому каждый день имели возможность ходить по двору, красить крыши, писать на баках «кипяченая вода», замазывали окна, хотя не сразу научились делать хорошую замазку, покрасили даже ворота, причем сторожа забыли про нас и нам пришлось стучаться и доказывать новой смене, что мы — арестанты из такой-то камеры. Во дворе тюрьмы была небольшая купальня, и мы купались в ней сколько было душе угодно.

Через 6-8 лет красноармейца держать с гражданскими уже не станут. Это дело будет жестоко и «на научной основе» упорядочено, режим в тюрьмах будет иной, а сами тюрьмы будут строиться по новому «современному» методу, где арестантов будут давить таинственность, молчание и замкнутость уже так галдеть им не позволят.

Однажды тюрьму посетила комиссия, в составе которой был обл.прокурор, однофамилец Сталина — Джугашвили, знавший меня по Чарвакскому процессу, и уполномоченный Джалалабадского ГПУ Г-ко; прокурор, удивившись, остановился, протянул мне руку — «за что это Вас?» — спросил. Я ответил, что сам понять ничего не могу, наверное за раскрытие одного заговора, сижу уже около месяца — ни допроса, ни предъявления обвинения. Пожав плечами, он отошел, видимо не желая выказывать своего сочувствия. Но другое отношение было ко мне Г-ко — почему я сижу? Когда я обратился к нему «товарищ Г-ко», он со злобой огрызнулся — «какой я тебе товарищ, гражданин заключенный!». «Меня не запугаешь!» — крикнул я ему в ответ, зная, что это он постарался в моем деле, строя свою гнусную карьеру. В дальнейшем он, как троцкист, вместе со своими Джалалабадскими «сослуживцами» получил свое с гораздо меньшими шансами на уважение среди людей, которым он много причинил горя.

Перевод во Фрунзе

Через месяц меня отправили под конвоем во Фрунзе, дав мне в сопровождение узбек-милиционера. Милиционер-конвоир почувствовал ко мне расположение и сказал, что в Андижане у него в старом городе есть родня, где он хотел бы побывать, а мне хотелось повидать своих друзей — и мы договорились, что проведем время свободно друг от друга. Я привел его к своим знакомым, у которых остался ночевать, и он ушел к своим. В полночь он вдруг является с другим милиционером — здешним начальником, и говорит, что это его заставили сделать, опасаясь за мой побег. Перед посадкой в поезд он меня проинструктировал: скажи, что здесь — опасный преступник, чтобы нам занять отдельные

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

полки в вагоне, а то народу набьется много и ехать будет тяжело. В то время вагоны брали с бою и набивались в них, как сельди в бочку. Наш план был хорош, и мы устроились. Он лег на полку с глухой стеной и просил меня спать чутко, т.к. у него могут украсть наган и тогда ему не миновать тюрьмы. На каждой станции действительно от волны пассажиров приходилось отбиваться, а т.к. мой конвоир доверял теперь мне больше, чем себе, то я и не спал всю ночь, а он беззаботно дрыхнул, не слыша, какая тут шла перебранка и даже физическая борьба за «арестантское отделение». Когда понадобилось сходить в уборную, пришлось его будить, чтобы он не проспал свой наган.

В Ташкенте нам пришлось сидеть сутки. Тут у него тоже нашелся «старый город» — а у меня свои знакомые и родные. Тут уже никто не пугал его, и мы хорошо провели время, каждый по-своему. До Фрунзе ехали уже, как старые друзья-заговорщики, объявив свои верхние полки «арестантскими», и больше всего охраняя его наган, который он временами даже поручал мне.

Уходя за кипятком или просто побродить — то по станции, то по вагонам, и пропадая в этих прогулках так долго, что я беспокоился и за него, и за себя, когда меня почему-то спрашивали — почему так долго нет нашего милиционера и что-то непохоже, что я — арестант.

Во Фрунзе мы явились в ГПУ. Он просил меня сказать дежурному о деле, т.к. сам плохо говорил по-русски и был очень застенчив. Выступив вперед с препроводительной бумагой, я обратился к дежурному: «примите арестованного». Тут сразу вызван был конвоир и моему товарищу было предложено следовать за конвоем, и на их лицах заметно было минутное недоумение, когда я сказал, что арестованный — это я. Тут они сообразили, что он в форме и при нагане, тогда расписку вручили ему.

Так мы расстались, он мне пожелал «аман булынг!» и меня отвели в камеру в полуподвальном этаже, где сидело 7 человек русских: бухгалтер, научный работник, какой-то партиец, крестьянин-кержак и др.

Бухгалтер страдал геморроем и часами простаивал на карачках, уверяя, что это очень хорошо помогает. Я подружился с научным работником, кажется химиком, и мы с ним вместе ходили на пятнадцатиминутные прогулки по тюремному двору, где, как в старину, арестанты шагали друг за другом в затылок, беседовали о том — о сем, больше рассказывали друг другу о временах ученья, о путешествиях — он тоже был любитель природы. Политических тем не касались. Никто из нас не знал, за что сидит, да и допрашиваться было неудобно.

Я не скрывал, что по убеждениям я большевик, но на меня смотрели явно, как на Донкихота, считая, что это совсем непрактично и нелегко, т.к. преследований от этого еще больше, а оправдывать все это какой-то «идеей» — глупо. Но так смотрели не все. Иных это интересовало, и они от чистой души старались уяснить для себя некоторые вопросы идеологического порядка, например, почему обязательно нужно уничтожить крестьянскую собственность, когда она еще может быть использована рядом с коллективизацией, проводимой на добровольных началах. Конечно, многих в разной степени возмущало голое администрирование, которое в принципе отвергалось, а на практике поощрялось, и многих это затрагивало за живое, т.к. все туркестанцы росли и жили в сельскохозяйственной стране, где к индустриальным очагам имели очень немногие прямое отношение, и не все постигли на практике политику превращения сельскохозяйственной страны в индустриально-аграрную.

Дехканин и скотовод были главной фигурой в окружающей жизни, и все это так или иначе чувствовали.

Через несколько дней, как только вернулся из командировки следователь, за которым я числился, меня вызвали на допрос. Я уверен был, что для меня это — свобода, и вошел к нему с улыбкой, как к старому приятелю. Он в ответ тоже и удивился, и улыбнулся и о деле,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

собственно, и не говорили. Так я и не узнал, какое обвинение мне хотели предъявить. Меня освободили, но взяли слово, что в Джелалабад я не вернусь — очевидно, там все было против меня. Я поступил на службу в Кирлестрест, а т.к. у меня не было удостоверения личности, а паспортов тогда вообще не было, то мне сказали, что начальник пусть позвонит в ГПУ, и ему отсюда скажут что нужно.

Директором Кирлестреста был Шволик, чех, коммунист, высланный. В тот год приезжал Фучик, гостивший иногда у Шволика.

Так я стал юрисконсультom. Закон о кредитной реформе только что входил в практику и много еще случалось по поводу его применения споров и недоумений. У Кирлестреста тянулась старая тяжба с одним из получателей леса, заготавливаемого в районе озера Иссык-Куль. Изучив это дело, я увидел, что решить его можно на основе нового закона очень просто — я написал в банк бумагу, в которой приводились выдержки из статей закона и доказывалось право Кирлестреста на сумму договора (в то время, по твердому курсу червонцев, это была огромная сумма в тридцать с лишним тысяч рублей), которую банк должен снять со счета потребителя леса в бесспорном порядке. И банк сделал это. Но должность штатного юрисконсульта скоро сократили, и меня назначили плановиком-экономистом, и в ней я проработал целый год.

Жил во вновь построенном здании при Кирлестресте. Но на теплом месте мне не сиделось, хотелось перемен, путешествий. Я много рисовал — карандашом, красками; участвовал в музыкально-литературном кружке, где были очень интересные люди; много читал, иногда бывал на охоте, но с чужими ружьями, пока не имел возможности купить свое.

За барсами

Весной 1932 года пришел приказ из Москвы, из Наркомвнешторга, о мобилизации двух специалистов по охоте на усиление аппарата охотсистемы, т.к. по всему Союзу проваливались экспортные планы по заготовке диких зверей и пушнины; паевой капитал Всекохотсоюза уменьшился на восемь миллионов рублей, коллективизация нарушила традиционные формы организации заготовок, т.к. колхозы теперь не отпускали охотников, и договоры не выполнялись. Меня отпустили, а второго специалиста Г.И.П. оставили в аппарате Кирлестреста, т.к. его основная специальность была — лесокультуры. Меня назначили зав.отделом звероводства Кирохотсоюза — это было уже интереснее канцелярии.

Здорового барса наши экспортные организации продавали за границу за две тысячи рублей золотом, а Кирохотсоюз сдавал дефективных зверей, без пальцев, без лапы — за них давали всего пятьдесят рублей, что не оправдывало расходов охотников, а государство терпело убытки, недополучая валюту, необходимую для строительства заводов по программе индустриализации страны.

Я немедленно выехал по бригадам звероловов и объявил, что сдавать нужно только здоровых барсов; соответственно изменили их цены.

Охотники не верили, т.к. их постоянно обманывали — обещали плату одну, выдавали другую, не объясняя как следует смысл этого. Я обещал выплачивать тут же, чтобы восстановить доверие, и киргизский «узун кулак» сработал безотказно; барсы пошли бездефектные и в таком количестве, что мы перекрыли свое задание в несколько раз — но теперь уже «Союзпушнина» не справлялась, барсы сталидохнуть у нее на базе после сдачи зверей по документам. К нам обратились за помощью. Я собрал бригадиров-охотников и мы выработали рекомендации: поить молоком и давать разнообразную и свежую пищу — падеж прекратился. Кормили их, оказывается, собачьим мясом, обычно не свежим. Охотники имеют

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

часто дело с выкармливанием зверей и молоко действительно сыграло свою роль в спасении зверей. Теперь мы знаем, что это были витамины, а тогда мы действовали по интуиции и советовались даже в этом больше с киргизскими женщинами, т.к. именно они принимали из рук своих мужей звереныша, выкармливали его своими руками и умели их сохранять. Теперь их опыт мы передали Союзпушнине и дела на базе у них пошли хорошо.

Барс — опасный хищник и, конечно, были занятные эпизоды с ним. Один из них — это перевозка громадного барса-красавца, которого я сам решил доставить на базу Союзпушнины, чтобы оградить этот исключительный экземпляр от всяких случайностей.

Связанного барса мы уложили в ящик одноконной брички, в которую в качестве пристяжного была подпряжена еще одна лошадь. Одноконная бричка имеет более узкий ход, чем пароконная, и, следовательно, менее устойчива — это чуть не обошлось нам в убыток, а, может быть, несчастьем.

Я и бригадир-охотник, поймавший барса, сидели в ящике, держа барса. Зверь неожиданно развязался — у него изо рта выпала палка, стянутая как недоуздок на голове. Зверь начал рычать и рваться. Я ухватил его за уши, а охотник стал заправлять ему кнутовище и увязывать его ремнем, чтобы барс не мог пустить в ход свои клыки. Кучер, испугавшись, соскочил на оглобли, лошади понесли. При въезде с пустыря в одну из улиц, куда нам нужно было ехать, был мост через арык не во всю ширину улицы, а только в средней ее части лошади едва не завалили нас в арык, а дальше бешеная скачка и рев барса вызвали переполох на улице, повыскакивали собаки, лошади металась с одной стороны на другую по тогдашним ухабам, а кучер не мог ими управлять, т.к. сам сидел под ящиком. Нам удалось все же увязать барса, а затем и остановить лошадей, но то, что мы пережили за эти минуты, память сохранила со всей отчетливостью. Красавец барс был доставлен в полном порядке и стал украшением всей партии зверей. Молодые барсы гораздо скорее успокаиваются, чем старые, но эти последние много эффективнее в составе сдаваемой партии.

Кроме барсов Кировотсоюз сдавал на экспорт и других зверей: кииков, косуль, бородачей и т.д. Козлята-сосунки погибали в вольерах в большом количестве из-за недостаточно внимательного ухода. Выяснилось, что если косуле дать несвежее, чуть скисающее молоко — она заболевает и быстро издыхает. Я установил это в первые же дни, и с этой целью принялся кормить их своими руками. Козлята быстро ко мне привыкли. Я заметил, что они льнут к человеку, ухаживающему за ними, как щенки, и тогда я попробовал выпускать их — ведь этим дикарям так важно было движение.

Они кружились вокруг меня, не только не убегая в сторону, но даже боялись этого, постоянно возвращаясь, стремясь не оторваться, и постоянно чувствуя присутствие и защиту кормилицы — в данном случае меня. Я отправлялся с ними в парк, в который выходили окна нашего здания, и люди имели возможность любоваться беготней, пируэтами и резвостью этих скалолазов и скакунов. Нарочно оставляя их за дверью, я отворял окно, чтобы посмотреть какую суматоху они учиняли в поисках исчезнувшего хозяина, как блеяли и носились взад и вперед, а увидев меня, прыгали в окно, которое, однако, было очень высоко и недосыгаемо для них. Потренировав их на прыжках, я возвращал их в вольер, где они, бедняги, долго не могли успокоиться, когда я вынужден был покидать их. Мой приход еще издали они приветствовали призывным блеянием, прыжками на загородку и пируэтами, что доставляло мне большую радость, так как и я чувствовал к ним теперь привязанность и разделенную любовь.

На дворе Кировотсоюза размещен был зверинец. Среди зверей была волчица, как мне сказали когда-то служившая у одного крестьянина вместо цепной собаки. Мне захотелось это проверить и предоставить несчастному животному хоть небольшое удовольствие. Со всеми

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

предосторожностями я надел в клетке ей ошейник и, открыв дверь клетки, вывел волка наружу. На всякий случай я взял с собой охотничий кинжал — мало ли что может случиться. Все ворота, калитки, двери, окна были закрыты; за окнами стояли люди с ружьями (я не знал этого), а на заборе — масса зевак, каким-то образом прознавших про то, что волка будут выводить.

Волчица вела себя совсем как домашняя собака, соскучившись по свободе: она изо всей силы тянула меня вперед и вперед. Когда мы приблизились к забору, все зеваки посыпались с него на улицу, подняв крик и суматоху, чем еще больше привлекая интересующихся. За десять минут волчица настолько измотала меня, что я уже не в состоянии больше был ее водить и постарался водворить ее обратно в клетку. В ее желтых глазах не было ни радости, ни благодарности; она только сильнее почувствовала горечь своего заключения. Выражать свои чувства хвостом, как собака, она тоже не умела и никакого «контакта» с хозяином я так и не заметил. Это было досадно, каждый другой зверь как-то это умеет выражать, а волчица, хотя и сродни собаке, но так бесконечно была далека от человека. Вероятно и хозяин отдал ее в зверинец потому, что она была совершенно чужда всему его двору, не сделалась обычной и близкой сердцу «худобой» или «скотинкой».

Как только со зверями дело наладилось, правление Кирхотсоюза стало подумывать о более широких операциях: охоттоварищества южных районов Киргизии обычно принимали участие в заготовках грецких орехов и имели от этого хороший доход. Кирхотсоюз, по согласованию с правительством, добился организации южно-киргизской конторы Кирхотсоюза и направил меня в Джалалабад в качестве ее начальника. Положение здесь было отчаянное: в кассе тридцать семь рублей с копейками и задолженность по зарплате сотрудникам за четыре месяца. Все товарищества ликвидированы, кроме Джалалабадского, лишены кредитов, а имущество их продано с торгов.

Крольчатник Ошского товарищества в четыре тысячи маток хотя с торгов был продан Кирпотребсоюзу за долги, но еще оставался на территории охоттоварищества. Я поехал в Ош. Остановившись в гостинице, я увидел в коридоре бак для кипяченой воды и узнал свое производство времен прошлогоднего заключения в здешней тюрьме; посмотрев на него, вспомнил, что во Фрунзе мне не советовали возвращаться сюда. Но теперь я уже здесь и надо работать. Через нарсуд, вынесший решение, я добился отсрочки в исполнении решения и, срочно наняв подводы, стал вывозить крольчатник, решив его устроить в Кугартской долине в селе Архангельском, поближе к своей конторе. Когда мы вывозили, приехали подводы Кирпотребсоюза и после некоторых препирательств, едва не рукопашных, клетки с кроликами вывезли и они благополучно доставлены были к новому месту жительства. Занятый делами по подготовке к ореховой компании, я сначала не мог уделить достаточного внимания крольчатнику, надеясь на опытного и честного прежнего инструктора, руководившего этим хозяйством. Однако кролики дохли и дохли. Каждый день убыль в 28-32 крольченка. Я собрал совещание специалистов, пригласив одного из энтузиастов этого дела даже из Андижана. Все ссылались на инструкции, на литературу по клеточному содержанию. Энтузиаст из Андижана предложил изобретенную им новую систему клеток из алебаstra. Я не внял всем этим советам, считая, что не клетка, а вольеры будут выгоднее. Наконец, выбрав время, поехал в Архангельское за 45 верст на несколько дней, чтобы понаблюдать и выяснить причины гибели кроликов. Заразных болезней я у них не нашел, но подметил, что кролики гибнут от жажды и от того, что они, ночные животные, плохо едят днем в жару.

Получив достаточно наблюдений в этом, я решил выпустить их в траншею, проведя возле нее арык с проточной водой, а кроликов велел кормить ветвями из леса, накрывая ими траншею так, что туда не попадет ни собака, ни коршун, ни филин, ни лисица. Результаты превзошли все ожидания: на глазах скептиков кролики пересталидохнуть, потом стали

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

поправляться, быстро размножаться и им стало тесно во дворе. Тогда я подыскал ущельице возле поселка Михайловского и кроликов переселили туда. За ними стал ухаживать всего один человек с семью выученными для этого собаками — немецкими овчарками. Кролики плодились даже зимой. Подсчеты показали, что к лету будущего года их будет уже миллион голов. Однако события развивались так, что все это дело пришлось мне оставить, а без меня крольчатник перешел в Кирпотребсоюз. Их фотографировали, считали образцом, но молодой колхоз обратился с жалобой на крольчатник, так как, расплодившись в невероятном количестве, кролики стали причинять вред посевам. Крольчатник был ликвидирован как раз в то время, когда в стране не было мяса и других продуктов.

Заготовка горных плодов

Главной моей заботой было взять в свои руки заготовку горных плодов. Сбор орехов проводился, как в старину, следующим образом: арендатор объявлял день начала сбора, рассылали в нижним (хлопкосеющим) кишлакам глашатаев, и в ту же ночь все, что было живого в этих кишлаках, двигалось в горы; каждый стремился оседлать наиболее урожайные деревья, расположиться под ними со всеми своими домочадцами, со скотом, курами и собаками, а к утру, за ночь, сбить палками все орехи наземь, чтобы потом всей семьей сидеть, очищать от околоплодника и раскладывать орехи на просушку, чтобы затем на быках, ишаках и лошадях везти на приемочные пункты и получать за сданный орех деньги. Это было очень выгодно для населения и для заготовителей. Ночь перед сбором была самой оживленной: по всем лесам тысячи людей, как в эпоху переселения народов, двигались по всем дорогам, по всем им только известным тропам; мычали коровы, блеяли козы, крики погонщиков, старавшихся опередить друг друга, переключка людей, плач и смех многочисленных детей, женщин и подростков, и, наконец, треск лесной трущобы, костры, юрты по всему лесу, веселая переключка соседей по сбору — все это преображало молчаливый доселе лес. Нужно было из года в год приручать эту стихию, но многое еще в этом делалось по старому; наем караульщиков леса, охраняющих урожай, подсчет урожая, установка весов на приемочных пунктах, транспортировка орехов на завод, где его отбеливали, калибровали и отвозили дальше на железную дорогу для отправки на экспорт. Это была валюта, столь необходимая для индустриализации.

Конкурентами выступали Госторг, Кирпотребсоюз и теперь Южно-Киргизская контора Кирхотсоюза. Я подготовил калькуляцию и рассчитал, что при рационализации этого дела мы сможем провести заготовку быстрее и дешевле, чем обычно. На торгах орехи остались за нами. Госторг согласился нас финансировать на условиях договора. Заводы, экспортная тара и кредиты были у него. Мы установили цену на орех франко-завод, получили финансовые возможности для проведения заготовки, наняли штат инструкторов, приемщиков, охрану, приобрели транспорт и повели организационную работу среди членов товарищества охотников, проводя собрания и инструктаж; хотя собственный ишачий транспорт приносил товариществу убыток в прежнее время, мои подсчеты все решительнее укрепляли меня в мысли о выгодности этого предприятия. Было куплено 40 ишаков и нанят караванбаши — уйгур, старый специалист. Все дело сводилось к правильному уходу за ишаками; этого можно было достичь соответствующими условиями оплаты труда. Установили сдельную оплату труда и учли стоимость прокорма ишаков. Ишачники были заинтересованы в работе ишаков и поэтому хорошо их кормили, и перевозка орехов, как потом было подсчитано, обходилась нам на своем транспорте дешевле почти в два раза по сравнению с наемным транспортом. Кроме того, были предусмотрены и другие меры снижения себестоимости; например, прежде приемочный пункт находился в поселке

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Архангельском, куда орех доставляли сборщики на ишаках, а отсюда на завод вывозился бричками, причем вывозка эта обходилась очень дорого из-за моста через реку Кугарт: возчик половину груза оставлял на правом берегу из-за крутого спуска к мосту и подъема и, отвезя половину, возвращался за другой. Устроив пункт на левом берегу, мы добились удешевления перевозки на 60%; возчику выгоднее было дважды свезти орех от нового пункта, чем однажды от старого, т.к. кроме трудностей спуска на мост была еще и опасность в этом пути, а для ишачников это было безразлично — цена сдачи орехов на новом пункте не повышалась. Люди, заинтересованные премией и ценой сдачи в срок и первым сортом, дали такие темпы подвоза, что за десять дней мы выполнили план, рассчитанный на 4 месяца, как обычно. Вся эта экономия в содержании штата пошла в пользу Кирохотсоюза. Мы предусмотрели в договоре штраф за необеспечение тарой — за каждый день просрочки. Госторг пошел на этот параграф, т.к. имея опыт многих лет заготовок, считал, что нужного количества мешков ему хватит. Однако, когда не хватило ввиду небывалого темпа заготовки, он вынужден был, платя ежедневные штрафы, пустить в ход экспортные мешки и тем не менее не в состоянии был предоставить нам нужное количество: орехи доставлялись иногда партиями в мешках самих возчиков. Через 10 дней прибыль от заготовки на текущем счету Южно-Киргизской конторы Кирохотсоюза была 150 тысяч рублей.

Знакомое место

Но Джалалабадские районные работники не забыли о моем прошлом и состряпали на меня дело по образцу модной тогда промпартии, т.е. обвинили меня в дезорганизации хозяйства с целью подорвать государственные устои власти. Меня арестовали и посадили в знакомое мне место. Я, признаться, так устал в этой заготовке, что был рад даже такой возможности отдохнуть: заготовка была проведена отлично, из прорыва Кирохотсоюз вышел, крольчатник налажен, пасека, принадлежавшая Кирохотсоюзу, дала урожай меда самый высокий в районе и области, задолженности нет — одна чистая законная прибыль на счету конторы — теперь можно спокойно отдохнуть от бессонных ночей, когда приходилось день сидеть в конторе, а ночью ездить в Архангельское за 45 верст и обратно, чтобы утром предъявить новый счет госторгу, добиться его оплаты в банке, чтобы следующую ночь опять куда-либо скакать, где дело надо двинуть. Однако первый момент был для меня неожиданным.

Меня отвели в камеру, где сидели «басмачи» и бандиты. Только за мной закрылась дверь, как стоящий в проходе русский парень дал мне подножку, т.к. со свету я не мог сразу ориентироваться — и я растянулся на полу под общий смех хулиганов, а мой «сидор» оказался в их ловких руках. Почувствовав в чем дело, т.к. я знал эти повадки бандитов и их презрение к интеллигентам, которых они с полным основанием, конечно, могли считать слабее себя, я вскочил и схватив обидчика за ворот сунул его головой в дверь так, что он, падая, ударился сильно головой и сразу присмирел. Он вовсе не был силачом. Мой мешок оказался уже у главаря, восседавшего на нарах на третьем этаже; к моему удивлению он оказался «джентльменом» и пригласил меня к себе наверх, протянул мне мой сидор со словами: «Это Вы, товарищ следователь? Вот Вам сидор. А ты, дурак, - обратился он к моему обидчику, - не видишь что-ли, кого привели?!» Бандитов было 5 человек и они держали в терроре сорок человек «басмачей», отбирали у них львиную долю передач и из тюремной баланды вылавливали все содержимое (лапшу, мясо, если такое попадалось).

Однако уже вечером меня перевели в «административную» камеру — как только прибыл начальник тюрьмы и узнал, что меня арестовали. Т-ц Клименко, по старой привычке, относился ко мне с уважением и тут оказал мне внимание, хотя я у басмачей с бандитами,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

вероятно, устроился бы недурно, как это потом было понятно из взаимоотношений арестантов.

Распределение пищи вызывало недовольство, и начальник предложил избрать комиссию по проверке продуктов и раздаче пищи. Это была еще демократия. Вся камера басмачей стала требовать, чтобы назначили меня, административная тоже — и я стал общественным контролером: проверяли мы закладку в котел продуктов и распределение. Справедливость была восстановлена, самым истощенным, а это были как раз самые застенчивые из киргиз-«басмачей», я старался дать побольше, во всяком случае, не меньше, чем другим, все мы теперь были одинаковы, и мне, как советскому юристу, была дорога «презумпция невиновности».

Свобода

Через месяц я решил, что достаточно отдохнул и сидеть без дела, взаперти стало тяжело. Обдумав все факты, я написал прокурору жалобу, и в тот же день меня освободили. Люди из административной камеры не запирались и свободно ходили по двору — они все меня провожали до ворот; из камеры «басмачей» неслись на киргизском языке пожелания доброго пути и здоровья, и просьбы не забывать. Мне было жалко их. Для меня это были люди с их добрыми возможностями, которых от них не могли получить.

Однако, получив свободу, мне надо было искать работу. Здесь это было бессмысленно делать. Денег на поездку куда-либо у меня не было. В тюрьме я порядочно истощил свое здоровье и решил, что надо прежде всего добыть мяса — отправиться на охоту, но где взять ружье и хлеба на несколько дней? Мой старый приятель Ишанхан посоветовал мне найти знакомого мельника возле Архангельского и попросить у него несколько лепешек, а винтовку я надеялся достать у бывшего партизана по борьбе с басмачеством П-ва. Так я и сделал.

Достав винтовку и пять лепешек, отправился в горы, на япкаках, т.к. снегу было на метр. Пять лепешек я рассчитал на пять дней охоты — неужели ничего за это время не убью? Сколько не ходил, нигде не мог найти зверя. Однажды ночевать пришлось в пещере. Выбившись из сил, я оставил в лесу свою шубу, рассчитывая на костер и теплую пещеру, но топливо оказалось далеко, а сил мало, и мне пришлось померзнуть, но то, что я видел — до сих пор стоит перед моими глазами: эту красоту забыть невозможно. В пещере сверху капало, вода замерзала сосульками, они висели с потолка и образовали сказочное царство ледяных столбов, тумб, иголок, источников, прозрачных или матово-белых сталагмитов и сталактитов. Когда всходило солнце и бросало свои лучи на это царство узоров и кристаллов, то грани их играли всеми цветами радуги, всеми достоинствами самоцветов. Я делал физзарядку и не выходил из темпа движений, чтобы не окоченеть в холодной пещере, но глаз не мог оторвать от этой красоты — даже когда вдруг увидел возле пещеры на снегу следы барса, ночью делавшего свой обход и проделавшего глубокий траншейный след в снегу. Я решил, что если нет кабанов, то след барса меня куда-нибудь приведет — неужели ему ничего не достанется за эту ночь. Я переходил из одного ущелья в другое, выглядывал из-за скал и, наконец, вышел на гору, южный склон которой на солнцепеке освобождался от снега. Тут я увидел, что барс прошел недавно — он продолжает свою охоту и днем. Петли, которые он делал, я обычно сокращал и теперь у меня появилась надежда даже его увидеть. Его след пошел снова стороной, другим гребнем, а я пошел прямо, думая выйти опять на его след наверху. Вдруг слышу сверху грохот камней; на меня бежит стадо кииков, и в двадцати шагах, увидев меня, козлы метнулись в камни и скрылись прежде, чем я вскинул ружье.

Вскочив, я побежал за ними, чтобы увидеть их из-за камней, но новый шум привлек мое внимание — на меня мчался огромными прыжками барс и, увидев, круто свернул в

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

сторону, куда скрылись козлы. Опять неудача! Как это я, увлекшись козлами, забыл о барсе! Бежать уже не было нужды — я стал смотреть, кто появится скорей из-за скалы. Появились козлы, но далеко в стороне на снегу; они не бежали, а, застревая в нем, плыли, едва вытаскивая ноги и передвигаясь, лежа на животе. Стрелять было далеко, и барса не было — он прекратил свое преследование, хотя здесь-то он и мог догнать свою добычу. Двойная неудача — спугнул барса, когда он мог бы догнать козла и попасть мне на мушку. Три дня преследований по следам то барса, то козлов не дало результатов, и, съев последнюю лепешку, я вернулся в поселок, где меня накормили старые знакомые и я имел возможность добраться до Джалалабада. Тут я пошел к начальнику милиции и предложил ему: «дай лошадь, винтовку и я привезу тебе кабанятины». Начальник согласился. Я снова был на коне. В Арсланбобе убил-таки кабана и, вернувшись, отдал начальнику коня, обещанный свиной окорок, но ружье оставил себе, он не спросил. Ружье это было — шнейдеровская охотничья винтовка, отобранная у моего приятеля, т.к. он не имел разрешения на ее хранение. Я охотился с ней без удостоверения, но никто с меня его и не спрашивал.

Надо рассказать, что возвращение из Арсланбоба было не безопасно. Я поехал коротким путем, тропами по адырам. Километрах в 10 от поселка Благовещенского, когда солнце уже садилось и ледяной январский ветер свистел на буграх глубокой снежной целины, по которой одиноко убегала едва проторенная тропа, впереди у меня появилась толпа казахов, человек тридцать — мужчины и женщины. Увидев меня, они остановились и стали было совещаться. Это были голодные люди, сейчас направлявшиеся к Арсланбобским лесам, где они из под снега выгребали опавшие орехи и питались ими. На дорогах они убивали и грабили. Сейчас эти несчастные сговаривались как овладеть всадником, у которого лошадь и полные курджумы пищи. Сговорившись, они двинулись мне навстречу. Выхода не было, возвращаться назад бессмысленно. Я направил на них винтовку, велел сойти с дороги и идти стороной.

Броситься на меня было еще далеко, к этому они не были готовы, подчиниться — жаль добычи; когда они на минуту остановились в нерешительности, я показал им, что шутить не намерен и открою стрельбу. Женщины свернули с дороги, за ними потянулись мужчины. Пока они шли мимо, я не спускал с них глаз, т.к. шли они в две линии, окружив меня на расстоянии 12-15 шагов. Одни глаза с ненавистью и досадой, другие — подчинившись судьбе, у третьих в глазах было столько невыразимых мук, что мне стало не по себе. По глубокому снегу, проваливаясь полуголыми ногами выше колен, подбирая свои черные лохмотья и запахивая на морозе голую грудь, шли люди, обреченные на смерть. Куда они дойдут сегодня по этому снегу? На сорок километров нигде нет ни одного жилья. Они, вероятно, не знают дороги и идут наобум, держась направления к горам.

Таких толп я встречал много. В Джелалабаде голод. Голодающие тысячами стремятся в Арсланбобские леса, где рассчитывают протянуть на подножном корму. В Джелалабаде, где по прежнему в ашханах топки печей расположены с улицы, каждую ночь набивается туда по несколько человек, а кто задыхается в глубине — того уже не выпускают наружу. Милиция регулярно каждое утро выволакивает оттуда по два-три трупа. Арсланбобские рассказы полны тяжелых подробностей. Парнишка поехал на мельницу на быке смолоть чаксу ячменя и не вернулся. На третий день нашли его быка, привязанного к дереву, истоптавшего все кругом, а мальчик лежит в кустах зарезанный. Толпа казахов разграбила пасеку в урочище Анатукты, сторож едва убежал. В Гаве в одиночку бояться ходить и ездить по дорогам из-за частых убийств. Бездомные казахи насильно вламываются в юрты, в дома, жгут топливо, отнимают продукты, одежду, одеяла — даже у тех, которые сами голодают и перебиваются, побираясь у родственников.

И все же — в Арсланбоб.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Январь — февраль — март — голодно. Кабаны худые, срок охоты на них истек, хотя здесь никто этого не соблюдает. Ходить на охоту нет сил. Киргизы приносят иногда то проса, то мяса, помогают, как «родственнику» – «тугаку».

За медом

В марте начал таять снег на кунгелях (склонах гор, обращенных к югу, к солнцу), а потом и на тескеях. В лесах можно было теперь собирать зимовавшие под снегом орехи — почерневшие и потерявшие свой первоначальный вкус. Зацвел карамарт, появилась яркая, теплая зелень; земля оделась ароматом созидания. Когда зацвел боярышник, стали сеять просо. В мае месяце мы с Чоянбашем отправились на промысел — добывать дикий мед. Пищи у нас не было. Шли, питаюсь подножным кормом, чем попало. По дороге в Казылунгарсае поймали одну рыбину в камнях, крупную маринку и изжарили ее на вертеле без соли. Разделили пополам. В горле были спазмы.

В верховьях Арпатукты (что значит место, где просыпали ячмень) Чоянбаш, как знаток этого дела, начал поиск меда, и, найдя одно дерево, забрался на него с ловкостью куницы. Своей тишой он ловко стал расширять пчелиный лоток — отверстие в дупле, а когда пчелы повысыпали и облепили его, он достал кусочек ваты из своего старого и единственного халата, кресалом добыл огонь (и все это сидя на сучке), подпалил его и, поведив немного дымком, спокойно продолжал работу. «Мое мясо не болит от их укусов», - говорил он, - «я привык». Запустив руку, он вырезал ножом пласт белых майских сотов и опустил мне на аркане, чтобы я съел — и себе достал такой же кусок. Запивая водой, журчавшей тут же в лесу, я съел этот кусок (килограмма полтора), отправил Чоянбашу воды в чаначе (бурдюке) и ждал, когда он мне еще пришлет. Утолив первый голод, Чоянбаш остальной мед сложил в кожаный мешок (чапач) и перешел на другое дерево, на котором я нашел пчел. И так мы продолжали — я ходил и искал пчел, он залезал на дерево и набивал мешки — свой, а потом и мой. Чтобы найти пчел, надо иметь острое зрение, остановившись у дерева, внимательно просмотреть его от корня до верхушки. Заметив пролетевшую пчелу, надо проследить, куда она повела.

Мы подсчитали к концу дня, что съели сами по восемь килограммов сотового меда и по двадцать — двадцать пять килограммов погрузили в мешки. Когда я слышу, что мед в большом количестве вреден и что его больше ста граммов съесть невозможно — я вспоминаю наш поход с Чоянбашем и знаю, сколько можно съесть меда в свое удовольствие и быть сытым без каких бы то ни было вредных последствий — при соответствующих, конечно, условиях. Когда мы с ним возвращались обратно, солнце садилось и в косых его лучах над поляной под нами, в узоре этих лучей мы увидели целый поток пчел: одни летели вверх, другие этой дорогой вниз: где-то здесь были сильные семьи, но искать их было же поздно, и мед складывать некуда.

Это зрелище было от нас метрах в двухстах; мы остановились и долго наблюдали за направлением полета, строя предположения, где могут находиться пчелы (где есть старые деревья со скрытыми дуплами), и почему в этих условиях так далеко виден их полет. Так мне неоднократно потом приходилось наблюдать, что в упоре лучей даже летящая паутина видна за целых полкилометра. Паутинка! Не говорит ли это о каких-то необычных, скрытых от обычного взгляда явлениях природы, о механике света, которую нужно понять художнику, чтобы правильно строить свет в картине. Этим можно выделить, например, интересную деталь, если она отвечает идее композиции; можно достичь живописного качества и распознать его сущность. В зрительном восприятии предмета есть свои условия относительности, причем то, что надо заметить и знать художнику, может быть еще не

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

известно ученому. Эта динамика цвета по крайней мере не укладывается в какие-либо известные законы так называемой оптики, которая пока, вероятно, еще не связана с живописью и даже наоборот: художники боятся связать себя с наукой о цвете, и больше того — считают это вредным для себя. Но ведь науки боится и религия! Значит, в боязни художников и в боязни попов есть какое-то общее основание! Но мое чувство подсказывает мне, что я против такого искусства, которое отвергало бы науку, что-либо объясняющую в твоём методе. Наоборот, чем больше науки, тем выше должно быть искусство. А, следовательно, отсюда можно сделать важный вывод: наука развивается и искусство развивается. Почему же тогда бывают в истории такие тяжелые отчаянные периоды упадка? Чем все это объясняется?

Важно теперь рассмотреть это совместно, но чтобы это самому проанализировать мне нужно сейчас работать в библиотеках, учиться живописи. В Академию я уже не смогу попасть, т.к. там прием до тридцати пяти лет, а мне тридцать семь. Остается путь самоучки, но и это не плохой путь, тем более, что в «школе поощрения художеств» я оказал успехи, по которым преподаватели обещали перевести меня, в виде исключения, в Академию без экзаменов.

Эту охоту за пчелами я считал для себя последней, т.к. увидел истинно варварскую сторону этого промысла, медведю это простительно, но человеку — нет! Портится дерево, разоряется пчелиное гнездо. В этой прогулке я увидел, как медведь раздирает арчу, вернее то, что он уже натворил: дупло было на высоте трех метров от земли в тысячелетней арче диаметром в полтора метра и высотой метров пятнадцать. Кряжистая арча красавица с почти конусообразным стволом и почти без свилватостей с доброй древесиной разодрана была когтями и зубами в полуметровой стенке. Зверь изорвал, измочалил, истребал эту древесину на протяжении всех трех метров и вероятно выедал все содержимое дупла на протяжении двух-трех недель. По определению Чоянбаша, здесь было по меньшей мере пятнадцать пудов меда (два с половиной центнера).

Старые соты с засахаренным медом пчелы оставляют про запас и каждый год надстраивают новые белые соты вверх, а к нижним потом и не возвращаются.

Вернулись мы в Ярадар, где я жил у Сатара в постройке (сам он предпочитал юрту), лишь на следующий день уставшие и обессиленные. Тем не менее, угостив медом всех собравшихся соседей, Чоянбаш попросил у своего родственника быка и собрался в Чарвак продавать мед. Каждая минута задержки угрожала полным расстройством его планов, т.к. гости шли и шли попробовать меда. Здесь все добытое промыслом считается общей добычей и никто не решался бы отказать в этом соседу или любому гостю. Я просил свою долю тоже продать, чтобы иметь средства купить хлеба.

Чоянбаш вернулся на следующий день возбужденный и очень довольный своей выгодной сделкой. Глаза у него вдохновенно блестели, живот распирало от выпитой бузы и он не мог наговориться, восхищенно подсчитывал сколько он теперь будет иметь от этого меда: оказывается он «продал» его «насия», т.е. раздал в долг. И его семья и моя семья остались без хлеба.

Чоянбаш

Чоянбаш (в переводе означает «чугунная голова» — его прозвище, как это часто бывает у киргиз, утвердилось за ним на всю жизнь) был своеобразной и очень колоритной фигурой, и вместе с тем очень типичной для той части киргизской бедноты, которая давно уже не имеет скотины, оставаясь по духу своему кочевником и не приспособившийся еще к земледелию, для которого у нее тоже нет ни инвентаря, ни тягла. Это голый

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

пролетарий, живущий паразитизмом, восполняющий белые пятна в своем бюджете всем, что дает жизнь бродяги, готового на всякое занятие, ничего не умеющего толком делать и потому склонного к тому, чтобы стащить скотинку у зазевавшегося хозяина. В прошлом году я, вынужденный оставить Яродар, поручил Чоянбашу свою корову — пусть, думаю, его ребята попьют молоко, а на зиму я купил для коровы сена неподалеку, которое Чоянбаш должен был перевезти себе. Когда выпал снег, а сено Чоянбаш не перевез, он отправил корову к сену; там у стога в лесу они и находились вместе с другой скотиной соседей; снегу было метра полтора — воды не надо: скотина ела, топтала сено и на нем же спала, под открытым небом. Когда запасы сена иссякли, Чоянбаш, собрав соседей, лопатами прорыли туда траншею и вывели скотину к аулу. Чоянбаш решил, что он зарежет корову, тем более, что она — старая, а по весне купит новую и представит ее мне. Но у Чоянбаша такие дела не удавались: мясо он раздал в долг, добрую часть съел сам и угощал соседей, всегда вовремя поспевающих в такой момент — и вернуть корову так и не смог. Сам он теперь голодал так же, как и я, и брать с него уже было нечего — ни сейчас, ни в будущем. Я это отлично сознавал, и мог обвинять только самого себя в ротозействе. Мы с ним по-прежнему оставались приятелями и я, признаться, нисколько не жалел о корове, когда всякий раз видел и наблюдал Чоянбаша.

Это был человек невероятного энтузиазма и самоуверенности. Он всегда был весел, готов идти куда только позовут, но нисколько не заботился о семье. Сестра Сатара Сарыгуль была его женой — эта редкой красоты еще молодая женщина, тоже такая же беспечная, и не унывающая. От первой жены у Чоянбаша было два сына — Мундуз — лет 16 и Сапай — лет 12, а от Сарыгуль три девочки, из которых одна была грудной. Чтобы накормить свое голодное дитя, Сарыгуль прямо через многочисленные прорехи совала ей худую грудь, а чтобы сесть самой, она должна была осмотрительно закрыть лохмотьями те части тела, которые считаются наиболее позорными в открытом виде. Ребята питались и жили у соседей в ауле, а сама она, не имея дома ничего из продуктов, тоже обычно уходила куда-либо, завязав дверку юрты, чтобы туда не проникла собака. Чоянбаша обычно дома не было — он где-либо бродил в поисках пищи или присматривал где какой «аксыз» (лишенный права голоса раскулаченный «кулак») теперь прячет скотину — эту украсть было наименее опасно, т.к. аксыз не пойдет на него доносить. Мундуз и Сапай отданы были в «малаи», хозяин обязан был их кормить, одевать и платить еще Чоянбашу за каждого по теленку. Чоянбаш считал, что это очень выгодно, но платы никогда получить не мог, а мальчишки его ходили в лохмотьях, без обуви и кормили их хуже собаки.

Чоянбаш иногда принимался жечь уголь: нарубит клена и боярышника, из которых получается крепкий уголь (орех на это не годится), уложит хлысты стоймя в вырытую на склоне горы «гуру» и, когда все дрова прожжет огнем, закрывает отверстия. Затем уголь продавал кузнецам. Всю операцию проделывал скрытно, т.к. за порубку его привлекли бы к ответственности. Иногда он удалится глубоко в лес и свалит ясень, точит из него чашки и «таваки» для такого же тайного сбыта, т.к. никогда не брал для этого билета в лесничестве.

Чоянбаш считал себя великим мастером на все руки. Он очень гордился своими прежними успехами в пасьбе баранов и уверял, что раньше был нарасхват. Все его приглашали будто-бы потому, что у него всегда были самые жирные бараны. Проверить теперь этих способностей было уже нельзя, т.к. баев ликвидировали, баранов больше нет, а если у кого остались, то по 2-3-5 штук. Однажды он рассказал мне свой секрет: он выпасал баранов ночью, и тогда бараны могут найти ядовитую змею, и если один баран съест ее, то все стадо нагуляет сала. А ядовитые змеи выползают только ночью, потому что днем у них «голова болит». Каждое явление природы в голове у Чоянбаша приобретало мистическое значение, на все имелись свои приметы, где выдуманное переплеталось с действительностью.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Еще одним занятием Чоянбаша была ловля ястребов на осеннем пролете. Пути пролета у этих птиц постоянны и местное население, все сплошь из охотников, знало эти места и они имели свои названия, иногда закреплявшиеся на географических картах, как место «течи» (тахт). Время прилета крупных хищных птиц определялось на основании охотничьих примет: после пролета мелких соколов выпадает в горах мелкий снег и ложится на зиму в верхней зоне. Прилет крупных соколов и ястребов знаменуется приближением зимы.

Заметив мелких хищников, следующих за пролетом мелких птиц, Чоянбаш отправляется на охоту; берет припасов на 2-3 недели, сетку и голубя для приманки. Сам устраивается в скрад и наблюдает за появлением ястреба. Сетка вешается колодцем, на дне которого сидит голубь на нашесте, привязанный за ногу. Дергая за веревочку от нашеста, охотник показывает хищнику, где сидит голубь, тот бросается на добычу и его накрывает сеть. Бережно охотник его освобождает, щадя перья крыльев и хвоста (с поломанными перьями сокол не годится для охоты), надевает ему на голову кожаный колпачок, привязывает ему к ногам ремешочки и отправляется на базар, или к охотнику-соколятнику, которому он имеет в виду предложить ловчую птицу. Качество ее и ценность знает и ловец, и покупатель — это специалисты определяют уже по внешнему виду, по статям, по цвету оперения — как оценивают собаку, лошадь или барана.

Но все эти занятия Чоянбашу дают слишком мало дохода. Главный доход — это сбор ореха. Все, что будет выручено этим, и составит годовой бюджет семьи Чоянбаша. Остальное время он бродит, а семья голодает. Работает не слишком себе в тягость, чтобы больше осталось времени для ничегонеделания, для вдохновения, созерцания милой природы, мечтаний о своих высоких способностях. Но если он на что-либо вдохновился, то он тогда гору свернет; в ходьбе он неутомим, ни страшен ему ни холод, ни голод. Ни днем, ни ночью он не теряет бодрости, все кругом видит, все замечает.

Как-то под сильным ливнем ночью мы возвращались домой; уставшие, голодные, кутаясь в одежду, чтобы вода не заливалась за шиворот, и понукая лошадей, чтобы добраться скорей до дому и обсушиться, когда ничего не было видно, кроме ушей лошади. Чоянбаш один из восьми заметил метнувшуюся в сторону фигуру всадника и сразу определил, что это — вор, конокрад — приметы и доказательства, приведенные им для этого убедили нас, что это именно так, а на следующий день узнали, что в ближайшем ауле действительно была украдена ночью лошадь.

Глаза у Чоянбаша были соколиные днем и совиные ночью, а по форме они были не типичные для киргиза — круглые без обычных напускных и пухлых век; нос — тонкий с горбинкой; брови красивые тонкие, даже изящные губы и — беззубый рот. Ни одного зуба ни сверху, ни снизу; в доказательство он тут же откроет рот и закинет голову — и, оттягивая губы, помогает рассмотреть все до конца. Бритый круглый череп, красивое круглое ухо, несколько волосков в усах и пучок в виде запятой на подбородке. От частого смеха и богатой мимики глаза его были в лучистых морщинках, а рот заключен в скобки до самых ушей. Он весь дрожал от хохота, сидя по-турецки на старой козьей шкуре, хлопал себя по острым коленкам, откидывался назад, двигая кадыком, ребрами и голым морщинистым животом. Ему было на вид лет сорок, и даже меньше. Свой год рождения он отсчитывал по периодам в тринадцать лет, в которых каждый год — именуется по знакам Зодиака: год обезьяны, свиньи, курицы, барана, лошади и т.д. можно было легко убавить или прибавить возраст на тринадцать лет. Ни паспортов, ни метрик в то время не было, а у сельских жителей и удостоверений никаких — живет себе человек, что птица, и даже воинской повинности не знает.

Царское правительство «туземцев» не брало в армию, считая их ненадежными и

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

неспособными, а советская власть пока еще не добралась до воспитания этой темной массы, из которой так или иначе придется ковать граждан. Каковы будут из них граждане и каковы солдаты — покажет будущее. В то время я с увлечением наблюдал и испытывал Чоянбаша, и я постоянно мысленно искал ему полезное применение в будущем новом советском обществе, где «производительность труда» в конечном счете решает все.

Меня уже не было в Яродаре, когда началась Отечественная война, на которую, как мне потом рассказывали, попал Чоянбаш. Там ему с его напарником поручили пасти баранов, предназначенных для продовольствия армии. Он с товарищем, таким же неграмотным киргизом, в первые же месяцы войны оказался в тылу у немцев, а часть его неожиданно отступила. Пастухи не растерялись и, ловко лавируя в лесу, не дали немцам поживы, но и к своим пробраться не смогли. Спасая свое стадо от волков, медведей и от немцев они прожили в Брянских лесах два с лишним года — и сами были сыты, и стадо у них не уменьшилось, а когда части Красной армии вновь заняли район — они сдали своих баранов и пошли сражаться. И оба пали в бою за плацдарм на Висле. Такова была судьба одного из могикан киргизского «кедея» с яродарской земли. Все-таки он стал гражданином и воином и пал в бою за свою великую родину, о которой он раньше ничего и не знал.

Орехосовхоз

Живя в Яродаре среди своих приятелей-яродарцев, я получил приглашение от вновь назначенного директора Арсланбобского орехосовхоза, который теперь организован был на территории бывшего лесничества. Мне предложили должность специалиста по лесокультурам. Тогда еще не было достаточно специалистов лесного хозяйства, как не было специалистов и в других областях народного хозяйства и люди должны были делать все, одновременно учась своему делу.

Директором был только что окончивший лесной институт молодой человек, татарин по национальности, от которого так и веяло студенчеством, аудиторией, энтузиазмом молодого поколения, высокой идейности — и «городской» непрактичностью — он не видел того старого наслоения, той среды, в которой ему придется работать. Сидя на лошади и объезжая лес, он смотрел в будущее его, бросив повод, думал о нем, философствовал, мечтал. Это был замечательной души человек, отличавшийся простотой, искренностью, принципиальностью. Глядя на такого человека, хотелось забыть о всех низостях и грубостях, которые еще гнездились кругом, которые стали еще виднее, когда новая жизнь их должна потеснить и ликвидировать. Он не остерегался этой низости — как-будто бы не хотел ее замечать и считаться с действительностью. Поехал оформлять свое вступление в должность, предъявить в Базаркурганском отделении банка образец своей подписи, а затем — в Джалалабад по делам службы — и на Сузакском перевале, в 10 км от Джалалабада, был убит басмачами-бандитами.

Вторым директором Орехосовхоза был тоже молодой лесовод т.Ник-дров, очень симпатичный человек. Прослужив при нем год, я оказался в подчинении нового директора — Ф.М-ва — подхалима, хитрого, корыстного, не брезгающего никакими средствами, чтобы выслужиться и угодить начальству. Этот перевел меня на должность специалиста по заготовке, т.к. экспортная программа по заготовке орехового наплыва не выполнялась, а затем предстояла кампания по заготовке ореха, которую тоже нельзя было провалить.

Разведанных запасов наплыва оказалось недостаточно — что грозило срывом заготовок. Я поставил дело совершенно по новому и, в нарушении старых традиций, предоставил поиск наплыва бригаде из Яродарских киргиз — знатоков леса. Спиливание наплыва тоже поручил им, обучив их пользоваться «французскими» пилами (специально

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

предназначенными для этого дела). Вывозка была предоставлена русским рабочим бригадам, которые умели на волокушах, поставленных на передок от брички, по подготовленным крутым дорожкам вывозить куски наплыва вниз из леса, а затем перевозили их на бричках в Коканкишлак на станцию железной дороги, где наплывы погружались в вагон специальной бригадой грузчиков. Организованный таким образом процесс позволил ликвидировать прорыв и план был выполнен на 110%. Мне полагалась премия по положению, но М-в не включил меня в списки для награждения, угодливо подчиняясь каким-то «указаниям» свыше. Сам он получил за это награду, хотя нисколько не заслуживал. Не получили и яродарцы, хотя они-то и разыскали, и заготовили весь наплыв, но у сторонников «русской партии» они признания не заслуживали, т.к. были безграмотны и «ненадежны».

Теперь уже было видно, что против меня и здесь начинается кампания и М-в ищет только случая, чтобы придаться к чему-либо, а чем это кончится, я уже хорошо знал.

Часть IV

В краеведческом музее Андижана

Я уволился и переехал в г.Андижан, где поступил на должность художника Краеведческого музея. Здесь я написал несколько картин в экспозицию музея, руководил оформлением экспонатов, сделал скульптурную фигурку для композиции «борьба за воду» — фигурку бедняка, и через год решил переехать в Ташкент.

Конкурсы в Музее Революции

Тут я сразу решил принять участие в конкурсе, объявленном в 1937 году Музеем Революции (впоследствии — музей истории А.Н.Уз.ССР), предложившем шестьдесят тем на историко-революционную тематику с условием, что занявший первое место получит право на заключение договора на картину, цена которой и размеры указывались тут же, в условиях конкурса. И я занял первое место по конкурсу.

Я еще не был членом Союза художников (тогда еще «Оргкомитета»), но мой эскиз «Разгром Осипова под Чимкентом» Оргкомитет Союза художников взял на выставку, что была в Доме Красной Армии (впоследствии «Дом офицера»). При обсуждении выставки об эскизе и его достоинствах много говорили, и начальник Ленинской в/школы — И.Е.Петров (впоследствии генерал армии, командующий войсками Туркестанского военного округа). Среди бывших партизан, участников революционных боев в Ташкенте, возникло целое паломничество: в Музей почти ежедневно приходили группы иногда до десяти-пятнадцати человек смотреть эскиз. Консультантом был назначен музеем по этой теме А-др Ив. Зелендинов, бывший командир партизанского отряда, преследовавшего Осиповских белогвардейцев до самого Напала и Карабулака, куда Осипов бросился отступать после поражения под Чимкентом.

Второй конкурс в Музее Революции снова предоставил мне первое место, я получил опять право на договорную картину, а затем продолжал работать над историко-революционными темами, выполняя заказы Музея, вплоть до поступления в студию при Союзе художников, которая учреждена была как школа по повышению квалификации художников и как основа будущей Узбекской Академии художеств. По Узбекистану отобрано было 25 художников, окончивших художественные училища и показавших свои таланты на выставках. Меня приняли как активного участника выставок.

Студентам дали стипендии. Рабочий день студентов был загружен до отказа.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Предметы были по теории искусства, диалектический материализм, рисунок, живопись. Покидали студию ежедневно в 12 часов ночи.

Здесь я сделал для себя открытие, которое определило всю дальнейшую мою работу над собой: я почувствовал, что в диалектическом материализме, которого я раньше, к стыду своему не понимал, открылась для меня возможность определить исторический путь искусства, его аналогию, как исторически развивающийся и прогрессирующий раздел «настройки», обосновать теорию искусства и вывести практический метод социалистического реализма, о сущности которого не было и нет настоящих понятий.

Теория искусства

Вот уже идет 1964 год, а у нас нет ни теории искусства, ни его истории, написанной с марксистских позиций, а на выставках появляются вещи, о которых никто не может сказать — формалистическая она или реалистическая; грань потерялась, а о философии искусства спорят лишь формально.

Но «почувствовать» возможность решить все эти вопросы — это еще не значило, что они уже решены. Надо было начать наблюдения над природой, дающей нам диалектические законы цвета в живописи, и к теоретическому обоснованию вопросов живописи подготовить себя путем изучения классиков марксизма-ленинизма и тех философов-материалистов, которые с материалистических позиций трактовали вопросы искусства.

В своей живописи я отметил для себя печальный факт: пейзаж с натуры у меня получался хуже, чем без натуры, не умел писать с натуры.

Печально потому, что я по своим успехам в «школе поощрения» считал, что пять лет в Академии художеств и я овладею мастерством художника, но запас композиций и решение всех других вопросов, связанных с искусством (его философия также), мне даст жизнь; что одно мастерство без понимания жизни — не стоит судьбы художника. А теперь я видел, что мои товарищи сильнее в живописи, и мне не так-то легко будет их догнать. При этом я видел, что иные из них ставят себе слишком узкие задачи в искусстве и уж вовсе не знают жизни, которую я познал вдоволь. Узость задач у них сводилась к полному пренебрежению к философии и к историческим концепциям; они считали, что «содержание важнее формы», а, следовательно, успех их творчества целиком зависел от выбора темы, а какова будет живопись по сравнению с классической — это их не трогало; однако классика при этом считалась «недосягаемой», либо (что свойственно было большинству товарищей) «отсталой».

В Русском музее Ленинграда искусствовед, которому поручено было провести с нами специальные экскурсии, доказывала, что произведения Авилова «На Куликовом поле» — гораздо выше суриковских картин. Что это — советская классика и она превосходит все, что создано было человечеством до нее. Это высокомерие оправдывалось положением, что «содержание важнее формы», но если превосходство содержания картины «На Куликовом поле» не может быть доказано в отношении содержания, например, «Утро стрелецкой казни», то тут приходилось указывать, что сам по себе художник — Авилов — советский художник, значит он обладает высшим сознанием, он шире мыслит, он обладает диалектическим методом мышления, он знает законы исторического материализма, чего Суриков не знал и не мог знать, т.к. жил в другую эпоху, буржуазную эпоху и по своим воззрениям был сыном своего века, правда, принадлежал к его первой части, но по своему духу был еще художником XIX века, и в картине «Степан Разин» прямо говорил, что он за культ личности, отвергаемый марксизмом.

В то же время массовое распространение портретов «вождей» не подлежало критике,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

и то обстоятельство, что только на монументы Сталина тратились миллионы рублей и огромное количество бронзы — оставалось необъяснимым, а главное — этого вопроса нельзя было касаться, т.к. покушавшийся на это человек тут же привлекался по ст.111 УК (пропаганда контрреволюции).

Я очень досадовал, что никто из моих товарищей не ощущал с такой болью необходимость найти в философии марксизма все ответы на эти вопросы, которые, если у кого и были, то они, вероятно, их не мучили в такой степени как меня. В этом сказывалось отсутствие той жизненной школы, которую получил я, и не имели они. Я в полном смысле слова «выстрадал марксизм» и теперь видел в нем то «божественное откровение», которое прежде всего давало людям разум и веру. Ведь это то, что я искал всю жизнь, рисковал ею, чтобы найти. Теперь мои чувства, наконец, слились с моим разумом. Я объясню теперь то, что я любил — к чему меня влекла натура и мои склонности, чувства, способности. Теперь все это нужно и оправдано.

Художник Беньков П.И., у которого мы, студенты, были месяц в Самарканде на практике, признавал живописью только то, что сделано с натуры и никаких «композиций» не желал даже смотреть. Но его живопись отличалась от живописи «передвижников» своим уклоном, как говорили, к импрессионизму. И его манера, мне это было уже ясно, противоречила старой классической реалистической манере, в которой натура была положена в основу композиции картины, представлявшей собою синтез работы над натурой и в «мастерской». Репин, например, писал портрет с натуры, но обрабатывал его потом в мастерской. Суриков писал этюды с натуры, но «вставлял» их в картину, подвергал большой обработке, после которой они выглядели как художественно законченные, а соответственно прежние этюды — «сырыми». Но конечно, и на натуре можно довести произведение живописи до законченного состояния, когда изучишь «законы формы», данные природой. Понятие «формотворчество», входившее в обиход у критиков «формализма», не имеет конкретного смысла, это всего лишь словоблудие, которым прикрываются искусствоведы, шарахающиеся от слова не модного «форма» и противопоставляющие модное ей «содержание», не умея, однако, ответить на вопрос «что такое форма» и что такое «национальная форма» при социалистическом содержании. Как они применяют эти свои понятия в отношении, например, пейзажа? Новый завод — соц. содержание, древний мавзолей — нет социалистического содержания, значит брак; а если, например, изображена ящерица или птица? — тогда придумали «натурализм», никакого социалистического содержания, не принимается на выставку, не оплачивается, или охаивается как «не современное», не эпохальное.

Итак, отсутствие содержания в склоняемых на все лады терминах «соцреализм», «форма», «натурализм» и т.д. привело меня к необходимости заняться решением этих вопросов, выработки философских основ искусства и, конечно, отсюда и методов практической работы, т.е. способов овладения натурой с позиции реализма. Философия подсказывает, что этот метод должен быть более совершенным, чем метод, которому обучал П.П.Чистяков наших художников-реалистов. Однако педагогическая система Чистякова оказалась искаженной домыслами автора. Чистяков еще не знал диалектического материализма и потому не мог заявить, что живопись имеет свои законы; он говорил, что рисунок имеет твердые законы, а живопись — нет. Мне предстояло доказать, что и живопись имеет свои законы, как и рисунок, и к этому теперь были направлены все мои устремления. Свое неумение писать с натуры я мог теперь объяснить незнанием этих законов, но ведь они вообще неизвестны художникам прошлого, а тем не менее они создали мировые шедевры! Нет ли тут противоречия? Приписать ли эту созданную ими чудодейственную силу их исключительному таланту? Нет, с этим нельзя согласиться потому, что в народе таланты не

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

иссякают, и теперь и в любую эпоху могут появиться такие таланты, как Леонардо да Винчи, Тициан, Веласкес, Рембрандт, Репин, но для этого нужны какие-то условия — характер эпохи (как показывает история) и методы, которые позволяют большому таланту довести свое произведение до шедевра.

Итак, мне нужно исследовать эпохи и методы работы, осветить философию практической работы.

В поисках теории искусства

Два раздела должны дать общий вывод. I раздел. Эпоха. Главными вехами без ущерба для дела мы можем взять такие общепризнанные взлеты, как эпоха Леонардо да Винчи, Рембрандта и Репина.

Марксист-историк свяжет обязательно появление этих гениев с материальной основой; и в самом деле — эпоха Возрождения — это оживление во всех сферах материальной жизни Италии после тысячелетнего застоя; эпоха Рембрандта в Голландии — XVII век, когда страна завоевала независимость и шагнула вперед в своем развитии. Соответственно, эпоха Репина — это завершение исторического пути в создании колоссального буржуазно-монархического государства, обживавшего территорию в одну шестую земного пространства, с прогрессивными идеями в недрах своего общества, готовившего великий скачок в будущее.

В каждой главе этой истории условия разные, но общее — это исторический сдвиг, для каждого времени, окрашенного по своему. Каждый такой сдвиг требовал бурного развития науки и искусства и они были нерасторжимо связаны и обуславливали друг друга. Так Леонардо да Винчи обнаружил в природе пространство, которое преобразует художник, закон линейной перспективы. Свое искусство он поднял на новую высоту, пользуясь научной основой. Общеизвестны и его работы по анатомии, положившие начало этому предмету в преподавании всех программ обучения художников на все будущие времена.

Художник, не знающий анатомии, не мог с тех пор претендовать на звание художника. Законы линейной перспективы и знание анатомии позволяют художнику лучше строить пространственную форму, дает возможность почувствовать фактуру предмета, воздух вокруг него, расстояние и все другие компоненты пространства, в котором мы живем. Но человечество не пошло по линии развития рисунка — основы его были заложены Леонардо, он стал основой всех основ в изобразительном искусстве, но живопись «не имеющая твердых законов», развивалась от эпохи к эпохе, может быть именно потому, что художники не могли понять ее законов и, более или менее строго придерживаясь рисунка, отдавали именно ей все свои чувства.

Конечно, это чувство пылало иногда через край, и тогда начинался отход от рисунка с его «твердыми законами», провозглашалась даже ненужность этих законов, уверяли, что всякие знания законов, всякая научная основа — лишь помеха в создании живописного шедевра, и художники, не глядя в будущее и забывая о пройденном, очертя голову бросались доказывать это, состязаясь друг с другом в новшествах, все смелее и смелее отменяли всякую культуру и рисунка и живописи.

Однако это приводило к абсурду — к отрицанию искусства, к отрицанию даже цвета и самой живописи — это был тупик, в который от бессилия художники попадали на путях нигилизма и неверия в законы природы, диктующие и законы искусства.

И вот новый, открытый Марксом, закон диалектики, на основе которого многие явления физики цвета, физики пространства становятся понятными и объяснимыми, должны сыграть свою роль и в становлении нового искусства, в открытии законов живописи, которую

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

теперь, как прежде рисунок, можно будет подчинить твердым правилам построения и тем самым положить основу создания новой школы, которая даст своих Леонардо, Рембрандтов и Репиных. Но законами этими надо овладеть и выпестовать на них новое поколение художников, которые в отличие от нас будут лучше знать законы пространства и вернут школам прежние знания законов рисунка, которые мы все больше и больше забываем, а под влиянием импрессионистов, а затем разных видов и выпусков декадентства — вовсе разучились строить: в лучшем случае строим в школах, а потом забываем — зачем это было нужно.

Курс линейной перспективы мы также выбрасываем, т.к. на практике он нам теперь не требуется, а в будущей школе он будет играть роль живой основы всякого рисунка и всякой картины, но, конечно, избавленный от своей теперешней схоластики, т.к. даже в геометрии у нас теперь есть пространство Эвклида и пространство Лобачевского, что найдет свое отражение и в понимании пространства для живописи — учение о форме пространственной, которые помогут построить особенно идеи Менделеева и Лебедева и обобщенных с позиций диалектического материализма.

К концу тридцатых годов, изучая теперь марксизм, я понял, что своими скитаниями я добился твердого убеждения в том, что природа — первоисточник выше художественного произведения. Этот процесс был особенно мучительным, т.к. я всегда слышал, что художник может создать картину, которая будет краше, чем натура. Это как бы унижало талант и вдохновение художника, и хотя этот вопрос уже был освещен Чернышевским и прочел я его еще в гимназии, но с тех пор я все проверял, не желая согласиться с таким положением; однако я понял, и теперь, рассуждая с материалистических позиций, я подтвердил себе, что материалист во мне выковывался вопреки тому, что все меня считали «идеалистом», но идеалистом я оказывается оставался благодаря своим стремлениям подчинить свою жизнь идее, но идея оказалась «материалистической», потому что жизнь я считал первичным началом, а идеи (а значит и живопись, произведение живописи) — вторичным, произведением. С обыденной точки зрения я — идеалист, т.к. ставлю на первое место в своей жизни борьбу за материалистическую идею в искусстве.

Мой «идеализм» включал, конечно, и известные моральные правила поведения в обществе; например, я отвергал карьеризм.

И скоро мне пришлось столкнуться на этой почве в Союзе художников с членами этого коллектива, которые занимали в этом отношении другую позицию.

Председателем у нас был искусствовед Барханов Леонид Иванович. Это был идейный человек, отдавший себя служению благородной идее развития советского искусства. Он создал для молодежи студию, где начинались регулярные занятия и где молодые художники ковали свое мастерство, имея в виду закончить его высшей ступенью — Вузом, первым курсом которого и считалась эта студия. Она просуществовала, однако, всего полтора года и закрыта была по случаю войны. Уже в 1940 году кредиты были урезаны.

Барханов продолжал свою плодотворную деятельность; общественная работа была ключом — каждый день художники собирались у себя в Союзе, где устраивались лекции, очень нужные каждому, т.к. каждый художник хотел много знать о своем искусстве; выставки, обсуждения, и художники всегда имели возможность порисовать, в зале устанавливались мольберты, приглашалась натура, в определенные часы художники работали. Но старые художники были против этих мероприятий: рисовать они не хотели, рядом с молодыми стоять за мольбертом им казалось зазорным, а, попробовав, они оказали свое неумение — и, кроме того, выдвигавшаяся Бархановым на первый план молодежь мешала, как бельмо на глазу, продвижению по лестнице старым художникам, которые уже завоевали положение и хотели это свое преимущество использовать монополично. Началась

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

травля Барханова.

Его сняли.

На Ангрене

Началась война. Вся группа получила брони. Финансирование договоров прекратилось, жить стало трудно; наступил голод. Художников прикрепили к ларькам, где выдавали кое-какие продукты и «баланду». Меня командировали на Ангрэнстрой, признанный важной стройкой. В Среднюю Азию прибывают беженцы, эвакуированные заводы, предприятия, институты. На Ангрэн повели автомобильную дорогу и железнодорожную колею.

Обнаружены огромные запасы угля, часть которого решили добывать шахтным способом, а часть — открытой разработкой; общая мощность пластов, как говорили, достигала 60 метров толщины; но для этого нужно было отвести русло Ангрена. Со всех областей Узбекистана прибывали рабочие — дехкане в своих национальных одеждах: тут Сурхандарья в разноцветных, ярких халатах и чалмах, женщины в красных, розовых истрепанных до ниток платьях, но расшитых чудесными орнаментами, кусочек которого заставляет преклоняться перед великим вкусом и историей народа; там ферганцы в черных с белыми миндалинами тюбетейках, в черно-белых одеждах, отмеченные миниатюрами Бехзада наравне с его чисто «персидскими» букетами в одеждах знати; каракалпаки, самаркандцы, бухарцы; казахи, киргизы, таджики. Среди строителей степенно шагает узбекский староста Ахунбабаев, подбадривает, перекидывается шутками, останавливается возле узбечки, продающей «суйват» или «куджу» (деханскую похлебку из раздавленных зерен джугары, сдобренную белой водичкой размытого курта, чуть кисленькой), садится на корточки по узбекскому обычаю, хвалит еду и велит казначею расплатиться.

Работали женщины и мужчины, главным образом, мужчины, которые потом постепенно будут уходить на фронт. Ахунбабаев иногда собирал в своем домике, отведенном ему, молодежь — инженеров, врачей, топографов, художников и угощал их пельменями. Глядя на веселящуюся молодежь, он по временам сам шутил. Всегда все это было очень благопристойно, деликатно, радушно, непринужденно, что очень сближало людей и при том мы хорошо тут отогревались и забывали про ветер, мороз и всегдашнюю сырость в сапогах. Портянки можно было даже посушить на кухне, где хозяйничала очень гостеприимная русская женщина. На следующий день работалось лучше и легче переносились невзгоды. Один из бригадиров отличился и как-то оказался на виду, решили его выдвинуть: он начал класть гальку в свой платок и на виду у всех носить и выгружать ее. Его примеру последовали его однокишлячники и дело пошло, его наградили орденом Ленина.

Кое-где теперь появились и казенные постройки. Я устроился на квартире у пожарника, домик его стоял на галечном русле Ангрена, недалеко от старого поселка и единственного тогда моста, от которого до станции железной дороги, которую уже дотянули до Ангрена, было 4 километра пустырем. Софья Федоровна, жена хозяина, была очень остроумной женщиной, пересыпала свой разговор замечательными пословицами и поговорками. Я жалею, что не записывал ее речь.

Повадился волк в поселочек, что вырос на берегу, и каждую ночь резал то там, то здесь скотину. Я попытался его подкараулить. Судя по следам, он приходил снизу — это лишало меня возможности подстеречь его в засаде, т.к. он подходил с подветренной стороны. Садилось холодное зимнее солнце, мороз крепчал, ветер пронизывал слабую одежку насквозь, однако, я решил сидеть — если волк перейдет реку невдалеке, он может оказаться на убойной дистанции, если ниже — то ветер донесет до него запах человека с ружьем и он

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

обойдет меня стороной и тогда его не скоро здесь дождешься, т.к. зверь хитрый и сразу поймет, что его караулит здесь опасность. Близко к полуночи, когда я уже совсем закован, но все никак не мог подняться, не выяснив обстановки, — показался силуэт с характерными волчьими приметам: стоячие уши, поджатый короткий хвост и быстрый, как ни у одной собаки, ход. Он шел по берегу реки и, почуяв опасность, обошел полукругом с подветренной стороны и, распознав, кто сидит, ушел восвояси.

В этот день и в последующие дни он не появлялся и скотину не резал. Между тем, я уехал в командировку в Ташкент и вернулся, когда выпал снег едва не по колено: хозяйка моя встретила меня, в отчаянии ломая руки: который день подряд волк ходит по поселку, режет баранов, коз, собак и два дня подряд приходит к ним на двор, где привязана ишачиха и корова. Ну, если так, значит он привык и считает себя в безопасности — это хорошо. Я решил, что лучше всего будет не выходить из избы. Когда волк, знакомой ему безопасной дорогой придет на двор и бросится на ишака, он будет действовать уже безрассудно (двора собственно и не было, т.к. не было забора и изба стояла на открытом месте, на гальках, покрытых редким кустарником тамариска, и по руслицам рогоза, а больше жесткой осокой, в которой так любят прятаться зайцы, но их уже давно здесь нет). Все было вытоптано скотом. Необходимо, чтобы волк, подходя к поселку с подветренной стороны и проверяя все знакомые запахи и незнакомые, двигаясь с разведкой, не обнаружил меня. Он несомненно запомнил в каких обстоятельствах познакомился со мной. На этот счет у него память намного лучше, чем у лисы, которую хотя и считают самым хитрым зверем, а на самом деле вся ее хитрость белыми нитками шита.

Зарядив ружье, приготовив полушубок и валенки, чтобы быстро одеться, я лег спать, зная, что ишак сам о себе даст знать, а хозяйка решила караулить и сразу будить меня, если я сам не встану. Ночь выдалась кромешная, с бураном, ветер так свистел под стрехой и шелестел камышом, что, казалось, ничего мы не услышим, а, услышав, не увидим. И вот, вопли хозяйки: «зарезал, зарезал, пропала ишачка, он ее уже рвет и лязгает зубами». Я моментально вскочил босыми ногами в валенки, надел на голое тело полушубок и выскочил из избы: ишачка ревет, корова мечется, привязанная за кол, бросается на волка, стараюсь пырнуть его рогами, а тот, распластавшись, ухватив ишачку за хвост, тянет ее на себя, чтобы в следующий момент, внезапно отпустив, накинуться с неожиданной стороны; силуэт его едва различим, боюсь как бы не ранить корову, а медлить нельзя — я выстрелил из своей двустволки мелкой дробью ему по хвосту, а когда он отцепился от ишачки и пошел наутек — пустил ему вслед еще заряд. Волк взвыл натрудно — тяжело ранен; перезарядив ружье, я побежал за ним. Перебегая русло ручья с торчащими в нем большими голышами, снежными шапками, глыбами, я в темноте поскользнулся и по колено оказался в воде, но преследование не бросил, теперь побежал уже как попало — уже по темной воде, чтобы не поскользнуться. В темноте не видно — куда ушел волк. Показалось, что слева что-то живое, — побежал вдоль берега и вдруг наткнулся на него; он еще был жив и откуда-то из темноты кинулся ко мне невидимый, но вооруженный еще своими зубами — вскинув стволами, я выстрелил туда и огонь выстрела осветил волчий облик у самого дула: заряд пришелся ему в самую дужку. Стрелял мелкой дробью, зная, что придется встретить волка на близком убийном расстоянии, а пулей стрелять в поселке опасно — она и за двести шагов может уложить человека. Притащив его за хвост в избы, разгоряченный охотой, в оледеневших валенках, я взглянул на обитателей со смехом — ребятишки бросились на печь, а хозяйка в другую комнату, и, прикрыв дверь, просила: «ради бога, запалите в него еще раз, чтобы он не ожил». А когда волк вдруг в конвульсиях приподнял голову и щелкнул зубами и мне пришлось наступить ему на горло ногой, — в избе раздался визг и причитания. Но страх быстро прошел, началось веселье, радость от удачи, пошли смотреть ишачиху — на ней не было никаких порезов, даже

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

хвост не пострадал — волк ухватил его за кисточку и не причинил никакого ущерба. Ишачиха была жеребая, но даже нападение волка и угроза смерти не повлияли на ее здоровье и здоровье жеребенка, который родился не шизофреником, а самым настоящим энтузиастом жизни.

Ишаки — самая любимая пища волков, их мясо сладко для них, вероятно, именно от их хорошего жизнелюбивого характера. При появлении волка в стаде, ишак начинает орать громче всех, и именно это и привлекает волка. Ишак не бежит от волка, как другие, а только кричит и ревет, не зная, что делать, как будто он своей жертвой предупреждает своих товарищей: баранов, коз, лошадей, коров и верблюдов. Волк, набросившийся на ишака и вошедший в раж, уже ничего не видит кругом, и в это время его можно брать чуть ли не за хвост самого.

Софья Федоровна предложила мне взять у убитого волка внутренности — пусть ребятишки пирожков поедят, у нее есть немного муки — хотя, наполовину и с отрубями, но все же слепить можно.

Я это сделал, и даже больше: всю тушу волка, не говоря об этом хозяйке (а в нем оказалось более двух пудов — килограмм 35), я повесил на чердаке — если съедят внутренности, то почему не будут есть мясо? Пирожки оказались такие вкусные, что хозяйка пожалела на следующий день: почему бы еще кусочек было не взять — семь бед — один ответ. И тогда я обрадовал ее, стащив из моего запасника всю красивую тушу волка. Началось общее ликование. Ребятишки нисколько не брезговали — подавай им мяса, да и только. Супы, борщи, кавардаки, котлеты — мы зажили так, будто вокруг нас и голода нет; ели до отвала. А когда мясо кончилось и ребятишки заметно посвежели, я принес с охоты тушу лисицы — это было просто лакомство: розовое, жирное мясо, что твоя прославленная баранина. И так мы прожили зиму — выручали лисы, которых было больше, чем зайцев, фазанов и кекликов, которых, когда удавалось добыть, я старался отвезти в Ташкент своим, которых гораздо труднее было убедить в съедобности этих собак, нежели заставить голодать. Но все же в один из торжественных дней были приглашены Мельниковы, Де...кевы, Буровы и устроен был кавардак из ворон, которых я тут же в Ташкенте набил за городом. По общему признанию кавардак был «необыкновенно вкусным», вино расцветило кушанье новыми цветами, гости играли на рояле, пели, веселились и до сих пор вспоминают этот чудесный кавардак среди сплошной баланды, когда и думать забыли о мясе — шла война. Не было дров. Удалось тогда раздобыть железную печку (старую «буржуйку») и топили ее .... книгами своей библиотеки. У Кати стали пухнуть суставы пальцев.

Фархадстрой

Весной 1943 года меня по путевке ЦК Узбекистана командировали на Фархадстрой бригадиром художников, среди которых были: Крымская Н.К., скульптор Страздан и график — москвич, прибывший по эвакуации, — Комиссаренко.

Какую мы получали зарплату, не помню, но только, вероятно, очень малую, т.к. голодали. Страздан с женой — Крымской жили в вагоне, а мы с Комиссаренко в дырявой палатке.

Комиссаренко болел дистрофией, распух от голода, но безропотно работал. Однажды к вечеру разразилась пыльная буря; Комиссаренко вышел зачем-то из палатки — и заблудился, пропал. Поиски невозможно было организовать, т.к. за пять метров ничего нельзя было увидеть или услышать, и человека сбивало с ног. Ночью, когда буря успокоилась, с фонарем его нашли в ста метрах от палатки под носилками, полузанесенного песком; его привели под руки, он ничего не видел, пока ему не промыли глаза водой. Все его лицо, уши,

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

волосы были сплошь забиты пылью. Это был человек, который вырос в городе, и когда на него свалились сюрпризы нашей дикой природы, неустройство жилья, необходимость самому изобретать себе пищу, стоять обессилевшему в очереди за хлебом и действовать локтями; иногда он по забывчивости забывал свои карточки, и снова приходилось начинать все сначала, а на это уже не хватало сил — этот человек, уже безнадежно больной, через месяц был отправлен в больницу, сначала в местную, потом в Ташкент, и там умер от истощения, т.к. ему уже ничего не могло помочь. У него давно уже атрофировалась воля к жизни: когда нужно было согреть себя движением, он ложился и лежал без движения; утром не мог подняться, заочнев, и когда я растирал его распухшее тело, оно как-то неестественно шелестело, а там, где прошлись пальцы — оставались невосполнимые углубления. И он после этого еще шел рисовать портреты ударников стройки! Все мы были без обуви, а то, что заменяло ее, «горело» на камнях, в грязи и пыли.

Я поехал в Ташкент раздобыть что-либо для этого. Мне удалось достать «танки» — сшитые из автомобильных покрышек ботинки. Какая это была ценность! Как это было нужно нам! Кроме того, я решил взять с собой ружье и припасы, т.к. охотой можно было добыть мяса и легче переносить голод. Меня провожали на поезд жена и Мельниковы. Андрей нес на своей спине тяжелый рюкзак с припасами. В вокзальные помещения публику не пускали (забота о народе!) и люди тысячами по несколько суток жили на улице возле вокзала, все с барахлом: грязными одеялами, которые стелили прямо на землю, корзинками, сундучками, вшивые, полураздетые, женщины, кормящие своих детей грудью, в которой давно уже не было молока.

Андрей, всегда оптимист, весело расправив затекшие плечи, опустил свой рюкзак на тумбу, возле которой мы сели в ожидании поезда и торжественно возгласил: «Теперь воскурим!». Мы закурили, оживленно разговаривая, и вдруг заметили, что рюкзака-то на тумбе нет! Сначала не верили себе, пересчитали вещи, осмотрелись кругом — соседи разговаривают себе как ни в чем не бывало, но мы вспомнили, что эти соседи недавно переругивались между собой и затеяли потасовку, которой, очевидно, отвлекли наше внимание от рюкзака и переправили его по рукам, а теперь его уже не найдешь — куда кинешься, по всей площади — табор беженцев, тысячи народу. Заявили в милицию, но что она могла сделать! Большая часть дрови и пороха теперь пропала. Но кое-что осталась в другом мешке и, главное, остались «танки», — для художников.

Но только я прибыл в Беговат, меня потребовали в военкомат и, отобрав паспорт, «забрали» в солдаты, хотя голову не обрили, а просто остригли под машинку; на фронт меня не послали, а определили в авто-мото-инженерный 125 батальон, вызванный с Украинского фронта на строительство Фархадской ГЭС, признававшейся военным объектом (хотя для вступления ее в строй требовались годы).

Ввиду тяжелых боев на фронте, батальон готовился к отправке, подана была часть платформ для погрузки, но начальник строительства Саркисов добился отсрочки этой отправки, так как шло перекрытие русла Сыр-Дарьи, а батальон был костяком инженерно-технических кадров, на которых держались все объекты: бетонный завод, бетономешалки, краны, автотранспорт, понтоны, компрессоры и пр. Снять батальон значило остановить стройку, на которой работало 25-30 тысяч человек-колхозников со всех областей Узбекистана. Одновременно строился и Беговатский металлургический завод, где также работали наши специалисты.

Перекрыли русло Дарьи — это был еще первый этап в этом деле, принявшем потом большой размах по всей стране; зрелище было «муравьиное»; всего лишь несколько машин подвозили бетонные блоки и крупные камни, а главным образом это по всем направлениям двигались друг за другом колхозники, неся на спине то один большой камень, то несколько

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

камней в мешке или палатке (работали женщины и мужчины) и, проходя по наведенному понтонерами батальона понтонному мосту, сбрасывали свой груз в стремнину, которая, казалось, все сильнее сопротивляется и, не дав опуститься камню на дно, подхватив его с пеной, уносит за сотни метров. Но инженерный расчет был неумолим. Автором сооружения был мой товарищ по гимназии В.В.Пославский, а начальником строительства плотины — другой одноклассник Б.Я.Моисеев. Последний предложил в последние часы добавить еще сипаи — старомодное местное средство укрепления берегов. И вот «сипайчи» ринулись в атаку. Сколько смелости, силы и смекалки. Сипаи хорошо послужили: вода заметно укрощалась.

С опасностью для жизни солдаты-понтонеры все время измеряли глубину стремнины и докладывали результаты — проран мелеет, вода заметно начала поднимать уровень перед плотиной, и, наконец, взрыв перемычки и вода хлынула в новое бетонное русло, где ее встречали быки, облицованные крепкими бетонными кирпичами и оснащенные металлическими рамами и щитами, над которыми по верху на тяжелых рельсах ходили огромные краны с цепями и стрелами. Накануне был митинг в этом котловане, собравший всех строителей, а сегодня люди не наглядятся на мощные буруны и такой силы струи воды, что не верится уже во вчерашнее и в то, что эти гасители и эти огромные лотки смогут надолго удержать эту воду, безумная сила которой чувствуется теперь больше, чем когда она привычно текла по тысячелетнему своему руслу в своих живописных, а подчас пустынных и диких берегах.

Солдат

Теперь я — солдат. Это таинственное и почетное звание я принял, как счастливый жребий. Кончилось мое черное пятно, с которым я не расставался с тех пор, как по своему решил проверить вопрос ликвидации басмачества и как на меня была навешана бирка, позволяющая каждому, кто пожелает, лягнуть меня или куснуть, для получения успеха в своей карьере, — теперь я — защитник Родины.

Во-вторых (это уже личное), я никогда еще не был солдатом — обстановка так сложилась, что я оказывался на командных постах, не имея даже для этого специальной военной подготовки, а так — в порядке самодеятельности: в дни февральской революции я собрал отряд из наших студентов туркестанского землячества 22 человека и повел их на Выборгскую сторону, где мы влились в боевые дружины вооруженных рабочих и атаковали монархию: завладели Троицким мостом, арестовали царских министров, завладели Петропавловской крепостью и выпустили на волю политических заключенных, атаковали арсенал, вооружали народ и т.д.

У Кучукова командовал одиннадцатью басмачами, числясь командиром взвода; в Красной гвардии — командиром эскадрона, а в конезаводстве уже занимал должность, соответствующую командиру полка. И вот теперь — солдат, о психологии которого я много читал, слышал, но сам в этом звании не бывал. Романтика, конечно, быстро столкнулась с действительностью: меня отправили в баню с сержантом.

Были среди офицеров замечательные люди, которые трудились вместе с солдатами и днем и ночью, т.к. не хватало на стройке кадров специалистов, носили рабочую одежду, относились к солдатам по-человечески (таким был, например, капитан Галицкий П.П.). Но вот, например, Капустянский — инженер капитан, известная ташкентская фамилия (фотографа). «Боец, ко мне» — увидя меня, как-то командует он, расставив ноги и стоя на крыльце своего домика. «Бегом». Я не прибавляю шага — какая нужда в такой спешке? Кроме того, я старше его в два раза (и тоже носил офицерское звание когда-то) и сердце у

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

меня большое (еще с 20-го года). Я могу ходить долго, но медленно. Пока я дошел до него и вытянулся перед офицером, доложив о себе по всем правилам, он уже изошел слюной, уничтожив меня своими резкими изощренными фразами. Я слегка улыбался, т.к. больше занят был наблюдением, чем вниканием в сущность его науки, и, видя, что его интеллигентная (как он думал) руганья, что горох о стену, он быстро истощил свои угрозы и сказал то, что хотел — найти и призвать к нему его вестового. Когда полагалось снова бежать, чтобы «бегом» выполнить приказание, я опять не побежал, хотя слышал его команду. Однако никакой кары за это не последовало, не считая той, что ко мне слишком пристрастно стал относиться старшина нашей третьей роты — тип, прямо противоположный тем старшинам, которых описывают наши писатели.

С помполитруком мы подружились — он относился ко мне как к товарищу. Неизменно хорошо относились ко мне политрук Кочетов и зам. ком. по полит. части Лаганов Н.И. С солдатами я еще не успел сойтись, т.к. меня сразу от них отделили, заставив меня проводить ежедневную политинформацию, получать сводку у радистов и сидеть за картой фронта, передвигая флажки, заведовать библиотекой и вести все клубные дела.

Офицеры с утра до поздней ночи, а то и ночами, были на стройке, при компрессорах, понтонах и других инженерных работах, где надо было руководить, это был цвет батальона, ими он держался. Среди солдат были незаменимые умельцы, например, рядовой Ананьин. Его посылали инженеры-офицеры и знало об этом и начальство стройки, что если где дело не клеится — поручить это Ананьину. Он брал себе по своему вкусу помощника и отправлялся. Например, не могли наладить бетонный завод. Бились, бились строители, а бетон, не дойдя до места, твердеет, вся машина останавливается. Наконец, вызвали Ананьина. Я писал неподалеку этуод и поэтому имел возможность наблюдать за его работой. Он сел на косогор и долго смотрел на сооружение. Потом пришел ко мне закурить, умылся, посмотрел на этуод — и снова залег к себе на косогор; иногда отходил и осматривал отдельные его части. Так продолжалось два дня и никто его не тревожил, даже просили его об этом не спрашивать, чтобы старшина не наскакивал на него, когда он как бы без дела ходил по двору, забывал даже вовремя пообедать. Но вот на третий день он «дал команду» — сюда столько народу, таких-то людей, туда — столько-то и таких-то (по именам). Работа кипела трое суток (день и ночь) — и завод заработал! А парнишка был почти неграмотный — окончил 3 класса, а над машинами думать умел! Сибиряк!

Поскольку не было боевой подготовки, а работали все на стройках, то и отношение к дисциплине было своеобразное: солдаты считали самым важным — не попасться на глаза и жить в свое удовольствие, поскольку это позволяли их маленькие возможности. Ночью однажды меня кто-то осторожно окликает — Тов. Милеев, подойди сюда! Чего тебе? — «Дай сорок; старшина обшарил, чтоб его, спички и табак забрал; не куримши стою». — «Да ты подумал, что ты делаешь — ведь у порохового склада стоишь!» — «А я незаметно, в рукав!» Я чувствовал себя Дон-кихотом, т.е. человеком, которому до боли очевидно несовершенство наших порядков, идущих вразрез разуму.

Сначала солдаты относились ко мне недоверчиво: я готовил доклады политрукам, проводил политинформацию в батальоне, давал комментарии и отвечал на вопросы на собраниях — о государствах, о политическом строе, о границах, о географическом положении стран, по истории народов, войн и т.д. Для подготовки мне предоставлено было время и возможность заниматься, и я писал свои записки по теории искусства, брал книги в городских библиотеках, ездил в Ташкент с доверенностью на получение для кинопередвижки материалов и лент, и солдаты считали, что я больше принадлежу начальству, чем им, и значит мне нельзя было и доверять своих солдатских тайн, которые часто сопряжены были с нарушением дисциплины.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

В конце-концов солдаты поняли, что я — тоже солдат, и хотя меня использует политчасть по своей линии, начали мне откровенно говорить все, приходили обязательно почитать письма, если получают из дома; поэтому я уже был в курсе всех их личных и семейных дел.

И политчасть шла мне навстречу, т.к. работа велась по порядку, мне разрешили поселиться в библиотеке, где удобнее было заниматься, не мешая солдатам, ночью подготовить свой доклад к утру; я стал заниматься живописью, много читал, штудировал Чернышевского, Белинского, Энгельса, Ленина, Маркса, читал Писарева, Добролюбова, освежая в памяти то, что читал раньше, но с других позиций, например, Канта, Гегеля, Фихте и даже Ницше, который теперь, в связи с немецким фашизмом, так был теперь понятен, как один из предшественников гитлеровских майн-кампфов. Поразительно, что я раньше этого не видел, считал его «просто оригиналом» — а ведь Ленин все это давно подметил и классифицировал всех философов на материалистов и идеалистов. Под понятие идеализма теперь подводилась новая база. Эту классификацию мне хотелось очень хорошо усвоить, так, чтобы в море искусствоведческих оригиналов (где их особенно много) мог я разбираться теперь не как мальчишка, а как гражданин Советского Союза. Я верил, что в нашем Союзе художников еще так много лицемеров, что если начнешь бороться за научный критерий в оценке произведения искусства, то тебя поднимут на штыки 99 из 100 художников и искусствоведов, т.к. все они со времен сотворения мира — «за» субъективную оценку картины и за «собственное видение» мира, если даже в нем и есть какие «объективные процессы» и «бытие», независимое от нашего сознания. Эта идея во мне все зрела и зрела, но я не могу все это сформулировать в единой «концепции» и поэтому все читаю, пишу, думаю и, если даже лягу спать, то не сплю, а соображаю, формулирую, вскакиваю, чтобы записать формулу, вывод, фразу. Каждый день я теперь пишу письма жене и стараюсь изложить на бумаге то, что надумал за эти сутки; пишу много, спешу, т.к. можем отправиться на фронт и дело останется незавершенным, но все мне кажется, что мысль я выразил неясно и что до сути очень далеко. А эту ясную суть очень хочется получить скорее, чтобы связать воедино понимание истории искусства, его теоретических основ, которые у Чернышевского только намечены, и получить практический метод, позволяющий идти все вперед и вперед, а не делать тех позорных отступлений, которые на протяжении человеческой истории не раз бросали народы в формализм и на сотни лет, а то и на тысячелетия заставляли уничтожать свое искусство, все достигнутое, дойти до отрицания искусства, чтобы потом вдруг, как по мановению какого-то жезла судьбы, подняться вновь на головокружительную высоту и создать «непревзойденные» образцы искусства. Теперь все должно быть подчинено разуму; человеческая история только начинается и в ней нужно обуздать половодье, которое вместо огромной радости, пользы и счастья приносит разрушения, духовный голод и застой. Скорее это надо высказать, т.к. идет война.

Сентябрь 1944 года — идут тяжелые бои за Эстонию. Под Нарвой брат Петр «отправлен тяжело раненый в медсанбат» — это было последнее письмо командира его части. После этого ни о командире, ни об этой части никаких известий получить не могли. Брат сложил свою голову, но где именно, при каких обстоятельствах — осталось неизвестным. Вот уже двадцать лет ждем какой-либо весточки — нет. Последнее время он был в саперных частях. А первые годы войны — стрелял из противотанковой пушки и хвалил ее, как может только хвалить охотник попавшее ему в руки хорошее ружье. Он не мог нахвалиться ее маневренностью, выносливостью, сильным и метким боем, особенно, когда приходилось бить прямой наводкой. Почему он расстался с пушкой — ни разу не писал.

Сложил голову и Икв-в А., бывший зампред Джалалабадского товарищества охотников, потом директор Базаркурганского Орехового завода, охотник-энтузиаст, много лет

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

фактически возглавлявший охоттоварищество, выросший на этой работе в крупного специалиста. На фронте был пулеметчиком, и товарищи, вспоминая его, всегда приводили фразу из его письма: «либо грудь в крестах, либо голова в кустах». Такова была обстановка и ему досталось и то, и другое.

Другой его сподвижник (и наш сподвижник) по охотсистеме Харьянов — вернулся с фронта «по чистой», после тяжелого ранения; жизнь у него сложилась несладко: запил и вскоре умер. Так я его больше и не видел, но помнить этих людей будешь всю жизнь. Сколько хороших жизней унесла война. И среди художников, с которыми вместе учились в студии, многие не вернулись.

Весна 1945 года

Весна 1945 года застала наш батальон (за исключением нескольких подразделений его) в Намангане. Приближался долгожданный победный конец войны. В разработке теории живописи вдруг наступил момент, когда из отдаленных догадок, требовавших проверок и наблюдений, почувствовалось нечто цельное: пришла в стройность философия, ее классификация, додумана теория Чистякова, Чернышевского, Белинского, Плеханова; уложились взгляды Маркса-Энгельса на искусство и подкрепили практический метод; история искусства получила оптимистическую и целеустремленную оценку, и те трудности, которые, казалось, не давали ключа к пониманию отдельных эпох, логично связались с общефилософской системой, а «нелогичность» отдельных ее абзацев лишней раз подтвердила, что явления искусства очень сложны и не поддаются прямому иногда объяснению и связи с экономикой. Эти связи надо искать дальше и шире. Но одновременно выяснились и основы практического метода живописи, которые должны привести художника к результатам, где искусство новой нашей эпохи, должно подтвердить свое превосходство перед искусством старым. Но основой для этого искусства должна быть наука более глубокая, тонкая и совершенная, чем наука Леонардо, а значит нам нужно учиться заново. Одной линейной перспективой мало; воздушной перспективой — недостаточно; при этом мы должны отлично знать анатомию — и даже лучше, чем старые мастера. Все научное не отбрасывать, а развивать — на новом основании. Если бы теперь мне была предоставлена возможность учиться — я бы начал сначала, но науку у нас отвергают, значит надо по возможности доказывать ее необходимость и самому начать строить свою живопись на новых основах. Это займет много лет, но уже с этим багажом я, мне казалось, подойду к пейзажу с натуры с новыми возможностями.

Наступление на Берлин! Нам подали опять платформы и мы снова собираемся грузиться, срочно проходим боевую подготовку; платформ не хватает, часть подразделений повезли взрывать лед на Сырдарье, угрожающий опять Казалинскому и Чиназскому мостам. Снова отбой. Теперь мы уже, наверное, на фронт не поспеем, разве только на Японию, Квантунская армия которой все еще угрожает нам с востока. У нас стоят войска на границе с Синцзянем, Восточным Туркестаном, в пустынях которого, как потом рассказывал Н.К-ий, японцев ожидала наша целая дивизия, незаметно проникая в окрестности озера Лобнор. Рассказывал он, что у тамошнего народа не в ходу мыло, население живет первобытной жизнью, строит запруды, занимается рыболовством и охотой. Наши солдаты вымыли с мылом мальчишку и вся семья его после этого ревмя ревела, решив, что этим они испортили ребенка.

А в Намангане чувствовалось приближение весны: утиный пролет. Т.к. ружье у меня было с собой, я решил поохотиться. Взяв с собой хлеба, отправился на Дарью. Пройдя до колхоза К.Маркса километров 15, я, спустившись к обширным рисовым полям, заметил в

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

одном месте подсадных уток и возле них одинокую, скучающую фигуру охотника — парнишку лет 17. Поведение его было необычным, и я решил подойти к нему и попытаться устроиться где-либо поблизости, т.к. ни одна стая уток не миновала этого места. Парнишка поведал мне свое горе — второй день ему не несут пищу, а бросить уток он боится — вот и выглядывает, не идет ли кто ему на выручку. Я ему предложил условия: покараулю его уток, пока он сходит домой за продуктами с условием, что все, что я убью за ночь, будет моей добычей. На том мы и согласились. Хозяин уток ушел, доверив неизвестному человеку все свое хозяйство. Я стрелял всю ночь и на утро у меня было уже семнадцать убитых уток (шилохвосты, свиязь и чирков-трескунов). С рассветом вернулся мой хозяин, вид у него был очень испуганный; его дома побили за то, что он доверился какому-то прохожему русскому охотнику и теперь он не верил своим глазам, что все утки его живы, газа в порядке (скрад) и что за ночь я настрелял целую гору дичи. Я тоже поверил своей удаче, когда с трудом поднял весь этот трофей на плечи и с облегченным патронташем, промокший до нитки, уставший от бессонной ночи, зашагал в город.

Как я не маскировался, но появление мое заметил ст. лейтенант Стопанченко — делопроизводитель, и зависть его была столь велика, расспросы столь навязчивы, что я уже думал не выпутаться из этой истории: заставят ехать с офицерами на охоту, а это значило попасть на пьянку, где исполнять роль холопа. Но, к счастью, мне этого удалось избежать, у «охотников» и ружей не было, пыл быстро прошел, пару уток я отдал командиру — самому бескорыстному в этом отношении, а остальных мне удалось переправить в Ташкент семье, что было очень кстати, т.к. дома давно уже не ели ничего подобного.

А в августе 1945-го я уже демобилизовался и, выйдя на перрон ст.Андижан, попал в объятия своего старого Джалалабадского друга Ишанхана. Как он приветствовал меня! Это запомнишь на всю жизнь. Это было так искренне, так сердечно, что в эти минуты можно только одно думать: дружба — дороже всего на свете, это святое и самое чистое чувство. Гоголь говорил, что дружба между мужчинами — особенно святое и сильное чувство. Увидя на мне мою старую полевую сумку, знакомую ему еще по Джалалабаду, он поцеловал ее, как святую реликвию, и исполнил при этом весь свой мусульманский ритуал, пробормотав что-то про бога, и, воздев руки к лицу, провел ими по своей жиденькой бородке, в которой блестели уже седые волосы, а в глазах — заполнившие их слезы. Конечно, голос у нас дрогнул при этом и мы вынуждены были немного помолчать, чтобы придти в себя, а потом, обнявшись, пошли семейные расспросы. У Ишанхана в семье все благополучно; с войны не вернулись многие наши общие знакомые и соратники, а когда Ишанхан узнал, что мой брат убит на войне под Нарвой — в память о нем он снова произнес свою молитву и снова завершил ее на своей бороде — вероятно самое искреннее тоже можно было выразить только привычным ритуалом, от которых Ишанхан в таких случаях не отказывался, позволяя себе подсмеиваться над и шутить над богом и «его обычаями» в других случаях, когда шло веселье, а Ишанхан более всего любил шутку, едкие остроты, смех и хвалу и поэтизирование! В нем много было талантливого и противоречивого. Но прежде всего это был неиссякаемый шутник, весельчак, жизнелюб и чудесный оптимист, хотя всякое горе и скорбь он переживал глубоко, тяжело и страстно: для выражения скорби и молитвы и слезы, и удары в грудь и кулаком по своей голове и причинение себе увечья — все шло у него в ход. После таких стенаний на него тяжело было смотреть — веки у него набухали и, чтобы открыть глаза, он должен был поднять голову и собрать всю кожу на лбу и от угла глаза при этом у него проходила резкая, глубокая, привычная складка, как скобка, к виску. В этом, мне казалось, и была вся тяжесть выражения скорби на лице Ишанхана.

Встреча на перроне с Ишанханом сразу как-то отдалила войну и озарила светом далекой, как-будто нереальной, идиллической человеческой дружбы и трудно было сразу

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

прийти в себя, а когда уже мелькали станции со старинными названиями Шарихан, Асака, Горчаково, Ванновская, Серово, Коканд — все это казалось каким-то другим, отдаленным, до того было все разорено и запущено, но тем не менее все это возвращало к жизни и заставляло думать о родных краях, о будущем, об осуществлении и своих больших планов.

Отсутствие теории искусства грозило вывихом, сползанием к формализму, штампу, серости, тупику, что мы и видим на протяжении всех этих сорока лет. Все сводилось к ярлыку «соцреалистический», а что это такое — никто еще не сказал. Именно реализм дает основу творчества, а если ему не учат — искусство волей-неволей сползает (и даже незаметно) к формализму, главными признаками которого и является «серость», схематичность, когда все художники становятся на одно лицо.

Итак, наступила мирная жизнь — и я смогу приложить плоды семилетней теоретической работы к практике своей живописи.

В музее Истории

Подъезжая к Ташкенту, я уже чувствовал, что двери эти мне теперь открыты. Я все продумал, разделил, привел в ясность и мне остается, во-первых, проверить на практике новый метод живописи, принципы которого открывают перспективу для будущего искусства, и, во-вторых, сделать сообщение о его основах, чтобы затем коллективно разрабатывать его дальше. Ведь главное — это выяснены философские его основы: метод построен на принципах диалектического материализма и, следовательно, является самым совершенным и современным методом. Этим мы двинем искусство по новому пути и результаты не замедлят сказаться.

Для проверки и овладения новым методом нужно было сделать картину с натуры (проработать в натуре все элементы композиции: пейзаж, люди, вещи, одежда, обстановка). Для такой картины нужно было несколько лет; а чем жить это время? Направился в музей истории, где работал до войны и где я дважды уже по конкурсу занимал первое место. Моему приходу были рады и тотчас предложили мне написать две картины на темы: «бронзовый век» и «каменный век в Средней Азии». Но при этом поставили условие: сделать эти картины (3x1,8 м) за три месяца. Мои расчеты — сделать такие картины обе за 5-6 лет шли вразрез с планами музея. При этом кормить меня ради этих картин столько лет музей и представить себе не мог. Другой работы я себе найти не мог и мои условия никакой музей вообще не принял бы. Пришлось подчиниться условиям заказчика, написать картины за три месяца и представить их на художественный совет. Так они и были выполнены, но в них я не имел возможности осуществить главное требование моего «метода» — работы с натуры. Картины я писал прямо в залах музея, т.к. другого места для этих больших полотен не было. В то же время я подготовил доклад для Союза Художников на тему «новаторство и традиции», в котором изложил основную идею создания новой школы реалистического искусства.

Многие художники и искусствоведы читали его и потом сообщали мне, что они «ничего понять не могут, чувствуют себя неподготовленными по вопросам философии, теории света» и вообще считают научный подход к вопросам живописи неправомерным. «Зрительное восприятие — это нечто субъективное» — говорили они.

А диалектический метод в разработке вопросов методики живописи, истории и теории искусства объявили неприемлемым — он годится, дескать, только для разработки законов развития общества и природы.

Между прочим, тезисы своего доклада, которые я предложил прочесть на Всесоюзном обществе по распространению политических и научных знаний, одобрил академик Вавилов С.И., бывший тогда председателем этого общества, но до чтения доклада, хотя мне была

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

предоставлена аудитория этого общества, дело не дошло: мне нужны были средства на изготовление иллюстраций (главным образом хорошие копии произведений искусства, начиная от каменного века, эпохи возрождения, Рембрандта, А.Иванова и др.), а средств этих Всесоюзное Общество предоставить не могло. Без этих иллюстраций неясной осталась бы главная мысль темы об историческом процессе искусства и приближении его к диалектическому методу. Проработав в Москве в библиотеке им. Ленина более месяца, я вынужден был покинуть Москву.

В верховьях реки Пскем

Однако поработать на природе мне было крайне необходимо и некоторый выход к этому я нашел, поступив в 1946г. в музей геологического Управления, с условием написать картины по предложенной тематике. Мне предоставлены были транспортные средства и я выехал в составе геологического отряда в верховья р.Пскем. Получив двух лошадей, седла, фураж и палатку, я выехал к месту работы, взяв с собой в экспедицию восьмилетнего племянника Вову.

Лошади были диковаты — из числа купленных в Китае, но очень хороши по экстерьеру. Мне предлагали смирных, но я видел, что на них больших переходов не сделаешь и предпочел крепких, горных, но диких мерингов.

Прежде всего их надо было приучить к порядку: являться с пастбища к утренней порции ячменя. Когда они погружали свои морды в торбу, надо было успеть надеть недоуздок, и если они тут же начинали вырываться, то крепкий чумбур уже был в руках и лошади оставалось смириться со своей участью. Следующим приемом после кормежки (если надо было ехать дальше) было взнуздывать лошадей, которые не давали дотронуться до головы. Лаской и уговорами это, наконец, удавалось, взнузданный конь снова бросался на дыбы, но вырваться уже не мог. От седла они с таким же проворством и дикостью бросались в сторону, нужно было иметь достаточно такта, чтобы седло это положить, наконец, на спину, притянуть все подпруги, подогнать подхвостники и нагрудники, затем хорошо навьючить свое караванное имущество, чтобы оно ни на гору ни под гору не съехало вперед или назад, т.к. это вызвало бы новый прилив дикости, остервенения и разноса.

По дороге в Пскем (таджики называют его Бис-кон, т.е. 20 родников), двигаясь по крутым склонам среди зарослей боярышника, вишни-маголепки, дикой яблони, клена, шиповника, местами грецкого ореха, алчи, иногда увитых диким виноградом, переходя вброд ручьи с холодной дивной свежести и красок водой-волшебницей, то карнизам, то осыпями — я переживал полное счастье свободы, независимости и счастья. Воздух был ароматен и вкусен, солнце грело, запах раскаленных камней вызывал в памяти знакомы ощущения, сине-фиолетовое небо обнимало всю землю, отпечатки его я находил теперь везде по своей теории и не терпелось скорее приступить к работе, чтобы проверить все на практике; теперь-то, я был уверен, я смогу передать пейзаж на полотне, нужно только отделаться от старого «самодеятельного» приема, когда не связываешь части картины воедино, а вырабатывать себе новый метод, основанный на понимании единства природы, гармонии красок, воплощающих идею отражения, «как свойство природы» (Ленинское выражение). Эти свойства я достаточно анализировал теоретически. На практике это должно дать мне новую палитру, несравненно более богатую, чем прежняя, когда я не знал этих законов природы.

Мы разбили свой бивуак у озера Урунгах. Кругом каменные осыпи, утесы, отвесно глядящие в воду, которая, отражая небо и скалы, строило чудную гармонию красок от сине-фиолетового до золотисто-желтого. Ничего не надо было сочинять, надо было увидеть эту гармонию и учиться передать ее на полотне.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Природа сама по себе красивее всего того, что может придумать человек, причем то, что выдуманно, при всей своей яркости и насыщенности лишено правды, легковесно, условно и проигрывает рядом с вещью, сделанной с натуры, если только художник понял ее гармонию и единство; если же он не понял ее, но копирует — его произведение становится отчужденным, не идущим к сердцу зрителя. Но чтобы понять гармонию, нужно разгадать механизм ее создания в природе, то есть ее законы цвета, которым природа модулирует форму предмета. Границы этой формы, окружение и взаимодействие — столь тонкий, гибкий организм, что, вперяя свой взгляд в одну частицу его без связи с остальным, не поймешь гармонии. А гармония всегда присутствует — сначала надо найти ее общий вид и, запомнив, руководствоваться при наложении красок. Пока не увидена эта общая закономерность, бесполезно приступать к этюду, т.к. на мелочах и частностях ее не найдешь и этюд получится раздробленным, нежизненным. Но поняв, нужно очень быстро запечатлеть эту гармонию красок на палитре, т.к. все быстро меняется и соотношения частей будут потеряны в этюде.

На восходе, утром и вечером на заходе солнца можно наблюдать (и писать) в течение 10-15 минут, днем — 2-3 часа (окончание переносить на следующий день в той же обстановке и времени), а при пасмурной погоде можно писать долго — это самое благоприятное время, т.к. можно долго работать и поймать гармонию. Очень трудно при солнце и безоблачном небе. Этого еще никто не достигал из великих художников.

Палатка наша стоит у нижнего края озера, на гребне естественной платины, запрудившей ручей. Весной озеро наполняется и вода перекачивается через гребень каменного завала, проделав в нем небольшое русло, а осенью вода спадает и озеро исчезает, начиная мелеть уже с сентября месяца. Бесперывно сыплются камни со всех сторон, горная порода — древние девонские известняки, трещиноватые и разрушающиеся; все тропы завалены камнями так, что без риска не проведешь лошадь по такой дороге, как бы ни хотелось съездить вверх по ущелью, в голове которых видны зеленые луга летних выпасов, называемых «Воловьевой летовкой» — «хокуз-джайлау». Верхняя часть ущелья называется лаачин, что значит сокол-балабан; там сплошной град камней; в каменных пластах присутствует палеофауна девонской эры: ракушки, морские черви, водоросли. По ущелью налево в 304 км от нижнего озера лежит верхнее озеро, значительно больше первого. Там мы встретили уток, а на водопой по утрам спускаются кеклики, выше озера по скалам свистели улары. По ручьям и зарослям кочуют синие птицы, которых здесь очень много. Чуть забрезжит заря, ущелье наполняет мелодичное пение этих чудных созданий природы; вдохновившей человека на изобретение музыкальной шкатулки. Человек стоит тут очарованный не только золотом первого солнечного луча, сине-фиолетовым отливом волны озера и малахитово-базальтовым цветом быстрого холодного ручья, под чистым утренним небом, но и звуками песни, которая начинается перед рассветом и кончается как только первые лучи солнца коснутся белого кружева водопадов и шумливых порогов ручья, то огибающего каменную осыпь, то скрытого глухими зарослями алчи, боярышника, жимолости, дикой яблони, ежевики, с которыми иногда вдруг соседствует пышная густая арча, сразу привлекающая глаз своей темной насыщенной зеленью.

В пении синей птицы слышались то звуки лезгинки, то мотивы причитания Одарки из оперы «Запорожец за Дунаем», то отдаленная, тихая музыка киргизского комуза. По берегу озера передо мной важно шествовала трясогузка. Дойдя до своего пограничного знака, где кончается ее участок, она встречается с соседкой, они насакивали друг на друга, сшибаясь в воздухе, и как ни в чем не бывало с той же важностью и спокойствием шествовали в обратном направлении, ловя мошек и выползших из под камня пауков и водяных блох, чтобы набив ими рот отнести в гнездо. Тут же, треплет и превращает в войлок прошлогоднюю траву ремез, чтобы связать искусно рукавицу и подвесить ее на тоненькой веточке над быстрым

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

ручьём, где постоянно тянет прохладой, и гнездо раскачивает ветер, дующий с холодных вершин.

В верхней части озера, совсем заваленный огромными осколками скал, скатившихся сверху, растёт и зеленеет орешина, плоды которой можно собирать, стоя прямо на этих каменных громадах; каждая из которых могла бы перегородить целую улицу. Если сюда упадет еще такой камешек, он раздавит орешину, как незабудку. Чуть пригреет солнце — с верховий ущелья вниз на поля в долину летят вороны. Я рассказываю 8 летнему Вовке, что эти птицы живут по 300 лет, и может быть какая-нибудь из этих родилась еще в эпоху Петра Великого. Он тоже романтик, глаза его воспламенились, и он побежал в палатку за ружьем: дядя Митя, убей этого большого ворона — он наверняка живет 300 лет, какое у него мясо — давай сегодня на обед сварим эту птицу, пусть не съедобную, но «историческую». Потом Вовка варил этого ворона до вечера, много раз подливал в шурпу воды; мы его съели, но больше решили не стрелять эту дичь. Куда интереснее были кеклики, которых нам иногда удавалось подкараулить на водопое.

На озере Урунгах

Все время у меня проходило в работе, охотиться было некогда (разве только когда заканчивался один этюд и для другого нужно было выбрать место). Основным этюдом был пейзаж со скалой и кусочком озера, его я писал полтора месяца, стараясь уловить единство гармонии красок, что должно было на практике показать верность теоретического вывода моего о диалектическом законе художественной формы; а остальные этюды я писал для упражнения, в другое время дня. Основной этюд был утренний, когда солнце еще не поднялось из-за нависшего над озером утеса.

Работа шла медленно. Все-таки 7 лет я занимался теорией и почти не рисовал и не писал. Скала у меня уже удавалась, но вода и небо — никак. Вернее, я не мог уловить этого единства: вместо того, чтобы одновременно положить краски на скалу, воду и небо, я пока готовил краску для скалы — менялось небо, менялась вода; положив краску на скалу, я вижу, что цвет ее уже другой и соответственно и цвет неба и цвет воды. На воде все время можно было наблюдать всю палитру от темно-синего, до золотистых отблесков в своеобразной игре этих радужных сочетаний. Отношения все время менялись и я чувствовал, что именно единства я и не успеваю поймать. Нужна большая практика и быстрота. Небо так и осталось на этюде чужим, вне единства. «Скалу можно взорвать, — говорил генерал И.Е.Петров, приведший на выставку весь свой генералитет войск Туркво, — а воду пить нельзя» — он еще не сказал о том, что и дышать нельзя под этим небом — оно, как жестянка, было плоским и безжизненным. Так, как же выходит! — Главный мой вывод в теории и требование художественности = единство формы, а на деле я через полтора месяца работы над этюдом написал скалу отдельно, воду и небо — отдельно? В этом трудность. Надо много упражняться, годами, ежедневно на природе, чтобы суметь достигнуть этого единства. Но полтора месяца все-таки дали мне огромное удовлетворение — мои этюды с природы теперь получаются несравненно (как небо от земли) лучше, чем было раньше. Теперь, я знаю, никто из наших ташкентских художников не напишет того, что я сделал, даже в такой несовершенной степени, тогда как раньше с товарищами, сидя на этюдах, я видел, как у них что-то клеится, у меня — нет. Важна разница, а не результаты еще; эта разница — принципиальна; несмотря на 7 лет отсутствия практики, я стал писать лучше, а не хуже, как это не противоречит общепризнанному положению. Это обстоятельство, если только его кто проанализирует, должно озадачить каждого — новый принцип? Небывалое в практике живописи? Да, и то и другое. Закончив этюд (при всей его незаконченности и

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

несовершенстве) я решил все же поездить и пописать в других местах, т.к. нужно было представить к концу лета многообразный материал (этюдный), и попробовать с полученной практикой поработать и в других местах. По этюдам в геологическом управлении должны выбрать задания для картин, которые согласно договоренности я буду писать в условиях мастерской в течение зимы.

Душа у меня уже торжествовала — я мог уверовать в свою «теорию», которой никто не верит, даже жена — Катя говорила: ты меня позоришь; ведь хорошо знаешь, что с натуры у тебя этюды не получаются, а взял на себя такую ответственность, берешь лошадей, целое лето на положении полевого работника, палатку и прочее — и вдруг все это зря?!

Теория, которая кардинально решает дело, когда мы в тупике, на грани двух человеческих эпох и хотим найти основы для не увядающего, а прогрессивного искусства — действительно и должна быть необычайной целебной, исключительно простой, настолько действенной, что даже при всей недостаточности условий работы (отсутствие практики, неподготовленности) должна давать резкие выразительные результаты. Вся ее основа в том, что цвет меняется от холодного к теплomu и это нужно проследить в каждом пятне и связать эти пятна в таком же порядке между собой, найдя общую их гармонию (в противоречии — от холодного к теплomu). Этот принцип я вывел из диалектики Ленина, когда изучал его «философские тетради», в них очень понятно изложен этот принцип в природе, как общий ее закон. Такой же закон природы — отражение материи. Ленин не оставляет сомнений в этом. А если это общий закон природы, то, следовательно, и цвет, как явление природное, должен быть подчинен этому закону. Однако тут долго мне пришлось поработать над вопросом — можно ли цвет в живописи отнести к природному явлению, ведь «каждый художник видит по своему»? Надо было, как мне казалось, выбрать из числа художников имена, давшие миру несомненный прогресс в живописи, и проследить — не объективным ли законам цвета обязаны своему успеху и представляет ли их живопись постепенное, на протяжении истории, приближение к пониманию законов диалектики, т.е. закономерного изменения цвета от холодного к теплomu? Леонардо да Винчи, Веласкез, Рибейра, Тициан, Рембрандт, Репин у всех можно проследить использование этого закона, что и отличало их от более слабых художников, хотя они и не знали, что это есть закон диалектики. О нем только впоследствии скажет Ленин с такой определенностью в своих «философских тетрадях». Итак, великие художники подтверждают, что они подметили эту закономерность в природе и отражение объективного свойства картины обуславливает ее художественность, живописность. И наблюдения над природой, производившиеся мною изо дня в день на протяжении многих лет, подтвердили это. Следовательно, живопись получает опору в науке, а ведь это гарантирует ей устойчивость, которую надо преподавать в школах и с самого раннего периода (в школах первой ступени), т.к. только так можно рисовать. Упражнения вслепую приведут только к разочарованиям. Одновременно, это приведет к изучению природы, откуда и начинается прогресс в искусстве.

Итак, первые отрядные результаты в папке — Урунгатское озеро для меня стало этапом. Теперь надо отправить Вовку домой, в Табашар — ему скоро в школу. Но как это сделать? Надо везти его за 80 километров, там его с кем-то устроить до Ташкента и дальше — на поезде, а денег нет и норма продуктов у меня вся выбрана, все по карточкам; в Пскеме таджики хлеба уже много лет не имеют и едят «дикий картофель», как они его называют: выкапывают эти корни по ту сторону Угамского хребта, сушат, толкут, получают нечто вроде крахмала и делают из него похлебку: мы с Вовой пробовали, но есть не могли.

У нас тоже не было хлеба и муки даже на болтушку. Благо, стали поспевать дикие яблоки, алча, ежевика, боярышник; нас выручала дичь и то какая — некогда было ходить за настоящей, поэтому ели все, что налетало: ворон, коршун, голубь, кеклик, лиса, утка. Ночью

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

как-то довольно близко подошел кабан, но быстро скрылся в кустах и не пришлось по нему стрелять. Видели мы следы медведя, несколько ночей я караулил его возле яблони, но он так и не явился.

В общем, питание у нас было «подножное», силы от этого было не очень много, но выносливость моя и, что очень поразило меня, Вовкина нас выручала.

Мы отправились в путь. Отдыхая по дороге и подкармливая лошадей, где была хорошая трава, мы и себе добывали пищу. До самого Чимгана нам хватило запаса заготовленного впрок мяса альпийских галок, которых удалось подстрелить десятка полтора, и голубей.

В Чимгане остановились у Буровых (Ксения Владимировна была врачом в санатории и в течение 20 лет ежегодно выезжала с семьей туда; Анатолий Аполлонович там же служил лаборантом). У них там было постоянное местожительство — фанерный домик. Вечерами — концерты; дома под гитару, на эстраде — под рояль. У них собиралась в Чимгане всегда хорошая компания — Ошанины, врач Малышева В.А. и гостила постоянно молодежь — сверстники дочери Лели, а потом и сына Юры.

Нам с Вовкой повезло: как раз из Табашара тут была на курорте жена инженера с сынишкой, который ничего не ел — и мать его попросила дать ей Вовку с тем, что она его покормит и доставит в Табашар — лишь бы он в компании с ее сынишкой заражал его своим аппетитом. Голодный Вовка как нельзя кстати попал на эту должность, а я мог спокойно вернуться к своей работе. Зарплату мне должны были выслать в Бричмуллу, где была база геологической партии, к которой я был приписан, но партия уже свертывала свою работу и мне оставалось только послать просьбу о высылке зарплаты через стационарную партию в Пскеме, но в ожидании ее я должен был без всяких средств существовать с двумя лошадьми две-три недели, а может быть и месяц.

На озере Ихначкуль

Кстати, в горах началась уборка ячменя. Я устроился сторожем, но с тем, чтобы жнецы днем кормили меня своей похлебкой. Ночами я отражал атаки бродячей скотины, которая не давала мне покоя, караулил своих лошадей, которых могли украсть сновавшие здесь конокрады, и днем уже не мог серьезно отдаваться живописи, т.к. был голоден, полон забот и очень уставал. Но я договорился с одним из жителей киргизского аула, что как только мне пришлют деньги — он поедет со мной на Ихначкуль на полтора месяца в качестве конюха. В конце концов я дождался этого момента — мне прислали деньги и разрешили взять зерна для лошадей. Это сразу изменило обстановку. Я выехал, но т.к. мой договоренный конюх решил в это время жениться, он послал со мной своего младшего брата, мальчика лет 12. меня и это устраивало — лишь бы он не боялся оставаться один в палатке и караулить днем имущество и лошадей, пока я работаю на этюдах, а лошадей все равно по ночам мне пасти самому, т.к. там надо их оберегать как от конокрадов, так и от диких зверей — медведей, барсов.

Ихначкуль — озеро на высоте 2500 метров. Мы добрались туда на второй день. Тропа над обрывом оборвалась — ее смыло еще весной, но т.к. здесь очень редко ездят, то никто ее и не чинит.

Нам надо было пробраться на другую сторону речки, подальше от тропы, откуда нас могут обнаружить конокрады. Река была завалена камнями, которые при том непрерывно скатывались сверху; кругом осыпи. По плотине, подпирающей озеро, с трудом можно было найти проход, где лошадь не провалилась бы в щели. На этой ушло несколько часов, но в конце концов мы перебрались на ту сторону, где была довольно обширная зеленая поляна с

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

очень хорошим кормом, которого хватит на целый месяц.

Только мы выбрали себе место, развьючили лошадей и привязали их к стволам деревьев и я, разогнув спину, встал, чтобы оглядеться уже с земли и полюбоваться местами, где буду писать этюды, как вижу медведя: он шагает в трехстах шагах от нас, не видит нас и спокойно отыскивает себе пищу. Я сейчас же за винтовку и, т.к. он скрылся за бугром, я ему наперерез: ветер от нас и если он продвинется немного — нас почует и добыча ушла. Так и получилось: когда я выглянул из-за бугра, держа двухстволку наготове — он удирал уже галопом за полверсты.

Один этюд я решил писать ниже от палатки, другой — на берегу протекавшего возле нашей палатки ручья, выше, в полукилометре. Построил себе мольберт — из хвороста, на котором и закрепил картон намертво, чтобы и ветром не сорвало и не тратить время на установку этюда. Писал этюды по несколько дней. Иду на второй день к этюду и вижу: мою дорогу пересекли ночью следы медведя. На втором этюде — тоже самое. Ну, думаю, это здешний медведь, интересуется, изучает новых соседей. Не испортит ли, думаю, мне сооружение? Нет, вижу по следам, что опасается, близко не подходит, учуял ружье, конечно, и это его останавливает.

И так мы жили здесь недели три; медведь каждую ночь бродил возле моих этюдов, пугал лошадей, но днем больше не попадался. Однажды, закончив этюд, я пошел выбирать место для другого и одновременно решил проверить — откуда приходит медведь. Оказалось, что в 300 метрах от первой моей позиции он дневал на своем логове и, конечно, видел меня. Логово его было примечательно — отсюда была видна дорога по ту сторону реки и вся окрестность.

На границе арчевого леса три дерева росли склонившись кронами друг к другу, образовав густой купол, через который ни дождь, ни снег не могли бы пробиться. Между корнями медведь навалил толстых сучьев, на них — помельче и поверх всего устроил мягкую подушку из хвои и травы. С трех сторон это жилище обрывалось скалами к ущелью, на дне которого шумела река. Ветерок обдувал свободно эту площадку — днем снизу, а ночью сверху, со снеговых гор. Курорт и все удобства!

Уборная, которой медведю приходится пользоваться часто, т.к. он поедает за ночь центнеры всяких корней, травы, яблок и иногда дичины — тут же: стоит ему встать задом на край обрыва, не сходя со своей постели — и все дело сделано. Зато вокруг его жилья все подступы и стены обрыва загажены и по ним можно определить чем он сейчас питается: яблоки еще не поспели (они внизу, километров за 25, и когда поспеют, он переберется к ним поближе); в меню у него преимущественно трава, на которой он пасется как теленок, коренья чухры и других растений. На своем пути он переворачивает камни, стволы деревьев, ищет там мышей, жуков, ящериц, червей и личинок. Любит охотиться за сурками, откапывая их иногда на большой глубине.

Однажды ночью при луне мне удалось наблюдать, как на одном краю лужайки паслись мои лошади, возле которых я, завернувшись в шубу спал, карауля их, а с другого края, крадучись, подошел медведь.

Лошади зафыркали, заставив меня поднять голову, медведь замер и простоял неподвижно с полчаса, дождавшись, когда успокоились лошади, и, видя мою неподвижность, а ветер дул от него, принялся с азартом пастись на траве, так и не подойдя к лошадям, что я ожидал от него, сидя в засаде и надеясь на возможность выстрела.

Трава эта, свежезеленая, как изумруд, даже в конце осени, поедалась лошадьми до самых корней — в ней был какой-то особый вкус. На этой траве они очень хорошо поправились за две недели, что мы здесь жили. Это была горная осока. Если внизу, на болотах осока не питательна, жестка и не поедается скотом, то здесь на нее рвутся все

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

животные; дикие козлы, косули, кабаны и дикие медведи! Если предложить лошади свежую люцерну, которую она любит, и эту осоку — лошадь несомненно предпочтет эту траву: настолько она хороша и питательна.

Хороша она и для художника: осенью, когда все уже кругом пожелтело, такой зеленый лужок манит к себе необычной свежестью зелени. К сожалению, я не мог найти способ употребления ее в пищу, вероятно и для человеческого организма эта трава пошла бы на пользу в виде салата. Но т.к. мы питались болтушкой, то трава эта не подходила в виде приправы, а жаль — в ней видимо все витамины, и путешественнику это очень важно.

К сожалению, о значении витаминов я узнал лишь тогда, когда чуть было не отправился к праотцам от инфаркта, но это случилось в 1948 году, 11 февраля, да и наука о витаминах и пропаганда ее, а главное мой непосредственный интерес к ним обозначился лишь после этой болезни, из которой выкарабкаться пришлось годами, а в сущности всю последующую жизнь, в которой я уже не мог отделаться от «сердечной недостаточности» и это сразу сократило и размах моей работы, и темпы ее, а, следовательно, и результаты. Когда надо было работать напористо, со скоростью и продвигать результаты, показывать, пропагандировать и бороться, у меня уже не хватало сил. Хватило бы их на то, чтобы записать на бумаге о достигнутых соображениях, выводах и содеянном — и за это надо бороться, главным образом тем, чтобы поддерживать на основании науки о витаминах, об обмене веществ в организме, пораженном атеросклерозом, и изучать границы возможного для организма, которые я никак не могу постигнуть, или, вернее, согласиться с ограниченностью этих возможностей.

Этюд на новом месте (арча) продвигался труднее, чем я ожидал: новое ущелье, новая палитра. Отношение неба, сухого дерева и камней с жидкой сухой травой взять было очень трудно. Вообще, небо у меня не светило, несмотря на то, что оно было очень яркое, синее и так хорошо гармонизировало литое золото сухой травы и самой древесины. Везде у меня получались передержки и, помучившись с первым этюдом, я решил, что удачнее будет второй. Правда, он пошел было лучше, но до конца у меня не хватило выдержки — опять стал зарываться в мелочи. Самым удачным по красочности был этюд ручейка: восходило солнце из-за гор, бросая снопы света и золотило быстрый ручей; отличный мотив, но небо и дальше горы у меня все же получались не в пространстве. Дома я несколько раз пытался сделать из этого этюда картинку, но проблему пространства так и не разрешил: это надо делать на месте и ничего не откладывать, надеясь на память. Отношения надо учиться брать до конца работы, в отделке руководствоваться этим же.

Вообще, это должно быть системой, закладываемой с самых ранних лет, т.е. с детства, когда ребенок только берет в руки карандаш и начинает рисовать с натуры. А так как в этот период им никто не руководит, а если руководит, то смотрит как он рисует и выносит свое суждение, то у ребенка складывается с самого детства свой прием рисовать с мелочи без отношений к целому и без понимания гармонии, то потом трудно переучивать, а, не переучив студента, художника из него не сделаешь. Всегда остается какой-то «хвостик» и он мешает. Этот «хвостик» даже все более поощряется с проникновением декадентства (этот термин введен Стасовым и означает «упадочничество»). И даже школа самого Репина постепенно сдавала свои позиции под напором декадентства, а на выставках в 20-х годах появились художники, вовсе не имевшие никакой школы (т.е. те, которые рисовали без отношений, дробя целое), но у которых публика (а больше сами художники) вдруг обнаруживали «свежесть чувства» и «непосредственность» — в декадентстве это ценилось превыше всего — отрицалась даже «школа», которая «сушит» живопись.

Все эти мысли меня одолевали, когда я писал свои этюды. Задумав оторваться от декадентских влияний, разобрав их сущность и начало, я всеми силами старался следовать

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

своей системе (т.е. старой реалистической, Репинской, Рембрандтовской, которую теперь обосновал уже и философски и диалектически, т.к. установил наблюдением цельность гармонии красок в природе, единство формы и диалектическое развитие красочного пятна в пространственной форме; это уже наука и начало ее, к моему огромному удовлетворению, я нашел у всех великих художников).

Система эта на практике давалась мне очень трудно, т.к. тяготел груз вредных привычек рисовать «без разума и расчета», копаться в мелочах, топтаться на месте, а натура в это время меняется. Но я чувствовал, что живопись у меня получается совершенно иная; моя новая система, я верил, была открытием, сооруженным из старых, проверенных жизнью принципах. Декадентство их только затемнило и в преподавании мы все больше уходили от них, но именно их то терять нельзя, и надо восстановить, осветив наукой диалектики, которая живопись свяжет с наукой — и только в этом ее спасение от декадентства.

Вокруг нашего лагеря, стоявшего на высоте 2700 метров, я обследовал окрестности — озеро Ихначкуль длиной километра полтора-два и смотрящие в него горы. Поразила меня каменная воронка у перемычки, запиравшей ущелье — впечатление такое, что здесь недавно был взрыв, разрушивший эту часть горы и стенки этого полукратера еще не заросли травой. В этой местности уже нет арчи и нет кустарников, горы становятся голыми, т.е. сперва они еще покрыты травяной растительностью, а дальше — лишайниками. В озеро стекают ручьи, выбивающиеся ниже озера целой рекой чистой, хрустальной воды, очень холодной, темно голубой на глубине. Здесь царство кииков и медведей. Меньше кабанов. Киики с опаской спускаются на описанные лужайки горной осоки и пасутся на ней с жадностью. Но места эти для них опасны, т.к. барсы в этих местах, а также волки могут их подкараулить.

На такую лужайку стремилась привести своих двух козлят киичиха. Пока она внимательно, неподвижно и долго стояла, вперила свои острые глаза в сгущающихся сумерках ущелья, на макушке отвесной скалы, возвышающейся на 200-300 метров над рекой, ее детеныши со всех ног прыгали, казалось, в пропасть, преследуя друг друга, а вдруг, сделав пируэт в воздухе, прилипали к скале, как-будто преодолев закон инерции. Выскакивая наверх, они мчались в другую сторону обрыва и, не стесняясь высотой, вертелись, становились на дыбы, делали прыжок через спину, друг через друга и ни минуты не оставались в покое.

Я очень беспокоился за мать: не ужели она не сознает всей опасности такой безумной игры, но она стояла равнодушная; она боялась только человека, от которого никуда не уйти, и барса, от которого можно спастись на отвесной скале. Волк и медведь — менее опасны, т.к. не так ловки лазить по скалам и опасны только в засаде. Рысь, хотя и опасна, но редка, и страшна она только в арчевниках, т.к. из леса выходит редко.

Ручей, вытекавший на нашу поляну, питался снегом, запас которого еще не стаял за лето и теперь уже останется в зиму. Язык этого снежника лежал у самого озера; по берегам ручья росли красивые растения, похожие на молочаи: внизу розетка была голубовато-серой; затем окраска становилась зеленой, коричневатозеленой и, наконец, ярко красной и темно розовой — и ствол, таким образом, переходил в цветок. Нигде ниже таких растений не встречалось, а выше уже лежал снег и кое-где золотилась редкая трава. На моем «ручейке» эти растения изображены.

Ботаники, не видя их, не могли сказать мне названия этих растений, но их «эндемичность» меня поразила. Мой «конюх», который боялся лошадей и лишь умел собирать хворост, заскучал и стал проситься домой; конечно, он еще ребенок и целыми днями оставаться одному, т.к. я еще в темноте уходил, оставляя его еще спящим, лишь днем приходил на утренний завтрак, а затем — вечером, в темноте, по окончании работы — ему было трудно и боязно; лошади на длинных арканах паслись на лужайке, и я сам время от

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

времени приглядывал за ними и ночевал возле них (палатка была лишь на случай дождя и «конюх» мой спал в ней, считая, что в ней не так страшно от зверя).

В ущелье Кия-джол

Так как здесь я получил некоторую практику и интересных мотивов уже больше не было, я решил перебраться в новое место — пониже, в ущелье Кия-джол. Между прочим, по гребню Кия-джол в январе 1919 года пробирался в Ферганскую долину из Пскема Осипов с остатками своего разбитого отряда. Это был единственный путь для отступления. Перевалив Пскемский хребет, спустившись к Идрис — Папгамбару (теперь районный центр Янгибазар), он дальше перевалил через Чаткал и через Уратепе ушел в Бухару и дальше. Об этом я знал еще в 1938 году, когда писал картину для музея Истории Революции («Бегство Осипова через Нанайский мост»), когда собирал материалы о нем, ездил на места боев с консультантом А.И. ... Тогда еще живы были многие из партизан и они очень живо откликнулись на наши запросы.

По дороге случилась беда: мой конюх шел в хвосте лошади и подошел как-то очень близко — она поддала задом и сбила его; он покатился по осыпи прямо к бушующей реке, лишь случайно задержался у камня. Лошади начали трепать вьюки, того и гляди сами сорвутся с тропы вниз. Мне пришлось отвести их подальше от этого места, привязать к дереву и лишь после этого я смог по этой злополучной тропе вернуться на место, откуда сорвался мой мальчик, и затем с трудом вытащил его и отнес к лошадям. Они уже не подпускали нас, почуяли кровь и были потрясены случившимся. Мальчик был без сознания, но скоро холодные примочки привели его в чувство, но двигаться он не мог. Пришлось здесь заночевать, хотя место было очень узкое, каменистое и неудобное. Не было корма для лошадей и, главное, мальчику нужна была медицинская помощь, а у меня для этого не было достаточного даже перевязочного и стерильного материала. За ночь мальчик пришел в себя; ему пришлось бинтовать голову, руки, ноги и даже туловище, т.к. помимо удара от лошади его всего побилло на камнях, когда он катился с горы. Мне пришлось изорвать на бинты все свое запасное белье и одеть еще сверху свою верхнюю рубашку и брюки, т.к. вся его одежда изорвалась в клочья. К утру мы двинулись в путь; на вьюке я устроил ему удобное сидение, привязал к седлу и в поводу держал его лошадью, которая едва допустила его себе в седоки. Вторую лошадь я привязал было к хвосту первой, но этого подергивания она не выносила, я боялся за мальчика, и пришлось ее отпустить в надежде на то, что она, свыкнувшись с первой, сама не отстанет. Так, к вечеру того же дня мы были в ауле.

Сбежались родные; были плач и рыдания, как над умершим; женщины, обезумевшие от вида раненого, учинили было надо мной самосуд, но вмешались мужчины и сам я старался быть спокойнее (это всегда действует хорошо) и конфликт кое-как уладили. Но опасность для мальчика оставалась. Я предложил отвезти его к доктору в Чимган (80 км), но родители отказались, решив лечить его своими средствами дома. Через день мальчик почувствовал себя лучше; хотя был еще очень бледен, но обрел дар речи и стал приподниматься.

Я вернулся снова в свое ущелье. На этот раз уже совсем один. Поднявшись от тропы вверх по ущелью по крутым заросшим берегам речки, я нашел такую же полянку горной осоки и решил здесь обосноваться.

Слева от меня был небольшой березовый колок, из которого выскочили два кабана и с уханьем фырканьем бросились наутек по склону горы; за ними посыпались камни. Шум реки наполнял все ущелье, она неслась по камням, белая от пены, вся в брызгах, в радугах, а по утрам на зеленой травке, куда достигали эти брызги, блестели хрусталем звонкие ледяные сосульки. Лошади упивались свежестью осоки и выедали ее до корня, так что после них

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

оставалось голое место. В километре выше этого места так же рьяно паслись на такой же лужайке киики, следы которых я каждый день замечал на песке, на свежей глине и на тропах.

Тут хозяйничали медведи, пугая моих лошадей каждую ночь своей возней поблизости, то им надо достать дикобраза в норе, то изломать плодоносящую яблоню, то мимоходом потрепать в валежнике, выкапывая личинок, не унимая при этом своего рева и нетерпеливого урчания; а однажды пожаловал барс, которого однако лошади почуяли издали и заставили меня приготовиться к стрельбе. Хотя барс и подходил на выстрел, но прятался все время в тени и выцелить мне его не удалось. Обойдя нас вокруг и покрутившись около норы дикобраза, развороченной медведем, он исчез, извиваясь между стволов горной березы, пригнутой к земле обвалами и половодьем. Хотя я не сделал ни одного выстрела, звери постепенно перестали нас тревожить по ночам, а когда мы (я и лошади) совсем успокоились и почувствовали себе как дома — явились волки.

В десяти-пятнадцати километрах ниже они каждый день (вернее ночь) причиняли много хлопот пастухам-баранщикам и отары у них несли большие потери, но здесь они очевидно были вблизи своей норы: волчица и штук 6-7 щенят, уже довольно взрослых, видимо впервые вышедших на охоту. В густой высокой траве они долго барахтались, скулили по-щенячьи, но на полянку не вышли и волчица их увела прочь от беды, т.к. она, оказавшись вдруг внизу от нашего табора, конечно, почуяла ружье и нового человека, от которого можно ждать всего самого худшего. Лошади как-будто видели в темноте и когда я отвлекался шумом, производимом щенками, лошади в четыре глаза следили за волчицей, поворачиваясь мордами в ту сторону, куда она невидимо для меня переходила, отыскивая такое место, куда от нашего табора тянуло ветерком. Без разбору она не нападает и глазам своим не верит, как не верит и бюрократ человеку — подай ему бумажку. А волчице нужно подойти с подветренной стороны и, когда она учует чем пахнет, тогда она решает, что делать и кто перед ней.

Этим пользуется охотник: садится на тропе зверя так, чтобы ветер шел от зверя. И даже при луне, когда видно как днем, зверь подойдет вплотную, на выстрел, на 3-4 шага, если охотник держится неподвижно, и будет его рассматривать, тогда как если подойдет с подветренной стороны и учует – за версту свернет с дороги и постарается больше здесь не рисковать. Определив опасное место, этот зверь и в следующие дни будет обходить страшное место и каждый раз проверять — не миновала ли опасность.

Волчица с тех пор больше не подходила к нам, но щенки ее в одну из ночей на противоположном бугре до полуночи возились, скулили и пищали, т.к. опасливая мать вероятно не решилась их брать в этот раз с собой на охоту, ввиду опасности, и те, проголодавшись, уже не у норы, а далеко от нее маялись, подхлестываемые соблазном самим броситься за добычей. Все говорило о том, что они скоро сами начнут промышлять и мать готовила их к этому с осторожностью.

Конечно, хотя место было глухое, но свое имущество и лошадей я не мог оставлять без надзора и места для этюдов я должен был выбирать поблизости, а местность позволяла это: кругом было все хорошо — и вид на тающую в вечернем сумраке дальнюю гору, на которой задерживались последние оранжево-красные лучи дневного светила, и бьющую весельем и пеной речку в берегах, затерявшихся в дебрях ферулы, мяты, бурьяна и дикого кустарника. Ложе ручья было выстлано и обложено камнями, еще далеко неокатанными, прямо свалившимися с горы и загроздившими ему своенравную дорогу, не успевающему их своротить с пути и столкнуть вниз к реке, в которую этот ручей впадает в трех километрах отсюда ниже.

Наконец, программа, намеченная мной для лета, завершена. Сделано у меня около 50 этюдов. Надо их собрать все вместе и посмотреть — что же получилось?

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Навьючив своих лошадей, которые к концу моей экспедиции оказались в добром здоровье и в хорошем теле, что не безразлично при сдаче их на конной базе в Алмалыке, я благополучно выбрался из ущелья и по безопасным уже тропам двинулся в Пскем. Там я имел возможность радировать товарищу в Управление, вызывая его для охоты.

Места были для этого разведаны и, когда он прибыл, мы отправились уже не на этюды, а на охоту, прихватив с собой еще местных охотников. Наши трофеи за 3 дня охоты были два медведя и один козел. Поделив добычу, мы отправились в Ташкент.

В Союзе художников выставка моих этюдов произвела впечатление. Но главное признание я получил от публики: еще не было такой выставки, чтобы так было многолюдно и оживленно.

В назначенный для этого день были выдвинуты докладчики (искусствовед Круковская) и оппонент (член правления Герасимов Н.). после доклада Круковской, говорившей о натурализме, стали выступать из публики — геолог Пуркин, офицер Галицкий, поэт Лебко, академик Романовский, профессор Бугаев и другие, сказавшие очень ярко в мою защиту и настолько убедительно, что Герасимов отказался от слова. Победа была за публикой. Круковская созналась, что при публике трудно выступать против Милеева, т.к. все готовы за него сражаться. Искусствовед Чабров отметил большую живописность работ, новизну, убедительность и прочие хорошие качества, но когда я потом с ним разговаривал и объяснял, чем я достиг этих качеств (на основе своей теории), то он категорически возразил — этого не может быть: какое отношение к живописи имеет теория или научные установки — живопись — это чувство, и ни математика, ни физика, не диалектика не могут повлиять на нее. Так же говорили и другие, считая даже, что я хочу водить их за нос, а диалектику извращаю. О том, что я пытался все же доказать, что этот успех — плод теории, я уже писал раньше.

В Майдантале

Зимой я сделал картины для Геологического музея и на следующее лето вновь добился экспедиции, на сей раз в Майдантал, где проходит знаменитый Кумбельский разлом. На этот раз у меня было три лошади и двое рабочих, но обстоятельства сложились иначе. В Ангрене ко мне попросились три охотника, которые согласились, что продукты, получаемые на троих, будем делить на пятерых, а охотой будем добывать остальное.

Со мной из Ташкента выехал студент 3-го курса Ташкентского художественного училища Вася Нечаев и жена Екатерина Аполлоновна, которая рассчитывала провести с нами свой отпуск, а затем уехать через Чимган, оставив нас одних.

Лошадей я получил опять на Алмалыкской конной базу (тогда строительство комбината еще только начиналось и строились только его первые домики), и привел их в Караины за Ангреном, где меня дожидался В.Нечаев, прибывший сюда на базу геологической партии заранее. Жили мы здесь несколько дней, пока я подыскивал себе рабочих. Мой знакомый, бывший заведующий военным столом, охотник, попросил взять и его товарищей, работавших на шахте. Я согласился, рассчитывая, что они будут добывать нам мясо, а мы с Васей управимся с лошадьми. Эти несколько дней я с утра до вечера работал на этюдах, а когда люди пришли, мы отправились в путь.

Дорога лежала через Ирташ и перевал Адамташ через Чаткальский хребет. Перевал не трудный и на следующий день мы его перевалили и остановились в урочище Куракты, у родничка, на склоне горы, покрытой арчей.

Внизу, в урочище Табаклы стоял большой табун лошадей в 400 дойных кобыл. В больших палатках жили табунщики, которые с утра до вечера угощались кумысом и уже к

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

полудню все были нагружены им до такой степени, что оставалось только спать. Однако все это благоденствие 15-20 мужиков держалось трудом одной женщины, которая одна доила 15-20 кобыл 3-4 раза в день, сливала этот кумыс, то есть ведер 20 в саву и потом целую ночь выбалтывала его, вставая для этого 5-6 раз, чтобы кобылье молоко превратилось в райский напиток — и питательный и пьяный, который зовется сладким вином «кумыс». Работа табунщиков была в том, чтобы троим из них на ночь угнать табун вверх и там, завернувшись в пустун, выпастыся и к утру пригнать лошадей к стойбищу. У всех был здоровый вид, сонный, оплывший от сна и жира; красные лица выдавали их благоденствие и полное довольство. На прохладной летовке, среди моря кумыса и бесконечного количества баранины — чабаны соседних отар ежедневно пировали тут же, и за кумыс оплачивали табунщикам заправкой мяса в общий котел.

Вася понравился табунщикам, и, когда он приходил с бидоном к ним за кумысом (5 рублей за литр), они спаивали ему еще бесплатно столько, сколько он мог вместить в свой желудок; и надо сказать, Вася умел много выпить, посидеть и порассказать, и не брезговал никакими кушаньями.

Вообще, продажа-продажей, расчет деловой, без скидок и добавок, а угощение-угощением: пили на соревнование — кто больше, т.к. кумыса девать некуда — до базара не довезешь — прокиснет; пресытившиеся гуляки, праздные (волков здесь не было и лошади паслись без присмотра, невдалеке от стойбища), пьяные, некоторые из которых тут же засыпали (под брезентовым шатром их набиралось до 30 человек), любили устраивать «асорыбкуп» («наливай сверху»), над трехлитровой чашей, которую батыр должен выпить залпом до дна, становились шутники с чаначем и в запрокинутую чашу подливали еще, а выпивоху поддерживали за плечи и под руки, чтобы он не мог оторваться от посуды с кумысом. Пролить кумыс — это позор и во избежание этого под общий хохот и подбадривающие выкрики палван (он считался силачом и богатырем) должен был так наглотаться, что встать уже больше не мог.

Среди кумысников один выделялся своим совершенно необычным видом: с него можно было бы писать портрет какого-нибудь древнего мудреца: таджик-чабан из под Ленинабада, он как-то не смешивался с толпой завзятых выпивох; выпив чашку кумыса, он отказывался от других и к нему даже не приставали; он садился где-нибудь в сторонке, глядел на горы и брэнчал что-то на маленькой балалаечке длиной сантиметров в 50, сделанной собственноручно из урюкового дерева. Дека была заостренной, как бы в виде толстого шипа, которым он при подъеме на гору упирал в бельвак (поясной платок), чтобы никогда, ни в каком положении не прерывать игры. Держа балалаечку головкой вниз и засунув свою длинную чабанскую палку под мышку левой руки, он тренькал где-то у правого бедра, не прерывая музыки даже на самых трудных подъемах. А развивающиеся полы чапана тем временем тянулись по траве, оставляя на колючках клочья, отчего весь низ и все полы были у него в живописных лохмотьях, которые нисколько его не смущали, наоборот, его мысли были погружены куда-то очень далеко от всех этих неудобств. Чапан его был непомерно длинным, вероятно в расчете на то, что к концу лета он будет по пояс.

Я все время поражался этим чертам, столь необычным среди кишлачного народа, и, глядя на него, прицеливался: Хафиз! Саади! Джами! — что такой понятной стала вдруг эпоха великих поэтов и философов, которая, как и эпоха Возрождения, прошла, но в народе сохранится память об этих титанах, и рано или поздно при каких-то благоприятных исторических условиях они вновь обретут свое лицо. Это встреча, мне казалось, обогатила меня на всю жизнь верой в титанов нового Возрождения и я увидел, какими они будут на виду.

Мне очень хотелось его порисовать, но, к сожалению, он на следующий же день угнал

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

своих баранов куда-то вверх, к вершинам Кызылнуры, где, как говорили, нет воды, но в ущельях лежит и не тает снег. Всего можно было ждать, самого нечеловеческого в облике этого человека: движимого неистовым духом искательства, самоотречения и подвига. Человек безусловного дарования как бы ушел в себя, изолировался от окружающего мира и, незнакомый с современной философской наукой, бредет самостийно, решая свои вопросы сам, не спрашивая ни кого, не учась даже грамоте, и, следуя позади своего стада, размышляет упорно, неотрывно и днями и долгими ночами, когда спать тоже нельзя, т.к. волки рвут баранов больше ночью. Он пригласил меня к себе на мясо: баран сломал ногу и его пришлось прикончить.

Не доходя и 200 метров до отары, на нас бросились четыре огромных овчарки («тюркских») и хозяину с трудом удалось спасти своего гостя от растерзания. На его стане не было ни юрты, ни палатки. Подстилкой и покрывалом во всякую погоду — от снега, дождя, от холода, жары и ветра его защищал один чапан из темно-коричневого домотканого грубошерстного сукна. На ногах были мягкие таджикские чокои. Любезный хозяин-философ напевал в нос и, изредка отвлеченно разговаривая с гостем, сварил баранину без соли и угостил меня, расстелив передо мной свой поясной бельвак (просто кусок белой материи, потерявшей свой первоначальный цвет от постоянного употребления в качестве достархана (скатерти) и полотенца, а в случае чего сумки, торбы и мешка, опахала, головной повязки и на все случаи жизни) и предложил свой большой нож для удобства еды. Хлеба у него тоже не было. Сам он съел для приличия маленький кусочек мяса, завернул все остальное и вручил мне, чтобы я отнес это моим спутникам, и пригласил, когда не будет у меня мяса — приходить к нему, т.к. у него всегда бывает мясо: бараны часто ранят себя в камнях и колючках, от мух заводятся черви и тогда больных приходится приканчивать, т.к. иначе их все равно грифы растерзают или такой баран ложиться и его не найдешь.

— А где же Ваш сменщик — чабан? - спросил я своего собеседника. — Уже месяц, как я пасу отару один вот с этими собаками; здесь, к счастью, волков нет, но стоит спуститься в адыры — каждую ночь нападают волки. До нашего кишлака пешком или на ишаке нужно добираться 5-6 дней. С баранами мы идем целый месяц. У моего товарища есть ишак; чтобы привезти продуктов, только на дорогу уходит полмесяца; денег у нас нет, чтобы купить их поблизости. Мой товарищ должен собрать свой урюк, высушить его, продать на базаре и купить муки; а мне что делать? Мой товарищ задержался, чтобы дома поработать и что-нибудь привезти, а я за это время один пасу баранов и вот уже полтора месяца живу без хлеба, а неделю назад и соль кончилась, хорошо, что соседи угощают кумысом — вот, туда к табунщикам и собираются все чабаны; кумыс теперь главное наше питание, а когда приходится зарезать барана — то и мясо есть.

С места нашей стоянки я написал этюд «Кумбельский геологический разлом». Это интереснейшая картина, на которую никто, кроме геологов, не обращает здесь внимания: все боковые отроги и сам гребень Чаткальского хребта пересечен по прямой линии «разломом», который превратил камень в глину и создал условия для удобной кочевой дороги, которая огибает ущелья почти по горизонтали, так что путнику не приходится спускаться в глубокие каменные ущелья — он их обходит по мягкой тропе, минуя пропасти и опасные обрывы. По ту сторону хребта этот разлом заканчивается перевалом «Кумбель», откуда и произошло его название — водораздел между бассейном Бельдерсая и Нуреката.

Восход солнца я писал в сторону Пулатхана — столовой горы между речками Майдантала — Акбулак и Караарча, отвесно обрывающейся со всех сторон и лишь узким перешейком соединенной с главным хребтом Чаткала. Существует легенда, что на Пулатхане был осажден со своим войском князь Пулатхан. К нему не мог подступиться неприятель и лишь измена его дочери, влюбившейся в предводителя вражеского войска и снявшей охрану

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

с единственного прохода к крепости, привели к гибели Пулатхана и его войска. Однако предводитель неприятельского войска (по одной версии это был Искандер — Александр Македонский, по другой — калмыцкий царевич) велел тут же казнить изменницу; ей привязали камень на шею и столкнули в пропасть.

Третий этюд я сделал с видом косогора, поросшего арчей. Рядом с палаткой были небольшие роднички с хрустально чистой, холодной, как лед, водой. Вода пробивалась через осыпь, поросшую густой травой — мятой, синим мордовником, ферулой. Приглядевшись, я решил, что здесь подходящее место для щитомордников и действительно обнаружил их одного за другим (они обычно держатся парами) и уничтожил их для безопасности. Теперь я не сделал бы этого, т.к. пришел к выводу, что все в природе нужно и полезно. Щитомордник уничтожает мышей и этим приносит пользу. Кроме того, он может принести пользу в питомнике, где каждый месяц у него берут яд, служащий медицине.

Вообще, щитомордников здесь по ущельям оказалось великое множество, и змеелов мог бы здесь добывать их ежедневно десятками. Но мы их каждый день уничтожали, нанося по старому своему неразумию большой ущерб и природе и будущим заготовкам этого товара для питомников. Но иногда, казалось, без этого и нельзя было обойтись.

Однажды тропа, по которой я ехал верхом, и с которой нельзя было свернуть, была занята щитомордниками, которые и не думали уступать дорогу и угрожающе продолжали лежать, подняв вверх хвостики и злобно покачивая ими над своим змеиным телом. Они могли бы укусить лошадь, которая не обращала на них никакого внимания, хотя, я остановил ее возле самой змеи. Я слез с верха и расправился с первой змеей; вторая вместо того, чтобы убежать, как обычно, не тронулась с места и продолжала воинственно шевелить хвостом — в нее полетел камень, который размозил ей голову. Отшвырнув змей с дороги, я сел на лошадь и продолжал свой путь.

Второй запомнившийся мне случай был уже в другом месте — когда мы стояли у речки Терекли: змеи поползли с гор на дно ущелья — это признак того, что скоро выпадет снег. В палатку забралась мышь (короткохвостая), которую я обнаружил потому, что она начала нахально все ворошить кругом, и была достигнута уже за пределами палатки. Уже было убито несколько змей; мы поражались, какое их количество вокруг нас, а под вечер я услышал легкий шорох под одеялом, отвернул его — и увидел щитомордника цвета меди (обыкновенно он серый с характерными черными пятнами), который бросился наутек и поднялся по коре тополя приблизительно на полметра, стараясь укрыться в трещинах старого дерева.

Убив его палкой, я принялся разглядывать его редкостную окраску: черные пятна превратились у него в темно-бурые, а остальная чешуя отливала красноватой медью. Интересно, что и лисы в этой местности были красны и козлы имели ярко выраженный красноватый цвет шерсти: все это от преобладания здесь красных пород камня, главным образом, гранита, из которого сложены здешние скалы и выложены русла рек. Таким образом — это покровительственная окраска, которую зоологи могли бы проследить на многих своих объектах. Если лисы, подбираясь к кекликам, сливались с окраской местности, то и предмет их охоты — сами кеклики не упускали возможности замаскироваться и прибавить к своему оперению больше красновато-бурых тонов, чем обычно.

Однако, обосновавшись в Куракты для работы, уже на второй день, как только наши спутники из Ангрена увидели, что рис у нас кончается, а вместо ячменной муки теперь будет овсяная (свою норму мы съели за несколько дней и принялись за лошадиную, которым предоставили теперь хорошие пастбища, отдых и сокращенный зерновой паек) — тут же дезертировали. Остался их начальник — Николай Р. Он тоже — начал тосковать, и, видимо, знал о намерениях своих помощников. Он ушел, объявив о том, что беспокоится о своей жене

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

— вдруг она там изменяет ему!

Я отпустил его и остались мы втроем — я жена и Вася.

В Чимгане

Окончив этюды, мы двинулись в Чимган, отвезти Екатерину Аполлоновну, у которой кончался отпуск. Мы проехали «геологический разлом» (дорога никуда от него не отходила) и поднялись на гребень Чаткальского хребта между пиком Кызыл Нура и Большим Чимганом. Гребень этот называется Мынджилкы — тысяча лошадей. Это была ровная, удобная и красивая дорога с просторными видами на обе стороны хребта в сторону Ташкента, скрытого пеленой дыма и пыли, в сторону реки Чаткал и горной страной по его сторонам, Пильтау и др. Любуясь картинной географией, вдыхая воздух вершин, прислушиваясь к едва доносившимся иногда снизу, из глубоких ущелий звукам, напоминавшим то эхо, то шум водопадов, то гул пенистого Чаткала — мы были над всей этой жизнью, даже появлявшиеся изредка облака были под нами; под нами иногда проплывали грифы; под ногами иногда попадались норы серых сурков, тарбаганов, которые в эту пору уже ленивы и издали сползали с камней, на которых грелись, и уходили в глубину почти без обычного свиста.

Весь день нас мучила жажда, а вода была далеко, в ущельях. Наконец, мы заметили недалеко от гребня две юрты и решили спуститься к людям, чтобы найти у них что-нибудь хотя бы в роде айрана: на кумыс уже не рассчитывали, т.к. кобыл не было видно.

Нас встретила старуха с провалившимся носом, в таком грязном отрепье, что одной рукой она протягивала чашку с айраном, а другой поджимала лохмотья штанов. Только страшная жажда заставила нас по очереди пригубить предложенную ею жидкость, вонючую, серовато-желтого цвета. Это было противно. Но воды не было: воду им привозят снизу.

Удрученные видом этой старухи и всей обстановкой, мы выбрались снова наверх и поехали дальше. Наконец, нас застала ночь и сразу — холод. Травы для лошадей нигде не было, все поедено скотом. Воды тоже. Мы стреножили лошадей и решили с Васей по очереди их караулить. К утру очень все промерзли до костей. Над нами всю ночь висели крупные, яркие, но холодные звезды, и ветер выл и свистел в ушах, как-будто бы это была зима, к которой мы не подготовились, поэтому страдали от неустройства. От усталости нам не хотелось ставить палатку, да и укрепить ее было бы невозможно на ветру. Седла мы не снимали с лошадей — и зверь побоится напасть, и не прохватит ветром, пронизывающим до костей на этих высотах. Когда рассвело, перед нами, едва возвышаясь, оказалась верхушка Большого Чимгана, а налево шла тропа вниз, спускавшаяся прямо к гребню перевала Кумбель. Спуск этот к санаторию Чимган, где жили наши родственники и где мы должны были оставить Катю, занял у нас почти целый день, хотя спуститься нужно было всего на две тысячи метров, т.к. санаторий Чимган стоит на высоте 1300 метров и если пик Чимгана 3323 метра, то мы были на высоте около трех тысяч метров. Шли мы пешком, и труднее всего было нашим лошадям с их громоздкими вьюками.

На следующий день мы оставили нашу спутницу Катю, которая возвращалась в Ташкент на работу, а сами проехали в Бричмуллу, и, получив там на базе зерно для лошадей (кукурузу), вернулись через Нурекату и Аксагату вновь к ущелью Кара-Бузук (Черный Хаос), куда впадают речки Куракты и Табаклысу, на котором мы стояли раньше, и постепенно с Васей стали продвигаться вниз по этому ущелью (куда вероятно все обрушилось — от «геологического разлома»). Местами здесь росла чудесная голубая арча, а рядом, касаясь ее корней вершиной, столь же прекрасная, густо-зеленая, с теплым оттенком хвои (ель). Мы двигались, делая остановки на 3-4 дня, где место нам нравилось для этюдов.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Это было дикое ущелье, на дне которого кипела речка, вся зажатая камнями, скалами и глыбами, меж которых росли березы, талы и иногда арча, тополь, клен, жимолость и боярышник. Склоны были покрыты лесом. Тропа была едва заметной и часто ее преграждало либо упавшее дерево, либо свалившаяся сверху глыба, вокруг которой дорогу надо было прокладывать вновь. Чем дальше, тем было глуше. Внизу у впадения Зындана все было завалено валежником, где выюки приходилось снимать, перекрещивались тропы кабанов с тропами медведей и следы были набитые, постоянные, не потревоженные. Вся галечная часть русла, которое только в половодье заливают вода, на протяжении нескольких километров все голыши в сухом русле реки и бревна, разбросанные половодьем — все перевернуто, один за другим. По следам и старым и совсем новым, сегодняшним мы установили, что это, оказывается, не только медведь занимается этим, но и ... барс; в этих трущах можно было ожидать, что зверь может здесь даже на день устроить себе логово, но с приближением человека, конечно, он ушел и на глаза нам не попался. И действительно, свежие логова были здесь в 20 метрах от русла. Мы попали в царство зверя. Кроны вековых деревьев сомкнулись над нами, веяло сыростью; свежий звериный помёт, попадавшиеся клочья шерсти, кабаньи купальни в родниках и лужах с застоявшимся в них запахом, говорили о том, что мы попали в охотничий Эльдorado. Тут можно будет не тужить о пище — мяса будет вдоволь. Но... я заболел малярией: день трясет, день отпускает. Скоро не стало сил. День лежу, день с трудом добираться до этюда и работаю. Вася ничего не может убить, а зверь хитер: ночью рыщет кругом, весь лес трещит, медведи режут, кабаны карьером спускаются к воде, обрушивая камни и ломая валежник, а убить не можем. Надо выследить, а Вася следы читать не умеет.

Как-то я отправил его в поселок Майдантал смолотить на мельнице кукурузу. Он привез с собой русского человека, который произвел на Васю такое хорошее впечатление, что Вася просто влюбился в него и потянул его за собой, уверяя, что он мне обязательно понравится, и мы возьмем его на службу в качестве рабочего с тем, чтобы он охотился и добывал нам мясо, т.к. мы голодаем, а главный наш хозяин — то есть я, болен и ходить не может. Действительно, Александр Илларионович мне понравился. Мы приняли его. Из затхлой кукурузной муки, часть которой он обменял на пшеничную, он пек нам хлеб, а когда убили кабана, то делал не то, что охотничий шашлык — даже пирожки. Второго кабана не нашли: Александр Илларионович тоже, оказывается, в следах не разбирается, а на третий день, когда у меня был день свободный от приступа малярии, я по следам, а потом по запаху уже протухшей туши, нашел кабана заваленного хворостом и камнями; это сделал медведь и теперь можно было его здесь караулить, т.к. выждав день-два он придет лакомиться. И он пришел: мы стреляли, но так как нас было трое, то всегда кто-нибудь испортит охоту другому — зверь, раненый ночью, убежал. Утром следовало бы его искать по следу, но у меня был очередной приступ малярии, а мои товарищи медведя не нашли и решили, что он ушел. Однако на следующий день мне удалось его разыскать, но ... уже только клочья шерсти, так как уже накануне его растерзали растащили грифы.

Я отправил Васю и Александра Илларионовича в Бричмуллу, где на нашей базе они должны были получить продукты питания и фураж для лошадей. Оставшись один, день я лежал с приступом малярии, не в силах подняться и приготовить себе чай, поэтому готовил все заранее, а на следующий день работал на этюдах, перебираясь от одного к другому. С собой у меня была винтовка, и я ставил ее так, чтобы в любой момент можно было взять в руки и защищаться или нападать. Так, однажды, работая над этюдом среди выпавшего за ночь снега, в километре от палатки, мне показалось, что к шуму воды в речке прибавился еще какой-то всплеск позади меня. Схватив ружье и обернувшись, я увидел в 200 метрах стадо кабанов в полсотни голов, казавшихся черными среди темных пятен камней и шапок снега на

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

них, перебирающихся вплавь на левый берег реки. Кусты, занесенные снегом, и камни загораживали мне цель, а, выходя из воды, звери, даже не отряхиваясь, скрывались в зарослях и больше ни на минуту не показывались — так все и ушли, и я не мог сделать не единого выстрела.

Только через неделю вернулись мои спутники, привезя все, что нужно. Васю чуть было не постигла беда: хотя это было первого августа в сухое, теплое время, но на перевале их застала зима. Ночью в снегу занесло все тропы и Александр Илларионович, знающий местность, как свои пять пальцев, оставил Васю у лошадей, чтобы самому отыскать спуск с перевала. Вернувшись, он нашел Васю под арчей, где он, свернувшись, заснул. Вася отморозил себе ноги и, только благодаря настоянию Александра Илларионовича, насильно заставившего его бегать по снегу, он разогрелся. Спустившись вниз, в поселок Майдантал, он обнаружил, что там снега нет и в помине. Васю лечили своими средствами, но все же кожа с пальцев ног у него сошла.

Странно было это слушать и видеть, так как в нашем ущелье еще стояло теплое лето и мы только через три месяца увидели снег.

Александр Илларионович

У нас теперь было пять собак, следовика для которых привезли из Бричмуллы за триста рублей. Но всю эту силу из-за моей болезни мы так и не смогли использовать полностью. Все собаки спали вместе с нами в палатке; главный следовик, сучка, отлично понимала свое превосходство над остальными кобелями, которые должны играть роль баранчачей, избравшая меня своим хозяином и злобно охранявшая свое положение руководителя стаи, была рядом со мной, а остальные — в ногах и между нами; хотя палатка значилась как двухместная, в ней нашлось место на 8 душ. Было тесновато, но тепло и, главное, спокойно — ни мышь, ни змея не залезет, ни басмач не задавит. Услышав ночью кабанов, или медведей, вся стая срывалась как по команде, бомбой вылетали из палатки, и, возвращаясь обратно после энергичной погони, бесцеремонно лезли на свои места, устраивая иногда злобную свалку на наших телах и нам оставалось только лучше укрыть головы от случайных зубов, потом все они еще долго точили зубы друг на друга, рычали, наконец, дрожали лишь от нервов и, слегка ворча, успокаивались, чтобы через несколько минут может быть снова взорваться как по команде; но все это нам нравилось — уж слишком непосредственно было ощущение дружбы, единства, бескорыстной службы, энтузиазма и неподдельной бодрости жизни, от которой кровь в жилах освежалась, а сердце радовалось счастью.

Один из баранчачей Александра Илларионовича, черный кобель, обладал, как говорили, «волчьим зубом». Где-нибудь в ауле у животноводов, где возле юрты стоят корыта — долбежки, куда наливают молоко собакам, овчаркам, этот кобель направлялся к ним, не обращая никакого внимания на огромных псов, каждый из которых в 2 раза больше и толще его; но добежав до него, эти псы вдруг отскакивали в сторону и не мешали ему съесть их пищу — стоило ему только оскалить свои зубы и как бы загипнотизировать их. Среди своих он держался, хотя и пасмурно, но мирно — не рвал, а только отпугивал своими клыками. Мы рассматривали его клыки и каждый раз поражались — ничего особенного, слегка только больше загнут, чем обычно, но в чем их сила и почему собаки со стороны их видят и так боятся? Если кто-нибудь из них попробует все-таки схватиться, то в следующий же момент окровавленный и с визгом удирает от него. Ведь, тоже есть что-то и у волка, который «режет», и не «грызет».

По утрам, задолго до зари, в палатку просовывали морды лошади — мы их приучили

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

в это время есть зерно и являться на поверку и, в случае какого дела, — на работу; остальное время они ходили на свободе без недоузтков и арканов, чтобы не запутаться, не попасть зверю в зубы, конокраду в руки и чтобы искали лучшие пастбища. Приходили они всегда сытые и быстро нагуливали тело. Собаки ревниво сейчас же соскакивали и бросались на эти морды, опасаясь, вероятно, как бы лошади не заняли их место или же просто ревностно охраняли покой своих хозяев, но нам приходилось уже вставать: один из нас навешивал лошадям торбы с зерном, приготовленным накануне засветло, провеванным на решете и очищенном от камней, головни и прочих примесей, другой принимался за приготовление завтрака, а третий шел к своим этюдам, если в этот день его не приковывал к постели приступ двухдневной малярии; после работы над первым этюдом, я шел к готовому завтраку, а потом шел на второй этюд, третий и четвертый, вечерний, с которого возвращался уже, когда спускалась ночь и у нашего очага, озаренные огромным костром, сидели, мирно беседуя и поджидая меня, Вася и Александр Илларионович. Мы делились впечатлениями дня и принимались за еду. Вокруг нас, каждый на своем месте, располагались псы, а их строптивый руководитель, черно-тигровая красавица с красно-коричневыми диковатыми, но яркими глазами устраивалась рядом со мной и следила, чтобы никто не подходил ближе, чем положено. Каждое такое намерение она пресекала решительно и всаживала свои зубы (имея в виду защиту хозяина в случае чего) даже в кобеля с волчьим зубом. Для нее, как для дамы, он великодушно делал исключение, отодвигался на четверть назад, но дальше — ни шагу и, подняв голову, делал вид, что он равнодушен, но, в случае излишних придировок, не пощадит даму. Она это понимала — и успокаивалась.

Еще один убитый нами кабан был найден, когда от него уже дух пошел, но с голодухи мы его все же освеживали и ели; приправой нам служил дикий лук, который оказался сильнее огородного и хорошо отшибал хинную горечь и запах тухлятины. Раньше, когда в голодное время приходилось есть несвежее мясо, я считал, что единственный недостаток такого мяса — это запах падали, а теперь оказалось, что кабарина еще и горчит, как хина, и вовсе лишена своих соблазнительных достоинств свежей вкусной дичины. Кабан висел у нас на сучке березы, у самого берега реки, а под ним были черные камни нашего очага и печи, на которой мы пекли замечательный «кумач» (по-киргизски «комыч», что значит «зарытый», «погребенный»), т.к. хлеб этот зарывают в угли и в них пекут. Мы начинали этот хлеб, как пирог, яблоками, иногда в несколько рядов.

Березовая роща с нашим очагом и изображена мною на этюде, с которым приключилась такая история: ночью выпал снег по колена, а мои этюды оставались на месте работы, прикрепленные к сооружению намертво, чтобы не могло сорвать ветром; под слоем снега образовался слой льда, а затем он растаял и уголок оторвался. Больше мне не пришлось работать над этим этюдом, т.к. перевал закрывался на 8 месяцев и, если не потеплеет (был конец октября), то мы вынуждены будем здесь зимовать. Мы переехали в поселок Майдантал, до которого было километров 20 и, обнаружив, что перевал закрыт, стали готовиться к зимовке.

Это был своеобразный поселок: в нем жили 13 семейств — киргизы и узбеки — в условиях, в которых жили они и тысячу лет назад. Они избегали всякого начальства — сельсовета, финотдела, школ, колхозов; сеяли просо, немного ячменя. Всю зиму варили бузу и это было их почти ежедневной пищей, если не считать продуктов животноводства — в каждом дворе (без всякой ограды) бродили козы; кое у кого были лошади и ишаки. Сена заготавливали на зиму немного — одна копна на хозяйство. Были беспечны. Мясо больше добывали охотой на козлов — шли всем кишлаком с собаками и брали за выход по 30-60 штук и все это переносили на себе, так как никакой транспорт зимой здесь не применим. Детей своих не учили и сами были неграмотны. Узнав, что мы здесь остаемся на зиму, отвели

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

нам помещение с сараем для лошадей и обещали набрать для их прокормления сена. Прежде всего решили познакомиться и поэтому ежедневно с утра до вечера мы должны были ходить по гостям и пить бузу в количестве невероятном. Мы втроем шли к одному «соседу», от него, прихватив хозяина, шли к следующему, оттуда уже впятером шли дальше и так далее.

Среди жителей Майдантала были два брата, которых звали Кошмат и Дусмат, но называя одного, они говорили «Дусмат-Кошмат», будь то старший или младший из них. Про них рассказывали, что оба они — бывшие басмачи, беглые из какого-то кишлака по ту сторону перевала. Старший был рыжебородый, костистый, простоватого вида, а младший наоборот — изнеженный, с мягкими манерами завсегдатая городской чайханы, и его легко можно было представить на обычных посиделках, какие устраивают узбеки, с пловом и шутками и весельем до утра, так называемый «чян». Однако именно этот городской ловелас и был главным охотником, о котором рассказывали легенды.

Нас приняли хорошо, мы стали «соседями» на целую зиму, то есть на 8 месяцев, и решили ввиду выпавшего снега отправиться на охоту. Я был еще очень слаб от болезни и отказался. У меня попросили немецкую винтовку, которой меня снабдило Геологическое Управление, а патроны я достал. Я вручил винтовку Кошмату-Дусмату, а Вася пришел в ужас: ведь он басмач, разве можно ему верить, ведь Вы себя подвергаете какому риску — за винтовку и патроны Вас могут расстрелять (время было «сталинское»). Я успокоил Васю — сейчас, говорю, они не подведут. Действительно, было убито несколько кабанов, около десятка козлов и один барс. Мы получили свою часть добычи, кабанов, а тут и перевал открылся и мы вдруг смогли выехать.

Не перевале Актагата, однако, снег был на одном участке по седло лошади, и мы с трудом его одолели, перенеся груз на себе. Бились в снегу до самой ночи и, когда уже оказались по ту сторону гребня, повалил снег, который, как мы решили, больше не стает до лета и благодарили свою судьбу. Но год на год не приходится и 1947 оказался исключением. Синоптики подсчитали, что такая теплая осень за 60 лет была лишь второй раз (она повторилась еще в 1964 году, когда в начале декабря цвели фиалки, а морозы до 10 градусов установились с десятого числа; снежок в два сантиметра толщиной упал лишь шестнадцатого и продержался дней десять). На перевале мы потеряли часть имущества, не будучи в силах его донести.

Ехали всю ночь под снегом и лишь к утру прибыли в Аксагатау, где остановились у нашего знакомого, выезжавшего в Терекли на промысел дикого меда. С длинного айвана его дома, построенного на склоне горы, открывался далекий просторный вид на речку Аксагату, на противоположный пологий теневой (северный), заросший склон горы с перевалом Алтынбель, за которым уже начинается реки Паркент, с притоком Кумышкан и другими. Но здесь не было даже снега; подножия Кызылауры омывались дождем, когда на его вершинах давно уже стояла зима, сверкавшая своими новыми нарядами. Мы с удовольствием переживали перемену и уже как-то даже не верилось, что весь вчерашний день до предела человеческих сил боролись с холодной стихией и всю ночь ехали по снегу, который постепенно переходил в дождь, и так и не смог взять нас в плен. Теперь нам нужно было как следует покормить наших лошадей, не евших почти целые сутки, дать им отдых для следующего броска через перевал в Янгибазар — это тоже километров 70, но значительно более легких. В полдень мы вышли, к вечеру были в Паркенте, отдохнули и вместо ночевки двинулись в Янгибазар, куда и прибыли под утро и тут же разыскали нашего кумысника, который там, в горах, очень настойчиво нас приглашал, а здесь почему-то не оказался столь радушным хозяином; чувствовался какой-то холодок, и мы потом узнали причину этого — у него были неприятности на работе: десять жеребят заели волки в адырах и его обвиняют в халатности, отстранили от табуна. Угощения его были жидкими, лошадей кормить было

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

нечем. Наше желание увидеть ребятишек табунщицы, поразивших нас своими живыми, такими любознательными глазами, мы не смогли осуществить, так как они жили где-то далеко отсюда и «кумысник» наш почему-то отнесся к этому с недоверием — вероятно она тоже посодействовала свержению его авторитета, чтобы передать его другому бригадиру, может быть более ленивому, но и более зубастому.

На следующий день мы были в Ташкенте, где оставили вьюки и выехали без задержек в Алмалык для сдачи лошадей. Получив деньги, я рассчитался со своими сотрудниками, причем, зная, что Александр Илларионович не в меру слаб относительно напитков, ездил вместе с ним по магазинам, по базарам; купили мы с ним нужных вещей и затем я посадил его в вагон до Барража, дав ему в руки мешок с добром — он был уже «на взводе».

Александр Илларионович стал алкоголиком не сразу. Он когда-то считался талантливым оружейником, и в одну из командировок работал с известным конструктором-оружейником Дегтяревым, и жил с ним в одном общежитии, и даже кровати их стояли рядом. Потом он был начальником пограничной заставы; в двадцатых годах всю заставу в 40 человек перерезали напавшие басмачи, лишь ему, находившемуся с ординарцем в объезде, удалось случайно уйти от смерти. Погибла и вся его семья. С тех пор он запил. Уволился. Занялся золотоискательством. Рассказывал, как в ледяной воде притоков Пскема и Чаткала промывал пески и, выручая большие деньги, все пропивал без остатка. Затем опять голодный и раздетый, снова шел на поиски «золотишка» в такой же компании пьянчуг-старателей. Лишь несколько лет назад, найдя себе подругу жизни, обосновался в Майдантале, отрезанном от всего мира в течение восьми месяцев в году с одной стороны высоким перевалом, с другой — «Чертовым мостом» невдалеке от Акбулака, через который и летом было опасно переходить, а зимой он вовсе был недоступен. В Майдантале он построил себе избенку, зимой его поили бузой соседи, и с ними же он охотился и жил в общем впроголодь. А жена его, бывшая сестра милосердия, считалась в поселке «доктором», лечила больных, делала перевязки и тоже кое-что получала за это натурой. О дальнейшей судьбе их я уже не имел сведений. Знаю только, что через пять-шесть лет там обосновалось отделение садового совхоза, а жители поселка Майдантал все разбрелись.

Александр Илларионович из-за своих слабостей не мог ужиться где-либо на службе. Жили они очень примитивно и грязно. Дом их кишел паразитами, с которыми они не вели никакой борьбы. Сидя у них в избе за столом, можно было придти в ужас от ползающих по ногам батальонов блох (собаки тоже спали в избе), а человек, заночевавший у них, не мог заснуть от нашествия вшей, которые ползли прямо на виду. Соседство Александра Илларионовича в палатке дало себя чувствовать сразу, и я каждый день вынужден был устраивать «санитарный день». Александр Илларионович в этом не нуждался: если уж слишком его донимают, он как-то по особому пошевелит лопатками, поведет плечами — и все. Он свыкся с ними и приучил к этому Васю, который рядом с ним мог спать спокойно всю ночь и не жаловался на то, что «кусают». Но в остальном Александр Илларионович был очень приятным человеком, заботливым хозяином, любил покулинаруить, поговорить и безусловно был нам очень полезен. Сверх всякой зарплаты я подарил ему еще на память свое двухствольное ружье и простил ему то, что во время поездки в Бричмуллу он пропил там мой плащ и бинокль. Но хорошо, что выручил Васю из беды на перевале, привел лошадей и привез продукты. Этим он помог мне выполнить мою программу по этюдам и это было главное и жизненно важное для меня, для моей живописи. Все остальное можно было перенести ради этой одной цели.

Выставка этюдов в Союзе художников вновь вызвала большой интерес у публики и у художников, считавших прежде, что у меня есть талант к рисунку и композиции, но нет способностей к живописи. Теперь удивительно было, откуда они вдруг появились. Я

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

продолжал говорить о «Теории», которую я сочинил с этой целью, но никто не верил в эти «сказки», считая, что никакая теория и никакая диалектика не поможет в живописи. Особенно дружно все мои оппоненты отвергали попытку применить науку к живописи, всякое умственное и рассудочное начало там, где нужно только чувство, по их мнению; особенно пугала их ссылка на Менделеева, который говорил, что наука начинается с тех пор, как начинают измерять: «точная наука не мыслима без мер». Все в живописи по чувству, говорили мне, а между тем другого объяснения не искали, оставляя свои запросы неразрешенными — и не страдали от этого. Вопрос «почему?» не многих, оказывается, может тревожить, не давая покоя и заставляя искать ответа. Наоборот, многие стали тревожиться, что это как-то мешает их собственной карьере и принимали меры, чтобы весь этот вопрос с теорией задушить. Это заставило меня много волноваться: невозможность высказаться публично (газеты не принимали мои статьи о диалектическом методе в понимании цвета и методов живописи; отвергла их и Академия художеств). Малярия подкосила здоровье, сказалась голодуха, и 11 февраля 1948 года я заболел — у меня был инфаркт. Шесть месяцев я лежал без движения, не поднимая головы от подушки. Медленно возвращались силы.

Удивлялись художники, что на мою выставку пошел новый дотоле невиданный зритель. Если обычно на художественных выставках посетителями бывали сами художники, то теперь и на открытии, и на обсуждении люди толпились, заполнив все залы, все проходы, стояли в коридорах: ученые, профессора, академики. Ташкентская математическая школа во главе с В.И.Романовским (Бугаев В.В. Щеглов В.П. Джоржио); врачи, геологи, особенно многочисленные гости писатели, литераторы, просто любители. Из выступавших ораторов было больше посторонних, чем своих художников. Последние хаяли, упрекали в натурализме и прочих смертных грехах. Публика — защищала и одержала верх: художники, которые должны были выступить «по назначению», отказывались от своих выступлений, так как увидели, что это выставляет из в плохом свете, как затеявших травлю, разоблаченную зрителями (отказался член правления Герасимов Н., а Круковская заявила, что Милеева невозможно критиковать, так как очень авторитетный зритель, который за него горой стоит).

В Туюке

На следующий 1949 год, хотя я с трудом ходил, все же поехал в горы. Катя забеспокоилась и со слезами на глазах уговаривали не ездить. Друг детства В.А.М., врач, сказал мне: «Ты — ишак, едешь на верную смерть». Но и это меня не остановило: Катя советовалась с профессором Бруссель, который меня лечил. Он сказал: «Доля него горы — родная стихия; пусть едет, но там в горах ходить нельзя, а ехать может хоть в стратосферу». Я сказал, что там буду ездить на лошади — этого нельзя делать, сказал мой профессор (он не знал, что это — тоже моя стихия).

Я выехал в Туюк (до Оша на самолете, оттуда через Узген в Туюк на автомашине).

Туюк — месторождение коксующегося каменного угля, открытое геологом Кочневым Е.А.; там работала стационарная геологическая партия, которая вела разведку, выясняя запасы угля, строила дороги, поселок и на летний период должна была включить меня в штат. Высота — около трех тысяч метров, а по гребню Ферганского хребта еще выше. Оттуда каскадами, содрогающими прибрежные скалы, низвергалась вниз речка Туюк. «Туюк» — это и значит цирк, каменный пояс, запирающий выход наверх, к гребню хребта, имеющему сравнительно мягкий рельеф. Эрозия еще не разрушила его полностью — там можно скакать за архарами даже на лошади. Но, обрываясь отсюда вниз, вода нагромоздила огромных глыб, достигающих иногда величины большого дома, и клокочет в этих колодцах, вырываясь

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

наружу водопадами, иногда в несколько потоков. Протяженность этого почти отвесного каскада — километра два. Над всем этим пространством повисла водяная пыль, и играет радуга, и стоит сплошной гул, так что у берега разговаривать приходится, крича прямо в ухо собеседнику. На протяжении этого каскада заметно меняется растительность: если внизу растет белая мальва, посредине она уже лилово-розовая, а у верхнего порога мальва не растет — там царство альпийской растительности. Внизу густо разросся лиственный лес, в средней зоне — арча, а тут уже древесная растительность отсутствует.

Мы поставили палатку на небольшой площадке у берега реки. Приходит киргиз и предупреждает, что здесь неподалеку склад взрывчатки, ближе как на 500 метров находится не разрешается, и что он, сторож, требует, чтобы мы отодвинулись отсюда подальше. Я заговорил с ним по-киргизски и сказал о трудности, что поблизости нет удобного места для стоянки и для лошадей, а мне надо рисовать вот этот водопад. Я стал расспрашивать нашего гостя (мы пригласили его к дастархану) откуда он родом и не охотник ли, и не занимался ли конным спортом — козлодраньем — мне показалось его лицо знакомым. Гость заулыбался и сказал, что он тоже знает меня — оказывается, когда я 17 лет назад был управляющим Юж. Кир. конторы Кирохотсоюза и организовывал бригады охотников — он был бригадиром, перевыполнял свои обязательства и я его наградил премией — ружьем. Тут начались воспоминания не только охотничьи, но и по конному делу: все мои зубы, говорит, я оставил на Улаке (передних зубов у него не было). Дело в конце концов уладилось — мой бывший бригадир разрешил нам остаться на месте и приглашал к себе на чашку чая. На следующий день Вася отправился на соседнюю пасеку и узнал, что пасечник — тоже мой знакомый и в те же годы, как и бригадир-охотник, работал инструктором по Узгенскому району и просил передать мне привет. Оказалось, что кругом у меня есть знакомые и друзья.

Из Туюка мы переехали на речку Каргаша за 20 километров, где было больше живописных мест и где мы обосновались на весь летний сезон. Там я много написал этюдов — все больше с водой, с берегами, с травами и скалами. Тренируясь, постепенно я получил возможность ходить за километр и больше. Утром, после зарядки купался в реке и обтирался до красноты кожи. Это меня закалило. Я продолжал купаться и зимой, но по возвращении в Ташкент, доложив своему врачу, получил от него выговор — купаться в холодной воде недопустимо для таких больных, как я. В Ташкенте однако я чувствовал себя после возвращения с гор всегда хуже, чем на высоте.

Отыскивая подходящие места для этюдов, или работая над ними, приходилось следить за окрестностью — мало-ли может быть всяких случайностей, места глухие, нужно самому думать о своей безопасности и для этого прежде всего всегда проверяешь следы: появился новый след — надо узнать, что за человек; а если звериный, то тут уже заговорит охотничья жилка; хотя и не в состоянии ходить на охоту, поинтересоваться — откуда пришел зверь, зачем, куда пошел — все это было интересно знать.

Писал как-то этюд большого камня, перегородившего всю речку и прозванного «теке-секерек», то есть место для прыжка козла.

Осенью и весной козлы кочуют, то на северный склон, то на южный. Зимой — на солнышке быстро тает снег и зеленеет трава по весне, когда на северной лежат еще сугробы и идут обвалы, если склон не зарос лесом. Козлы пользуются узким местом и прыгают через реку с одного берега на другой. Киргизские охотники это наблюдали и дали такое название эти камням, что оно сразу раскрывает всю сущность.

На камне лежал, греясь на солнце, огромный уж, а под ним по песочку взад и вперед, покачивая хвостом, как-бы прогуливалась трясогузка, но что-то очень тоскливо и беспокойно кричала и посматривала на змею, которая теперь нацелилась уже на нее, а язычок ее — орган обоняния — все сверкал на солнце, которое пробиваясь сквозь зелень березы, бросало яркий

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

сноп света, и потому все подробности были хорошо видны. Трясогузка временами, как зачарованная, с криком подлетала к змее и, не отрывая глаз от нее, снова принималась беспокойно ходить под камнем. Мне стало ее жаль — не вырваться ей из этого гипноза — я взял ружье и зарядом дроби уложил эту змею, освободив желтую трясогузочку от неминуемой страшной смерти.

Другой раз, придя к этому месту, я заметил в соседнем камыше дохлую мышь. Вчера ее не было. Лежит она между камышинками, как-будто ее кто-то туда засунул. Я не стал трогать ее — думаю, пусть выяснится обстановка, понаблюдаю. Часа через два я увидел, как из чащи выполз щитомордник и направился прямо к мыши — вот, оказывается, чья была это добыча: ночью он ее убил, а теперь будет заглатывать. Живопись я отложил и стал наблюдать, как это он проделывает. Он долго возился, чтобы вытащить застрявшую мышь и, наконец, перепустив свое тело петлей сквозь зазор между камышинками, вытянул мышь обратно и, ощупав носом всю ее с головы до ног, начал с носа, постепенно заглатывая, хотя по толщине своего тела он был в четыре раза тоньше мыши. Он делал полезное дело — уничтожал мышь — я все же придерживался своего старого правила — уничтожать змей.

Еще дальше к осени, как раз накануне снега, змеи поползли с гор к реке в таком количестве, что можно понять как такому месту дают название «джиланды», то есть змеиное; на площадке среди зарослей ежевики площадью 25-30 кв. метров их лежало сотни три, переплетаясь, переползая друг через друга, свиваясь в клубки. Я не люблю змей и чувствую к ним какой-то панический страх — зрелище это было отвратительно — и я выстрелил по этой площади сначала дуплетом, а потом стал закидывать их камнями; площадка покрылась змеиной кровью и это зрелище было куда отвратительнее — лучше бы я этого не делал. Не столько жалко, однако, как противно.

Вася, намереваясь взять сена для наших лошадей из под снега, поднял охапку и с криком ужаса бросился бежать оттуда. Под копной лежали кучи змей, а те, что подняты были с охапкой сена, бились у него в руках и сползали по ногам. К счастью, ни одна змея его не укусила — вероятно потому, что в это время они все были вялые и почти беспомощные, т.к. время готовило их к зимней спячке; сделало из вялыми, сонными; чтобы змея могла укусить, она должна быть энергичной, быстрой; очень широко, на 100° с лишним открыть рот, выставить зубы, уложенные у нее в пазах верхнего неба, и энергично выбросить голову вперед, ударив мишень как бы копьем. Ядовитые железы при этом раздуваются и яд брызжет у змеи, если даже она не пустила в ход зубы, распространяя вокруг неприятный запах, отзывающийся какой-то приторной сыростью. У большой змеи, рассерженной преследованием, этот запах слышен за 5-6 метров (например, у крупной гюрзы). Щитомордник — змейка маленькая, хотя относится к виду гремучих, и озлобленная, распространяет запах яда на 2-3 метра.

Снега выпало почти по колено. Теперь надо было спешить, пока мы не совсем отрезаны от базы. Мы перебрались в горняцкий поселок, нам предоставили помещение — небольшую глинобитную саклю с дверью, сколоченной из грубых досок, и небольшим оконцем, затянутым промасленной бумагой. Потолок был черным в прямом смысле слова — не оштукатуренный; на балки был уложен хворост, который прокоптился до блеска; в стене, как обычно, был устроен очаг с просторным дымоходом, выходившим через крышу в открытое небо; и когда шел снег, то весь очаг в комнате и все по соседству было завалено снегом. Этот снег нам пришлось вынести наружу, и мы поселились в новом своем жилище, радуясь тому, что над нами — крыша и под ней — сухо и ветер не дует. Работать уже было нельзя, но жить надо было несколько дней — пока немного стает снег, чтобы выбраться отсюда на лошадях и добраться до Туюка.

Мы раздобыли у соседей дров, в мехмонхане стало тепло и уютно. К вечеру

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

неожиданно пришел к нам здешний охотник и принес килограмм 20 архарьего мяса. Он только что вернулся с охоты и рассказал, что уже месяц, как он узнал о моем приезде сюда, и, желая угостить меня по киргизскому обычаю, все не мог убить архара, а теперь по первому снегу ему «вышла дорога», и вот судьба благоприятствовала, и он имеет теперь возможность отблагодарить меня за добро, которое они «от меня видели».

— О каком добре вы говорите? — спросил я его. — О каком добре? — удивился охотник, — а ведь тогда наш бригадир поправился от Вашего лекарства. — От какого лекарства? — недоумевал я. — А помните, наш бригадир заболел малярией и нам в Узгене не дали охотприпасов — это было 17 лет назад — я по поручению бригадира поехал к Вам в Джелалабад и, т.к. я был неграмотный, Вы велели выдать мне все, что полагалось, сами расписались за меня, а для бригадира дали еще лекарства; а когда мы выполнили план, нам сообщили, что нас премировали, но когда мы поехали опять в Джалалабад, то узнали, что Вас арестовали и Вы сидите в тюрьме. Мы были очень опечалены и решили послать Вам передачу в тюрьму: кезы, баурсаки, масло, курт и урюк в белом дастархане. — Я вспомнил, что действительно такой подарок в тюрьме получил, но не знал от кого он, и теперь, следовательно, я могу за него поблагодарить Вас? — Да, дорогой охотник, я сам ездил туда, меня к Вам не пустили, а в Союзе Охотников уже были другие люди, от которых мы никакого доброжелательства уже не встретили. Все тогда Вас жалели и считали, что с Вами поступили несправедливо. Но хороший человек никогда не пропадет — и вот Вы теперь приехали в наши места, а мы имеем возможность увидеть Вас, и охота для Вас была удачна.

Меня все это очень растрогало. Я расспросил, как живут теперь мои старые охотники. — Многих уже нет и в живых; кто трудится теперь на шахтах, иные в колхозах; а молодежь уже не понимает охоты и старой дружбы и уважения тоже не понимает. Молодежь вся стала грамотной, стремится в город, и если мы стремимся по старому чему-то их научить, что-то им оставить и передать, то они этого не ценят — им нужна другая жизнь. Многих старых аулов уже нет, киргизы живут в поселках; кошмы на юрту теперь не соберешь и все в поселках строят дома и летом кумыса не пьют — кобыл не стало; налог большой на них и пасти негде.

Гость мой, старый охотник, оставив нам мясо архара и столько приятных и горьких воспоминаний, извинился, т.к. у него была работа и ушел, не дождавшись даже, когда будет готово мясо. Это было уже новое в жизни этого человека, т.к. раньше он располагал бы для этого временем.

Мясо варилось долго — на большой высоте оно долго варится, часов шесть. Намучившись за день, мы все давно уже «клевали носом», и кое-кто уже даже успел поспать, когда к нам в мехмонхану, скрипя по снегу, кто-то постучал в дверь, прося разрешение войти. Голос был знакомый и явно принадлежал не местному жителю: обьятый паром, в ушанке, полушубке черном, ботинках казенного образца и шароварах по колено заледеневших, низко сгибаясь в дверях, протискивался новый нежданный гость — это был Свенцицкий (однофамилец известного автора «Варшавянки», а может быть и родственник?). Топограф Геологоуправления, мой приятель.

— Откуда это в такую погоду? Неужели из Туюка? — Да, из Туюка — узнал, что Вы здесь, и сразу решил — пойду, хочу повидаться. — Да ведь снегу по пояс наверху и пурга закрыла дорогу?! Как Вы ориентировались? — По компасу, я эти места наизусть знаю, а снегу действительно много, но ничего, одолел. Ведь я знал, что у Вас будет какая-нибудь дичь, как всегда, и, кажется, не ошибся? — Но как Вы нашли ночью тропу на спуске, когда и днем-то ее не заметишь? — Вышел прямо к спуску — удача, — весело и беспечно говорил Свенцицкий.

Было уже за полночь, когда мы приступили к архарьему мясу и отличной шурпе, запах

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

которой вероятно разносился по всему поселку, засыпанному теперь снегом, накрытому темной тучей, погруженному в тихий сон. Везде все спали, только в нашей мехмонхане праздновали встречу, наедались до отвала и полные самого радужного оптимизма надеялись на самое лучшее: что туча уйдет, стает снег и нижний перевал на Туук откроется. Тропа, по которой спустился сейчас Свенцицкий, завалена местами на 2-3 метра снегом (там, где снег осыпался, обвалился и ветром намел «надувы») и до будущего года стала непроходимой для лошадей. Но ниже, километров в 15 была другая тропа, более дальняя, но пологая и на нее мы теперь и рассчитывали. Свенцицкому пришлось сменить белье, т.к. оно все было мокрое от пота, и он его на следующий же день выстирал в снеговой воде и даже проутюжил — уют предложила наша соседка, жена буровика, у которой в маленькой горенке вырытой на косогоре была чистая занавесочка, а на подоконнике стояла в кастрюльке цветущая герань, уютно глядевшая на снег, заваливший хатенку по самое оконце.

Через неделю мы смогли выехать в Туук через нижний перевал, распрощавшись с поселком, в котором, кажется, в каждом доме у нас оставались друзья. Почти все хаты устроены были наполовину в горе, поэтому, если идти сверху, то поселка не было видно — крыши были продолжение склона и все было завалено снегом. Но внизу был виден весь фасад зданий — каменная кладка на глине с айванами, сенцами, навесами располагалась этажами, между которыми располагались проделанные в глубоком снегу проходы. Здесь еще не было ни машин, ни бречек и потому о дорогах не думали и не строили их. Даже мост через речку был устроен в расчете, чтобы могла пройти только лошадь.

В Туук мы прибыли, когда уже стемнело, небо снова заволокло тучами, и пока мы сдали лошадей и устраивались в предоставленной нам жилой палатке — повалил снег, который всю ночь не давал нам покою, т.к. приходилось шестами стряхивать его с крыши, которая не могла бы его выдержать. С нами в палатке размещалась целая бригада буровиков, которых должны были отправить на буровую, находившуюся в 10 километрах от поселка на высоте 3500 метров.

Выставка в Тууке

Мы провели в горняцком поселке выставку своих этюдов, но столкнулись с очень неприятным явлением: здесь, на отшибе, буровики, съехавшиеся в день получки, все начинали пить, буяннить, спуская на водку весь свой заработок. И никакими мерами не могли здесь справиться с прогулами и нарушением дисциплины — пьянка продолжалась подряд несколько дней. Заработки были большие, но у старателей деньги уходили, как вода. Спустив зарплату на водку, снова голодные, раздетые люди возвращались на свои буровые — до следующей получки. Бывали случаи, что в поножовщине иные бывали ранены, а то и хуже. В это время опасно было выйти на улицу. Дикая, пьяная сцена разыгралась и у нас на выставке: все потянулись на нее — получилась толчея, попадали этюды, кое-какие попали из них под ноги, разбили окна и пьяные хулиганы, которых не пускали в двери, лезли через окна и всякий порядок был нарушен — картины едва удалось спасти.

Как только снизу пришли бульдозеры и пробрили дорогу — целая колонна машин с тракторами и бульдозерами была отправлена в Мирзаки и мы с ней выехали, чтобы дальше до Ташкента со станции Карасу уже ехать поездом.

Пока мы жили в Тууке, я еще продолжал купаться, решив закалять свой организм благоприятной для этого обстановкой. Я облюбовал для этого заветренное местечко под скалой, где вода журчала среди камней, покрытых полутораметровыми сугробами снега, раздевался на забережнях, обливался водой и растирался до красна.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Неописуема была красота этих берегов: кристально чистая, звонкая вода; аромат утра; первые лучи солнца пронизывали горы алмазов, облепивших все веточки, все былинки вокруг; кусты и травы искрились своими маковками, заиндедевшими на морозе. Все было в уборе: в одеянии снега и льда, лежавших не как попало, а со вкусом, закономерно, узорчато и сказочно одновременно.

Только рисовать эту красоту, это богатство красочное, искристое и светящееся было невозможно — холодно, да и способ передачи оставался загадочным и неодолимым — тут кисть художника не могла бы в этих чистых красках разобраться и передать хотя бы сотую долю того, что делала природа, творя эту красоту непринужденно и не жалея, если она тут же погибнет у нее, подчиняясь тем же бесстрастным законам.

Пришла туча — все искры пропали. Растопило лед солнце — все оголилось, смешалось с грязью и вода промыла в берегах целые бреши, унеся с собой и кусты, и камни, зеленевшие мхом, былинки, покрытые сейчас кристаллами самоцветов.

Живописью на природе теперь уж придется заниматься лишь на будущий год.

Когда мы были уже в Ташкенте, пришли горькие вести: все 13 человек, живших с нами в палатке, через несколько дней после нашего отъезда выбрались на буровые и там под снежным обвалом все погибли. Случайно остался живым лишь один человек, который и рассказал о постигшем их бедствии.

Не учли, что по склону горы, где стояли эти две буровые, могут гулять снежные лавины — в случае, если зима будет особенно снежной, а она именно такой и была — это был 1949 год, принесший много бедствий и в других местах для тех, кто по тем или иным обстоятельствам должны были находиться в высокогорных зонах, где природа накапливает запасы влаги, которой летом люди в долинах могли бы орошать свои поля. Гребень Ферганского хребта, как и весь Тянь-Шань и вся Памиро-Алайская система, — это именно та область, где образуются эти кладовые воды, питающие и дающие жизнь всей Средней Азии. Буровые стояли вблизи границы Тяньшанской и Ошской областей, соседствовавших здесь по гребню Ферганского хребта.

«Аркалыки», то есть «люди из-за рубежа» («зарубежники» или «захребетники»), для жителей Ферганской долины считаются далекими и обособленными племенами, здесь же они непосредственные соседи и даже родственники. В Ферганских аулах говорят: «О, это поет аркалык». А аркалык говорит про ферганца: «Аркалык едет!».

Аркалыки Тянь-Шаня считают, что лучшие мастера песни — это ферганцы, а последние убеждены, что лучшие песни — аркалыкские, и лошади у них лучше, и невесты красивее, и наездники искуснее. Однако в прежние времена каждый аркалык-коневода мечтал привезти себе жеребца из Ферганы. Что было несомненным, и на этом все сходились, — это то, что аркалыкские конокрады и воры на голову выше ферганских, хотя без помощи последних им не удавалась ни одна кража: ведь издавна существует воровской обычай — аркалык может сбить лошадь только за Дарьей — и наоборот. Поэтому конокрады — лучшие знатоки лошадиных пород и их хозяев. Истинный конокрад даже ночью по силуэту может определить — чью лошадь ведут, и если ее ведут по той тропе, которая рекомендована обычаем, — он не совершит преступления против морали, если совершит насилие и отнимет (когда окажется сильнее) у своего соратника лошадь и может открыто сообщить об этом главному конокраду или совету главарей. Искусные конокрады пользовались всеобщей славой и даже уважением. Они знали много секретов, умели их хранить, ремесло их почиталось почти как наука и освящено было обычаем. Но тот, что неумело украл и попался, — пусть не взыщет, если его даже четвертуют, побьют камнями и устроят самосуд. Это тоже обычай.

Советский строй так изменил всю эту обстановку, что конокрадство стало безумием:

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

лошадь некуда сбить, нечем прокормить; организация дела разрушилась сама собой, наука стала ненужной, и то, кто украдет, — обязательно попадет; об его отсутствии аул знает уже в тот же день, а конные базары исчезли с лица земли, как пережиток. Но там, где мы побывали в 1949 году — на границе между Тяньшанской и Ошской областями, где встречались еще люди, старые знакомые, жившие при другой обстановке и еще недоумевавшие: куда это все подевалось?! Кое-какие следы этого старого заставили вспомнить и то, что раньше было связано с ними.

Конечно, и картины басмачества, и коллективизация, охотничьи экспедиции и остатки старых обычаев, а теперь нарождающийся новый быт — все это волновало, заставляло вспомнить и многое трагическое и радужное, смешное и грустное. Если я сам постиг диалектику и понял сущность марксизма лишь в 1938 году, то как тяжело было постигать смысл происходившего людям неграмотным, цеплявшимся за жизнь, не зная, куда она идет и что будет за пределами того перевала истории, за которым живут и будут жить не просто «аркалыки», а люди нового склада, новых обычаев, новых требований и вкусов, о которых здесь, в глуши Туюкских и Каргашинских ущелий без книг ничего не узнаешь. А книг этих здесь нет. Правда, дети учатся, но детские книги не умеют рассказывать о жизни старым охотникам и козлодерам, которую им приходится строить.

Внизу есть киргизский колхоз «Эркин» — Может быть, это маяк? У них электричество, у каждого колхозника дом, садик, есть своя электростанция, артельная мельница, артельный клуб, школа, больница, библиотека. Когда наводнение затопило многие поля других колхозов, то жители «Эркина», не исключая стариков, женщин и детей, вышли на строительство дамбы и не отдали разбушевавшейся стихии отнять ни одного клочка их земли. Они стали жить даже лучше, чем русские в поселке Мирзаки. Да, это был хороший пример. «Маяк» в полном смысле этого слова. Все планы этот колхоз выполнял первым и всегда с превышением. Скотина у него не худела даже зимой — и этому все удивлялись (а киргиз знает, что это значит!).

Но... на следующий год, расспрашивая об этом колхозе одного из приехавших в Ташкент мирзакинцев, я узнал, что председатель колхоза «Эркин», создававший его на протяжении 25 лет, — осужден на 20 лет тюремного заключения и лагерей, и все в колхозе теперь по другому. Почему же? Как могли разрушить этот очаг культуры или прямо сказать — коммунизма?! Оказывается, раис ... распорядился после выполнения плана хлебозаготовок раздать колхозникам авансом в счет трудодней по 7 кг хлеба — и на основании закона «от 7 августа» его обвинили в государственном преступлении. Конечно, после смерти Сталина в 1953 году этого раиса реабилитировали, но дожил ли он до этого дня и, если дожил, то заросла ли у него потом рана в сердце, а также и рана всего колхоза и общества?

Хотя и говорится, что на одном энтузиазме коммунизма не построишь, но и энтузиазм надо беречь, как самое сердце революционного созидания. Без энтузиазма нет броска, нет поэзии, нет счастья в общественной жизни. Энтузиазм колхоза «Эркин» был разрушен безжалостно и грубо, как только умеют это делать бюрократы и равнодушные ко всему люди, каких немало породило сталинское время, которое как бы исподволь от случая к случаю возвращало нас на старый путь реакции, породившей и Аракчеева, и Порт-артурского Стесселя, продавшего свою крепость японцам, как писали в газетах всего мира, и, наконец, целую галерею казнокрадов, взяточников, продажных прокуроров, секретарей, завмагов, экспедиторов, раисов, кассиров и многих, многих других должностных лиц, состоящих на государственной, партийной или общественной службе и занимающих должности, позволяющие им набивать свой карман за счет общественного. Бюрократизм и стяжательство, укоренившиеся за сталинское время, образовавшие костяк всей

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

государственной машины, будет труднее всего искоренить нашему обществу. Вот тут очень нужен будет энтузиазм, без которого не обойтись в этой революции, энтузиазм, который прежде всего хотели убить в народе бюрократы. Они преуспели в этом до того, что передают свои навыки нашим детям. Анекдот рассказали даже в календаре: ребенок говорит своей маме — «Мама, купи побольше конфет и мороженого; комиссия у меня будет принимать стройку» (нарисовано детское строительство — домики из снега и подручного материала, заборы и заводские трубы). Мальчик, как видим, отлично усвоил всю формальную сторону процедуры приемки-сдачи, за которой скрыта ее сущность — сухая ложка рот дерет.

Выставка в ССХ этюдов Каргашинских, а также Кумышканских и Гаурдакских, которые я сделал за то же лето до поездки в Туюк, прошла очень оживленно. Публика была признательна за искренность, правдивость, благодарила за пережитое — «будто мы побывали в горах и пустыне», а художники и искусствоведы старались разглядеть «кухню», подносили к глазам, вертели в руках с вопросом — как это сделано, как положен мазок. Несмотря на мои объяснения, что не в мазке дело, а в соблюдении принципа диалектики, гармонии, единства и развития отношений пространственной, объемной формы — на это загадочно улыбались, без всякой веры в мои слова.

В Гаурдак

Поездка в Гаурдак была совершена мной по поручению геологического института Академии наук УзССР. Выехал со станции Мукры на водовозной машине. Поселок Гаурдак снабжался амударьинской водой, хотя отстоял от Дарьи за 60 километров. На станции пограничники проверили мои документы и мы выехали.

Станция стояла на краю пустыни. Ветерок тянул за машиной целые шлейфы песка, затем песок стал бить в ветровое стекло; ветер все усиливался, появились миражи, потом небо стало заволакивать песчаной бурей, видимость упала и мы начали сигналить и двигаться все медленнее, и незаметно для себя шофер стал кружить; вдруг мы обнаружили, что недавно проезжали это место, а теперь снова едем мимо этих кустов и бугорков. Шофер остановил машину — глаза засыпало песком даже в кабине. Мы поспорили: он говорит сюда, я говорю — нет, туда надо ехать. Он мне не верит, я — человек новый здесь, а он каждый день делает два рейса туда и обратно. Шофер поехал так, как ему казалось правильным, и через два-три часа мы вынуждены были остановиться, т.к. настала ночь. Дождались утра — и увидели, что мы стоим возле станции — откуда накануне утром выехали. Погода успокоилась и через два часа быстрой езды мы были в Гаурдаке. По пути видели одного джейрана-самку и... следы волков. Это была для меня новость — в таком отдалении от воды и вдруг волки — этого я никогда не наблюдал раньше.

В поселке геологов, я нанял рабочего для ведения лагерного хозяйства: охранять палатку в мое отсутствие, готовить пищу, привозить воду и продукты. Особенно важно было для меня добывать кислое молоко, т.к. я сидел на строгой диете. Нужна была еще и собака — пришлось за 60 рублей купить 5-ти месячного щенка, очень рослого, с крупными лапами, обрезанными ушами и черной мордой; масти — волчьей. Это был типичный представитель ценной породы туркменской овчарки.

Утром мы выехали на машине, развозившей по буровым рабочим. Только выехали за поселок — тревога, стрельба, крики, лай собак; волки пришли в поселок и напали на овец, собаки отняли овцу, у которой уже не было курдюка, и теперь преследовали волков вместе с чабанами. Мы постояли — и поехали, т.к. помощи оказать не могли. По дороге перед нами подняла голову кобра — ее заметили и стали показывать друг другу и шоферу; наконец, тот сам увидел ее и направил машину прямо на змею, дав при этом газу; но переехав ее и

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

оглянувшись назад, мы увидели, ко всеобщему нашему огорчению, что кобра невинна. Даже зная, что на машине мы в безопасности — все же поджилки тряслись — чем черт не шутит. Рабочие рассказывали, что недавно, идя на буровую в вечернюю смену, кобра укусила одного рабочего и пока его довели до поселка — он уже умер.

Невдалеке от буровой я выбрал себе местечко и мы поставили палатку вблизи дороги, по которой водовоз доставляет ежедневно на буровые воду — на каждого человека полагалось в сутки одно ведро воды.

Хотя стоял май месяц и днем солнце палило нещадно, на северных склонах холмов бурно цвели желтые стройные дельфиниусы. Мой овчар сразу приступил к несению службы охраны, я любовался им, восхищался и не мог нарадоваться на удачную покупку. По ночам он не спал, как все живое в пустыне, чутко прислушивался и реагировал на любой шорох, стараясь при этом встать с наветренной стороны и определить — что это такое. Уже с заходом солнца он поднимался и медленно обходил весь лагерь кругом, держась от него на 20-40 метров. Это была необычайная смелость для собаки, тем более щенка. Тут я отдал должное этой породе, выведенной тысячелетиями. Мой рабочий — парень лет 18-ти, тоже был замечательным в своем роде представителем пустыни: он экономил энергию в каждом движении: действовал медленно и поднять его днем было почти невозможно.

Я взял его с собой, чтобы он помог донести мне мои вещи до места, где я буду писать этюд. Мы отошли от лагеря на километр. Я выбрал место и, пятясь задом, уточнял свою позицию, где должен стоять мольберт. Вдруг мой помощник кричит: «Ты умер, ты умер!», а сам смотрит мне под ноги и показывает пальцем, сам нацеливаясь сорваться с места и бежать; я посмотрел себе под ноги — каракурт! Осторожно подняв ногу, обутую в сапог, я быстро притопнул его, надеясь задавить паука. Но когда я отнял ногу, чтобы взять паука — его не оказалось ни там, где он находился, ни поблизости. Он сидел на куче валежника и куда скрылся — невозможно было понять. Ковыряться здесь было опасно и я вынужден был искать другое место для своего этюда и теперь уже был осторожен. Полмесяца я провел здесь в пустыне, но не видел больше ни кобры, ни каракуртов.

В старом русле, в ложбине было небольшое озерцо — вода в нем была горько-соленая, тем не менее сюда на водопой приходили джейраны, волки и лисицы. Однажды ветерок донес до меня запах падали — я решил, что здесь должна быть нора волчицы и, взяв ружье, отправился на поиски. Мне пришлось пройти километра два — запахи все усиливались, и, наконец, я подошел к высокому красному обрыву, в нише которого было гнездо беркута. Внизу под гнездом, разлагаясь на солнце и источая страшный смрад, валялись трупы такого количества разных зверей и птиц, что трудно было поверить, что это лишь «объедки» обильного стола хищников. Ради прокормления одного единственного птенца родители таскали ему лисиц, пойманных в пустыне, фазанов, которые водятся только в тугаях Амударьи, то есть не ближе как за 60 км; ягнята, ящерицы, желтопузики, молодой джейран — пищи доставлено было в несколько раз больше того, что может съесть их птенец, но ведь что-то и сами они должны есть! Чудовищный вред приносят охотничьему хозяйству эти хищники, но... все в природе так или иначе сгармонировано и ведь известен случай, когда в Швеции охотники истребили всех хищников, а вслед за этим перевелись у них все тетерева: их заели вши. Хищник ловит прежде всего большую и слабую птицу, которая может быть рассадником заразы, и выступают, следовательно, в роли санитаров. Но почему эту падаль не подбирают ни грифы, ни волки, которых здесь много? — Это тоже было для меня загадкой, совершенно непонятной. Ведь если запах падали привел сюда человека, то почему он не приворожил сюда хищников, рыскающих по пустыне в поисках этой своей пищи? Может быть беркуты не разрешают им этого? Кто знает, что тут за правила. С пустыней я еще мало был знаком тогда и эти вопросы не мог разрешить на месте.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Живописью мне заниматься было трудно, т.к. весь день из-за своего сердца я вынужден был лежать в тени, время от времени брызгая на себя водой, а короткие зори были очень изменчивы и мне не удавалось добиться в этюдах цельности. Я их переписывал один за другим или просто уничтожал. Заказчик взял у меня лишь один этюд из этой серии, и один у меня купила закупочная комиссия в Москве для географического факультета МГУ.

Собаку свою я не смог привезти в Ташкент: на железнодорожной станции потребовали свидетельство о ветосмотре, а врача не было — он жил на следующей станции. А чтобы на нее проехать, опять-таки нужно было свидетельство ветврача и специальный пропуск, т.к. это тоже в пограничной зоне. Так я его и оставил своему шоферу. Как он писал, пес вырос огромный и страшный.

Снова в Чимгане

На следующий 1950 год у меня не было работы у геологов, т.к. сузились возможности штатного расписания, должности художника, как такового, не было и я устроился в Чимгане в санатории, обязавшись для клуба написать картину, имея от санатория комнату и стол. Тут я познакомился с Валериком и Колей Лазаренко, которые рисовали под моим руководством и сопровождали меня в моих небольших походах за этюдами.

С этого времени у меня не прерывалась дружба с ними, а вот недавно, числа 20 декабря, в воскресенье, и Валерик (теперь он конструктор Ядерного института), и Коля (токарь) уже со своими женами, а Коля еще и с дочкой, Валерик — с мамашей Людмилой Ивановной, побывали у меня. Вспоминали Чимган — это их детство.

В Чимганском колхозе им.Фрунзе, по соседству с моим домом жили казахско-колхозники. Я подружился с соседом — инвалидом Отечественной войны, у которого на бугорке склона Малого Чимгана, на бережку колхозного арыка, который я рисовал с увлечением, с его прибрежными кустами и тополями, осокорьями — была довольно обширная постройка. Одной ноги по колено у него не было — ее заменяла деревяшка. Тем не менее он ходил без палки и без костылей и нанимался обрабатывать огороды у жителей Чимгана. Работы у него хватало и на судьбу он не жаловался.

Чимган, как и весь Бостандыкский район, входил в территорию Казахстана и под носом у столицы Узбекистана была удручающая картина своевластия и бесхозяйственности. Насколько в колхозе поднималась производительность труда можно было судить по моей соседке-колхознице, исполнявшей роль заведующей птицеводческой фермы. На ферме было 10 куриц, и над ними — одна заведующая. Что может принести колхозу такая «ферма» и во что оценивается труд ее «заведующей»?

Заведующая фермой на следующий день принесла мне в рукаве десяток яиц и сказала, что достала их в кишлаке. Когда я поехал в Хумсан, чтобы там поработать над этюдами, сельсовет потребовал у меня разрешение на эту работу. Пришлось ехать в Бостандык — районный центр и обратиться к секретарю райкома — т.Сексенбаеву. Сексенбаев сказал мне буквально следующее: «Я Вам запрещаю рисовать в Хумсане, потому что Узбекистан все время добивается того, чтобы отторгнуть Бостандыкский район и прибрать его к рукам, а когда он увидит по Вашим этюдам, насколько красива эта местность — он тем более будет стараться завладеть им».

Через несколько лет, однако, Бостандык стал узбекским и Ташкент стал приводить в порядок свою здравницу, в которую националисты типа Сексенбаева не желали даже строить дорогу из Ташкента и чинили ряд других препятствий по пословице: «Собака на сене: сама не ест и другим не дает». Теперь Чимган и столица — одно целое. Даже зимой туда идут автобусы, т.к. Чимган — впервые в истории стал лыжной базой Ташкента и в дни отдыха

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

ташкентцы стремятся побывать там.

Это чудесное место становится все более и более доступным, а с постройкой Чарвакского водохранилища и гидростанции район преобразится и все его природные ресурсы обратятся на пользу народу. Жалок же был ум и сердце Сексенбаева, если он всячески стремился затормозить освоение этого богатейшего и прекраснейшего района ради своих по феодальному привитых и узко националистических политических установок.

Мой сосед-инвалид за лето так привязался ко мне, что заходил ко мне почти ежедневно: интересовался моими этюдами и следил, как они подвигаются. Мне это было тоже приятно. Потом он стал приглашать меня к себе — живи, говорит, бесплатно, дом у меня большой. Я ему говорил на это, что казенный дом — лучше, построен по-европейски с деревянными полами и большими светлыми окнами, но это его не убеждало. — У меня, — говорит, — больше простора и на крыше можно спать, а, главное, — мы всегда будем вместе чай пить, есть и беседовать. Так я к нему и не перешел, но память о радушном и стойком человеке сохранил добрую и навсегда.

На выставке этюдов на Всеволода Ивановича Романовского большое впечатление произвел мой этюд «Восход луны в Чимгане» (Над Гулькамом) и он купил его у меня и высказал свое пожелание иметь этюд Чирчика, который он очень любил. Обычно он отправлялся на своем старомодном автомобиле до Троицка, до Кибрая; там жена его оставляла; сама возвращалась, а он шел на Чирчик и там на галичном русле, оставшись в трусах, ходил, пел, любовался природой, купался и прятался от солнца в тени жидких кустиков тамариска. Возвращался пешком, отдохнувший от своих тяжелых трудов (В.И.Романовский — глава Ташкентской математической школы — всемирно известный ученый).

На Туркменском канале

В конце апреля 1951 года по командировке Союза художников Узбекистана я выехал на строительство Большого Туркменского канала, начало которого намечалось у каменной площадки Тахиаташ (в переводе с туркменского значит «каменная тубетейка»). Здесь, по преданию, разбойники подкарауливали барки купцов, прижимавшихся течением к берегу, и грабили их. Работали на строительстве заключенные, их лагеря, обнесенные колючей проволокой и сторожевыми башнями, растянулись от берегов Амударьи вглубь пустыни по будущей трассе канала, который намечалось вывести к Красноводску. (Со смертью Сталина в 1953 году стройку законсервировали, т.к. она была недостаточно подготовлена). На трассе были участки с глубиной песка в 300 метров; их пришлось бы сплошь бетонировать, иначе вода без остатка ушла бы в песок, а песка для бетонирования на месте не было (пустынный песок не годится для этого, т.к. слишком мелок — это все равно, что бетонировать без заполнителя — одним цементом и «пионерканал» для доставки воды с этой целью тоже провести невозможно). Но тогда все были преисполнены оптимизма и считали, что они находятся на великой стройке. Начальником стройки был Калюжный.

Я устроился на берегу Амударьи, в фанерной постройке конторы склада; в одной комнате было служебное помещение, в другой — общежитие. Тут жили завскладом Семенов, бухгалтер и третья койка была моя. Рядом прямо на песчаный берег выгружали товары, фанеру, доски, а лес доставляли в сплотках и он до выгрузки оставался в запани. Ниже Тахиаташа в 4 километрах был заголовок канала Кызкеткен (девочка утонула), проходивший возле Нукуса и орошавший нижележащие земли правобережья Каракалпакии.

Я давно мечтал побывать в Каракалпакии и потому с радостью наблюдал ее

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

население, быт, постройки.

На базаре я увидел впечатляющую картину, которая до сих пор стоит у меня перед глазами: старинные арбы на маленьких колесах с железными шинами; хомуты, могонтырыки, седелки, ремни, вся сбруя украшенная камнями, шитьем и раковинами — перенесли меня в те далекие исторические времена, когда еще Дарий пытался покорить эту страну. Предания сохранили нам красочную и героическую летопись этой эпохи. Женщины были в ярких одеждах, ребятишки разодеты в бархат, шелка и перья. — Как зовут малыша? — обратился я к молодому отцу. «Масагит», — отвечал мне к моему изумлению с доброй доверчивой улыбкой смуглый джигит. «Масагет», — повторил я. — Да, да Масагит, — повторил он. Да ведь это как раз то племя, которое пленило Дария, и о котором история повествует вот уже вторую тысячу лет!

Совпадение ли это или мальчик действительно назван в честь древних героев? К сожалению, отец его оказался неграмотным, истории не читал, и о своих предках ничего не мог рассказать, и вообще впервые слышит о древней истории своей земли. Дальше последнего хана его сведения, полученные из устных рассказов, не шли. — Что за изображение на домах над окнами? — спросил я его. (Это древняя традиция в любом Каракалпакском орнаменте, ведущаяся от «культу барана»). Он сказал, что это вообще красиво, всем нравится и потому каждый хочет, чтобы на стенах его дома было это изображение, а что оно означает — он не знает. (Оказывается, этот орнамент обнаружен при раскопках Топрак-калы — памятника IV-I веков до нашей эры и памятников первых веков нашей эры). На базаре продавался ковер с изображением юрты, пустыни, стада баранов, верблюдов, коров — за 5 тысяч рублей. Этих денег у меня не нашлось и я до сих пор жалею, что не мог купить этот редкостный ковер. Краски ковра были таковы, что они годились бы и для живописной картины: очень трудно изобразить пустыню так красочно, и многому можно было бы поучиться у этих художников в их интерпретации красочной гармонии пустыни, которая нам кажется бесцветной и скучной, а им — красотой и полной жизни. Я, например, в своих этюдах так и не смог овладеть красочной гармонией пустыни. Я почувствовал, что мне нужно поработать здесь несколько лет, чтобы понять эту палитру так, как поняли ее местные ковровщицы-художницы.

На 1 мая, когда я писал этюд на берегу Амударьи, вдруг раздались выстрелы: охрана подняла тревогу и срочно приказала строиться лагерникам в колонну и с криками, свистками и автоматными очередями они повели эту колонну в свой лагерь, а стихия начала бушевать все сильнее — надвигалась песчаная (пыльная) буря; небо заволакивали тучи песка: на горизонте шла стена смерчей.

Ветер усиливался. Доски и фанеру укрепляли бревнами. Налетевший вихрь разметал стопку фанеры, разбросав ее по Дарье и на том берегу ее (2-4 километра) одному рабочему оторвало голову. Все погребло песком. В нашей спальне кроватей не было видно — через щели песку набилось в комнате на полметра, а у изголовья — около метра. Меня провели под руки, т.к. я смотрел на бурю во все глаза, стараясь запомнить ее — и глаза мне засыпало песком. Прозрел я, лишь когда мне дали воды промыть глаза. Шофер рассказал случай — он возвращался из пустыни и его застала буря. Включил фары, сигналил и двигался очень медленно. Вдруг заметил что-то на дороге — перед фарами оказалась женщина, беременная, шедшая в больницу. Глаза ей засыпало песком и она ничего не видела: шофер подвез ее к каналу, промыл ей глаза и вот привез ее, чтобы передать в роддом.

По памяти тут же я написал этюд — «песчаная буря» (Чанглоу) с буровой, только что поставленной здесь и машиной, удирающей от бури с зажженными фарами. Над массами пыли, освещенными сверху солнцем, летел самолет, придерживающийся здесь обычно в 4 тысячи метров — высота пыльного облака; судя по самолету, была около 2 тысяч метров.

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

Запасы воды у людей, отправляющихся в пустыню, обычно ограничены и поэтому песчаная буря представляет собой страшную опасность.

Помимо того, что песком может занести вещи, животных, дорогу, людей может ослепить и лишить движения, но если она длится не несколько часов, а несколько дней, как бывает иногда, то целые караваны могут погибнуть, как это и бывало.

Этюд в Тахиаташе мне не пришлось много писать. Я не успел даже изучить и привыкнуть к палитре; все этюды получились сырые. Писать можно было только на рассвете, на заре, до восхода солнца и при заходе солнца. Как только всходило солнце — все краски меркли: поднимался ветер с песком, горизонт окутывался вуалью, небо становилось мертвенно-бесцветным, а песок засыпал краски на палитре. К заходу солнца ветер, как по команде, стихал и вдруг все преображалось: дышалось полной грудью, воздух становился чист и приятен, пол неба окрашивалось в золото, которое постепенно гасло, сгущая краски до малинового багрянца над лилово-сизой полоской у самого горизонта. Наступала отрадная ночь, прелесть которой можно было постичь только в пустыне. Только сознание того, что за день ничего не смог сделать в живописи, омрачало это отдохновение на лоне бархатной тихой ночи, убранной мириадами крупных и мелких светил, засыпанных золотым песком «саманной дороги» (млечного пути).

Воздух был настолько чист и сух, что весь «окоем», как выражался Ломоносов, до самой земли был усыпан звездами, а там, где гладь Амударьинской воды уходила до горизонта, эти звезды купались, мерцали и отражались в воде до самого берега, на котором сидишь и слушаешь, как проголодавшийся сом обследует с чмоканьем берег, с гулким эхом разнося всплеск, и пушечный гром падения тысячетонной стены подмытого обрыва.

Контролер пассажирского катера пригласил меня на воскресенье к себе в гости — в Ходжейли. Предстояло полюбоваться 15 километровым участком Дарьи и посмотреть старый поселок, когда-то стоявший на берегу Дарьи, а теперь, Дарья ушла от него на 4 километра (все реки движутся у нас на восток, почему и Турткуль, бывший пост. Александровск, оказался смытым Дарьей. Новый город строится в 4 километрах от старого, последние кварталы которого уже брошены и улицы обрываются прямо в Дарью, висая над ней на 10-15 метров).

Я, как гость, запасся вином, чтобы угостить хозяина за его любезность — и мы отправились. Этюд мне писать не удалось и я наслаждался сменяющейся картиной берега, правда, однообразного. Дома у моего хозяина почти никого и не было — все обитатели его разошлись по гостям. Мой хозяин был уже «под мухой» и непрерывно рассказывал о своей жизни, о том как воевал и в подтверждение своих слов достал с печки кучу орденов и медалей, причем редкая из них не была омыта кровью. Передо мной был один из замечательных героев Великой Отечественной войны, показавший миру стойкость наших воинов. Но стойкость на войне — это одно, другое дело — условия мирной жизни: наш герой много стал пить и пьянка его все больше поглощает. На войне была великая цель, тяжелая служба, требовавшая полной отдачи сил, здесь — как-то он не находит такой большой цели.

Через неделю мне удалось съездить посмотреть Куня Ургенч, его мавзолей, башни, народ, а потом меня вызвал телеграммой Союз художников на съезд, где я должен отчитываться как председатель Ревкомиссии. Я быстро собрался. Прихожу на пристань. Катер вернулся из последнего рейса и больше не пойдет. Что делать? Вдруг вижу: мой знакомый контролер приказывает команде заводить дизеля, а меня приглашает на палубу — катер отправился в новый рейс до Кызкешкен ради одного пассажира! И денег за проезд с меня не взял. И все это — по душевному расположению, ради человека, к которому он почувствовал бескорыстное расположение. По национальности он был татарин, душой чист, как здешний туркмен, а чувство товарищества он взял на войне. Большое, чистое и доброе

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

сердце — а человек гаснет, не находит себе применения, где бы вся его душа могла раскрыться на работе, в труде, среди людей. Как у нас еще не устроена эта жизнь и сколько еще гибнет хорошего материала — как деревья в саду, который перестали поливать.

Я прибыл вовремя к самолету и улетел в Ташкент, надеясь, что Союз продлит мне командировку потом, однако, Союз этого не сделал. Работа осталась незавершенной, мои художественные принадлежности так и остались на Туркменском Большом канале, который потом законсервировали.

В доме творчества в Хосте

1951 год завершился поездкой в дом творчества в Хосте. Там я очень подружился с замечательным художником, Шевердяном. Мы с ним каждый день писали этюды, были всегда вместе; вечерами в нашем «салоне» он обычно играл на рояле и пел. Он 10 лет был солистом Тбилисской студии радио, а теперь живет в Ереване; очень любит свой город, гордится его архитектурой. Мы с ним долго переписывались, но потом переписка наша затихла и мы потеряли друг друга из вида.

Между прочим, был такой случай: приехал Сталин. Его поезд остановился против нашего дома: об этом нам сказал завхоз, а мы узнали сами на следующий день по обстоятельствам: ко мне подошел на берегу залива человек, который, хотя и был в штатском, но я понял, что это — работник охраны. Он спросил, что это я здесь «малюю» и без разговоров велел «сматывать свои мольберты» и здесь не появляться больше. Что было протестовать — лезть на рожон?! Я свернул свои «мольберты» и вернулся восвояси. Не было моего товарища — Шевердяна. Мы забеспокоились. Через некоторое время он приходит совсем расстроенный и бледный. Его, оказывается, привели к уполномоченному КГБ, учинили допрос и отобрали этюды! Мы всем домом направились ходатайствовать, т.к. у него отобрали подписку о явке. После наших ходатайств его отпустили.

Уже невозможно было писать этюды и мы стали ездить за 30-50 километров, стараясь забиться в такие углы, где никто нас не обнаружил бы. Ездили мы и в Ригу. Там я было попытался написать этюд речки — только начал, как мне велели какие-то приезжие «по доброму совету» скорее сматываться, что я и сделал, не считая нужным особенно искушать судьбу. Обуха плетью не перешибешь.

Срок пребывания в доме творчества кончился, я взял билет на поезд на следующий день и выехал в Ташкент. По приезде в Ташкент болезнь возобновилась и я три года ходил с палочкой, тренируясь возле дома, вокруг квартала; три года не сгибались пальцы и очень мучительно было мыть руки. Еще через год холецистит. Соблюдая строгий режим, изучал систему питания — поправился дома.

В Музее природы

Лишившись средств к жизни, лишенный заказов по линии художественного фонда и Союза художников, я поступил художником в Музей природы. В Музее я поставил условия: каждый год экспедиции, этюды — мои, а музеем на основании этих этюдов и изучения материала в поездках — эскизы и по договору устройство новых диорам.

Первая моя такая поездка состоялась в 1953 году, в год смерти Сталина и год поступления в Музей. Под моим начальством комплексная экспедиция в составе 8 научных работников — зоологов, энтомологов и ботаников выехали в пустыню Кызылкумы; мы проехали Голодную степь не по шоссе, а по следам древней «Тимуровской» дороги, от пос. Славянки на Джизак. Было часов десять утра, когда мы выехали в пустыню, где по

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

высушенной солнцем и ветрами земле намечались тысячи троп во всех направлениях, но ни одна не походила на «Тамерланову» дорогу. Я был «лоцманом» в этой пустыне и, сидя впереди слева на машине ГАЗ-51, оборудованной верхом, подавал шоферу команду: вправо-влево, прямо и т.д. Шофер, никогда не ездивший с экспедициями, через час такой езды остановился: латанная камера выпустила воздух. Жара была изнурительная — июльский полдень в пустыне под названием Голодная степь. У нас была с собой бочка воды и два десятка дынь и арбузов — мы были обеспечены всем на такое путешествие. Сейчас же все бросились к воде и каждому было выдано по кружке. Переменили камеру — еще по кружке. Поехали — через полчаса другая камера подвела, а потом третья. Ехать дальше нельзя — заплатки не держат, запасных целых камер нет. Остановились, решив продолжать путь ночью. С нами напросился ехать один дехканин из Джизака, который ни за что не хотел пересесть на другую машину, доказывая, что ему напрямик через пустыню тоже удобнее и ближе.

Теперь он был огорчен нашей неурядицей и не знал — правильно ли мы едем. Шофер клеил камеры и ворчал, уверяя, что мы теперь не выедем отсюда, придется бросить машину и идти пешком. Мы уселись в тени машины и принялись за дыни, а на нас со всех сторон поползли кузнечики и целым фронтом фаланги с подветренной стороны, откуда они слышали запах влаги. Выброшенные корки были сплошь облеплены крупными саранчуками, а фаланги, бегая по коленям, по спинам, подняли нас в панике на ноги, когда одна из них оказалась прямо на голове нашего охотника К-ва и оттуда начала сигнализировать мохнатыми лапами. Она была самой крупной из нападавших и мы принялись ее ловить щипцами и сажать в банку. Бывало, что в поле зрения оказывалось до 20 фаланг, стремительно двигавшихся на нас из-за редких кустов полыни. За два с половиной часа вынужденного сидения, мы, выбирая только самых крупных, наполнили ими большую банку, изловив таким образом 78 штук. Кроме этой добычи в пустыне в это время дня ничего не было — она оживает только ночью, когда солнце сядет за горизонт и даст ее обитателям желанную прохладу. Тогда пустыня кишит от обилия живущих в ней существ, которые спешат, ползут, бегут, скачут, летают по всем направлениям, исчерчивая ее своими следами там, где есть песок, но Голодная степь — глинистая пустыня, здесь никаких следов не остается. Земля крепка и тверда как цемент, высохшие травы ломает и уносит ветер, набивая ими только трещины, норы и углубления.

Солнце еще не зашло, когда мы снова тронулись в путь — повеяло ветерком. Скоро увидели Сардобу — колодец под сводчатым сооружением — мы ехали правильно. Да и сбиться с дороги теперь уже было невозможно, т.к. видны стали Нуратинские горы, у начала которых стоит кишлак, теперь уже районный центр Джизак. К этой седловине, прорезанной между Туркестанским и Нуратинским хребтами речкой Санзар и «Тамерлановым» ущельем, по которому идет железная дорога, мы и держали путь.

Колодец Сардоба представляет собой глубокую яму, на дне которой была вонючая вода, колодец стоял в углублении, куда со всех сторон по покатости земли стекались ручейки талой и дождевой воды — колодец накоплялся и вода его стояла до начала осени.

Колодец обозначал середину 130 километрового пути от Джизака до Славянки. Камеры теперь держались и мы быстро поглощали расстояние, однако до темна не успели быть в Джизаке и ночью продолжали свой путь уже по компасу и по звездам. Колхозник наш вскоре узнал свои поля и привел машину к себе в обширную курганчу на ночевку. Теперь это был радушный и доброжелательный хозяин, который заботливо угостил нас чаем, молоком и предоставил казан и кизяк для приготовления пищи — нас было все же 8 человек, пока еще не ужившихся между собой людей, каждый из которых преследовал свои цели в экспедиции — Ленинградский зоолог (которую мы потом прозвали «Би-би-си» за ее известные

Д.М.Милеев. Прекрасное - есть Жизнь!

склонности к столкновениям и особенности ее языка) изучала тушканчиков и считала, что это — главное в экспедиции — ловля их производилась ночью. Энтомологи, наоборот, стремились поехать днем и на каждой стоянке жить не более 2-3 дней. Художнику — мне, нужно было рисовать и иметь для этого многодневные стоянки. Охотник хотел стрелять джейранов и там, где их нет, он останавливаться не хотел. Шофер хотел зарабатывать и в пустыне, пассажиров не было и он проклинал ее и дела все, чтобы только скорее выбраться из нее, а нам предстояло в ней пробыть полтора месяца. Кроме того, ночью он боялся на остановках, слышавших о басмачах, ядовитых змеях, каракуртах, и цели экспедиции его совсем не устраивали.

В Джизаке мы нашли мастерскую, где вулканизировали камеры, и, как отзывались другие шоферы, — это был лучший мастер на всем пути от Термеза до Ташкента.

Действительно, после этой вулканизации наши камеры не расклеивались на жаре, да и сами мы, получив опыт, теперь избегали дневной жары, ездили только утром, вечером и ночью. Ночами было хорошо для машины, но нам нужно было смотреть и видеть, поэтому ночами мы пользовались лишь в том случае, когда можно было пожертвовать пейзажем и своими наблюдениями и когда рассчитывали быть в каком-нибудь пункте в то или иное назначенное время. Следующая наша ночевка теперь была километрах в 40 от Джизака. Мы остановились на берегу ручья, вытекавшего из одного из Нуратинских ущелий и впадавшего в речку Санзар, а далее в озеро Тускан. Наш охотник с утра направился на перелет бульдуруков и настрелял их штук 15. остальные члены экспедиции обследовали окрестности; под горой стояли развалины старого кишлака, разрушенного басмачами; три тутовых дерева доставили нам большое удовольствие своими плодами, за которыми, как мы выяснили, охотились: барсуки, лисы, собаки чабанов, сами чабаны, птицы, а за птицами — змеи и пара чеглоков, свивших свое гнездо в горах.

Пробыв здесь часов до 3 дня, мы двинулись дальше по хорошей твердой каменистой дороге, лежащей у подножия Нуратинского хребта и тянущейся километров на 300. По этой дороге можно ехать и в распутицу, т.к. она проходит по каменистым шлейфам хребта, уходящим далеко в пустыню, где их перекрывают сначала глины Голодной степи, а затем пески Кызылкумов.

Этими шлейфами образовано и озеро Тускан, протянувшееся в длину на 25 километров, а в ширину на 10.

Озеро мелкое и горько-соленое. Добываемая в нем поваренная соль развозится на верблюдах по отарам; она вполне пригодна в пищу.

По пути нам встретился кишлак (теперь это районный центр) Фариш (по-казахски — Париш).

Вдоль всего хребта тянется вниз белесая полоса солончаков, залитых зимой водой. Лишь осенью, когда вода высохнет, солончаки можно пересечь в одном месте — у колодца Узункудук. В других местах они непроходимы. Теперь, в 1964 году, сюда проникает вода из Араканского водохранилища, и на месте прежних солончаков образуется озеро. Полоса между гор и солончаками обрабатывается — кое-где здесь сеют пшеницу.

А у выхода почти каждого ущелья — таджикский кишлачок, утопающий в зелени, привлекающий прохладным уютом и причудливым узором каменных оград. В горах водятся архары, лисы, волки, барсуки; много кекликов. Среди таджиков есть хорошие охотники; в колхозах — зерновое хозяйство и животноводство. Совхоз Кызылча имеет тысяч 30 овец каракульской породы и начинает мелиорацию пастбищ путем подсева трав, рекомендованных ботанической станцией, расположенной на территории Бухарской области, у подножия Кульджуктау.